

Евгений
ШЕПЕЛЬСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений ШЕПЕЛЬСКИЙ

ЭЛЬФЫ, ТОПОР
И ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

ЭЛЬФЫ, ТОПОР
И ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

Не элите варвара, а если разозлили — молитесь

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Цикл Евгения Щепельского

Имею топор — готов путешествовать

Эльфы, топор и всё остальное

Евгений ШЕПЕЛЬСКИЙ

**ЭЛЬФЫ, ТОПОР
И ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ**

Ленинград
Издательский дом

2014

ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ш48

Серия основана в 2012 году
Выпуск 23

Оформление обложки В. Дворник

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется
по закону*

Шепельский Е.

Ш48 Эльфы, топор и всё остальное. — СПб.: Издательский дом «Ленинград», 2014. — 432 с.

ISBN 978-5-516-00180-2

Что? Да, собирается шторм. Видите кипень на волнах? Ветер крепчает. Держитесь за ванты!

Кажется, мы уже виделись. Я — Фатик Джарси, варвар, бывший герой по найму, бывший торговец, бывший банкрот и бывший холостяк. Меня едва не прикончили, но женщина с острыми ушами выдернула меня с того света. Отряд Альянса продолжает поход под моим руководством. С нами — наследник Империи, последняя надежда на победу и, черт подери, эльфы! А, ну и мелочи: моих эльфов тошнит от качки, а капитан корабля намерен прирезать половину моего отряда, но это только в том случае, если корабль не развалится от шторма. Хорошие перспективы, верно?

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-516-00180-2 © Шепельский Е., 2014
© Издательский дом «Ленинград», 2014

*Олесе Дмитриевой, без которой эта книга
никогда не была бы написана*

Кратко о прошлом

Выдержки из неизданной летописи «Гибель прежнего мира» за авторством придворного летописца Имперского Дома в Адварисе Айело Бри. Примечания по ходу написания летописи сделаны со слов Фатика Мегарона Джарси.

В тех драматических событиях, о которых я поведаю вам с должной и назначенной мне краткостью (ибо краткость, как известно, синонимична таланту, хотя это утверждение и спорно), основную роль сыграл мой повелитель, Фатик Мегарон Джарси, варвар с гор Джарси, известный ранее под прозвищем «Бешеный Топор»*. (*Ненавижу!*)

Сирота, ребенком найденный у подножия гор Джарси, он был воспитан в клане Мегарон как боевой варвар, которому должно мечом и топором добывать средства для существования клана.

Много лет затем он выполнял свое предназначение, явив миру пример редкой храбрости и отваги! Он снискал великую славу как выдающийся герой и свирепый варвар, он участвовал в сотнях схваток, спасал прекрасных дев, и от железной поступи его (*я чаще хромал*) содрогались земли обоих континентов. На долю его выпали необычайные приключения. (*Айело, пошел в задницу! Тысячу раз я говорил — пиши проще, не упоминай «приключения».* *От приключений растут волосы на ладонях!*) Он обрастал легендами (*а также щетиной и грязью в походах*), был суровым воином, мстителем и убийцей чудовищ. (*Айело, умерь славословия! Последнее предупреждение!*)

*Хронист повествует о событиях первой книги цикла — «Имею топор — готов путешествовать».

Однако в душе его постепенно вызревал конфликт с самим собой... Он осознал, что ему претит его предназначение, что душа его не стремится к героизму. (*К героизму по найму, Айело, подчеркиваю — к героизму по найму! Ну и вообще к героизму, конечно. Я хотел другой жизни.*)

В 1753 году Старой Эры он внезапно порвал с кланом Мегарон, оставил все и всяческие варварские дела и осел в Хараште вместе со своим напарником, Олником Гагабурком — вторым, выдающимся (*выдающийся? Предлагаю эпитет — «торчащий»*) и мудрым гномом из Зеренги. В Хараште, в течение пяти лет, Фатик пытался заниматься благородной торговлей, помогал неимущим и впитывал мудрость веков посредством чтения разнообразных научных книг, отвергая все заказы по своему основному профилю, пока — меня обязали писать чистую правду! — не был разорен завистниками и крючкотворами и не скатился на самое дно, оказавшись должен значительные суммы денег разным лицам.

Здесь его отыскивали двое эльфов из Витриума — мужчина и женщина, чей приезд запустил цепочку роковых событий, окончившихся приснопамятной битвой у стен Адвариса, сражением за Крепость и уничтожением... (*Об этом пока рано говорить.*) К тому же Фатик Джарси спас наш мир, о чем ведомо лишь избранным, к числу коих я отношу и себя!

Как известно, много лет назад над нашей несчастной (а ныне благословенной) Империей Фаленор навис злоеущий оскал Тавро Вортигена, человека, получившего запретные магические способности от Полночников, этих... (*Об этом пока рано говорить.*) Вортиген, смешав свою плоть с плотью демонов, обрел невиданную магическую мощь и физическую силу, и с небольшим числом сторонников, таких же обращенных, совершил дворцовый переворот. Он короновался императорской короной, сняв ее с окровавленного трупа императора Травельяна Гордфаэля. А затем умертвил всех, в ком была хотя бы капля крови правящей династии, умертвил безжалостно, нашел и убил по дворянским спискам даже малых детей. Все наследники правящей династии были уничтожены!

Он так думал. Но он ошибался. По прошествии лет выяснилось...

(Ближе к эльфам, Айело!)

Выяснилось, что именно эти непрошеные эльфы скупили большую часть векселей Фатика Джарси, они же привели за собой погоню — имперского смертоносца по имени Сколдинг Фрей, человека, обращенного Вортигеном в полудемона. (Часть векселей с подачи одной графини скупил некто Митризен, эльф-калека, заимодавец. Мерзкий тип, которому мы надавали по ушам. Гаденыш тоже хотел моей крови и едва не получил ее.) Эльфы представляли в Хараште Альянс сопротивления Вортигену, куда также входили люди Фаленора и Тоссара и гномы Шляйфергарда. Альянс направил отряд на Южный континент, в Дольмир, к Облачному Храму, где располагался Оракул Вопросы. Отряду нужен был проводник к Оракулу — герой. (Ага, как же, герой им был нужен, щас! Им был нужен лопух — умелый, замечу, лопух! Не кто иной, как я!) Фрей хотел помешать им достичь Оракула...

Эльфов было двое — мужчина и женщина. (Айело, ты повторяешься! Пиши далее!) Все время они обманывали Фатика, безжалостно играя с его судьбой... (вымарано) И до самого конца пути он не подозревал их истинных намерений! Ко времени же, когда разменная пешка внезапно стала ферзем, он... (вымарано)

Эльфы сделали ему предложение, от которого он попытался отказаться, но обстоятельства сложились таким хитроумным образом (в шииш они сложились, это точно!), что он случайно спас эльфов из лап Сколдинга Фрея, нанеся тяжкий вред его здоровью в опасном поединке (не люблю брехни: я победил его с помощью уловки. Пиши яснее и четче! Без этих вот «тяжкий вред здоровью» и прочих дрючек, иначе...), а затем был вынужден опекать их. После опаснейших перипетий в Хараште, что оборачивались и драмой, и курьезом (драмой и курьезом сейчас закончатся твои писульки!), он вывел их из города.

Неподалеку от Харашты их ждали другие члены отряда Альянса — пять человек и гном... («ша»... Я говорю — гномша! Нас там ждала горластая гномша, будь она неладна!) и гномша... Этот отряд и было предложено возглавить Фатику Мегарону Джарси. Он согласился...

(Ты забыл добавить, что девчонка из эльфов спасла мне жизнь, подставившись под стрелу. После этого я вынужден был возглавить отряд, хотя и поломался для вида. Ну да, и я на нее запал, тут ничего не попишешь... Слушай, Айело, вычеркни это потом. Если моя жена увидит...)

Обремененный чувством долга по отношению к прекрасной деве... *(яханный фонарь! Ты сейчас допишешься!)* Фатик Джарси отправился с отрядом в качестве его проводника и насальника. *(Грм! Ты бы еще написал: «насильника», немедленно исправь ошибку!)* И начальника. Отряд не искал сокровищ или могущественных артефактов. Отряду нужен был ответ Оракула, который можно купить ценой жизни разумного существа. Один ответ, от которого зависела судьба Империи и Альянса. *(Брехня! Не ответ им был нужен, а лютых, как цель для... Эх, как вспомню — так вздрогну!)* Вопрос звучал так: «Да — или нет?», и отряду требовался ответ «Да». Однако смысл вопроса утаили от Фатика... Он не знал, о ком или о чем будут вопрошать Оракула члены Альянса, как и не знал о том, кто из отряда намерен принести себя в жертву Оракулу!

Итак, отряд двинулся в путь — посуху, ибо морские пути перекрыли пираты Кроуба, ныне, как известно, уничтоженные рукою... *(вымарано)* С отрядом отправился также напарник Фатика, гном Олник. *(Слово «отправился» тут пиши как «отравился», точнее будет.)* Несколько драматических эпизодов, случившихся в пути, я опушу, однако замечу, что чувства Фатика Джарси и эльфийки, коя носила имя Виджи... *(вымарано)*

Означенный Фрей-смертоносец преследовал отряд и, если бы не хитроумная уловка Фатика Джарси, настиг бы его еще в Долине Харашты, что, несомненно, закончилось бы драмой. Предатели идей Альянса рассказали Вортигену о вопросе, и Фрей, как безумная гончая, стремился настичь отряд, чтобы его уничтожить. С помощью дьявольской магии он мог призывать гшаанов, демонических созданий, способных выслеживать людей и прочих разумных на расстоянии. Оторваться от Фрея не удалось. Развязка драмы наступила на перевале у моста через пропасть Дул-Меркарин. Убив смертоносца Внешнего Круга Адвариса в тяжком

поединке на раздвижном мосту, истекающий кровью из смертельной раны Фатик Джарси...

(«Ай» в начале твоего имени — пророческое. С этой минуты я своей властью добавлю к нему еще приставку «Ой» — сразу, как ты встанешь после розог с лавки! Так и будешь подписываться: «Ой-Айело», может, это научит тебя писать коротко и по существу. Стража!)

***Дописано Фатиком Джарси
(орфография и грамматика отредактированы
в скриптории Университета Просвещения
профессором изящной словесности Млинцем Шокиши)***

Все приходится делать самому... Про демона-шаграутта, от которого мы спрятались в колдовском колодце Отрицания, и чирвалов, которые меня и подрезали, я рассказывать не стану — незачем. Короче говоря, меня ранили. Рана, в общем, пустяковая — жить с ней можно где-то полчаса, а то и час, а с перевязкой можно протянуть и пару суток, точно вам говорю. Достаточно времени, чтобы пристукнуть смертоносца и отойти с моим отрядом на безопасное расстояние. Что я и сделал. Мост мы развели, и новые смертоносцы — а по наши души прибыли уже серьезные ребята во главе с Гродаром из Внутреннего Круга, с ним бы я не сладил, даже имей под рукой свой топор — остались с носом. Гродар озлился, я полагаю. Не суть. Мы отошли от моста, и тут-то я отрубился. Вроде как все.

Но на этом моя история не закончилась...

P.S. Чуть не забыл главное. Я же пропил в Харапште свой фамильный топор!

1

Если вам чудится, что вы померли, значит, вы еще живы. Плохо дело, когда в ваши сны ворвется голубокожая женщина без всяких признаков одежды, с длинными волосами цвета воронова крыла, с рубиновыми сосками, талией

размером с горлышко кувшина, чудным глубоким пупком, плавной линией бедер и ногами, способными свести с ума даже фанатичного приверженца celibата.

Женщина была в трех шагах от меня, в пространстве, которое заполнял белый сияющий свет.

Она смеялась, обнажив ровные зубки, и манила меня пальцем.

— Фати-и-ик! — звала она и что-то еще говорила, но я различал только свое имя, прочее поглощали гармонические обертоны ее голоса, они обволакивали, качали на ласковых волнах, но не давали подойти. Меня дразнили желанием, манили, но одновременно отталкивали. Как же мне хотелось... Ну, я не буду уточнять, чего именно мне хотелось, ибо приблизиться к ней я не мог.

Миндалевидные глаза, алые, цвета солнца на закате, с черными крупинками зрачков, были одержимы жадой чувственных усад...

— Фати-и-ик!

Краешком сознания я соображал, что дело плохо, и у меня галлюцинации. Именно что краешком. Иногда, очень редко, я выплывал из этого теплого омута, видел над собой румяное закатное небо, ветви деревьев, ощущал неровности дороги, слышал конское ржание и знакомые голоса... Я понимал, что меня куда-то везут. Я даже смутно различал лица, одно из которых не преминуло чихнуть рядом со мной.

Я был жив...

Я был жив, но не мог пошевелиться. Я не мог говорить, я не чувствовал боли от раны, хотя почикали меня основательно. Мной владели досада и желание снова нырнуть в чувственный омут к голубокожей красавице, хотя — я понимал это ясно — любой мой нырок мог оказаться последним. Но я все равно стремился туда попасть.

Я помнил бой с чирвалами и оскаленную рожу Фрея, и равнодушную личину Гродара, который плел заклятие, но все это словно бы произошло много-много лет назад и уже подернулось патиной, не вызывая прежних эмоций. Я помнил, что после того, как я прикончил имперского смертоносца, мы бежали, вернее, ковыляли под отсчет ударов сердца... Мы волокли раненых, а в спину вот-вот должно было

ударить заклятие. Я старался не упасть в обморок и протянул достаточно, чтобы мы отошли на безопасное расстояние.

...Я обернулся, увидел место побоища, смертоносцев на раздвижном мосту через Дул-Меркарин, и заклятых друзей из Харашты — капитана Керрита и самого Митризена, уродливого эльфа-заимодавца, прилипчивого, как клещ. Увидел обломки башни... Ее развалил демон. Нет, она сказала, что это *младенец* демона, просто несчастный обитатель иного мира... А как ее звали? Кого — ее? Ту золотоволосую, с острыми ушками...

— Фати-и-ик!

Не важно.

Омут. Богиня с голубой кожей. Чувственная власть женщины над мужчиной. Что ты говоришь мне, богиня?

* * *

Прошла вечность.

* * *

— А-а-апчхи-и-и!

— Гном, уходи по одному!

— Но как же... А может, понадобится чего? Воды вскипятить, перевязки... А-а-апчхи-и-и! Я могу, если надо...

— Изыди глотать свои камни!

— Какие еще камни, эркешш махандарр? Я хлебушек кушаю!

Знакомые голоса. Минутку... Олник! Квинтариминиэль! Имя тяжелое, как свинцовая чушка. И примерно так же он изъясняется на Общем, будто выучил его перед самым отъездом из эльфийского Витриума, вбил в голову сразу весь словарь, а потом случайно встряхнул черепушкой, так что слова слетели со своих полочек и здорово перемешались. Ну а когда он волнуется, смысл его речей вообще невозможно понять.

А... а где... *Виджи?*

— Дларма... Я хочу помочь другу!

— Изыди, или я покажу низ и сделаю тебе отвратительно!

— Караул!

Не знаю, что имел в виду принц, но эта угроза подействовала: раздался drobный топот и «А-а-апчхи-и-и!» (Олник страдал аллергией на эльфов, если вы помните) послышалось уже вдалеке.

Я моргнул. И сразу понял — у меня лихорадка. В рану от серпа чирвала, казалось, засунули раскаленные крючья и дергали за них каждые пару секунд. Взгляд заслоняли мерцающие пятна, круги, шары и тому подобное, но я все равно разобрал, что надо мной — бугристый каменный свод, на котором выгибаются отсветы костра.

— Очнулся. — Голос его высочества надутого индюка. Холодный палец оттянул мне нижнее веко. — Он лежит теперь в слитом качестве, не слышит нас и не видит...

(Чего-о-о? И вижу, и слышу! Правда, встать не могу, чтобы двинуть в острое ухо этому напыщенному недоноску!)

— ...Сие его последние часы, он скоро ускользнет от нас... Твое постановление?

— Аллинн тир аммен.

Виджи! Я попытался шевельнуть головой, но она весила пудов сорок.

Квакни-как-там-его тяжко вздохнул.

— Подумай! Наши дела показывают верх! Зодчий, что Сеет Пагубу, *вскрыт*, миньоны Вортигена — обмануты, а наследник престола... — Тут он сбился, прерывисто дыша. — Мы договорились: быть безжалостно и беспощадно для спасения многих!

— И лгать, — спокойно произнесла Виджи. Она находилась где-то по левую сторону от меня. — Обманывать без конца.

Говорили они, похоже, обо мне. Я не удивился. Я и так-то знал, что, несмотря на многочисленные уверения, эльфы брехали мне с самого начала, и еще Фрей, став перед смертью человеком, призывал не верить ушастым.

— Да, лгать! Моя плешь: лгать и лгать без конца и для блага! Солгать двоим, и спасти тысячи! Погубить одного, и выиграть будущее для многих! Это реальная сделка! Мы не

узко задумали, мы задумали широко! Что нам теперь наследник престола, скажи? Нам — вот здесь и сейчас?

— Аллин тир аммен.

Принц, кажется, шлепнул ладонью о ладонь. Ага, завелся! Очевидно, речь шла о серьезном выборе — причем выборе не его, а Виджи.

— Он варвар пограничного ума! Подумай: наши красивые принципы ради человека? Это неподъемно, запрещено! Это уже *не нужно!*

(Ах ты, гаденыш! Да ведь ты не хочешь оставлять меня в живых!)

— Какой-то варвар жалкой плешью...

(Что-о-о?.. Ну погоди, встану, высочество!)

— Рожденный с презренной кровью...

— Аллин тир аммен.

— Бог-ужасный! Совет от злости развратится! Тирвель Фарат захочет его крови!.. Твоя жизнь, Риэль... Я выкупил тебя у смерти. Теперь мне суждено... Ты хочешь горького куска моей судьбы?

— Аллин тир аммен.

— Дай ему гибели! Это уже не нужно!

Принц в запале перешел на эльфийский: *тьюи-тьюи-тив-тив-тив!* Канареечка на жердочке... Он горячился, что-то доказывал, но у Виджи был только один ответ — «аллин тир аммен». Я бы немало отдал, чтобы узнать его значение. Постепенно я перестал фокусироваться на эльфийских трелях, поскольку все равно ни черта в них не смыслил. Когда же принц внезапно перешел на Общий, я уловил только какие-то обрывки:

— ...зна... ют... что Фа... ик... наследник династии... кото... мы везем... Подумай крепко! Зачем? Теперь — незачем!

Наследник? Какой наследник? Чего наследник? Где это он наследил? И Фрей говорил о наследнике перед смертью... Плел несусветицу, называл меня государем...

Виджи ответила почти без паузы:

— Аллин тир аммен.

Суровая девчонка. Местами резкая, местами невыносимая (а местами — очень даже выносимая, кое-где — мягкая, где надо — упругая, но тс-с, я вам такого не говорил!), похо-

жая на комок оголенных нервов, но — с железным характером, с непреклонной волей. Однако наплачется тот эльф, которому она достанется в жены. Гм, гм...

Принц вздохнул:

— Твое решение. Я не смею противиться. Приступай.

К чему приступай?

Я решил сказать это вслух, но сердце резануло острой болью, и я провалился в омут.

— Ты снишься мне, Фатик! — насмешливо сказала голубокожая богиня.

Тут я сообразил открыть рот:

— А разве ты — не мое видение?

Она рассмеялась, запрокинув голову. У нее была точеная шея, тонкие ключицы, идеальные плечи.

— Все мы кому-то снимся. Сейчас — ты снишься мне.

Белое сияние дробилось в ее алых, весело прищуренных глазах.

— Я? Тебе? А-а-а... мнэ-э... гм!

— Не задавай вопросов. У нас еще будет время поговорить. А тебе — после нашего разговора — предстоит еще многое сделать.

— Например?

— Не задавай вопросов. Вскоре мы увидимся. Ты верно понял, я — богиня. И оторви взгляд от моей груди!

Роскошная галлюцинация расхохоталась. Мягкие перемены смеха накрыли меня теплой волной.

— Раньше я не мог различить слова твоей речи...

— Не задавай вопросов. Не сейчас. Я приложила много сил, чтобы до тебя дотянуться. Риэль — чудесная девушка, тебе повезло... Не обижай ее, и будь ей верен... после нашей встречи.

— Не понимаю... — Я наконец усек, что видение слишком... м-м-м... *реалистично* для обыкновенной галлюцинации.

— И не нужно. Верь мне. Она не отпустит тебя за порог.

Внезапно ладонь богини плавно толкнула меня в грудь, и я выпал из омута под пещерный свод.

В мою глотку настойчиво заливали какое-то горячее травяное пойло. Я закашлялся. Принц отнял кружку от моих губ.

— Вот он. Скорей! Нет времени, он почти *слился*!

Я лежал, а верней — полусидел на чем-то пружинящем, жестком. На лбу — испарина, рану все так же дергает, зато кое-как могу шевелиться. Виджи выступила из тени. Лицо холодное, замкнутое. Из одежды на ней были только золотые волосы, рассыпанные по плечам. Отблески костра придавали ее коже красноватый оттенок.

О... мой... бог...

— Есть два вопроса «да» или «нет», варвар! — сказал принц кисло. Остролицый гаденыш стоял с другой стороны лежа, завернутый в медно-багряную накидку. — Есть первый вопрос: «да» или «нет»?

Я разомкнул губы, учащенно дыша:

— Что значит... «да»? — Проклятуший эльф требовал от меня фактически такого же ответа, как и от Оракула! Странное совпадение...

Виджи сделала шаг вперед, нащупала мой взгляд. Глаза ее были огромны. «Да, — беззвучно произнесли ее губы. — Да, да, да...»

— Есть второй вопрос: «да» или «нет»? — повторил принц, и я понял, что если сейчас скажу «нет», мир для меня погаснет.

В другое время и в другом месте (и, конечно, при других обстоятельствах) я ни за что не позволил бы себе подписать договор, не читая. Но, видите ли, я отлично понимал, что дела мои — никудышны, и потому сказал свое «да», не отрываясь от серых глаз эльфийки.

Второй раз я купил кота в мешке, сказав «да» эльфам. Тупой варвар!

Принц издал звук, похожий на всхрап лошади, и выкинулся из пещеры; от входа тут же донесся громовой чих.

Виджи подошла ко мне, и... поверьте, мне стало не до осмысления договора.

2

Несколько часов спустя...

Несколько часов спустя я все еще был жив и, чувствуя

себя все лучше и лучше, без конца задавался вопросом: что, черт возьми, произошло?

Сначала, положив руки мне на грудь, Виджи вытянула из меня *смерть* — я это понимал очень четко: вот сейчас она вытягивает смерть из меня, как, очевидно, вытянул из нее смерть принц там, на самоходе карликов. Затем она скользнула под наш общий плащ и, прижавшись к моему плечу атласной щекой, уснула, тихо мурлыча. Клянусь вам, она мурлыкала! Безумно усталая, но довольная кошка...

Костер давно прогорел, и луна, отражаясь от устья пещеры, заполняла ее серовато-стальным тусклым блеском. Где-то вдалеке чихал мерзавец-гном.

Я лежал неподвижно, чувствуя, как силы вливаются в мое тело с каждым ударом сердца.

А она лежала рядом, самозабвенно мурлыча.

Перед самым рассветом она повернулась ко мне и впустила меня в свои сны. Они были светлыми и легкими, и я с удовольствием в них окунулся.

Пробуждение мне не понравилось.

3

Думая, что Виджи еще рядом, я в полусне протянул руку, чтобы запустить пятерню в ее пышную золотую гриву, а может, коснуться острого ушка.

Нащупал холодный мокрый пол.

— И-и-изверги!

— О-о-о-ой...

— А-а-апчхи-и-и!

Я резко открыл глаза, вдыхая прелый воздух. Надо мной простерлись стропила, обмахившиеся от пыли и паутины. Выше была дырчатая кровля, пробитая снопами золотистого солнечного света, в которых кружили пылинки. Вместе с прелью мой нос уловил странный запах, напомнивший о винокуренном заводе.

Я лежал на плаще, который сложили вдвое. За ним простирался влажный каменный пол. Оказывается, я был одет. Куртка, рубаха, штаны, ботинки, мой хитрый пояс с

припрятанным *покойником* — стеклянной колбой, в которой плещется алхимическая дрянь с запахом пекла, тайным оружием воров Харашты. Сердце бьется ровно, никаких признаков лихорадки, рана молчит, будто ее и не было. А вот желудок, напротив, зверствует. Я бы слопал лошадь вместе с подковами, если бы кто-то поджарил ее для меня.

Сунув руку под рубаху, на месте перевязок и раны я обнаружил длинный сглаженный шрам. Ого. Так сглаживает шрамы только время, или... что? А если это время, то — как долго меня не было... среди живых? И — я ли это на самом деле?

Я ощупал и осмотрел себя в некоторых других местах. Шрам от укуса кроутера, который я могу показать только любимой женщине — на месте. Подбородку по-прежнему недостает мужественности, а короткой шевелюре — густоты. На груди — все та же похабная татуировка... Рубец от удара топором на предплечье... Я, несомненно, это был я собственной персоной. Меня не переселили в иное тело каким-то магическим образом (хотя при нынешней квелой магии такое и невозможно). И слава богу.

— О-о-о-ой!

— И-и-изверги!

Так...

Я поднялся рывком. Увидел заплесневелые, в потеках фрески на стенах, узкие окна-бойницы на высоте человеческого роста, и понял, что нахожусь в заброшенном храме. Сбоку завалился на бок бронзовый позеленевший алтарь; рельеф изображал Чоза — голого по пояс человека с внушительной мускулатурой и с двумя рогами во лбу. Божество окружали семь пророков с семью же Невидимыми Дарами Чоза в воздетых руках (невидимые дары рассмотреть невозможно, и потому чеканщик изобразил их просто волнистыми линиями). Ростом пророки не доставали Чозу даже до подмышек. Младшие божества, все, включая Атрея, были Чозу по колено; они кружили вокруг пророков хоровод. Отдельно, в рост Чозу, был изображен Великий Сатрап и Последний Пророк Истинности — Криворун Орлин Тристи, тот самый, что двести лет назад, вдруг прозрев, понял, что у Чоза — не три, а два рога во лбу (Чоз явился ему во

сне, и об этом рассказал). Под это учение он быстрее быстрого отделил Фрайтор от Арконии, создав из бывшей провинции Свободную Сатрапию. Должность сатрапа, разумеется, передавалась по линии Тристи, точно корона. Семь Невидимых Даров Чоза теперь были и в столице Фрайтора, Сэлиджии, в Главном Храме Истины, на алтаре, на пуховых бархатных подушках, так сказать, запасной комплект. Криворун же распустил слух, что Невидимые Дары исчезли из Арконии и переданы ему, ибо арконийцы — упорствующие в ереси грешники. Теократия Арконии не уставала опровергать эту ложь, но доказать что-либо в ситуации, когда артефакты невидимы, и, мало того, практически никем неосязаемы, сами понимаете, очень сложно.

Так... Во всяком случае, это Фрайтор. Да и храм мне смутно знаком. Я огляделся.

Мой отряд был здесь, у стен, на плащах. Правда, балахонистые эльфийские накидки куда-то усвистали. Скареди дремал, выставив ногу, зажатую в лубки. Старый паладин выглядел совершенно разбитым... Рядом устроился Альбо — крепко связанный, заросший, с выпученными глазами. Ну, судя по выкрикам, архиепископ верховной коллегии Атрея, декан южной митрополии Фаленора, пастырь четырех архиепатрий и богослов высшей ступени в себя так и не пришел: слишком слаб оказался его разум, чтобы переварить шаграутта, чирвалов и страшную смерть хараштийских злодеев, которых Фрей опоил душеловкой. А это кто у стены напротив? Бог... ужасный! Только по золоченой пряжке на сапоге я опознал Монго Крейвена: его лицо превратилось в багровый шар, веки заплыли. Сублильного графа, такое впечатление, избивали, накрутив на руку мокрое полотенце. После этой процедуры физиономия отекает, как у пропойцы. Это Монго регулярно издавал протяжные стоны. Рядом скорчилась Имоен: у воспитанницы друидов Тоссара лицо бледное, несчастное, руки на животе, смотрит взглядом побитой собачки. У запертых дверей расположилась Крессинда. Бедовая гномша тяжело взглянула на меня и вяло махнула рукой. Кто-то разбил ей губу и превратил нос в спелую помидорину.

Обитая железными полосами дверь, что характерно, заперта снаружи. Во всяком случае, мне так показалось.

Гритт!

Стоило оставить их без присмотра, как они вляпались... Оружия нет, ясно, что мы пленники. Но чьи? Фрайтора? Разбойничьей шайки? Или, быть может, смертоносцев Вортигена?

Погоди, а Олник? А мои эльфы? Где мои эльфы?

Где Виджи?

Меня вдруг накрыло горячей волной, я начал задыхаться. Это была ярость пополам с отчаянием. Если... если ее...

— А-а-апчхи-и-и! Фатик!

Олник появился из-за алтаря. Шея бывшего напарника, мне так показалось, стала еще короче, голова — крупнее, а плечи — шире, ну а борода, пока я валялся без сознания, так и не начала расти. Гном щеголял разбитым носом, правое ухо горело как сигнальный фонарь. В руке какая-то деревяшка. Дубинка не дубинка, но разок хрястнуть по голове сойдет. Коленки в пыли, на бедрах — ни следа килта.

— Конец нам, Фатик, бздец, все!

Голос его был исполнен сдержанного оптимизма.

— Олник, где мои эльфы?

Он глянул мимо меня и поманил за алтарь.

— Давай-ка тут перемолвимся... Попали мы, Фатик, как кур в ошуп... в ощеп... в ощип, дларма!

— Эльфы... где?

— Ась? — Он приставил ладонь к налитому уху. — А, так местный ворожбит сцапал, да.

— Шаман?

— Вот да, шаман. Хрен его маму знает, баба он или мужик, пришел тут в звериной маске и какой-то соломенной дерюжке...

Звериная маска, дерюжка, все это мне знакомо. Спокойней, Фатик, тише...

— Гоблины?

— Вот да, гоблины. Коричневые рожи. Мы их, знаешь, в Зеренге, не очень-то... Шаманят, дождь нагоняют с грозой и молниями, чтобы нам досадить, — и это вместо честной драки! Мы-то в шаманстве ни бум-бум, дождик нагнать не умеем. А эти... Да я вот только с одним и корешился, когда в тюрьке мы с тобой, Фатик, сидели. А других не знал и знать не хочу!

Великая Торба, мы пленники коричневых гоблинов!

— Короче, Олник!

Он чихнул.

— Ну, ворожбит на них поглядел, проквашал по-своему, гоблины набежали и вывели... ну, твоих... этих... Да вот недавно ж совсем забрали, угу. И накидки эльфийские все-все прибрали. Он, этот колдунчик, что интересно, все время на тебя пялился, будто признал знакомого, а еще твою рану осмотрел. А эльфов он того, ну, этого... Я думаю, гоблины их кушать будут, вот... Эй, Фатик!

Я пришел в себя, сидя у стены рядом с алтарем. Олник обмахивал меня какой-то пыльной тряпкой, в которой я опознал обрывки килта. Когда в голове перестали жужжать и перестукиваться свинцовые шмели, я присел, глубоко вздохнул и решил убить бывшего напарника при первом удобном случае.

— Сильно били?

— Кого били?

— Эльфов, Олник, эльфов!

— А, не, наружу выпихнули просто. Странные они, эти гоблины. Лопочут чего-то на своем, гоблинском, а потом вдруг на Общем: «Соблаговолите!», и древками копий в спину тычут. Так и говорили, представь! Понахватались откуда-то Общего! Шаман и на меня раззявился, но я ему сразу сказал — меня есть нельзя, у меня подозрение на чуму и печенка на дождь ноет... Но, сдастся мне, нас они тоже схарчат, как время придет. — Он повел носом, похожим на расплюснутую картофелину. — Брагой тянет. Вот, точно: хмельное варят к праздничку.

Спокойно, Фатик!

Я глубоко и размеренно задышал. У варваров Джарси есть скверная привычка впадать в состояние амока, говоря другими словами — страшное буйство. Если амок накроет меня в месте, из которого нет выхода, я, чего доброго, расшибу себе голову о двери или стену.

Нужно сохранять хладнокровие насколько это возможно. Мы пленники гоблинов, живущих на склонах Галидорских гор, это факт. Эльфов забрали — тоже факт. И третий, самый гадостный факт — коричневые гоблины всеядны и

не прочь повесить на своих идолов парочку скальпов с пышными волосами. Желательно — светлыми, уж не знаю, откуда у них такое пристрастие к блондинкам. Я, если помните, рассказывал вам об этом в самом начале моей истории.

Виджи...

Сердце екнуло.

Стоп. Сохраняй выдержку. Гоблины совершают обрядовые церемонии по ночам, у костра, сейчас день, так что время еще есть, и мои эльфы живы. Может, их просто готовят для... Гритт!

— Олник.

— Ась?

— Рассказывай все по порядку.

— Вообще все? — Он посмотрел в сторону выхода и заложил руки за спину. Какой-то подонок из гоблинов разодрал ему ворот рубахи.

— Угу, от сотворения мира.

— А...

— Да с той минуты, как я отрубился, болван! Сколько меня не было?

Он подумал, что-то высчитывая на пальцах.

— Четверо суток...

Ох!..

— А-а-апчхи-и-и!

— Эльфов тут нет, накидок их нет, чего расчихался?

— Так ведь простыл! Я смекаю, моя простуда — она любому от эльфов. Знаю я такие штуки: у нас от эльфов и простуда, и геморрой, и тридцать три напасти.

Час от часу не легче. Простуженный гном — явление примерно настолько частое, как солнечное затмение. Взрослый гном уцелеет и в чуму, и в голод, и в апокалипсис. Единственное слабое место гномов — печенька. Но вот если гном раскис от обыкновенной простуды, значит, с ним случилось что-то странное. Но что?

Он шмыгнул носом.

— Ну вот, ты упал, мы твою рану сразу перетянули, как могли, а потом убрались за горюшку и стали ждать. Так принц сказал: мол, надо ждать, пока посланцы Вортигена не уберутся, и я говорил то же самое — надо ждать, у меня

ж дядюшка под башней помирает! Подождем, а потом, может, вытащим...

— Бедняга...

— Да какой бедняга! В башне есть подземный ход, наши, из Зеренги, продолбили! Так пока мы ждали и глядели, дядюшка вылез и к нам причапал. Злой, что твой шаграутт: ухо разбито, морда пополам треснула, весь в крови и правую ножку волочит! Ругался он, а потом заради поддержания штанов и за свои муки и горести стряс с нашего эльфа порядочно золотишка. Эркешш махандарр, все себе захапал, и со мной не поделился!

— Шестеренки?

— Заклинил. Дядюшка — он же голова! Подвал-то после шаграутта целехонек остался... Это уже потом все обвалялось от колдунства...

— Магия? Гродар?

— Кто?

— Белобрысый в серебряной маске и два его подельника-смертоносца.

— А! — Олник содрогнулся. — Ну да! Дларма, они заново мост начали вытягивать колдунством. Хорошо, дядюшка из подвала успел драпануть, потому как даже развалины башни затряслись и просели! Скрежет был, треск, грохот — ой, ой! Подземный ход — так его тоже завалило, дядюшка чудом выскочил!

Так. Когда мы убрались за гребень, смертоносец Внутреннего Круга решил не рисковать с ударным заклятием и, используя магию, попытался вытянуть мост...

— Только они ж не знали, что дядюшка в шестеренки лом сунул. Они-то тянут — а оно не вытягивается! Они тянут — а оно не вытягивается! *Против гномского лома нет колдунского приема!*.. Тянули, пока тот, с полированной рожей, на коленки не грянулся. Он бы и в пропасть навернулся, да эти, по бокам, его придержали, с моста стащили, а потом сами рядышком попадали. Вот. Вот как оно все было, эркешш махандарр!

Магия в моем мире слаба и способна поглотить все силы чародея за очень короткое время. Гродар сглупил, пытаясь вытянуть мост, но, упорный, как все смертоносцы, попытался довести начатое до конца.

— Ясно. Дальше.

— О-о-о-ой!

— И-и-изверги!

Гритт!

А Олник, кажется, уже привык к выкрикам и стонам.

— Ну, тут солдаты набежали, погрузили смертоносцев на плащи между конями и увезли. Тот, в серебряной маске, Гродар, что ли, он вроде как еще шевелился, наверное, командовал... Митризен, Керрит, и вся шатия, они еще остались, вроде как им сказали — вы больше не нужны, гуляйте себе, делайте чего хотите, а чего хотите — не делайте, вот так как-то. А может, и ничего не сказали. Просто бросили их за ненадобностью...

— Маги Харашты?

— Солдаты Керрита ими занялись. Эркешш, Керрит потом магам счет выставит за спасение жизней. Ну, как обычно: с каждого по пятьдесят реалов, а если нет денег — отдавай имуществом!

— А таможня Фрайтора?

Олник нахмурился:

— Э-эх, да уж... Демон-то башню хорошо потрепал, а потом урод в маске остатки обрушил... Всех, в общем, того... Ну, мы, поскольку остались голодранцами, прибрали из кордегардии — там, за башней, у нее только стенка обвалилась — плащи, еду, какую нашли, бинты на твои перевязки... Пока ползали там, Митризен — ты прикинь, вот клещ! — вышел на мост и долго на нас смотрел. А принц, эльффик, нет, чтобы нам помогать, — стал играть с ним в гляделки. Забавно так... А потом Митризен как завыл! Морда и без вытья страшная, а тут еще страшнее стала. И глазом эдак вращает! В точности как в порту, помнишь?

Я вспомнил и содрогнулся в холодном ознобе. Эльф-калека тоскливо был на пирсе хараштийского порта, провожая самоход карликов, который увозил нас из города.

Митризен... Надо бы расспросить о нем принца и... Виджи.

Расспросить... Смешно: мы все — обреченные пленники у горных гоблинов.

— Выл — и что?

— А ничего. Поблел и ушел, сел в коляску и укатил, как и не было.

Я сделал знак подождать.

«Да — или нет?» Проклятый Оракул!

Ладно... Гродар признал поражение, пускай и временное. Что он станет делать теперь? Двинется к Ближнему перевалу? Одного пути туда дней пять, а потом с другой стороны горного хребта в нашу сторону — еще пять... Слишком долго. Нет, он не станет преследовать мой отряд. Последний акт пьесы — у Оракула. Кто быстрее окажется там — полудемон или мы? Фрайтор, Аркония, Мантиохия, затем пролив, и мы в Дольмире, в его столице, Семеринде. Оттуда до Оракула меньше суток пути... Сам Оракул посвящен Рамшеху Дольмирскому, и внутри его Храма постоянно проживают около сотни аколитов и монахов, и кое-кто до сих пор помнит меня в лицо... Гродару нужно добраться до Харашты, сесть на корабль и пересечь море в самой широкой его части. Плавание в Дольмир занимает примерно полтора месяца весной и ранним летом. Штормов сейчас нет, ветра устойчивы... За этот же срок мы, если выложимся, успеем проехать четыре страны... Мы будем у Оракула раньше Гродара. Избежим ловушки. Но все это пустые выкладки и досужие мысли, ибо сейчас мы — у невежественных прожорливых гоблинов, и наши ближайшие перспективы имеют вид, цвет и текстуру котла для пиршеств.

«Да — или нет?» Вся эта заварушка из-за простого ответа на вопрос — «Да или нет?», будь он трижды неладен!

— Из-зверги-и!

— О-о-о-ой!

— Жги дальше.

— Ага. Ну, дядюшка, он на таможенном посту остался. Завалы разбирать, солдат хоронить... Заказа на починку моста ждать, опять же...

— А как же: «ножку волочит, морда пополам треснула»?

Олник глянул на меня с видом младенца:

— Ну ножка... Он как у эльфа золота нахапал, — и со мной не поделился! — так и хромать перестал. А морда что? Заживет морда!

Гномы... хитрецы!

— Ладно, что дальше?

— А мы... поехали, в общем, то есть поковыляли. Лошадей-то на заставе не было, а если бы и были, шаграутт бы их всяко слопал. Соорудили из плащей волокуши, значит, для тебя, Виджи и Альбо. Скареди сам хромал. Меч свой взял под мышку как костыль, тряпками только обмотал, забил на обломок клинка деревяшку и пилил за нами, да так резво! Тяжко нам было, пока не встретили сменный отряд солдат для таможи на Дул-Меркарин. Под вечер, как темнеть начало, и встретили... Ма-а-аленький отряд.

— Ограбили? — Я глубоко вздохнул и прислушался к себе. Нигде не болит, ничего не ломит, правда, в желудке беснуется голодный тигр.

— А как же. Тебя тащить надо — надо, Альбо тащить надо — надо, эльфка твоя, правда, уже очухалась тогда, а ты совсем плохой был, все бредил о чьих-то синих титьках, к чему-то там руками тянулся, мне аж страшно стало. Забрали мы, стало быть, лошадок... Там, слышь, отряд был — смех один: пять человек и два карлика, и все старые, ветераны-инвалиды, эркешш махандарр!

Мне не понравилась эта новость. Кучка ветеранов для смены караула Дул-Меркарин означала, что Фрайтор призвал всех боеспособных солдат в армию.

— Дальше.

— Ну, и когда мы у них... ну, э, лошадок *одолжили*, один карлик свинячий возьми и выкрикни, что за ними, чуть ли не вплотную, прется по склону ударный отряд рыцарей Храма Чоза. Рыцари, мол, ищут тех, кто в Галидорских горах гонит *самоплас** на продажу...

— Гм. По запаху, небось, ищут.

— Уж не знаю. Ищут, чтобы *найти и покарать*, ну и нам заодно покажут. Ну, ты этих рыцарей знаешь, — суровые ребята и на расправу быстрые. Так мы ждать не стали и свернули с дороги в лес. Вовремя, знаешь, свернули, карлик не сбрежал: чуть отъехали, слышим — доспехи за нами бряцают. Если б не стемнело, не знаю, чего бы с нами было. Тебя, правда, здорово растрясли по корням.

— Не помню такого.

*Фрайторское название самогона.

— Ну, ты без памяти был, все бредил о чьих-то синих ти...

— Дальше.

— Надыбали пещерку, уже на гоблинских землях, но нам-то не выбирать — за нами погоня, сверху дождик, а ты вроде как вот-вот дуба врежешь. Мы, короче, проехали мимо их знака... Да ты в курсе: черепушка на веточке...

Я судорожно сглотнул.

— Чья?

— Как будто медвежья.

Я выругался.

Племенной союз Амброт-Занг. Лучше бы меня бросили в терновый куст.

Олник вытаращил на меня взгляд:

— А че?

— Ниче. — Я порыскал глазами по потолку и оплывшим фрескам. Так и есть: я видел этот храм снаружи, причем три раза. Церковники построили его лет пятнадцать назад, чтобы приобщить гоблинов к вере в Чоза и, понятно, собирать с них десятину. Дикари, конечно, не вняли (они терпели ровно до того момента, как добрые пастыри завели речь о подношениях), миссионеров, как водится, пустили в котел, храм объявили проклятым местом. Я вздохнул. Главный гоблинский шаман Симка — суровый мужик, а вождь всех племен Трей Волнительный — еще та сволочь. И оба помнят меня и ждут в гости, поскольку наследить на землях Амброт-Занг я успел изрядно. Призраки прошлого, Гритт! Короче говоря, увяз я по самую шею. Мы, мы увязли. Впору читать по нам литанию, авось да смилуется Чоз...

Я сжал кулаки. Спокойно, Фатик, спокойно, еще не вечер, и уж тем более не ночь. Ты найдешь способ, как выпутаться и выпутать своих эльфов, главное — сохраняй ясность мысли.

— Досказывай.

— Ась? А, ну мы куковали возле пещеры еще трое суток. Ты спал мертвецки, как пьяный. Твоя эльфка за тобой присматривала. Никого в пещеру не пускала, а снаружи, между прочим, дождик! Пришлось мастерить шалаши. Мороки натерпелись с епископом этим... Его ж на привязи надо дер-

жать и с ложечки кормить; сдурел он, Фатик, опосля Дул-Меркарин, сам видишь — сдурел напрочь. А хрумкали мы жратву, что из кордегардии прихватили. Лошадок опять же под присмотром держать надо было... Одного коника я называл сэром Говардом, такой, знаешь, норовистый, все кусаться лез... Эльфка твоя, слышь, даже принца не пускала в пещеру. Поругались они, она шипела как кошка, я думал, тут ему и конец — убьет на раз, глаза у нее стали, как я не знаю что, и уши, кончики ух покраснели... Тронутая она у тебя, вот как я думаю! А сегодня утром она возьми и скажи — мол, ты скоро очухаешься, и можно ехать дальше. Решили пробираться вниз по склонам...

— Разумно.

Как кошка...

— На дорогу выходить стремно, вдруг рыцари там разъезжают, по гоблинским землям пробираться — еще опаснее, короче, куда не кинь, всюду клин.

Мурлыкала...

— Я сказал: надо, мол, выбрать на ближайшем гребне деревцо повыше, и оглядеться, чтобы знать, где опасность, значит, а где ее нет.

Шипела...

— Мудро.

Моя кошка...

Олник приосанился.

— Ну, Монго и полез. Он самый молодой да резвый. Только на том дереве было гнездо горных шершеньков, и он его макушкой своротил по чистой случайности.

— О-о-о-ой!

— Во, слышал? Ему, пока он вниз то полз, то падал, всю ряху искусали, а орал он так, что к нам все окрестные гоблины сбежались. Не сразу, правда, они же хитрые и пугливые. А когда мы опять начали мастерить из веток волокуши для вас, болезных, вот тогда и окружили всей кодлой. Повязали враз, сети набросили, как на медведей... А потом сюда привели. Тут недалеко... Лошадок отобрали, все отобрали, эркешш махандарр! Ой, — он потер отбитое ухо, — можно, я присяду? Голова кружится. — Он сел рядом со мной, положив на колени деревяшку.

— Сильно били тебя? Почки целы?

— Ась? Вообще не били. Это я с Крессиндой уже тут поцапался. Знаешь, слово за слово, а потом она и скажи: мол, я виноват, что гнездо не заметил, и вообще на мне все грехи гномского народа, да еще борода не растет... Тут уж я не стерпел, дохлый зяблик, припомнил ей Жриц Рассудка и все-все-все!

— Ну, я вижу, общий язык все-таки нашли?

Он кашлянул, задумчиво покатав дубинку на коленях.

— Язык? Да чего язык... Я тут, она у двери. Я ей сразу сказал — вот тут, за алтарем, моя земля, независимая мужская территория, и чтобы не подходила!

Я недоуменно нахмурился:

— Так что, получается, вас вообще не били? А что с Имоен?

Он сделал страшное лицо, прижал палец к губам и прошипел на весь храм:

— Жен-ски-е де-ла-а!

О боги!

Отправляясь в поход с девушками, всегда нужно помнить об этой проблеме. А уж если такое случилось, — своевременно помогать, не нагружать, в общем, всячески облегчать путь. У *этих дел* мерзкая привычка — они всегда случаются не вовремя.

— Уже третьи сутки, — добавил гном все тем же шепотом. — Не по сроку. И живот болит. Она думает, это от всякого такого, ну, что у моста случилось... Там бы не всякий мужик сдюжил...

— Из-з-зверги-и!

— Во, слышал? Как есть сбрендил, а еще епископ и башку бреет! В общем, остались от нашего отряда рожки да ножки...

Я с хрустом сжал кулаки.

— Есть хорошие новости? Хотя бы одна?

— А? Так все хорошо, все нормально, между Фрайтором и Арконией началась новая война за веру, как они ее там называют... *фэндомментальная**. Аркония требует признать, что у Чоза все-таки три рога и закрыть храмы младших

* Олник, разумеется, имеет в виду «фундаментальная».

богов, Атрея там, Рамшеха и прочих, ну старая бодяга. Когда у святых отцов случаются крестьянские бунты, они сразу затевают войну с Фрайтором, а те и рады — у них же из-за блокады Харашты торговля упала, народ ропщет. Мне дядюшка Самофрел все рассказал...

Война, вот оно что! Фундаменталисты Престола Истинной Веры Арконии двинулись в бой, как уже случалось и десять, и двадцать, и много-много лет назад... Значит, весь Фрайтор на ушах, и пересечь его будет непросто, и также непросто будет пересечь Арконию: придется, видимо, ехать вдоль гор Зеренги, через гномьи владения, хотя это удлинит наш путь... Гритт, о чем я? Нам бы как-нибудь вырваться от гоблинов. Звезды против нас, карты против нас, гороскоп Альбо... Что он там еще наобещал, безумный епископ? Почти все, о чем он говорил, исполнилось.

— А у Фрайтора, рассказывают, дела хреновы. Как у вас, людей, говорят: *разврат и ушатание*.

— Разброд и шатание, вернее. Но ты близок к истине.

— Ага! Рыцари Храма Чоза да бароны-землевладельцы между собой лаются, а на них обоих церковники бочки катят... А сам сатрап между ними всеми как в клещах зажатый... Бывают тройные клещи, Фатик?

— Вряд ли, дорогой мой Гагабурк. У сатрапа и раньше были проблемы с властью, он же слабоволен и глуп. В последний раз он едва отбилсЯ от Арконии, если помнишь.

— Э... это да... Ну да мы, гномы, ему здорово помогли. У сатрапа, дядюшка сказал, новая фаворитка... — Олник понизил голос. — Бабенка!

— Да? Я бы сильно удивился, будь у сатрапа в фаворитах мужик. Как его зовут, кстати?

— Мужика?

— Сатрапа, Ол, сатрапа! Я напрочь забыл его имя!

Олник наморщил лоб.

— Так ведь и я не помню... А вот фаворитку зовут Рондина Рондергаст, по кличке Боевая Баба!

Рондина... Призрак прошлого... Не дай Небо снова попасть к ней в руки!

— Кстати, Фатик, вот добрая весть: боевая артель моего папочки «Огнем и Мечем» снова в деле! Контракт им от сат-

рапа дали хороший, ну а папочка всегда рад оказаться подалее от мамочки: она его поколачивает, когда перепьет пива.

— Артель? — Олник как-то рассказывал о ней. — Насколько помню, артельные гномы *огнут и мечут*, верно?

— Ага. Но бочки с уракамбасом*, которые поджигают и катят на врага, или там бочонки, которые полагается *метать*, — это вчерашний день! Мой папа недавно придумал заливать неразбавленный уракамбас в глиняные бутылки, затыкать горлышки тряпкой, поджигать и в таком виде швырять. Дядя сказал — *в теории* рыцарь жарится прямо в доспехах; на живом-то они не проверяли, пока не случилось оказии. Но есть одна закавыка — уракамбас из бутылок испаряется слишком быстро. Вот утром только налили, в ящик рядком уложили, пробками на время заткнули, глядь — к вечеру у всех бутылок только на донышке! Как, почему — загадка и тайна! И охрана возле ящиков не помогает! Дядюшка Ойкни говорит, в артели еще сочинили хитрую дымовальную *боевую* машину, ужасное оружие, — огромную хреновину с тремя дымящими трубами! Самоходная громадина — в пику карликам с их фальшивым водным самоходом!** Наше, гномье, чудо света! Представляешь, Фатик? Машина движется *сама*! Она, того, *на колесиках*! Мы смогли, мы, гномы! — Он вдруг закручинился, в уголке левого глаза повисла слезинка. — Нет, давненько я не был дома, а уж теперь, видно, и не побываю, никого и ничего не увижу, ни с кем не обнимусь, ни бутылки не вы...

Тут раздался скрежет дверных петель, и в храм из приотвора высыпал десяток коричневых гоблинов с короткими копьями в лапах. Кривоногие мордатые крепыши ростом с гномов, коричневые гоблины малочувствительны к холоду, поэтому даже зимой могут ходить в набедренных повязках из невыделанных шкур и босиком. Но эти были одеты в подобие кожаных туник и плетенные из лыка опорки. У старшего, как генеральский лампас, лежала поперек груди выкрашенная киноварью меховая лента.

— *Угум, муугур наррикк курскусуз, соблаговолите!* —

* Гномий самогон. Рецепт — секретна.

** См. «Имею топор — готов путешествовать», глава 18.

прорычал он, потрясая копьём с железным наконечником — еще одно удивление, ибо наконечники гоблинских копий, как правило, костяные.

Я знал среднегоблинский. Генерал известил меня, что пленникам сейчас доставят пищу. Внесли дымящийся глиняный котел, поставили на деревянную треногу. Я принялся и чуть не спел реквием нашим коням. Следом за котлом проскользнул гоблинский знахарь — зачуханный старичок с седыми ушами (у коричневых гоблинов к старости седеют уши), и две его молоденькие помощницы.

Гоблины обоих полов выглядят одинаково уродливо. Эти хрящеватые уши, эти выпученные круглые глаза, эти пуговичные носы, срезанные почти до основания, и выступающие челюсти, похожие на волчий капкан, грубая пористая кожа...

Знахарь принялся возиться с Монго, одна из помощниц начала осматривать ногу Скареди.

Всему этому я несказанно удивился. Коричневые гоблины не склонны миндальничать. К тому же Симка меня, несомненно, узнал. Вместо еды и врачебного ухода мы должны были получить...

— *Канбаргуд ууг гышмак тху!* — прорычал генерал, тыча копьём в направлении котла. Прицепленные рогульками за борта, на нем висели семь деревянных ложек.

Я присел на корточки и оглядел похоронные лица отряда.

— Рубайте, пока добром просят. Понятия не имею, что у них на уме. Судя по запаху, это конина первой свежести.

— Не протухла? — удивился Олник, резво заняв место возле котла. — Батюшки, сэр Говард! — вдруг догадался он.

Я кивнул. Из притвора сочился густой запах перегоняемой браги.

— Его-то туда и накрошили. Слушай, Ол!

Он поднял взгляд, осторожно пробуя варево ложкой.

— Самопьяс готовят гоблины.

— Настоящий самопьяс? Не, быть того не может, они ж тупорезы, у них зазор между черепом и мозгом на пять пальцев с лишком!

— *Угум?* — наострил уши генерал.

— Тише. Может. Странно мне, что тут происходит. Гоблины будто поумнели враз. Какие-то они не такие... Сечешь?

Внезапно к генералу из притвора подбежал гoblin-посыльный и что-то прошептал на ухо. Генерал вылупилсь на меня:

— *Баргтык карбагрым дур-ду Фатик Джарси бутгурт моар**! Понимай?

Меня требовал к себе вождь всех племен Амброт-Занг. Началось.

4

Храм Чоза стоял на плоской верхушке холма, и все подходы к нему коричневокожие отметили шестами, на которые водрузили волчьи черепа, мол, место проклятое, обходить десятой дорогой.

Олник умудрился прошмыгнуть сквозь ораву гоблинов, заполонивших притвор, и подбежал ко мне:

— Фатик! Куда тебя забирают?

— Женить на дочке вождя, — ответил я, щурясь на полуденное солнце. — Если не вернусь, считай, у них получилась. Но я буду сопротивляться!

— *Угум! Кырдадык гмо!* — взвизгнул коричневый генерал. — *Этические нормы, соблаговолите!* — и вытянул Олника древком копы по спине.

— Давай-ка назад и больше не бузи, — велел я. — Иначе тебя первым сварят за нарушение порядка.

Двое гоблинов схватили гнома за руки и потащили в притвор.

— Если знаешь их язык, говори, что невкусный! — повернув голову, успел передать Олник.

Действительно, ценное указание.

— *Угум бро!* — цыкнул генерал, пытаясь просверлить взглядом мою грудь.

Меня окружил десяток шпанят с копьями. Вождь и шаман знали, что Фатик Джарси — у-у-у, какой опасный.

* Бутгурт моар (среднегoblinск.): буквально — Бугор, глава племенного союза.

С другой стороны, может, они просто не хотели, чтобы я дал стрекача. Они так же знали, *как быстро* я умею бегать.

— Крессинда, ты за старшую! — крикнул я.

— Брутально! — донеслось мне в спину. Она услышала мой приказ.

— Гномья кур-рва! — потрясенно выпалил Олник. Он, как вы понимаете, тоже услышал и распереживался, что не его назначили главным.

Гоблинский генерал отважно шел впереди, я двигался за ним, в центре хоровода выпученных черных глаз и оскаленных ртов.

Виджи, Виджи, где Виджи? Она ведь маг, ведьма, или как их там называют, в Витриуме? Она может... А, собственно, что она может, с этой ее тягой к абстрактному гуманизму? Усыпить караульщиков? Внушить им сладкие сны? Поиграть в ладушки? Даже если она разозлится, а я уверен, что в гневе она опасна, гоблинов вокруг слишком много для того, чтобы накрыть их одним действенным заклятием. А ведь после такого чародейства маг, как заведено в моем мире, надолго выбывает из игры...

Спокойно, Фатик, еще не вечер. Еще не вечер — в буквальном смысле.

* * *

Тропинка полого сбегала в горную долину, где располагалась жалкая гоблинская деревенька. Поправка: это раньше она была жалкой, с тремя десятками переносных халуп из шестов, шкур и веток в стиле «В гостях у голодранцев». Теперь — я не поверил глазам — деревня раздалась, заполнив едва не половину долины, и оцетинилась высоким частоколом. Дома стояли бревенчатые крепкие, меж ними там и тут виднелись ладные загоны для овец и хрюшек. Дымили печные трубы, стучали топоры, гоблины как муравьи сновали по улицам. Широкие просеки разбегались во все стороны от деревни.

Мой бог, когда я был тут семь лет назад, не то что просеки... Я порыскал взглядом, узрел нависший над долиной горный пик, закутанный в серую хмарь, и поежился.

Пока мы неторопливо направлялись к поселку, у старины Фатика хватило времени, чтобы припомнить свои старые дела. В первый раз я водил на территорию Амброт-Занг одного мудрилу по имени Ковачек, мага из Тавматург-Академии Талестры, озабоченного вопросами гоблинской философии жизни и смерти. Мы поднесли шаману и вождю подарки, и все сошло гладко, разве что Ковачека стошнило возле каменного идола, на котором болтался свежий человеческий скальп, однако гоблины сочли это за благой знак, и отпустили нас с миром*. Говорят, по возвращении домой Ковачек стал истовым противником всякой философии и вегетарианцем.

Второе дело не стоит болтовни, а вот третье... Я, если помните, упоминал его в разговоре с моими эльфами на вилле Бренка. Я говорил про этнические меньшинства, которые на своих землях представляют большинство, способное загонять вас до смерти. С нами так и вышло, ибо мы с заказчиком вторглись на запретные земли, и кое-что оттуда уперли. Гоблины не появлялись в тех местах, считая, что там дремлет вечное зло, способное поглотить весь мир. Ничтожные суеверия... Но их караулы сторожили подступы к горе с пиком в виде вязального крючка... В общем, на такой караул мы и наскочили, когда возвращались с добычей... Как же я был молод и глуп! Меня, конечно, узнали, ибо моя рожа успела примелькаться, а вымазаться углем я не додумался. Мы драпали сквозь непролазную чащу, высунув языки, мне не раз пригодился топор. Охоту за нами вел сам шаман Симка, цепкий и глазастый мерзавец. А в конце пути мой заказчик, которого я вывел к людям ценой сумасшедших усилий, подло сбежал с артефактом, оставив меня без гонорара, и это не говоря уже про напрочь убитую репутацию среди коричневых гоблинов Амброт-Занг!

Приключения оплачиваются плохо, можно, я повторю это еще раз? А неудачи для меня — чертова обыденность.

Пик, закутанный в серую хмарь, действительно походил на вязальный крючок — или на скрюченный нос колдуньи. Внезапно мне показалось, что с его склонов на меня кто-то

*Нас, правда, заставили вымыть котел для пиршеств. Вымыть изнутри. С тех пор я иногда вижу этот котел в ночных кошмарах.

внимательно смотрит, причем смотрит, задевая ледяным взглядом мои мысли и сердце.

Гритт, ничтожные суеверия!

А от поселка доносился густой «аромат» самопляса. Я еще порыскал взглядом, и... уловил среди домов блеск доспехов. Великая Торба, не может быть! Гоблины не носят доспехов, они едва задницу шкурами прикрывают. Я начал всматриваться, но к этому времени частокол уже заслонил обзор.

Странно, все очень странно. Что же тут происходит? Проклятые гоблины...

Меня провели к высоким, распахнутым настезь воротам, которые глядели в направлении одной из просек. Прямо за воротами вдоль частокола были установлены круглые плетеные мишени, в которые садила из простеньких кленовых луков группа молодежи рыл в тридцать (когда я говорю «рыло», это прямое описание внешности гоблинов, не несущее в себе оскорбления). Их наставником был... человек, седой ветеран с лицом, на котором число шрамов соперничало с количеством морщин. Гоблин, стреляющий из лука, зрелище настолько же частое, как дождь из золотых слитков, но у этих парней получалось.

С другой стороны ворот... я не поверил глазам (вам не кажется, что я слишком часто стал так делать?)... приткнулась начальная школа! На бревнах, разложенных в рядок, сидела орава гоблинят с грифельными досками и мелом в лапах. Учитель — растрепанный человек средних лет, вдабливал в малышей алфавит Общего, то и дело прикладываясь к жбану с чем-то небезгрешным. Гоблинята вели себя тихо, молча вылупив круглые лягушачьи гляделки. За ними стояли взрослые гоблины с пучками карательных розог.

Оба человека проводили меня безразличными взглядами, не выказав и грана сочувствия к собрату, попавшему в кручину. Вскоре я увидел еще двух, *гм, человеческих мужчин*, хотя приставка «человеческих» в данный момент к ним относилась мало — они забылись хмельным сном в теньке, рядом с опрокинутой посудой.

В силу определенных суеверий, коричневые гоблины не держат рабов — не своей расы, не чьей-либо иной, пленни-

ков они приносят в жертву и поедают, так что присутствие людей в стане гоблинов, причем людей, явно находящихся тут по своей воле, показалось мне более чем странным.

Пока мы шли, я успел насчитать четыре кузницы, полигон для тренировки с копьями и мечами, и еще две школы (курятников и загонов для скота, где возились гоблинши, было вообще без счета). И везде в качестве наставников присутствовали люди — немолодые, порядком потасканные жизнью и алкоголем мужчины. Некоторые были вусмерть пьяны и пускали нюни в темных уголках.

На улицах поселка царил порядок, там и тут слышался стук топоров: гоблины сооружали приземистые длинные срубы, используя для подтаскивания бревен косматых горных хряков, иные из которых выглядели пристойней пьяных мужчин моей расы.

В центре поселка, на широкой утоптанной площадке, я не увидел привычного котла и столба со свежими скальпами. Вернее, столб был — позорный. Его пленники — три крупных гоблина, заключенные в свежеструганные колодки, сидели и полулежали, пригнув головы с тяжелыми челюстями к земле. Вокруг них, дразнясь, сновали голозадые ребяташки.

Табличка на столбе, написанная крупными размахистыми буквами Общего, меня смутила. А гласила она вот что:

*Бил женщину
Бил ребенка
Пил самоплас
Отлынивал от работы
Брехал
Воровал у своих
УПОДОБИЛСЯ ЧЕЛОВЕКУ*

Я поежился. На мне было как минимум три человеческих греха — я пил (и, скажу вам не тая, зачастую пил много, ибо где вы видели непьющего варвара?), лгал и — иногда — воровал. Не сюда ли меня ведут? Но какой смысл именно в таком наказании? Опять же, я человек, а столб и надписи явно предназначены для гоблинов.

Что здесь происходит, яханный фонарь?

Однако меня вели дальше. Запах перегонки усилился. Мы приблизились к длинной постройке, увенчанной сразу пятью кирпичными трубами. Из каждой валил дым — плотные серые хвосты. Остекленные окна были мутноваты, но я разглядел изнутри и чугунные котлы, и крученые медные трубки, обложенные кусками льда. Гоблины камлали вокруг котлов, как бесы в аду. О Небо! Кто-то снабдил их котлами и медными трубками для перегонки браги!

Из сараюшки неподалеку двое гоблинов вынесли большую плетенку с черными клубнями горного асфоделя. Ее затащили куда-то за самогонный дом. Еще двое вынесли из сарая короб с зерном и направились по следам первой пары.

Ого. Асфоделевый спирт — дорогое удовольствие. Тогда как из хлебной браги, если сравнивать, получается неприязнательное пойло. Стало быть, гоблины гнали и то, и другое. Однако как же надпись у позорного столба, осуждавшая питье самопьяса?

Земля содрогнулась, и мои конвоиры о чем-то залопотали. Я посмотрел через плечо. К торцовой части самогонного дома приближался желто-красчатый огр в своем обычном плетеном подгузнике. Он что-то тащил на спине, в огромной корзине. А вот это было мне знакомо. Если украсть маленького огренка и воспитать как гоблина, он будет уверен, что он — гоблин, только, гм, *крупноватый* (мне страшно представить, что будет, если воспитать огра в уверенности, что он, скажем, клоун или, там, император людского государства). Такие «гоблины» годятся для любой тяжелой работы. Корчевать пни, носить бревна и камни. Или воевать, когда между племенными союзами случаются конфликты, хотя огры не шибко боевиты.

Этот работник принес корзину, набитую кусками льда из горного ледника, общим весом примерно с взрослую лошадь. Он высыпал лед на землю. Из самогонного дома выскочили взмокшие гоблины в кожаных передниках. Они начали расхватывать синеватые куски льда голыми руками и заносить внутрь. Работа спорилась.

Однако как все ловко у них устроено... кем-то.

С другого торца самогонного дома было еще интересней. Там находился отряд рыцарей Храма Чоза. Всего-то два

десятка человек, ударный отряд борцов с самопласом. Строгие вороненые кирасы и черные накидки, украшенные общим девизом ордена: *«Честь и слава!»*

Рядом стояли три фургона с деревянными стенами и маленькими зарешеченными оконцами с пыльными стеклами. По дощатым сходням гоблины резво закатывали в фургоны тяжелые бочонки.

Отряд рыцарей терпеливо ждал, восседая на лошадях.

Мы прошли мимо. В мою сторону даже не посмотрели. Ан нет... кто-то кольнул мою спину взглядом. Я оглянулся. Рыцари не обращали внимания на старину Фатика. Зато из мутного оконца фургона на меня кто-то глядел: странный был взгляд, неприятный, скребущий, и рассмотреть его обладателя я не мог из-за солнечных бликов. Я передернул плечами.

А рыцари спокойно ждали, пока гоблины закончат погрузку.

Наконец я сообразил, что к чему. Все было очень просто.

Поскольку в религиозном Фрайторе был установлен сухой закон, отряд борцов с самопласом обеспечивал комфортную доставку самопласа вниз, в столицу Фрайтора. Там, очевидно, бочки с самопласом подвергали жестокой казни.

Каково! Ну просто прелесть! И, главное, им начхать на свидетелей из числа людей, которые отираются в поселке. Это значило, что доставкой самопласа занимается кто-то из правящей верхушки.

Впрочем, во Фрайторе я видел и не такое. Наибольший разврат всегда царит там, где строгие запреты приняли вид обычной формальности.

Мы прошли еще немного (взгляд продолжал сверлить мне спину), приблизились к скромному домику, судя по цвету бревен, выстроенному одним из первых, несколько лет назад, и тут мне навстречу выполз тот самый, из правящей верхушки, Аерамин А.О. Фаерано.

Я произнес бранное слово. Фаерано сразу меня узнал и нахмурился. Потом опять шмыгнул в дверь. За ним в дверь шмыгнул генерал. Я остался горевать снаружи.

А горевал я о том, что не могу скрутить Аерамину А.О. Фаерано его тощую выю. Пальцы моих рук рефлекторно сжимались, я почти слышал сладостный хруст позвонков гроссмейстера рыцарей Храма. За этим гадом и жуликом я гнался тогда на украденной лошади! Это он, скотина, был причиной моего заключения во фрайторскую тюрьму пять с половиной лет назад, после чего я решительно завязал со своим героизмом.

Спокойно, Фатик, помни про эльфов...

Дверь скрипнула, показался генерал. Он рывкнул командой, и гоблины-стражи оттеснили меня от выхода, заключив в строгий ошейник из наставленных копий. Только тогда Фаерано рискнул выйти из норки — мосластая крыса в черном плаще. Рожа у него была постная, выцветшие глаза косили в разные стороны, и оттого казалось, что они блуждают по всему лицу, едва не заглядывая в собственный рот. Придерживая ножны меча, чтобы не колотили по сапогам, он прошел к своему отряду. Оглянулся и содрал с меня взглядом немного кожи. Кажется, требовать мою голову не получилось.

Наверное, это была моя удача, хотя какая разница, от чьих рук принимать смерть? Гоблины тоже хотят меня убить.

Тем не менее количество врагов на моем пути грозило превысить все разумные пределы.

Враги... призраки моего бедового прошлого.

Аерамин А.О. Фаерано забрался в седло. Оглянулся. Теперь на его косоглазой роже играла легкая ухмылка. Он злорадствовал, едкий! Уж не потому ли, что гоблины вознамерились сварить Фатика М. Джарси в кипятке?

Блики на оконце фургона дрогнули. Караван тронулся с места, и царапающий взгляд исчез.

Солдаты по команде генерала затолкали меня в дверь. Маленький предбанник, и вот я на пороге комнаты, из глубины которой на меня уставилась оскаленная звериная маска гоблинского шамана.

— Чего встал, епрста? Заходи! — почти на чистом Общем сказал он.

В мою сторону устремилась татуированная красноватая лапа с аккуратно подрезанными когтями.

— Ну, Фатик, — сказал шаман знакомым голосом. — Опять проворачиваешь свои делишки?

Я недоуменно уставился на маску, но дверь захлопнули, наподдав мне в спину. Пришлось подойти к широкой подкове стола, возле которого стояло несколько табуретов. Шаман сидел по тут сторону столешницы у окна, в кресле с высокой резной спинкой. Я с удивлением заметил, что на гоблине строгий серый кафтан, который бы пошел, скорее, человеку. Полированная столешница была густо закапана свечным воском. На ней лежали исписанные листы бумаги и заточенные для письма гусиные перья. В пепельнице из черепашьего панциря дымилась курительная трубка.

Я подтянул ближайший табурет, увенчанный кругляшом дубового спила, и водрузил на него ногу в аккуратно зашнурованном ботинке. Пальцы Виджи сделали двойной узел...

— Ну, — хмыкнул шаман, — неужели надо повторять?

— Черт бы тебя... Закипающий Чайник, ты?

Гоблин со смехом стянул шаманскую маску и щелкнул золотыми клыками.

— Узнал, епрста, приятеля! Сколько лет прошло! — Он выпятил челюсть и расхохотался, собрав коричнево-красное рыло в мелкие складки.

Таки узнал. Дарггур Кылдхыуз, он же Закипающий Чайник на Общем, широко известный среди криминальных кругов Фрайтора как (опущу неприличную кличку), а также (тут будет обширное отточие), и еще (тут представьте отточие, пунцовое от стыда), сидел вместе со мной и Олником в тюрьме Сэлиджии, столице Фрайтора, мы были корешами.

Тогда он не был таким медно-красным, его кожа напоминала оттенком высветленный на солнце плод каштана. Значит... Погодите, я вам все поясню.

Вот что я знаю об изменении гоблинской расцветки: коричневокожий гоблин краснеет лишь в одном случае — когда становится начальником. Большим начальником.

Изучению этого феномена посвящали свое время академики Фаленора, маги Талестры и некоторые ученые Харашты. Иных из этой муторной братии я водил в гоблинские становища, чтобы они своими руками (после подношения богатых даров) могли пощупать толстую шкуру вождей и шаманов, и убедиться, что она не подкрашена, что это не особая татуировка. Одни долбоклюи твердили, что, став Бугром, гоблин начинает употреблять в пищу большое количество лесной моркови, которая может окрасить и кожу человека, другие настаивали, что всему виной особое устройство разума гоблинов, мол, от начальствования их мозги начинают посылать к коже особые сигналы, и она вырабатывает красящий пигмент нужного цвета; третьи утверждали, что причина покраснения — магический обряд ритуальной эритемы.

Понятия не имею, как оно обстоит на самом деле. Мне достаточно знать, что красный гоблин — это шаман или вождь, а коричневый гоблин — это рядовой гоблин.

(Замечу в скобках, что коричневый гоблин может также посинеть, если долго пролежит мертвым. Сперва посинеет, а потом начнет вонять. В синюшности и вони как раз нет никакого феномена.)

Я взглянул на бывшего кореша и вздохнул.

Начальник.

Вот оно что! Вот значит как!

Еще один призрак прошлого...

Он соскочил с кресла (вроде это была епископская кафедра), оказавшись ростом мне по грудь (я бы сильно удивился, если бы за пять прошедших лет он вдруг малость подрос), и водрузил маску на железную вешалку в углу комнаты. Там же висел соломенный убор шамана, на первый взгляд неотличимый от переносного шалаша. В другом углу я увидел жезл вождя всех племен, похожий на... похожий на... Ну, в общем, он был похож на одну штуковину, о которой не стоит говорить подробно, поскольку вы и так все поняли. Дикие племена — они такие... дикие.

Впрочем, не такие уж и дикие, как я смог сегодня убедиться. Да и жезл соседствовал со шкафом, забитым книгами в добротных кожаных переплетах.

Закипающий Чайник вразвалку подошел ко мне, тряхнул серьгами-полумесяцами в оттопыренных собачьих ушах и дружелюбно оскалился. По стенам разбежались солнечные зайчики — все сорок четыре зуба Кылдхыуза были одеты в золотые, начищенные до нестерпимого блеска фиксы.

Мы пожали руки-лапы.

— Епрста, пить будешь, на? — Чайник хлопнул меня по плечу.

Я покачал головой.

— Не уважаешь?

— У меня поход.

— Приход?

— Я говорю: завязал на время похода.

— Вона как! Угум, угум... — Он взглянул на меня с уважением. — Голова. Я-то не пью, держу для людей. Но шамать-то хочца? — Он похлопал себя по плотному животу. — Есть *шокерные* блинчики со свиной, ну и всякое такое. Я-то сам на диете...

— Позже. Что тут у вас делается? Где Симка? Где вождь всех племен?

Закипающий Чайник с очевидным удовольствием постучал пальцем по своей груди.

— Ты с ним говоришь. Я, когда откинулся, на, решил податься в политику, и женился, епрста, на старшей дочке Трея Волнительного. Приданое-то у меня богатое, умею с его помощью произвести впечатление! — Он поскреб по клыкам, которые выступали из нижней челюсти, как позолоченные мясные крюки. — Стал ему названным сыном. А на третий день после свадьбы Трея случайно насмерть осиной привалило. Драма на охоте. Все женщины наших племен в знак скорби выбрили себе ноги! Все вожди Амброт-Занг собрались в Большой Разговорной Пещере, большой костер зажгли, большие трубки закурили... Но духи прогневались, и все вожди угорели. Двадцать трупов! Шаман Симка — я раньше у него в помощниках ходил — сказал: это Знак! И еще он сказал: названный сын бутгурт моара жив! Это Знак! — Закипающий Чайник скромно потупился. — Я бутгурт моар уже четыре года.

Я перевел дух. Благодарение Небу — одним врагом теперь меньше.

— А шаман?

— *Угум?* — Тут Чайник прибавил ласковое выражение, которое я не решусь озвучить. — Шаман Симка — я раньше у него в помощниках ходил — через полгода случайно утоп в котле для пиршеств, его подмастерья с горя в Козьем ручье утопились. Там воды тебе по колено, как утопились — уму непостижимо. Шаманы всех племен Амброт-Занг приехали на сход в Большую Разговорную Пещеру...

— Позволь, угадаю с трех раз — угорели?

Он печально покачал головой, действительно похожей на пузатый чайник:

— Обвал. Двадцать трупов. Все наши женщины выбрили ноги. Я сказал — это Знак! Провел религиозную реформу. Теперь я главный шаман, угум! Духи через меня говорят, я же раньше у Симки-то в помощниках ходил, все мало-мало знаю, шаманить могу, дождик с градом мне накликают — как два пальца того, этого... — Бутгурт рассмеялся. — Все помощники шаманов *моих племен* теперь шаманами стали, и меня слушают, а если не слушают, духи гnevаются сильно, и шаманов губят. Я теперь совмещаю должности, на. Так спокойнее. Хотя тяжело. Весь день на работе. И по ночам. А еще жена. И дети. Близнецы. Одного звать Олник, другого — Фатик, в честь моих корешей.

Я открыл рот в немом изумлении, а он отечески хлопнул меня по плечу и вернулся к креслу, где выбил трубку и заново принялся насыщать ее табаком. Потом глянул на меня с хитрым прищуром:

— Ты садись, садись, в ногах, епрста, нет правды.

— Спасибо, в заднице ее тоже, кстати, нет. Я, видишь ли, несколько суток отдыхал в пещере...

— Угум, угум. Мои дозорные вас сразу засекли, и тебя узнали, тебя-то все наши знают, после твоих, на, *похождений*. Узнали, но я велел не тревожить. Мои сказали: ты вроде как при смерти, весь кровавыми тряпками замотан. Мы решили ждать. А ты вона что... Оклыгал, и рана затянулась неведомо как. Я-то твой шрам видел...

— Меня спасла... эльфийская магия. Может быть, это Знак?

Он серьезно кивнул:

— Епрста, конечное дело! Да и вообще, ты тут появился не случайно. Мои дела — твои дела, Фатик.

Я насторожился:

— Какие дела, Чайник?

Бутгурт моар не ответил, раскуривая трубку подобранным в пепельнице угольком.

— Я, пока в холодной сидел, все думал — отчего люди с равнин нас, епрста, не любят и за дурачков считают. — Он посмотрел на меня, в глубине жабьих глаз плескались холодные горные озера.

— Я не держал тебя за дурака, Чайник.

— Помню, *угум-угум*. Ну, ты на особом счету вместе со своим гномом. Ты меня грамоте обучил, про свой кодекс Джарси рассказывал интересно. Я его, епрста, если помнишь, на память выучил, на. А потом вот у себя внедрил. Изменил, конечно, кое-что...

Я чуть не схватился за голову. Вот откуда эти надписи на позорном столбе! Гоблины, чтящие Этический кодекс варваров Джарси!

Правда, были отличия: кодекс Джарси не запрещал потреблять алкоголь. Он, скорее, поощрял. В разумных, конечно, пределах. «Пей. Но пей в меру. И тогда тебе откроется счастье жизни», — так было сказано в кодексе.

— Вас выпустили, а я еще сидел, много думал, *угум...* Сколько мы, гоблины, должны прозябать в нищете и дикости? Пф-ф-ф-ф... Быть шестерками у людей, на подхвате? Задрало, понимаешь, что нас держат за полудурков. — Он выдохнул новый клуб дыма. — Угнетение! В городе только поднеси-подай, кирпичи таскай, стой на стреме, тьфу! Крестьяне нас ненавидят, мы их женщин похищаем для церемоний... Ладно, это я пресек. Но в остальном — чем мы хуже? Люди, они, епрста, почти все такие же болваны. Читать умеет десятая часть. Пьют самоплас жадно до потери облика... Мысли — чего бы пожрать, сходить налево, ближнего наколоть, епрста! Бабы у вас тягловой скот... Жрецов своих слушаетесь так же слепо, а у них один бог — деньги! Эх, людишки... Но — один черт, мы для вас — лесные варвары-придурки. Я решил — буду ломать архетип, епрста. И начал ломать...

— Я заметил. У тебя это неплохо получается, Чайник.

Он кивнул, словно не ожидал от меня иного ответа, кивнул и выпустил густой клуб дыма.

— Угум, я знал, ты оценишь, через весь поселок тебя провел... Работаю, на, но работы еще край непочатый. И друзей мало, на, *соратников*. Десяток шаманских подмастерьев и новых вождей, товарищей детства, на, да их товарищей, и товарищей их товарищей... Трудно мне, епрста. Я, видишь ли, затеял объединить все гоблинские кланы на склонах Галидорских гор. Создаю свою империю.

— А Фрайтор возражать не станет?

— Хе, — бутгурт моар хитро ощерился, — время терпит. Я им пока полезен. Своих от крестьян отвадил, сижу тут весь *наружу*, тише воды ниже травы, дурью, хе-хе, маюсь. Домики строю, генералов потешных развел. Генералы у меня тупые, на Общем не разумеют, гы-гы! Раньше-то мы были «дикие и опасные», а теперь с нами слад. Столицу сооружаю «как у людей», *стационарную*, приходи и бери голыми руками...

Я изогнул брови:

— Мне казалось...

Он заухал, как филин:

— Вот, оно всем кажется! Имей в виду, главное у меня тут — людские учителя! Мои у них знания берут и несут в другие поселки, куда людям хода нет. Грамота, кузнечное дело, епрста, военное искусство, обычное искусство! Запасы руды у нас хорошие, мои уже развели... Рыцарям Храма мнится, что у меня тут кучка одних и тех же гоблинов учебной дурью мается беспросветно, гы-гы! Мы ж для вас на одно лицо... А мы *сменяемся*! Но оно и к лучшему, на. Мне меньше тревоги. Когда попалят и проснутся — поздновато будет. Создам империю, прижму оба перевала к ногтю, налоги с купцов буду брать. Сунется Фрайтор ко мне в леса — получит по шапке.

Я ошеломленно молчал.

— Фаерано держит меня за шута-жадюгу... Презентами подкармливает. Во, — Чайник порылся под столом и показал мне маленький ксилофон на красивой серебряной подставке, — сегодня презентовал. За дурачка меня держит.

Я «обрадовался», на. Палочками постучал, сказал — музыка, радость, еще хочу такую цацу. Так ты поверь — он привезет!

— А самоплас?

Бутгурт рассмеялся.

— Ну, мало-мало деньгу зашибаю. Золото, оно не лишнее, когда с людьми связан. Подкупы, то да се. У вас же все продаются...

— Не все и не всегда.

— Брось, ты и твои Джарси — исключение, а во Фрайторе продаются все. А храмовники мне учителей поставляют...

— Пьяниц?

— *Угум.* — Тут его голос стал исключительно жестким: — Пропойцы... работают за жратву и самоплас. Им другого не надо... Людишки... Не мне тебе говорить — где сухой закон, там пьяниц больше всего, все фрайторские тюрьмы ими забиты... Я ж знаю, что говорю, у меня хорошее тюремное образование!

— Гритт!

— Денег я им, понятно, не плачу. Мы их не бьем и не трогаем, только пить не даем, на, если работать не хотят, епрста. Они еще играют роль, когда нажираются, как свиньи...

— Это как?

— Доказывают мой лозунг, которым я воспитываю свой народ: *ты лучше людишек.*

Вот оно что! На примере опустившихся людей вождь племен Амброт-Занг возвращал в своем народе не глупенькую примитивную ненависть к человечеству, а куда более умную штуку — чувство тотального превосходства!

Тут у меня задрожали ноги, и я сел. Чайник крикнул принести еды, и я, размышляя о незавидной доле фрайторцев, уплел блины, жареную кабанятину, пирожки с ливером и две сдобные медовые булочки.

— Еда для моих приближенных! — похвастался бутгурт моар. — Научил своих готовить с помощью людских поваров... Вина тебе все-таки налить?

— Воды. — Я выхлебал кружку. — Бутгурт, у меня к тебе вопрос. Со мной были эльфы...

— Угум. Твои целители.

— Целители. Ты их забрал.

— Угум. И их, и оружие их, и накидки — чтобы Олник до смерти не расчихался.

— Забрал, я надеюсь, не для жертвоприношений?

— Епрста, не.

— Ну, так где они?

— Угум, угум, взял я их в охапку вместе с накидками да ихними мечами, и продал.

Великая Торба!

— Ч-что?..

— Что-что, на? Я их загнал Фаерано. Эльфийку он возьмет в гарем, а эльфа — черт его знает. Вялый он какой-то, не знаю, на кой ему нужен...

Эльфы! Принц!

Боги мои, так вот кто хотел сожрать меня взглядом из окошка фургона!

7

Я опомнился на опрокинутом кресле, сидя верхом на бутгурт моаре, с руками, вцепившимися в его глотку. Он хрипел, вывалив глаза, я ревел, как бык, которого ведут холостить, за моей спиной квохтала набежавшая стража. Меня стукнули по спине, не очень больно и вскользь, потом огрели по затылку, тоже не очень больно.

Наконец я различил, что Чайник, извиваясь подо мною, орет на гоблинском:

— Не убивать! Не убивать! Не убивать!

Тут я опомнился и разжал руки. Слава богам, меня все-таки не накрыл амок, а шея бутгурта была свита из толстых жил и упругого мяса.

— Бол-л-лванище! — прохрипел тот, пытаясь отдышаться. — Чуть не раздавил мне кадык. *Грам-то кре!* Вон отсюда! — приказал он страже.

— Сам ты...

— Я-то сам, я-то всегда сам! Мог бы сразу сказать, что у тебя на этих эльфов виды... — Он подвигал кадык туда-сюда,

лязгнул клыками, сглотнул. — Было бы на что *дивиться*. Кожа да кости. Ну, волосы для тотема... *Угум, угум*. — Он бросил на меня прищуренный взгляд. — Та-а-к... Человек и эльфа...

— Заткнись.

— Я-то заткнусь, я-то заткнусь, *угум*... Что, совсем крышу снесло? Да-а-а... Ты, дурень, не сечешь, что я их спас, на. У нас тут, епрста, еще не до конца изжито... Котел там, жертвы... *Внутренняя оппозиция!* — Он с хрустом сжал татуированные ругательствами кулаки. — Ох, доберусь я до нее, все у меня угорят! Пока ты в пещере отлеживался, я от тебя и твоих *тощеньких* трижды беду отводил. Из других союзов наведывались, прослышали про свежачок для идолов, хотели перекупить... А как не вышло, так лазутчиков подсылать стали — эльфов втихую удавить да бошки им отрезать. Светлые волосы, на! Все горы волнуются. Эльфы для приношений — особая редкость! Еще мало-мало, и быть нашему союзу в войне с другими племенами: себе не беру, другим не отдаю, собака на сене, епрста! Так вот я эльфов и спровадил от греха подальше.

— В гарем спровадил?

— Радуйся, что не в котел. Рыцари Храма их вниз сведут, рыцарей никто не тронет. Знал бы я, что она и ты... Да кто ж знал? — Он хитро прищурился. — Не, я знал, что она за тобой присматривала, пока ты хворал, велел нашим ждать... Думал: если помрешь, тогда уж... А если не помрешь... Но вот что она и ты... — Он пошлепал ладонью о ладонь, будто плющил между ними комок теста, — того...

— *Яханный фонарь!*

— Твою шкуру я, епрста, тоже спас.

— Фаерано? — Я тяжело дышал, с трудом приходя в себя. За окном была видна часть улицы, которую старательно мел гоблин-уборщик.

— *Угум*, косоглазенький... Не пялься в стекло, он уже укатил...

Виджи. Моя Виджи!

Спокойно, Фатик, наберись терпения, жди.

— Узнал меня.

— А то! Рассказывал тут, выдувая из носа пузырьки... Ты, говорит, когда вышел из тюрьмы, его подстерег и его

же башкой выбивал кирпичи из стены его же особняка, а гном тебе помогал *снизу*. Отбил ему все что можно, на! Ладно, оно, *снизу*, зажило, но глаза у него теперь так и косят, епрста. Он твою голову умолял-просил, но я ему сказал — туши фитиль, нишкни под панцирь, ты мой личный враг по тюряге. Сам тебя убивать, на, буду: повешу на крюк, говорю, и кожу буду сдирать то-о-оненькими полосками, а потом солью присыплю...

Он мог это сделать — запросто. Правда, не со мной. Корешей, не запятнанных в предательстве, он бы ни за что не предал таким лютым пыткам.

Чайник примолк, поднял кресло и сел, подтянув правое колено под подбородок. Обут он был в удобные кожаные сандалеты, в которых когтистые пальцы ног смотрелись вполне импозантно.

Я ждал.

— Короче, на, дело у меня есть, без которого тебя отпустить не могу.

Я опустил на табурет и свел перед собой руки.

— Валяй, рассказывай.

Он подумал, заново насыпая в трубку табак.

— Тут, епрста, штука в следующем... Если выгорит, я всех твоих отпущу, а тебе золота дам, найдешь в Сэлиджии налетчиков, ну ты их знаешь по тюряге, они для тебя из гарема любую бабу умыкнут на выбор...

Пожалуй, бутгурт моар говорил разумно. Я слегка успокоился.

— Дело?

— Тут, короче, ты виноват, епрста...

— Я?

— *Угум*. Ты и тот хмырь, с которым вы уволокли из запретной земли... Симка — я у него раньше в помощниках ходил — говорил, та штуковина на стене, она выглядела, как...

— Маска, — договорил я, покрывшись холодным потом.

Пик, похожий на вязальный крючок... Зев пещеры у его подножия... Внутри — сонм запутанных переходов, в глубине покрытых сияющим льдом... Вход в ледяные покои... Впаянная в стену льда золотая маска... Прекрасное лицо,

похожее на человеческое лишь отдаленно, было искажено болью и яростью....

Мы выбили ее из стены. Я выбил, точнее. Маска смотрела на нас пустыми глазницами. Я подумал, что она похожа на слепок с лица мертвого бога, и что если приложить ее к собственному лицу... Проклятие, я не знаю, почему мне вдруг захотелось приложить эту маску к лицу! Я не сделал этого. Я сунул ее в торбу, и мы ретировались. А ночью мой наниматель Кварус Фальтедро...

— Семь лет назад...

— *Угум*, — кивнул Чайник. — Сначала было ничего так, а потом мы слышали зов.

— Яханный фонарь!

— Полный фонарь. Случилось это аккурат как я Бугром стал. Караулы вокруг горы после твоего, на, *грабежа* мы все равно держали, так вот ближайший как-то ушел в пещеру и не вернулся. Пропали, епрста... Я услал на поиски отряд — отряд сгинул, епрста. *Угум*, епрста! — Бутгурт выпятил челюсть. — Симка — я у него раньше в помощниках ходил — сказал: пробудилось древнее зло. Караулы отодвинули, да без толку: зов, знаешь, с каждым годом все ширится потихоньку... Скоро уже сюда достанет: сколько от моей столицы до горы — полдня пути, меньше... Куда бежать? Еще хорошо, что не каждый день его слышно... Оно, то, что *внутри*, *проснулось*, зовет, только когда жрать захочет. Если кто рядышком — все, хана. Звери и птицы там еще вокруг горыдохнут, пройти невозможно...

— Гритт... Надо было завалить вход в пещеру камнями!

— Да пытались мы, епрста.

— Успешно?

— *Угум*... Оно, внутри, все видит и слышит... Сразу волю отобрало, наши камни побросали и в пещеру. Только один назад вернулся, епрста... И вот что мы узнали. Там, слушай, сидит великанская тварь, демон, четыре руки с когтями, морда с пламенной пастью, на морде — сотня светящихся глаз... А туловище вроде ободрано, лохмы мяса свисают, а между гнилыми ребрами бьется огненное сердце!

— Вели принести еще блинчиков, — сказал я.

Дело принимало дурной оборот. Заедать проблему, это, конечно, не выход, но вот наесться перед смертью, гм, гм...

— Значит, мне нужно его прихлопнуть, — уточнил я, когда блинчики принесли.

— Угум.

— Ладно. Мне бы перемолвиться с тем свидетелем...

— Епрста... Он сошел с ума и умер.

— Жаль. Я хотел уточнить размеры демона.

— Ну... большой, — развел лапами бутгурт. — Четыре руки, сотня глаз на морде...

— Это я уже слышал, спасибо.

— Епрста, я выписал из Сэлиджии ведуна-человека, который истребляет нечисть, крутых бойцов, экзорциста и целую кучу мистиков! Ведун туда зашел — назад весь седой вышел, с тех пор не разговаривает, только мычит страшно; он у нас на отшибе поселился — кормим его из сердобольности. Крутые там все сгинули... Экзорцист из пещеры убежал, сразу сыпанул по кустам, только его и видели. Мистики — их двое из трех спаслось, третий там от страха помер — сказали, что та маска была вроде как печатью, вы ее сняли, и теперь внутри пробудилось древнее зло... Скоро оно насытится, силенок подкопит, и наружу выйдет, и тогда никому, на, мало не покажется! Ну а первой на его пути будет моя столица, епрста! И все из-за тебя, Фатик, из-за тебя! *Кыргак мро артарат каршут!*

— Остынь, Чайник. Моя вина — мне и расхлебывать.

Он довольно ухнул, тут же перейдя от возбуждения (липового) к спокойному довольству. Лукавый сукин сын.

— Вот, хорошо, что ты понимаешь!

— Да, мне не отвертеться. — Хитрый прощельга! Он знал: чтобы добавить мне *особенной* резвости, ему нужно применить тонкий ход, и придумал его — продав часть моего отряда Фаерано! Теперь я просто обязан победить демона и остаться в живых. Ну а то, что Виджи и я... скажем так: Чайник зорко наблюдал за пещерой и сделал нужные выводы. Заодно и свои дела обстряпал, устранив притязания прочих племенных союзов на эльфов. Хитрец, подлец, *политик!* — Я так понял, что на людей зов действует слабее, чем на гоблинов, верно?

Бутгурт подумал.

— Не скажу точно. Экзорцист, на, бежал так, что пятки сверкали. То ли превозмог он зов... Мистики выбрались тоже... Ведун точно зашел сам, я видел с горюшки, сам же и вышел... Это уже потом мы его связанного несли, буйствовал... Бойцы — а я их и по одному, и бандами нанимал — все там переходили. Мы, сам понимаешь, туда сейчас близко не подходим...

Я отпил воды.

— Свидетель не упоминал, рогов во лбу демона не было?

Он осклабился:

— А я всегда думал, что Чоз — это сказка для выбивания денег из легковых людей!

— Аналогично. Это просто версия. Некоторые человеческие боги рождаются в аду.

— Нет, про рога он, епрста, ничего не сказал. Сотня глаз, пламенное сердце... Придется тебе им заняться, Фатик. — Он сделал паузу и со значением взглянул на меня. Сказал едва слышно, почти моляще: — Если ты не приберешь демона, епрста, меня, чую, епрстнет оппозиция. А если приберешь...

— Посмотрим.

— Есть мнение, что варваров Джарси мне надо было пригласить с самого начала... Вы это сделали, авось, да и назад откатите...

Я кивнул:

— Посмотрим. Но если я уничтожу демона, ты дашь мне золота столько, чтобы хватило набрать команду налетчиков для...

Чайник шлепнул по столу когтистой лапой.

— Само собой! Дам две торбы в руки, одну на плечи и еще кошель в зубы. Мало — добавлю. Если догоню, конечно. Епрста, ты же меня знаешь, на. Я свое слово держу!

Я знал, что слово его твердо. Это только людишки с возрастом меняются в худшую сторону: в двадцать мы хотим изменить мир, мир, разумеется, остается неизменным, и в неполные сорок мы прогибаемся под него и превращаемся в дерьмо.

Впрочем, не все, не все...

А еще я знал, что демон ждет в пещере *именно меня*. Знал и все тут.

8

Если твоя профессия — герой, будь готов к тому, что рано или поздно семена твоего «геройства» превратятся в увесистые плоды (учтите, я не веду речь о внебрачных детях!), сладкие и горькие, съедобные — и ядовитые. Так вот, я — выражаясь фигурально — с самого знакомства с моими эльфами только тем и занимался, что собирал порочные плоды своей геройской глупости, горькие настолько, что скулы сводило.

Теперь настал черед последнего плода, пропитанного ядом.

Мы шли на разборки с подгорным демоном, которого я же и выпустил.

Предварительно я еще раз плотно поел и вымылся в гоблинской баньке. Помирать грязным да на пустой желудок я всегда считал верхом паскудства.

— Зря ты за мной увязался, — сказал я, пробираясь через подлесок. — Да и Крессинда не хотела тебя отпускать...

Олник Гагабурк-второй (прошу заметить — сын Джока Репоголового!) источал младенческий оптимизм:

— Ну, я считаю, все будет хорошо!

— Будет, — кивнул я. — Но не нам. Будет хорошо тому уроду, когда он нас схрупает. Он, если забыл, имеет четыре руки, сотню глаз и рост с колокольню.

Бывший напарник позвенел оружием, которое добровольно на себя навьючил:

— Да помню я, помню. А вместо сердца — пламенный... клубок.

— Да, а вместо мозгов — пирожок с капустой.

— Серьезно?

— Нет, это я о тебе.

Он не обиделся, пыхтя под грузом оружия и доспехов. Он тащил молот и кинжал Крессинды, собственную колотушку, Большой Костыль, в который превратился Малый Аспид (Скареди даже не снял с обломка клинка деревяшку), гоблинский меч из плохо прокованного железа (плоды первых опытов гоблинских кузнецов, которые бутгурт моар держал на виду, чтобы дурачить храмовников), кленовый

лук с набором стрел, сковородку, мои клинки Гхашш, мой же наспех залатанный нагрудник, круглый деревянный щит, парадный шипак Закипающего Чайника и ценную реликвию гоблинов — кожаный фартук с чешуями дракона, посаженными на рыбий клей, каждая чешуя — с мою ладонь размером. Поскольку драконы в нашем мире давно перевелись, реликвия представляла собой определенную ценность, выраженную в звонкой монете.

Я двигался налегке, как основная ударная сила, которой нужно беречь силы, да простят мне этот каламбур. Мы уже зашли на территорию зова, и бутгурт моар со своей свитой поспешил нас оставить. Мы заключили договор — если я не вернусь через два дня, Чайник отправит остатки моего отряда вниз, в Сэлиджию, дав денег для освобождения эльфов. Ради высшей цели он мог прикончить кого угодно самым коварным способом, но в остальных случаях был, *гм, гоблином чести*.

Крессинда сказала, что ляжет костями, но освободит Виджи и принца. Скареди поклялся в этом утраченными мощами Барбариллы-страстотерпицы. Имоен просто кивнула. Монго промышчал что-то неразборчивое. Альбо... Бедняга архиепископ, как вы знаете, самым натуральным образом сошел с ума.

Честно говоря, я не хотел брать с собой Олника, но от гнома оказалось не так легко отделаться. Наконец я сдался, подумав, что папочка Джок не слишком много потеряет, если монстр сожрет его беспутное чадо. При папочке все равно находился Олников брат-близнец, то еще горюшко.

Олник сделал мне знак подождать, отдышался, утер лоб, чихнул, высморкался с помощью пальца и изрек мудрость:

— Этот уродильник еще не имел дела с варварами Джарси!.. И с гномами тоже! Он еще пожалеет!

— Несомненно, — кивнул я, думая, что зов демона вряд ли проникнет под толстый гномий череп. — Он нас пока не знает, а когда узнает...

— Вот!

Мы выбрались на прогалину. Внизу шумел, перекатываясь на камнях, прозрачный ручей. Пик, похожий на вязальный крючок, разрезал пополам розовую пастель небес.

Я задрал голову, и мне померещилось, что пик кренится в нашу сторону и вот-вот упадет.

Демон затаился. Он знал, что я иду, и затаился. Я не чувствовал его взгляда. Он дожидался там, в пещере. Ждал меня.

Мы присели на берегу передохнуть.

— Гритт, нам бы сегоднягодились те резалки чирвалов!

— Серпы? — Сидя на корточках, в нахлобученном шлеме, с драконьим фартуком на груди и щитом за спиной (измызанный килт Олник выбросил), мой товарищ был похож на боевую черепаху, у которой из панциря там и тут торчат заостренные орудия смертоубийства.

— Да. Вы почему их не взяли, просвети?

— А, — он покачал головой, — так принц сказал — они никчемушки. Так и вышло — они все проржавели через час, будто валялись в земле сотню лет.

— Яханный фонарь, а мне казалось, они сделаны из зачарованного серебра.

— Не... Эльфик сказал, это особый металл Агона, не для нашей вселенной. Он проржавел, а потом просто в пыль обратился. И костяные рукоятки следом...

Я тут же вспомнил гшаана, который распался у меня на руках в дымящуюся золу.

— Дела.

— Угу, — гном кивнул. — Печальные-печальные дела! А я хотел прихватить для папочки Джока штучки три-четыре.

— А что случилось с трупами чирвалов? — спросил я, уже предполагая ответ.

Олник сплюнул:

— А ты представь! Задымились, развонялись, и исчезли, как не было. Ветер пепел разнес... Эркепш махандарр, я такого ни разу не видел!

Наш мир для них чужд и враждебен. Так говорила Виджи... Гритт! Не вовремя ты сплавил моих эльфов вниз, Чайник, не вовремя! Вот сейчас — точно говорю — я бы припилил косноязычного принца к деревцу и вытряс из него хотя бы часть загадок.

Мой бывший напарник кое-как поднялся и бросил взгляд в сторону гоблинской «столицы».

— Как думаешь, Фатик, мы успеем обернуться до позднего ужина? Э-э-эх-х, а ведь в Зеренге через шесть дней наш великий праздник — Бургх дер Гозанштадт! Танцы и выпивка до утра...

— Двигай молча, эркешш твою махандарр! — гаркнул я.

Вокруг пика вновь начала клубиться едва заметная серая хмарь.

Мы перебрались по камням на другой берег и начали подниматься по пологому скату длиной в милю.

Туман начал заплетать древесные корни. В просветы между ветвями я видел, как хмарь вокруг пика сгущается. Наконец она расплзлась вязкими лиловыми тучами и закрыла солнце; по верхушкам деревьев загулял ветер, сыпнула скверная морось. С веток сразу закапало. Я поднял воротник куртки и начал внимательно смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться.

Олник пыхтел рядом, погруженный в глубокие раздумья.

— Слушай, как думаешь, там могут быть... *сокровища*? — вдруг спросил он.

— Не было там никаких сокровищ. Только ледяная пещера и маска.

— Но пещера-то — здоровая?

— Да.

— Так может, вы там плохо смотрели, а? Гномов-то с вами не было, а?

— Уж кого не было, так это гномов, слава всем богам и пророкам!

— Ну вот, вот! — Он оживился. — Я уверен, там есть сокровища! Демоны обычно их и стерегут.

Мое уныние перешло в раздражение:

— Буду весьма обязан, если ты примолкнешь. Да и зачем тебе столько денег?

Олник залился стыдливым румянцем:

— Да там личное...

Сукин сын страдал от любви!

— Крессинда? Давай начистоту, красавец: какая любовь, вы же передрались?

Он потрогал разбитый шнобель:

— То когда было...

Заметьте, это случилось сегодня утром!

— Ну-ка, выкладывай: зачем тебе деньги?

Он заложил паузу, бездарней которой я еще не видел.

— Надо... Короче, мы оба — того!

— Сбрендили?

— У нас роман, вот! Фатик, я понял, что созрел для брака, как только ее увидел! Плевать мне на Мужской Пивной Союз и ихние заморочки, я готов носить килт и нянчить наших детей! И Крессинда... Она тоже... Понимаешь, пока ты был в пещере, мы... ну, того... У нас чувства, вот! Но она... она, эркешш махандарр, не хочет *мужить** меня без бороды!

— Брезгует?

Он обиделся:

— Скажешь тоже. Дело в нравственной стороне вопроса!

— А конкретней?

— Ну-у... У нас, у гномов, *настоящая борода* — признак зрелости, ты и сам это знаешь. А *мужить* безбородого — это вроде как совратить младенца, будь ему, хоть как мне, сорок семь лет. Безнравственно это! А Крессинда, она ведь из Жриц Рассудка, она все правила их уложений блюдет до последней руны...

В тучах сверкнула молния, нехотя заурчал гром.

— Ладно, давай короче. Деньги тебе нужны, чтобы подкупить Жриц и изменить уложения?

Олник приостановился и бросил на меня восхищенный взгляд:

— Вот это мысль! А я о таком и не подумал...

Я почувствовал себя матерым ловчилой. Что ни говори, а общение с Джабаром и Ночной Гильдией даром для меня не прошло.

— Гм...

— Нет, я хотел найти денег, чтоб заплатить магу. Я ж из-за чародейства без бороды-то. А маги, сам знаешь, за свои

*У гномов принято, что женщина выбирает себе мужчину, ухаживает за ним и *мужит* его на себе. Таким образом, она делается мужатой. Форма совместного проживания называется «мужатизм» и является, по сути, формой неравноправного брака, ибо в семье все — ну почти все — решает женщина. Таковы страшные уложения Жриц Рассудка.

чары обдерут как липку. Раньше в Хараште я жил без бороды и не особо-то тужил, мол, свободный гном и все такое, ну а теперь...

Он захлюпал своим мокрым носом, накликая ливень.

Если вы помните, у моего друга непростые отношения с делами сердечными, и всем, что с ними связано. Нарушив однажды заповедь «Не гуляй с двумя сразу!» он пострадал на всю жизнь.

Морось сменилась дождем, а дождь — тем самым ливнем. В тучах мельтешили серебряные молнии, похрапывания грома превратились в мрачные раскаты. Потоки воды заструились среди древесных корней.

— Настоящая утопия, — бряцая оружием и отдуваясь, проговорил Олник. — За шиворот натекло, караул.

Мы остановились на краю плато. Впереди, не далее чем в трехстах ярдах, высился злополучный пик, его основание раздулось, как дохлая жаба.

Плато покрывали островки чахлах кустов, и чем дальше мы пробирались, тем более чахлыми и безлистными они становились. Наконец они совсем избавились от листьев: голые ветви норовили выколоть глаз, царапали щеки, руки, одежду. Между кустарниками росли отдельные деревья, такие же мертвые и лишённые листьев, они тянули к небу тощие старые кости, не ветки даже — именно кости с посережшими, ломкими кончиками. Под ногами чавкала бурая каша — намокшая пыль от опавших коры и листьев.

Отличное место, чтобы сдохнуть от тоски или просто повыть от горя. Замечу — раньше тут была буйная растительность.

В небе ярился гром.

Мы старались идти быстро, дождь-ливень подгонял нас. Внезапно я заметил под ногами трупик птицы с облезшими перьями. Струи ливня колотили останки, двигая их по земле с необычайной легкостью, как пустую, высохшую оболочку. Я не стал проверять, так ли это. Еще два птичьих тельца встретились по пути. Затем я насчитал целый десяток птичьих скелетов и оболочек, с которых еще не до конца облезли перья.

«Звери и птицы там еще вокруг горы дохнут, пройти невозможно...»

— Эркешш... махандарр... — отдувался мой напарник. Его, уверен, гнала вперед жажда золота. Опасайтесь становиться на пути верно мотивированных гномов, истинно вам говорю!

Я увидел несколько змеиных скелетов — кости с лохмотьями шкур были выбелены солнцем. А дальше... птицы... Много птиц. Скелеты и оболочки. У меня сложилось впечатление, что кто-то *вытывал* птиц и змей, как бутылки вина.

— Что за... — наконец опомнился гном.

— Давай-ка вперед, — сказал я.

Кустарники поредели, затем вовсе пропали. Теперь до самого подножия пика, на полсотни ярдов, пролегла голая, усыпанная бурыми камнями равнина. Когда-то я драпал по ней так, что из-под набоек сапог летели искры.

Пик вознесся над нами, как навершие поганого храма. Тучи медленно завивались вокруг него в исполинскую, заостренную книзу воронку, постепенно меняя свой цвет с лилового на темно-багряный.

— Дларма тогхирр, — просипел Олник. — Это все неспроста!

Мой бывший напарник всегда умел констатировать очевидное.

Нам попались останки горного волка. Черная шкура местами просела, обнажив ребра. Останки еще двух волков лежали неподалеку. За камнями мелькнула грудa волчьих тел... Кости большие и малые валялись среди камней, и костей тем больше становилось, чем ближе мы подходили к подножию пика.

Ну, как там зов, Фатик? Я прислушался к себе. Зов как будто молчал.

Тучи низвергали молнии и громы.

Над входом в пещеру, как змеиный клык, нависал скальный вырост. Знакомое место... Я начал подниматься по осыпи молча и быстро, скользя на мокрых камнях. Смысл оттягивать встречу с судьбой?

— Ах-ах, ох-ох, — отдувался гном.

Водоворот из туч стал ярко-багряным, его острие почти касалось вершины пика. Всполохи молний бросали под ноги мою ломаную тень, гром заставлял пригибаться. Казалось — вот-вот ударит раскаленным молотом по голове.

— Двигай же, Ол!

— Хых... ид-ду-у...

Мы нырнули под острый козырек, в черный провал с гладкими стенами, и распределили экипировку. Ежась от промозглого холода, я напялил доспех, шишак Чайника, приладил клинки Гхашш и взял лук со стрелами. Олнику досталось все остальное.

Нам не нужны были лампы и свечи. И я знал, почему.

Скальный коридор напоминал мне драконью глотку — такой же черный и бездонный, и без малейшего намека на положительный исход в конце пути. Оставь надежду, если ты проглочен. Ну а если сам прыгнул в глотку к монстру, тем более оставь. Надежду, и одежду тоже, и мечи свои можешь выбросить за порог, чтобы у чудовища не разболелся животик.

Ход шел под уклон, в нем гулял ледяной ветер с привкусом плесени. Кажется, у монстра случилась отрыжка.

— Знаешь, куда нам идти, Фатик?

— Да. Вниз. В самую глубокую... задницу.

Олник напряженно засопел, его сопение усилилось, когда неровный круг входа в пещеру исчез, и нас окутала крошечная тьма. У моего бывшего напарника, если помните, непростые отношения с мраком, темнотой, потемками и их производными.

Я отметил, что на всем протяжении пути от входа ни одна косточка под нашими сапогами не хрустнула. Пол был чист. Странно... Демон, что, регулярно прибирается в своем логове?

Через пятьдесят ярдов ход повернул, и темнота сменилась разреженными сумерками; в стенах черными окнами проявились поперечные коридоры. В первый раз мы проблуждали по ним достаточно долго, и если бы не нить, закрепленная у выхода, остались бы здесь навсегда. Но секрет верного пути был прост — держаться основного рукава.

— Тут светло, — вдруг потрясенно сказал Олник.

— Угу, — сказал я. — Посмотри наверх.

— Лед? — охнул гном.

Свод был испещрен бисеринами голубого льда. Они сияли слабенько, как выдохшиеся светлячки, но совокуп-

ного света уже хватало, чтобы различить выражение лица моего друга. Он был изумлен, как и я в тот, первый раз.

— Светится!!!

— Угу.

Он содрогнулся:

— Чародейство, волшебство!

— Или просто светящийся лед.

Он засопел. У моего бывшего напарника, как вы знаете, непростые отношения с магией, которая лишила его бороды.

— Да-а-а... Как полагаешь, мы с демоном сладим?

На меня нахлынул злобный кураж:

— Не сладим, так побегаем. Не побегаем, так попрыгаем. Не попрыгаем, так поползаем. В крайнем случае устроим этой твари заворот кишок, авось сдохнет, гадина.

Ярдов через сто наклонный ход снова вильнул и значительно расширился. Льда становилось все больше, и вот уже его наростами покрыты стены и пол. Студеный воздух сунулся за шиворот.

— Что-то стало холодать, — проронил гном.

— Смотри под ноги, — буркнул я. — Скользко.

Чуть слышно похрустывал иней. Дыхание превращалось в пар. Пещера раздалась, на потолке и под ногами появились острые ледяные выросты, местами с перемычками, затем к ним прибавились многочисленные напластования высотой мне по грудь, похожие на заиндевевшие груды топленого воска. Раньше их не было.

— Уже скоро, — сказал я, помимо воли стараясь говорить шепотом. — Давай-ка передохнем.

Олник прислонился к глыбе льда, держа в одной руке щит, а в другой — колотушку.

— Может, обсудим эту, стратегию?

Я поразмыслил:

— Оно большое и четырехрукое, и способно подавить твою волю так, что сам к нему побежишь. Твои предложения?

— М-да... А может, оно это, парализует не всех? Я вот, например, ничего сейчас не слышу.

— Угу. И я. Одна надежда, что зов не действует на отъявленных болванов вроде нас.

Олник кивнул и наморщил лоб, что выдавало недюжинную работу мысли.

— Вот странно мне, демон с огненным сердцем — и в ледяном логове? А?

Гритт! Взаимоисключающие параграфы! И додумался до этого обыкновенный гном!

Лед и пламя плохо сочетаются, это скажет вам всякий маг, экзорцист и специалист по стихиям, а также тот, кто пытался развести во льдах костер. Например, если выставить одержимого демоном белой горячки на мороз, демон почувствует себя очень плохо и рано или поздно двинет коней вместе с человеком. Но в нашем случае все было серьезней и *выше*, ибо в пещере засел демон ростом с колокольню. Огненный демон в ледяной пещере, смекаете? Может, ему, в силу его размеров и мощи, было наплевать на скверные сочетания стихий?

Короче говоря, что-то тут было не так...

— Ладно, — сказал я, сделав глоток студеного воздуха. — Пойдем.

Паршивец отлип от тороса, и сквозь овальную прогалину в инее моему взгляду предстал...

— Олник, — позвал я. — Там, во льду, гoblin.

— Живой? — тут же проявил привычный интеллект гном.

Коричневый гoblin смотрел на нас из-под дюйма сияющего льда круглыми печальными глазами.

— Вряд ли он оживет, когда мы его разморозим, — проговорил я, окидывая взглядом... склеп.

Торосы, наплывы, нагромождения. И в каждом из них — жертва, а может — и не одна. Где-то тут был и люди, которых приглашал Чайник... Пустые, *выпитые* оболочки, как и этот гoblin. Видимо, существ с душой демон выпивал рядом с логовом, а мелочью вроде животных и птиц мог кормиться на расстоянии. Такова была моя версия.

— Вперед, — сказал я. — Давай приятно завершим этот вечер кровавым смертоубийством.

Олник посмотрел кругом и вздохнул:

— Очень нервная у нас работа!

— У кого это у нас?

— У варваров Джарси и борцов с нечистью.

Себя он скромно определил на второе место, соплюшонок!

Вход в зал прятался за двумя ледяными глыбами выше моего роста. Огры? Тролли? Неважно...

Я стал на пороге и осмотрелся.

В гигантской подгорной полости царили вечные, голубовато-стальные сумерки... Стылый панцирь на стенах искрился, словно выложенный самоцветами, титанические выросты свисали с закругленного потолка и выпирали из пола, но центральное пространство, похожее на огромную колыбель с блестящим донышком ледяного озера, было свободно.

Там, за озером, в ледяной стене до сих пор виднелась незатянута впадина. Именно оттуда я, болван, выколупал проклятую маску.

— Фа... — начал Олник, пытаясь пропихнуться в пещеру. — Гномья кур... ва-а-а...

Демон соткался из воздуха в пяти футах от меня. Непомерный рост, голова, усеянная огненными слепнями глаз, и пылающий, разбухший шар сердца...

Я успел пустить стрелу меж его облезлых ребер, выхватить клинки Гхашш и пройти по когтистым лапам, прежде чем сообразил, что и стрела, и клинки разят пустоту.

Послышался мелодичный женский смех, и свет померк на долю мгновения. Затем я повис в белой сияющей пустоте.

— Я ждала тебя, Фатик, — сказала богиня с голубой кожей.

9

Из одежды на мне был только я сам.

— Э, — сказал я, глянув вниз. — А где... В смысле: не люблю путешествовать без кольчуги на голое тело.

Раздался смешок.

— Добро пожаловать в мой локус, Фатик. Посмотри на меня. Выше. Выше...

Я посмотрел выше.

В алых глазах богини сверкали озорные огоньки. Ее бирюзовое тело было окутано золотистым ореолом. Она была высока, и... недосыгаема, нереальна, будто и не обладала телом, просто сгусток энергии.

Разлитая в воздухе чувственность лишала меня воли. Наваждение, гипноз, особая женская магия — не знаю, что это было, но я не мог противиться... *зову*. Где-то на задворках сознания мелькнуло женское лицо — большие серые глаза, милый утиный носик... Я не сумел вспомнить, кому оно принадлежит. Я, кажется, знал эту девушку когда-то. Или?..

На этом месте мне бы стоило объявить сюжетный антракт, поскольку богиня заключила старину Фатика в объятия — словно северный ветер обнял меня за плечи и приник к груди, ледяной ветер, в сердце своем пышущий жаром.

Нет, я не сошел с ума, просто ее тело одновременно обжигало меня льдом и пламенем, и не спрашивайте, как такое возможно. Я не знаю.

Кто сказал, что лед и пламя не сочетаются? Я? Забудьте.

Время остановилось и закрутилось вокруг нас... И я ответил на ее зов, не мог не ответить.

Потом мы оказались на невидимом ложе, мягком и беспредельном, черные волосы богини, уложенные в высокую замысловатую прическу без всякой видимости шпилек, растрепались, а глаза превратились в два океана бурлящего огня. Она была пламенной и ледяной, и когда наши тела...

А вот тут я, пожалуй, объявлю антракт.

* * *

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем нас просто отбросило друг от друга. Мы лежали, тяжело дыша и сплетя пальцы рук. Затем она рассмеялась и, повернув ко мне голову, с теми же шальными огоньками в глазах сказала словно между делом:

— Поздравляю, Фатик, ты только что зачал нового бога этого мира.

— ...! — сказал я.

Ее смех серебряным перезвоном отразился в моих ушах.

— Ну нет, этим именем мы его не назовем! Он сам выберет себе имя... когда воплотится.

— Когда... воплотится? А когда он воплотится?

Смех.

— Зависит от твоих действий. Но о них я расскажу тебе позже. Позже, Фатик.

Гм... Близость манящего тела богини сбивала меня с толковых мыслей.

— А почему я?

Если помните, именно с этим вопросом я, как дятел, пристал... Черт, я знаю, что эльфов было двое — высокий белокурый мужчина с брюзгливым выражением лица, и девушка с пышной золотой гривой... Но как звали девушку? Впрочем, неважно. Тогда, на вилле Бренка, я не получил внятного ответа, почему именно я им нужен, собственно, как и на постоялом дворе Мельника. Вернее, мне кое-что растолковали про героя, который требуется для похода к Оракулу, но у старины Фатика, разбившего себе лоб на прошлых ошибках, сложилось впечатление, что его умело водят за нос. Вот и сейчас...

Смех. Ее тело обжигало меня ледяным пламенем.

— Мужчины такие эгоисты! Мог же спросить — а почему ты на это пошла?

Гм...

— Ты богиня.

Смех. Она подперла голову рукой, приняв интересную со всех точек зрения позу. Я пожалел, что у меня нет третьего — летающего — глаза, чтобы одновременно созерцать ее великолепие еще и... с тыла.

— Вы, простые смертные, очень ошибаетесь, наделяя богов абсолютom в поступках и предназначении... Даже Творец не абсолютен, мы же, простые боги, зачастую ведем себя как обычные люди... Фатик!

— М-м-м...

Ее голос внезапно стал сух:

— Подними, пожалуйста, взгляд!

— М-м-м...

— Фатик!

— А? — На какой-то миг я утратил ощущение своего «я», полностью погрузившись в упоительное созерцание...

— Ты смотришь на них как младенец, который еще не обедал.

Я устыдился.

— Я знаю, что мои груди прекрасны. Но твой взгляд пробуждает во мне материнские чувства.

Я устыдился повторно.

— Ты наваждение, богиня.

Она кивнула, и мы взглянули друг на друга поверх мраморного столика. Богиню прикрывал золотистый хитон, слегка великоватый, как мне показалось. Меня, впрочем, ничто не прикрывало, и без штанов я чувствовал себя не очень уютно.

Где-то рядом, в прозрачной бесконечности, невидимая вода, журча, стекала в незримую чашу фонтана. Это успокаивало. Я поерзал на холодной мраморной скамье с низкой спинкой, затем поднял голову. Богиня улыбалась. Зубы ее были безупречны. Зрачки глаз казались угольками в океане расплавленного металла. Она все еще была наваждением, но теперь я хотя бы мог контролировать свои мысли... отчасти.

— Вот и хорошо. Ты заслужил право задавать вопросы.

— Любые вопросы?

— Задавай, посмотрим.

Я в раздумьях провел взглядом по столу, затем выше, и запнулся на вырезе хитона, обнажавшем ключицы цвета морской волны. Теплой, приятной морской волны. Если двинуться от ключиц ниже, глубже, в мягкую впадину... Нет, положительно это какая-то пытка! Чтобы отвлечься, нужно перевести мысли на нечто... мелкое и пакостное, или мелкое и отвратительное, или мелкое — и с вечным запахом перегара. Вот оно!

— Где мой гном?

— Хочешь, чтобы он был тут третьим? — Нежная насмешка.

Я содрогнулся.

— Тогда не задавай глупых вопросов.

В белом сиянии передо мной возник овал, словно кто-то подул на заиндевевшее стекло. Я увидел пещеру: Олник носился по ней, как боевая черепаха, пытаясь нанести урон сталагмитам своим молотком. Зеркальное озерцо было усыпано ледяным крошевом...

— Он думает, тебя поглотил демон. Кричит, вызывает его на бой. Очаровательный смелый идиот... И это, возможно, будущий король Шляйфергарда...

Я подумал, что ослышался:

— Олник... король... гномов? Как такое возможно? Там ведь Жрицы Рассудка? Во всех *исконных* поселениях гномов — Жрицы Рассудка!

Овал исчез.

— У будущего много дорог. Твоего приятеля я пока усыпила. Не навсегда, не вскакивай! Сядь, Фатик! Присаживайся и задавай вопросы.

Я сел, взглянул на розовый мрамор столешницы. Множество мелких трещин рассекли ее. Интересно, значит, этот столик не был сотворен только что? Гм...

А насчет дорог вероятностей... О них на вилле Бренка мне говорила... Да как же ее звали? Я помнил лишь золотистую гриву волос, милый носик, серые глаза и... Мимолетный укол тоски... Я все забыл. А от богини шел одуряющий аромат, равного которому я не встречал: он пьянил, кружил голову, завораживал...

Богиня кашлянула как обычная женщина, что проявляет вежливое нетерпение.

Я решился задать вопрос:

— Как тебя зовут? — Первый раз я занимался любовью с женщиной, не зная ее имени!

Молчание. Она погрузилась в раздумья.

— Зови меня... Лигейей.

— Спасибо тебе, Лигейя.

Она вскинула тонкие брови и рассмеялась.

— Ах, это! Ты так старомоден, Фатик. Это ответ.

— Ответ?

— Твой первый вопрос был — почему я. Это — ответ. Ты до судорог правилен.

— Э-э?

— Ты старомоден, по-хорошему старомоден, ты правильный человек. Ты из тех немногих, кто старательно, упорно тянется к Свету. И еще, — она внимательно посмотрела на меня, — в глубине души ты мечтаешь быть верным одной женщине всю жизнь. Это так... мило. — В серебряном голосе не было насмешки. — Люди в твоём... *распадающемся* мире смеются над супружеской верностью в открытую... Все смеются.

— Я не все.

— Знаю. Я верно считала тебя через пифию. Помнишь, она поймала тебя на улице Честных Предсказателей Харапты?

Свихнутый часовщик! Я вздрогнул. Скрюченная фигурка, заматанное тряпками лицо...

Гритт!

Теперь вздрогнула она. Пальцы рук сжались в кулачки.

— Лигейя?

Ноздри ее трепетали.

— Фатик, не смей *думать* это имя, не смей проговаривать его вслух, пока со мной говоришь!

— Гритт? — на всякий случай уточнил я. От большого, надо полагать, ума.

Мне показалось, что ее глаза метнули красноватую молнию в опасной близости от моего плеча. Я учуял запах шторма.

— Не... проговаривай!

— Прости. — Похоже, я вляпался. Не в навозную кучу, но в разборки высших сил, что для простого смертного куда гаже навозной кучи. Высшие силы — они, я уверен, способны прихлопнуть любого человека походя, как мы убиваем комара.

Вляпался... И кто — я! Тот, кто всю жизнь толком не верил ни в одно божество! Эх, Фатик! Почему так много бед за такой короткий срок свалилось на твою голову?

— Знаешь, богиня, — произнес я, понабравшись наглости, — я все же хотел бы уточнить еще раз...

Лигейя читала мои мысли, как открытую книгу. Она кивнула:

— Почему ты?

— Именно. Если тебя не затруднит, поясни мне подробней. Я грубый, не слишком смекалистый варвар, у которого в кулаках мыслей больше, чем в голове. Так почему я?

Тонкий смех. Она перетекала от одного эмоционального состояния к другому мгновенно, как... обыкновенная женщина.

— Ну какой же ты... варвар! Ты... — Лигейя внимательно взглянула на меня. — Нет, этого я тебе не скажу. Если тебя хорошенько отмыть и свести эту дурацкую татуировку... Кстати, да, я, пожалуй, ее уберу. Виджи будет довольна.

Виджи? Я слышал это имя раньше. Кто такая Виджи?

— Я, знаешь, не буду возражать. А кто такая Виджи?

Богиня прикоснулась к моему колену пальчиками ноги. Подушечкой ступни она провела вниз, затем отдернула ногу и расхохоталась. Я немедленно возжелал, чтобы она и поскребла меня, и отмыла, лучше всего — в горячей ванне, где взбили мыльную пену с запахом лаванды и бергамота.

Эта женщина обладала самой могучей и разрушительной магией на свете — магией вожеления. Я бы назвал это сексуальной магией, запаковал в плотные бумажные пакеты и продавал из-под полы дурнушкам всех возрастов. Тогда, подозреваю, женщины взяли бы всю власть над миром.

Усилием воли я отвлекся от разнообразных, но неизменно красочных видений, и посмотрел в глаза Лигейе. Она кивнула и усмехнулась.

— Тебе нужны мотивы? Они просты. Совокупность твоих душевных качеств. Рожденный бог будет нести твои наследственные признаки наравне с моими. Они уравновесят друг друга. Это твой мир, и ты имеешь право участвовать в его спасении.

Я задал вопрос, который пробивался сквозь вал вожеления горящим вопросительным знаком:

— А зачем моему миру новый бог?

— Потому что прежний бог твоего мира, тот, кого вы зовете Атреем, давно мертв.

П

— Бог ты мой! — сказал я и присвистнул. Не слишком пристойный жест, но, думаю, Лигейя не обиделась.

— Да, Фатик, смертны даже боги...

— А разве боги не живут вечно, как... эльфы?

Ее губы — коралловые и без меры соблазнительные — дрогнули:

— Все непросто.

Непросто? Ад и пламя!

— Все стало непросто с тех пор, как Единый Творец исчез.

— Исчез? То есть пропал с концами, ты хочешь сказать? Значит ли это, что на святых Небесах тоже нет порядка?

— Смотря что разуметь под порядком... и под Небесами.

Начинается! Если Лигейя будет говорить загадками, мы никогда не доберемся до сути! Хотя... какая суть о богах может быть доступна простому смертному?

Тут я вновь коснулся взглядом выреза хитона. Мои мысли немедленно окрасились в розовый цвет. Клянусь, все это происходило помимо воли. Не каждый день сидишь рядом с воплощенной чувственностью!

— М-м-м...

Богиня вздохнула.

— Нет, Фатик, так не пойдет. Ипостась Лигейи слишком тебя *оглушает*.

— М-м-м...

— Уверена, ты спокойно вынесешь *второй* мой облик.

Старина Фатик был как тетерев на току, поэтому он безразлично пожал плечами.

На миг потемнело. Затем я увидел, что напротив меня сидит высокая женщина, больше всего похожая на ожившую статую из белого мрамора. Хищное заостренное лицо с узкими губами цвета пепла и черными провалами огромных глаз без зрачков и радужки обрамляли длинные, ниже плеч, волосы-тени. Я не знаю, как их описать иначе — это были *живые*, шевелящиеся тени, и когда пряди набегали на высокий лоб богини, сквозь них просвечивала молочная кожа. Густая серая тень, как многослойная вуаль, окутывала ее

тело. Тени змейками разбегались из-под матовых пальцев, хрупких на вид, но созданных, чтобы рвать и метать (сперва метать, а потом рвать на куски, или наоборот). Одна из змеек, выделявая петли, скользнула к моей руке и заплела указательный палец. Я вздрогнул: мертвящий холод без всякого спроса начал взбираться по запястью, направляясь, кажется, к сердцу...

Богиня сделала нетерпеливый жест, и спиральная змея-ка-тень скрутилась с предплечья и нырнула под ее ладонь.

— Теперь мы можем говорить спокойно.

— Скажи, Лигейя...

— Талаши.

— Что?

— В этой ипостаси я — Талаши. Зови меня этим именем.

Гри... Черт, как все запутанно и сложно! Я подумал, что мне стоит избегать вопросов типа «Как ты это делаешь?», если я не захочу показаться конченным глупцом.

Виджи!

Богиня рассмеялась — и смех ее разошелся тысячью теней-шепотов, которые принялись блуждать вокруг моей головы, накатывая и отдаляясь.

— Ну, вот ты и вспомнил.

Ох... Я утер холодный пот и внезапно осознал, что на мне — прежняя одежда. Куртка, рубаха, штаны, ботинки, хитрый пояс с *покойником*. Нагрудник и шишак, правда, исчезли. Равно как и оружие.

— Итак, — спокойно молвила Талаши, — ты способен мыслить четко и можешь задавать вопросы.

Я уперся взглядом в глаза богини. От этой ипостаси веяло силой и мощью — разрушительной силой и мощью, способной двигать горами. У меня родилось неудобное чувство, что я провел ночь с ярко накрашенной куртизанкой, которая поутру смыла с себя весь грим и оказалась... оказалась богиней макабра.

Тени выскальзывали из-под ладоней богини, ныряли в розовый мрамор стола, выныривали, будто играя.

Я подумал и сказал:

— Я много где бывал. Но, знаешь, ни на севере, ни на юге среди сонма богов я не встречал твоих имен.

На пепельных губах обозначилась улыбка.

— Верно. Дело в том, Фатик, что я пришла из другого мира. Ты видел вартексы, сквозь которые Фрей призывал существ из Агона, ты понимаешь, о чем я. Миров — множество, и у каждого свой бог, а боги не очень-то любят, когда в их владения без спроса вторгаются...

— Ага, — сказал я. — Тут ты меня не удивила. Теория множественности миров — расхожая штука в моем мире. Есть даже теория *путешествующих слов*, только представь. Мудрецы утверждают, что отдельные словечки просачиваются сквозь складки миров и влипают во все языки. Вот, к примеру, словечко «шокерно» — откуда оно взялось? А прилагательное «яханный»? В нем загадочная удвоенная «н»! В Хараште обычно прибавляют к нему существительное «фонарь», так неприлично получается...

— Фатик!

— А?

— Когда я сказала, что ты можешь задавать вопросы, я имела в виду *вопросы*.

— О, гм, прости, богиня...

— Ничего. Слушай и спрашивай, но не отвлекайся на глупости...

— Хорошо, не буду. А сколько всего у тебя... ипостасей?

— Тебе не нужно этого знать.

— Хм. — Крепче знаешь — меньше спишь, или как там? Ладно. Я подумал. — Тогда, будь добра, разъясни мне насчет богов и прочего, если мне, конечно, можно и *нужно* это знать. Я, видишь ли, не очень-то верил в высшие силы до встречи с тобой.

Талаши улыбнулась уголком рта.

— В каждом из миров мультиверсума есть бог. Но твой мир — особый случай. В нем бога нет, нет высшего существа, скрепляющего бытийное начало, а значит, твой мир обречен на распад. Ему осталось... чуть меньше года.

— А что же бог моего мира? Куда он делся? От чего умер?

Волосы-тени заволновались, словно на них подул ветер.

— Ты видел его останки в пещере... в виде льда.

Я содрогнулся, вдруг осознав... Но она опередила мои слова резким ответом:

— Именно так! Мы зачали нового бога на месте гибели старого. Нет места лучше, да и я не способна произвольно выбирать места.

У богов свои резоны. Я решил помалкивать о зачатии.

— Так от чего же он умер?

Она молчала долго, дольше, чем я занимался любовью с Лигейей, а к ответу подошла издалека:

— Твой мир сейчас — мир страданий и боли, мир лжи и обмана, большую часть которых причиняют носители разума — люди. Мир без бога, наполненный игрушечными и лживыми, извращенными культами под рукой жадных и корыстных людей. Почему умер Атрей? Его убили.

12

— Гм, — сказал я.

— Это все, что ты можешь сказать?

Я мог бы сказать еще «Че?», «Как так?» и «Почему?», но воздержался от дурацких вопросов; я верил, что богиня сама все расскажет. Думаю, богов убивают не каждый день, событие — знаковое.

Она кивнула в такт моим мыслям.

— Хорошо, я расскажу тебе. Мы знаем, кто убийца, мы знаем, чем чревата смерть бога для мира, с которым он составляет единое целое... — Она взглянула на меня так, что мурашки поползли между лопаток. — Но я начну издалека... Приготовься, и слушай внимательно, и постарайся все *правильно понять*. Единый Творец создал сущее, выделив его из изначального Хаоса... Он создал миры, богов, людей и иных существ... Я внятно объясняю, Фатик?

А ведь только что она говорила, что я не похож на тупого варвара!

— Более чем, богиня, продолжай.

— Творец опекал созданные им миры, бытийную вселенную, и нас, богов, которые, в свою очередь, должны опекать смертных и уберегать миры от распада... В дополнение к богам он создал эльфов — вечноживущих опекунов смертных рас на земле...

— Опекунов, вот как? Если судить по парочке эльфов, которых я знаю, им самим нужны няньки. Няньки нужны всему эльфийскому племени!

— Фатик, эльфийскому племени нужны палачи, а не няньки.

— Яханн... что?

— Не бойся, я говорю об истинных эльфах дома Агмарта, который, восстав против Творца, был побежден им и целиком заключен ныне в мире Агон. Тех самых эльфах, что пытаются сейчас уничтожить Витриум руками Вортигена, их марионетки, тех, кто способствовал возвышению этого безумца. А ведь он безумец, Фатик, взалкавший бессмертия сумасшедший, готовый ради вечной жизни на всё!

— В нем часть демонской плоти, я знаю.

— Тебе известны лишь обрывки из того, что происходит...

— Так расскажи мне больше, богиня! Расскажи мне о том, что происходит, поведай об эльфах, ибо я весьма неравнодушен к одной эльфийской особе, как ты, без сомнения, знаешь!

Пепельные губы Талаши сложились в нечто, что я мог бы назвать «сардонической улыбкой».

— В твоём мире, дорогой мой варвар, эльфов не существует...

Я чуть не сверзился с табуретки.

— Не сущ...

— Я расскажу тебе — позже.

— Но...

В глазах богини я заметил близкую бурю и по-настоящему устрасился.

— Позже.

Не существует... Эльфов — не существует! Скажите мне, что я спятил!

— Так и быть. Но расскажи обязательно!

— Всему свое время... Вернемся же к Творцу...

Я поерзал.

— Да, вернемся. Но потом ты расскажешь мне об эльфах!

— Я обещаю, Фатик.

— Только не забудь!

— Фатик!

— Гм. Молчу. Продолжай же, богиня! Творец создал сущее и эльфов... Тьфу. Просто сущее. Остановимся на нем, ибо эльфы часть сущего, как я понимаю.

— Фатик!

— Молчу! Молчу и слушаю.

Талаши вздохнула.

— Создав сущее, выделив его из изначального Хаоса, Творец повел с Воплощением Хаоса игру, суть которой скрыта даже от нас, богов. Он играл и... почти проиграл...

— Ого, — сказал я. — Да он азартен. погоди, ранее ты сказала — он исчез. Дай-ка предположу: карточный долг — долг чести. Творец понял, что проигрыш неминуем, и сдриснул в неизвестном направлении, чтобы не общаться с кредиторами?

Талаши нахмурилась (и лучше вам не знать, как выглядит хмурая богиня):

— Не ерничай, Фатик, когда говоришь о Творце! Пожалуйста. Мы не знаем, была игра добровольной или же Творца к ней вынудили. Но в остальном мыслишь ты... в верном направлении...

— Позволь уточнить. Как долго длилась... игра?

— Долго, Фатик... Время... не имеет значения для бессмертных.

— Позволь уточнить еще раз. Нынче обстоятельства таковы, что Творца разыскивают кредиторы?

— Кредитор. Его ищет Кредитор. — Со всей очевидностью, она произнесла, *прошелестела* это слово с большой буквы, как... имя.

— То самое Воплощение Хаоса?

«Да», — сказали ресницы-тени.

— Чтобы стрясти долг или закончить партию?

— Чтобы закончить партию. Партию, проигрыш в которой Творца предreshен.

— И правила игры вам неизвестны?

«Нет», — сказали тени.

Яханный фонарь!

А я-то думал, это меня настигли проблемы, когда эльфы скупили залоговые нашего с Олником заведения, после чего

все завертелось в дьявольском танце, в котором, кстати, участвовал самый настоящий эльфийский *кредитор* по имени Митризен. Постой, эльфы? Их же в моем мире не существует!

Талаши вздохнула.

— Об эльфах — позже, Фатик.

— Уговорила... Значит, Творец... м-м-м... потерялся? — Никак не могу избыть дурацкую привычку задавать вопросы, ответы на которые я ранее уже получил.

— Он исчез, Фатик, пропал без следа, и теперь мы лишены его света, его милости! — Судорога прошла по ее лицу. — Иные из нас, богов, говорят, что он прячется среди смертных, переходя из тела в тело незримой для богов и Кредитора сущностью, другие полагают, что он скрылся в некоем тайном месте... Так или иначе, он исчез, и мы не можем его отыскать, хотя пытались, о, как мы пытались!.. Мы брошены, отрезаны от его милости и его света! Каждый в своем мире, который дан нам в надел! Мы, боги, теперь... одиноки. Так же, как одиноки вы, смертные, в мире без бога!

— А разве Творец по определению не всеведущ, не всемогущ? Разве он не мог предвидеть исхода игры?

Талаши ответила сразу:

— Он не всемогущ и не абсолютен. Он затеял игру с Воплощением Хаоса, или Творца заставили в нее сыграть. Исхода он, разумеется, не знал.

— А о ставках вы только догадываетесь?

Пепельные губы дрогнули:

— Мы вольны предполагать. Проигрыш Творца может означать распад бытийной вселенной, уход миров в лоно изначального Хаоса... А это — конечная смерть даже для богов.

Однако!

Ситуация становилась все запутанней и загадочней, как сказала бы графиня дар Конти, запутавшись вместе со мной в простыне глухой ночной порой.

Когда дела паршивы, когда над головой трещат сами основы мироздания, и, черт подери, эльфоздания, в старине Фатике пробуждается страсть к ерничанью и дурным шуткам, не обращайтесь внимания.

— Ты... упомянула Воплощение Хаоса, Талаши. Это... живое существо?

Дрожь из-под ладоней богини передалась столу, затем содрогнулся весь локус и мраморный табурет, на котором я сидел. Талаши опустила голову, прижала острый подбородок к хрупким на вид ключицам.

Черт возьми, а ведь вопрос...

Богиня кивнула:

— Вот именно. Да, Воплощение Хаоса пугает богов.

Великая Торба!

Тут я подумал, что она, скорее всего, встречалась с Кредитором. Чем же он ее напугал?

— Пояснишь?

Она вздернула подбородок и бросила взгляд куда-то мимо меня. Черные провалы глазных впадин озарялись красноватыми зарницами.

— Это существо извне бытия. Это *нежизнь*, которая пьет жизнь, если ты способен это понять.

— Видимо, не пойму, пока сам не увижу, не пощупаю, не съезжу по сопатке... Он всемогущ? Или хотя бы равен по силе вам, богам?

— Он способен убить бога. Не мимоходом, а после борьбы, жестокой изнурительной борьбы... Тот, кто умер в этой пещере... пытался противостоять Воплощению Хаоса...

— Атрей?

— Атрей. И я, Лигейя-Талаши. Я пришла на помощь к тому, которого... — Она умолкла, но я сам в уме выстроил окончание фразы. Вот как, стало быть, боги способны на взаимные чувства?

Тени молчали.

— Вы пытались помешать Кредитору? Вдвоем?

— Кредитор отчаялся найти Творца. А время идет... Года складываются в десятилетия, затем — в столетия... Скоро будет четыреста лет, как Творец исчез.

— Разве для вечноживущих время так уж важно?

— Оно важно для всех, кто живет в *линейном времени*, Фатик. Нет, не спрашивай, тебе не нужно этого знать! Кое-кто из нас, богов, полагает, что с каждым днем просрочки Творец становится сильнее, и, возможно, в итоге соберет

силы, чтобы закончить партию с выигрышем для себя. Кредитор не может этого допустить. Он отчаялся найти Творца, и поэтому прибег к шантажу. Он не может разрушать миры, созданные Творцом, но сил его достаточно, чтобы убивать богов... А без бога, скрепляющего бытийное начало, мир распадется, будет выпит Хаосом... Сейчас это происходит с твоим миром, Фатик.

Я поерзал. Муравьишки между лопатками, кажется, устроили себе постоянный, нет, *постоялый* муравейник.

— Так, погоди... Кредитор убивает богов — миры распадаются. Это знак Творцу — выйди, покажись?

— Да...

— Но Творец — ни гу-гу.

— Да... Но он слышит смерть своих детей... нашу смерть, и ощущает гибель миров, мы знаем это. Ему больно, но ставка такова, что он не может показаться... И мы боимся того, что он не вытерпит и покажется, очень боимся, но одновременно так этого хотим!.. И мы не знаем, что случится, если Кредитор Хаоса найдет Творца прежде, чем тот скопит достаточно сил... Мы предполагаем, что тогда всему сущему придет конец.

— А мой, Фатика М. Джарси мир, вот сейчас — распадается, гибнет?

— Именно так. И не только твой — но и мой мир тоже. Мир без бога обречен на гибель. Приглядишься, как быстро сквозь источившиеся крепки утекает из твоего мира магия. Еще сто лет назад она была могучей силой, а теперь у чародеев в руках лишь жалкие крохи бывшего величия! Драконы — существа с истинно магической природой — давно вымерли... Смотри, с какой скоростью образуются лживые культы вроде культа Рамшеха Дольмирского, которому, кстати, посвящен сам Оракул, или многочисленных мелких богов во Фрайторе или Хараште... Это все — признаки распада мира, в котором умер бог, я знаю это, я могу проникать взглядом в иные миры и наблюдать общую картину их гибели...

— Значит, существуют иные миры, которые распались? И много? Скольких богов убил Кредитор?

Ресницы дрогнули.

— Сейчас речь о твоём мире, Фатик. Его крепки рушатся. Осталось уже немного, время гибели почти пришло... Учти: вскоре ты столкнешься с Хаосом на своём пути. И увидишь, как он выпьет часть твоего мира... и не одну! И горе тебе, если ты окажешься в тот миг в этой части!

Я поежился. Хорошенькие перспективы!

— погоди... Но ведь ты, Лигейя-Талаши, ты — в моём мире, здесь и сейчас! И ты — богиня!

«Да», — сказали тени.

— Я бог другого мира, Фатик. Я пришла помочь Атрею в борьбе, но моя власть и сила в мире Атрея — мизерны. Таковы законы мультиверсума, который создал Творец. Простая предосторожность, оберегающая богов от конфликтов друг с другом... Мир и его бог рождаются одновременно в пламени Источника Воплощения, и составляют единое целое. Боги извне — всего только слабые гости, и они не способны уберечь чужой мир от распада. Убив Атрея, Кредитор заточил меня в локусе, из которого я не могу вырваться. Он выпил из меня почти все силы, оставив немного, чтобы жила, тлела... страдала... взывала к Единому...

— Ловля Творца на живца?

— Не ерничай.

— Но ведь я прав?

— Да... Я заточена здесь уже много лет. Я в тюрьме. Я могу впустить в свой локус кого угодно... и выпустить, но не могу покинуть пределы своей темницы. Освободить меня может только новый бог этого мира...

— Ты не выглядишь страдающей... прости мою грубость.

— Три сотни лет мое сознание было на грани распада... Я приходила в себя очень долго... Сначала как малая, чуть тлеющая искра, стонущая от боли в тюрьме-локусе, вопиющая к безмолвному Творцу... Кредитор был рядом. Он глушился, он знал, что я все слышу и понимаю. А когда он уходил, посмертная маска Атрея жалила меня мертвым взглядом... — Раздался вдох-шелест, сухой, точно ветер катал по брусчатке осенние листья. — Когда из бога выпивают жизнь, Фатик, это страшно...

Я покосился на белую пустоту под ногами и буркнул:

— Ладно. Ты уверена, что Кредитор не заявится сюда, почувствовав твое пробуждение, и не даст нам обоим по... гм... по рогам? Где он вообще? Как выглядит?

Острые плечи поникли.

— Я коплю силы уже несколько лет, и за это время ни разу не ощутила его присутствия. Я полагаю, он уверился, что ловушка для Творца не сработает, и ушел. Он способен так же произвольно переходить в любые миры сущего, как смертные — из комнаты в комнату, и уследить за ним я не могу. Он давно уже не убивает богов, ибо понял, что и этот его ход не выманит Творца. Он затаился где-то в мирах сущего, как ловчий паук, и ждет...

— Расскажи, как он выглядит, чтобы при встрече я...

Талаши вздохнула.

— Он меняет обличья как маски. Кредитором можешь быть даже ты, Фатик. Вернее, он может выглядеть, как ты.

Я вздрогнул и бросил взгляд на самого себя — смутное отражение в полированном мраморе столешницы.

— Я — это я, Фатик М. Джарси, богиня! Был, есть и всегда им пребуду, ежели, конечно, какой-то чародей из Тавматург-Академии Талестры не вздумает превратить меня в столб либо в девицу, что, как я знаю, при нынешней квеллой магии невозможно.

Пепельные губы дрогнули в слабой улыбке. На миг сквозь глаза Талаши на меня взглянула шальная Лигейя.

— Я бы не сказала, что это невозможно... Но тебе нечего беспокоиться, тебя — не превратят. Ты должен еще много сделать...

— Ты намекаешь, что у тебя имеется для меня работенка?

«Да», — сказали тени.

На меня снова надевали ярмо. Но, знаете, я постепенно начал привыкать к таким поворотам.

Мы помолчали. Волосы-тени тревожились, по ним пробежала рябь, хотя я не ощущал ветра. Впрочем, богиня в ипостаси Талаши, даже сидя, была намного выше меня — может, ветер все-таки задувал, скажем так, *поверху*.

Я проговорил:

— Хорошо. Кое-что я понял, кое-что осознал. А теперь,

Талаши, разъясни, что мне предстоит совершить и почему, Гритт подери, мне нельзя чертыхаться именем Гритта. И, яханный фонарь, прошу тебя очень вежливо, расскажи мне, твою мать, *об эльфах*!

13

И богиня рассказала мне об эльфах*.

14

- Прощай.
- Я буду тебе сниться, Фатик!
- Только не в облике Лигейи.

Мне показалось, что в глазах Талаши сверкнул насмешливый огонек.

- Удачи, Фатик М. Джарси!

Я поправил пояс, куда уложил кровавую каплю Бога-в-Себе. Мне показалось, что эта штуковина, соединенная отныне с нитью моей жизни, внезапно стала тяжелее каменной глыбы...

Свет померк, и я очутился в ледяном мортуарии прямо перед статуей моего напарника. Олник стоял, прикрыв глаза, и бурно дышал, распахнув рот.

Магический мерцающий лед, на который распалось тело убитого Кредитором Атрея, был изрядно подтоплен вокруг гномьих ботинок. Сам гном продолжал разогреваться. Если помните, я как-то говорил, что гномы с холодом на «ты», и Олник был тому примером. Уж не знаю, какова

* Безусловно, это одна из самых коротких глав в истории литературы. Но ей далеко до главы из беллетризованных мемуаров знаменитого хараштийского вора Зорана Вид-Орка (фамилию оставим на совести его папаша, какого-то залетного гуся с Южного континента), «О природе украденных вещей», она настолько коротка, что я решусь привести ее здесь, в этом примечании, вместе с названием самой главы, итак. «Глава о том, как я, совершая вечерний моцион в полночь в купеческом квартале, никого не трогая, схлопотал нож в спину от неизвестного ублюдка». Текст главы: «Хр-р!»

природа феномена, но чем холодней вокруг, тем сильнее разогревается гномья кровь, не допуская обморожений тела. Она, конечно, не вскипает, но делается чрезвычайно горячей, не вредя при этом внутренним органам и, в первую очередь, мозгу (и не нужно шуточек на тему «Было бы что повреждать в гномьей черепушке»!). Реакция продолжается до тех пор, пока вокруг не станет теплей, или внутренние резервы организма не иссякнут. Правда, после такого на гномов нападает лютый жор, вещь крайне затратная, если учитывать размер гномьего желудка (а влезает туда, поверьте, много), так что подавляющее большинство этих ненасытных малышей при наступлении холодов предпочитают все же утепляться.

Я переступил нагрудник из драконьей чешуи на рыбьем клее и щелкнул напарника по носу. Талаши сказала, что в этом случае Олник отмерзнет. Чувство юмора у богини... гм, было.

— Фатик! — Гном попытался сграбастать меня в объятия.

— Отлипни!

Он зарыдал:

— Эркеши махандарр! Я же видел, как тебя проглотил демон!

Я отстранил его и принялся бродить меж ледяных пик, собирая оружие. Товарищ семенил следом. Оскользываясь на льду, он продолжал рыдать:

— Он наклонился и тебя — ам! Я же видел! Видел! Как ты выбрался, слушай? Ты вспорол ему брюхо, да? Я знаю!

— Оптический обман — это я его проглотил.

Он заморгал, вытер слезы:

— Да-а?

— Брось таращиться, давай собирай наши манатки. Здесь больше нельзя оставаться.

— А...

— Пойдем.

Она все еще не уснула, я ощущал ее взгляд, направленный, казалось, отовсюду. Многомерный локус-тюрьма, невидимый для смертных... Талаши — или Лигейя? Лигейя — или Талаши? Кто сейчас смотрел на меня оттуда?

* * *

— Не все дары, которые вы получите от меня, проявятся сразу... Твой гном — бесстрашный маленький гном — получает то, в чем сейчас видит смысл своей жизни...

— Что же это? — спросил я рассеянно, слишком ошеломленный открытыми мне тайнами.

— Он скоро узнает. И ты.

— Материальное?

— Ну, это как посмотреть.

— Золото? Богатство? Ему как раз и нужно... богатство.

— Как посмотреть.

— А что получу я?

— Два твоих дара проявятся со временем.

* * *

Я остановился и взглянул на Олника:

— Ничего не чувствуешь?

— Ась?

— Ты... черт, не отвечай вопросом на вопрос, а то я плохо о тебе подумаю! Тебе обещан некий дар от обитательницы этого места!

— Мне? Дар? *Подарочек*? — Он тут же — деловито! — обшарил карманы штанов и выволок обгрызенный ржаной сухарь. — Вот этот, что ли? Дларма... Так это мой, я его, вот, надкусил!.. А есть охота-а-а...

— Нет, как бы тебе сказать... Может быть, что этот дар... он не вполне материален. Прислушайся к себе: ты ничего не ощущаешь?

Он прислушался.

— Ну, я бы сходил по-маленькому...

Где он нахватался этих инфантильных словечек? Крессинда воздействовала, не иначе! Был гном-мужик, стал — мямля. А вообще, я втайне надеялся, что богиня подарит Олнику ум.

— погоди, в пещере нельзя, здесь святое место.

— Да-а? А куда ты дел демона, слушай?

— Съел.

— А... а....

— Да не было тут никакого демона, Ол. Это обман, внушение, иллюзия.

— Но я же ви...

— Ты видел фантома.

— Ничего не понимаю!

— Я разъясню тебе позже.

Клинки Гхашш я подобрал уже у створа пещеры.

— Пойдем.

Мы шагнули под арку.

В пещере грохотнуло, и я обернулся. Посреди ледового озерца лежали столик розового мрамора и две скамьи. Сверху на них спланировал золотистый хитон. Перед сном богиня выбросила эти предметы из своего локуса.

— Дохлый зяблик, я надеюсь, ты мне все-все пояснишь! — пропыхтел Олник, когда мы направились в коридор, ведущий к выходу.

— Всенепременно, — изрек я, — проясню до искр из глаз, а если не усвоишь с первого раза — возьмусь за розги.

В недрах пещер родился звук, напоминающий шепот. Он стремительно накатил и истаял, только порыв легкого ветра поскольхнул мои волосы.

Богиня уснула, чтобы прозреть дороги моего будущего.

* * *

Вечернее солнце хитро шурилось на меня сквозь остатки туч. Оно наполовину скрылось за дальней грядой, поджимаемое ночью, которая наступала с востока. Вокруг пика небо было — чище некуда, глубокое, цвета индиго.

Час?.. Прошел примерно час, если судить по солнцу. А мне казалось, что я пробыл у богини гораздо дольше. По моим внутренним ощущениям наша встреча заняла, пожалуй, часов пять. Богиня, очевидно, умела играть со временем внутри своего обиталища. Интересно, что она подразумевала под *линейным временем*, а?

Неспешно мы спустились с плато. Спешно ходить в сумерках, когда под ногами стелются корни, вообще-то не рекомендуется.

На меня внезапно накатила зверская усталость. Знаете, зачатие нового бога стоит доверять людям помоложе, каким-нибудь школярам лет двадцати, этим молодцам любые усилия чресл — как с гуся вода.

В моей голове теснилась тысяча мыслей. Все, что сказала богиня, было настолько...

Но я слишком устал.

Уже в темноте мы добрались до ручья, и, нарубив лапника, устроились на ночлег, не разводя костра, ибо готовить на нем было нечего. Мы шли на смерть и не захватили провизии. Олник, жуя сухарь, мямлил что-то про хорошую еду в гоблинской столице. Я, не раскрывая глаз, предложил ему немедленно отправиться не только в столицу, но много, много дальше под сводный оркестр безумцев и прокаженных.

— Будет день — будет пища, дорогой друг.

— Да-а?

Я перевернулся на другой бок.

Все-таки зря Талаши не дала ему ума.

* * *

— Так значит, Великая Торба — это брехня?

— Прими ее как метафору осуществления бытия и успокойся: в твоём мире зато существует настоящий Князь Тьмы!

* * *

Князь Тьмы, надо же. Но это ладно, это мелочь и ерунда, как и то, что мой мир скоро исчезнет, если я вовремя не обстряпаю одно дельце.

Самое главное, это то, что я узнал об эльфах (я буду называть их так, и плевать мне, что эльфы они немножко липовые), и...

Черт возьми, слушайте, а ведь, по обычаям Витриума, я-то теперь — женат. Правда, ровно на четверть, согласно эльфийскому закону о Четверном Бракосочетании. Виджи Риэль Альтеро (богиня назвала мне полное имя моей эль-

фийки) — моя *четвертушка*. Нам нужно прибыть в Витриум и пройти еще *три* ритуала, и только тогда мы будем считаться полноценными супругами. Дурацкие эльфийские заморочки!*

Только вот две заковыки. Первая. Богиня отказалась просветить меня на предмет того, практикуется ли у эльфов многоженство или многомужие, и кем является для Виджи Квинтариминиэль — братом или все-таки ненаглядным мужем. Играть вторую скрипку в браке я не собирался. Не слишком сложно объясняю? Я старомоден и предпочитаю отношения один на один. Не один на два, не два на три, не три на двадцать три, от таких штучек я драпаю, только меня и видели.

Итак, если выяснится, что эльфы практикуют множественные браки, я, как ни прискорбно, просто удеру от моей сероглазой и утконосой...

Один на один. Никак иначе. И называйте меня старомодной сволочью, а полигамию оставьте животным.

Вторая заковка стояла первой. Понимаете, я изменил своей жене с богиней, даже не познав радости первой брачной ночи.

15

— Итак, Фатик, дело...

Ну же?..

— Слушаю, богиня.

— Пробуждение нового бога возможно лишь в пламени Источника Воплощения. Источник — во Внешнем мире...

Меня кольнуло недоброе предчувствие:

— Те самые Небеса, на которых раньше пребывал Атрей и с которых его низринул Кредитор?

— Да... Те самые Небеса, которые Гритт Проклинатель сделал своим личным адом.

— С карточными играми и демонессами...

* Я уже говорил как-то, что поведаю вам об обычаях Витриума, как только окажусь в самом Витриуме...

— Внешний мир, где обитают божественные сущности, окутывает Внутренний, где обитают смертные, незримой оболочкой. Понимаешь?

— Я не жалею на слух.

— Сейчас во Внешнем мире — ад.

— Постой, а настоящий ад — существует? Преисподняя, в которую грешники попадают после смерти, по уверениям священников Атрея и лживых культов типа Рамшеха?

— Тебе не нужно этого знать.

— А... а рай? Как обещает культ Атрея?.. Что происходит с душами праведников, Талаши?

— Тебе не нужно этого знать, Фатик.

— Не совсем понимаю...

— И не поймешь. Тебе и не нужно этого понимать, Фатик. Если я расскажу тебе все как есть — твои шансы на успех нашего дела станут мизерными.

— Ладно, не хочешь пояснять — не надо... Так какую же работенку я должен для тебя проверить?

— Ты возьмешь зерно Бога-в-Себе, отправишься во Внешний мир и положишь зерно в Источник Воплощения. Портал, соединяющий Внутренний и Внешний миры, — это колодец Оракула в Зале Облачного Храма... Червоточина, которая образовалась, когда Атрей и Кредитор падали во Внутренний мир из мира Внешнего... Через колодец Оракула ты попадешь на Небеса. Новый бог твоего мира вернет тебя обратно.

Пауза... Старина Фатик едва не сверзился со скамьи от известий.

— Мой... сын? Парнишка, которого мы, прощу прощения, вот сейчас... зачали? А разве... ты не должна... девять месяцев... Я думал, ты выносишь его, ну, как полагается...

Багряная слеза выкатилась из левого глаза Талаши, сорвалась с острой скулы и упала на подставленную ладонь.

— Это зерно с новым богом твоего мира. Это Бог-в-Себе. Твой будущий сын.

Я принял его в свою ладонь. Вообще-то это самое зерно не походило на зерно, скорее, оно напоминало налитую соком виноградину, да и весило примерно столько же.

— Теперь расскажи подробнее, — сказал я.

* * *

Этой ночью мне не снилась Виджи, богиня или, спаси провидение, Олник, мне почему-то приснился человек, подрядивший меня увезти посмертную маску Атрея, которую, издеваясь над Лигейей-Талаши, снял с агонизирующего бога Кредитор. Мой наниматель щеголял искрящимся именем Кварус Фальтедро, и руководил факультетом Духовного просветления Тавматург-Академии в Талестре (Южный континент, примерно четыреста миль к востоку от Дольмира). Глубокий взгляд, аскетичное сухое лицо с окладистой бородой и любопытным носом (он действительно таким выглядел, этот нос — заостренный, похожий на указку)... Декан кафедры, на которой изучают духовное просветление, да еще с такой респектабельной внешностью, не будет врать, правда?

Сбрехал. Прихватив маску, он улизнул посреди ночи, лишив меня положенного гонорара.

Уже после я подумал — а может, он никакой и не декан?

Иногда я бываю слишком доверчив.

Нет, слишком — неверное слово. Лопух, так вернее.

— Борода-а-а!

Это слово взорвалось у меня в голове. Не сказать, что я умею управлять снами, но иногда сны показывают мне именно то, что я хочу увидеть. Так вот, я как раз дошел в своем сне до упоительного момента: мои пальцы охватили шею Фальтедро и сжались до той степени, что у декана факультета Духовного просветления выкатились честные, небесно-голубые очи...

— Борода-а-а!

Новый вопль подбросил меня на груде лапника, как удар. Олник носился от берега ручья ко мне и обратно, трогал себя за щеки и вопил, будто в его штаны залезла погреться гадюка. Подбежав ко мне, он изобразил на своей распрекрасной (с точки зрения, скажем, слепого безумца) физиономии оргазмический восторг и заорал:

— Фа... тик! У меня... растут... Это же... бо... ро... да-а-а-а!

На щеках и подбородке бывшего напарника пробилась густая, угольно-черная щетина.

Он вновь помчался к ручью, где среди набросанных у берега камней виднелись островки спокойной воды, и начал всматриваться в них, как в зеркало.

Ну и? Я не удивился.

Крессинда не хотела *мужить* его на себе без бороды. Вот он, дар богини. Или проклятие: кто знает, как сложится их супружеская жизнь, верно? Однако какие же дары богиня припасла для меня?

Было утро. Было высокое, безоблачное небо. Было солнце. Был пик, похожий на вязальный крючок. Неподалеку Олник, вспомнив молодость, ходил по берегу колесом.

А я хотел видеть рядом с собой эльфийку с утиным носом. Эльфийку, которая была *не совсем* эльфийкой. Мою добрую фею... Виджи, которую звали на самом деле Риэль. Мою... четвертушку. Я хотел рассказать ей обо всем, поделиться сомнениями и горестями, которых было несколько больше радостей. Но рядом со мной был только крикливый гном, ходивший по берегу колесом.

Я дождался, пока он, изображая акробата, не шлепнулся в воду. Затем извлек на берег, и, пока он сушился, не снимая одежды, как истинный гном, присел на валун неподалеку от ручья и начал рассказывать. Мне просто нужно было поделиться с кем-нибудь тем, что я *еще* узнал о делах, напрямую касающихся моего мира и меня, Фатика М. Джарси, варвара с лбом из мореного дуба.

* * *

Итак...

В каждом из миров мультиверсума Творца есть бог. Один бог на один мир, ни больше, ни меньше. Боги живут, собирая среди смертных инвестиции в веру в самих себя. Это их хлеб, их амброзия — напиток бессмертия. Ужми поток — и бог начнет чахнуть. Закрой поток — и бог утратит почти все свои силы и, возможно, умрет. Бог не может напрямую воздействовать на смертных во Внутреннем мире, человеку и иным разумным дана свобода воли. В широком понимании — это бесконечность дорог, по которым волен пройти смертный до своей кончины. Однако боги могут использо-

вать пророков, даруя им возможность творить чудеса — как иначе возвестить о своем существовании? — чтобы создать, таким образом, веру, а в дальнейшем — и структурированную религию, светлую — без жертвоприношений и нелепых обрядов.

У богов есть помощники — в нашем мире их называют ангелами, существа, накрепко привязанные к Внешнему миру. Они смертные слуги бога, подай-принеси-выйди-вон, давай, до свидания. Так сказала мне Талаши...

Гритт был ангелом Атрея, и занимал высокий пост в местной иерархии. По смерти Атрея среди ангелов воцарился хаос (я пишу его с маленькой буквы, ибо этот хаос совсем не ровня Изначальному Хаосу). Затем он перерос в схватку за престол. Победил Гритт. Он не мог стать новым богом, он стал... управляющим, временщиком, диктатором. Боги не абсолютны, как говорила Талаши. А уж ангелы — тем более. Ну а творить зло куда проще, чем причинять добро, вы уж поверьте варвару, который повидал всякое. Власть — пускай и временная, полученная путем насилия — развратила Гритта очень быстро, и не было рядом Творца, который бы велел этому существу, выражаясь гномьей метафорой, слегка подкрутить шестеренки. Спущенный с поводка всех и всяческих запретов, ангел быстро сменил окраску перьев с белой на черную. Гритт стал Князем Тьмы: он собирал со смертных инвестиции в ложь и страдания с попуска Кредитора и, таким образом, продлевал свое существование... Еще одна ловушка для Творца. Обо всем этом Кредитор рассказывал Талаши, когда она, лишенная сил, едва тлела слабой искрой.

Короче, времена настали сложные, лживыми богами через лживых пророков начали торговать оптом и в розницу: в одной Хараште разрешенных богов было пятьдесят штук, и каждый такой бог приносил в казну Гритта инвестиции в ложь, а Аркония и Фрайтор напрямую поклонялись Чозу — правой руке Гритта, демону-помощнику, возвращенному в Источнике Воплощения. При этом все население Южного и Северного континентов поминало Князя Тьмы через слово...

Но Гритт не мог заменить божественное начало, он был временщиком и мог наслаждаться текущим моментом в

небесном аду ровно до распада мира. Он был обречен так же, как и мы, и он это понимал, и от этого его зло только множилось. А миру осталось жить меньше года.

Так обстояли дела на Небесах на сегодняшний день.

Когда Кредитор убил Атрея и заточил Лигейю-Талаши, боги миров растерялись и устрашились. Уходя, Творец не оставил указаний на случай такого форс-мажора. Как помочь моему миру, если, попав в него, бог-чужак лишится основной части своих божественных сил и легко может пасть жертвой Воплощения Хаоса? Разумеется, никто не явился в мой мир, чтобы помочь Лигейе-Талаши: боги сидели по своим углам и дрожали. За всевышних теперь должен отдуваться некий Фатик М. Джарси, человек. Мое почтение!

Проведя в болезненном забытии сотни лет, Лигейя-Талаши, наконец, отыскала в себе силы, чтобы бороться. За себя и за мой, Фатика Джарси, мир, будь он неладен. Пока она приходила в себя, медленно, как ползет улитка, в моем мире вымерли к чертовой матери драконы, магия из шитых золотом одежд обратилась в жалкое рубище, а вера превратилась в нечто, на чем хитрецы зарабатывают капитал.

То, что делала богиня, было грехом, с точки зрения Творца, богов, ангелов, людей и прочих разумных созданий. Еще не вполне очнувшись, она начала поглощать жизненную силу насекомых, животных и птиц, души гоблинов, огров (у них все-таки есть душа, удивительно!), приманивая их с помощью магического зова. Поглощать — чтобы выжить, чтобы осуществить свой план. Она творила малое зло для блага целого мира, и для своего блага. Вначале зов был едва слышен, затем, постепенно усиливаясь, Лигейя-Талаши смогла его расширить. Она превратилась в бога-вампира, еще одна коллизия, непредусмотренная Творцом. Теперь при желании она могла поглотить весь поселок Закипающего Чайника, заодно прихватив храмовников Чоза с их лошадьми. Но даже если бы она поглотила полконтинента, ее сил все равно не хватило бы, чтобы вырваться из плена локуса, сотканного существом извне бытия. Однако энергии было достаточно, дабы, наконец, осуществить задуманное. Демон был приманкой. Талаши надеялась, что бутгурт моар будет

направлять в пещеру воинов-людей, среди которых она выберет достойного кандидата в... гм, отцы. Именно человек должен был зачать нового бога. Почему — она не сказала, хотя, видит Небо, я спрашивал весьма настойчиво. Никто из людей не прошел отбора... Их души были черны и полны страха. Кто-то был поглощен богиней, кто-то просто сошел с ума от страха при виде демона, иные бежали... Затем Талаши вспомнила о человеке, который украл посмертную маску в тот момент, когда она только приходила в себя. По особому магическому следу, который тянется за каждым, кто прикоснулся к посмертной маске Атрея, она выследила меня, считала через пифию и убедилась, что я — именно тот, кто ей нужен: безрассудный глупец, смелый дурень с добрым сердцем. Вдобавок мой путь должен был пройти мимо пика, так похожего на вязальный крючок...

Иногда случайные события сплетаются в логически выверенную цепочку, верно?

Или... Или в рассказе Талаши что-то было не так.

Лгала ли мне богиня?

У меня пока не было ответа.

Однако в хитром поясе лежало зерно нового бога моего мира.

Я достал его и показал Олнику

* * *

Гном смотрел на меня, открыв рот. Затем перевел взгляд на мою ладонь, где лежало зерно Бога-в-Себе.

— А-а.... — сказал он. Подумал и добавил: — Эркешпи махандарр!

— Это все, что ты понял?

— Ну... Я понял, что эта вот штука, она ну вроде как твой сынуля...

— Не вроде, а точно, а я — его папуля.

— Ага. И еще понял, что нашему миру гаплык, если ты не... — Тут его лицо приняло хитрое выражение. — Слушай, а как ты думаешь, может, гномы уцелеют, если забьются поглубже в пещеры?

— Это вряд ли, мой дорогой Гагабурк.

— И до конца света остается меньше года?

— Десять-одиннадцать месяцев... Так сказала богиня. Мир уже трещит по швам. Сначала его будто точит ржавчина... на первый взгляд незаметно, долгие сотни лет. А вот под конец распад происходит очень быстро... Талаши сказала, что до того, как прибыть к Оракулу, мы заметим первые признаки того самого, стремительного распада.

Олник наморщил лоб.

— Значит, тебе нужно прийти к колодцу Оракула, и... Дларма, но туда глубоко прыгать... и падать...

Я покатал зерно нового бога меж пальцами, поглядел на просвет. В глубине мерцают багряные искры. Яркие, живые, черт возьми — игривые!

— А можно потрогать? — Не дожидаясь разрешения, бывший напарник выхватил зерно и поднес к самым глазам. — Ух-х, красота-а-а...

Не знаю, откуда у гномов такой «талант» — ронять все ценное и нужное, но Олник обладал им сполна: не успел он договорить «красота-а-а», как Бог-в-Себе непостижимым образом вывернулся из его пальцев и запрыгал по направлению к ручью.

— Ой! — сказал гном. — Караул!

— Шмак... одявка! — крикнул я, вскочив.

— Да вот же он, вот! Хватай!

Я и схватил, в последний момент каким-то чудом умудрившись поймать зерно над водным потоком.

— Знаешь, даже ругать тебя не хочется.

Гном потупился.

— Да я... Слушай, прости! Я не хотел, правда! Ой...

Я спрятал Бога-в-Себе в хитрый пояс, рядышком с *бодрячком покойником* и обманными игральными костями.

— Молчи уж, горюшко! На чем я там остановился?

— На колодце Оракула. Ты туда, того, сиганешь.

— Так или иначе, но я должен это сделать. Колодец Оракула — единственные близкие врата во Внешний мир из мира Внутреннего. Так сказала Талаши. «Иные врата далеки и опасны», — вот что она сказала еще, и не захотела уточнять, дескать, мне этого знать не нужно. Спуститься — или вознестись — затея милая и несложная. Бог-в-Себе за-

щитит меня от смерти там, и, как сказала Талаши, обережет и от Гритта.

— А здесь?

— Здесь? Нет, здесь он ничего не может сделать напрямую... Нельзя вмешиваться напрямую в дела смертных. Великая Торба, ты уже позабыл все, о чем я толковал!

Олник почесал в затылке.

— Это да, это я понимаю... А твоя богиня, она, стало быть, может?

— Она не из моего мира, закон невмешательства на нее не распространяется, вдобавок силы ее мизерны. Так придумал Творец, оберегая богов от конфликтов друг с другом. Ты бог только в своем мире, в чужом — ты гость, хотя и с божественным началом.

— А-а-а-а... ага! Слушай, голова от мыслей пухнет... А можно, я расскажу все Крессинде?

— Даже и не думай! Учти — проверю! Дай мне слово, что не расскажешь никому, пока не разрешу!

— Ох... Даю слово. Но... Негоже бросать товарища и друга... Я подумал: а что, если я, да еще Крессинда, сиганем в провал с тобой за компанию?

Эркеши же твою махандарр! Ручной ад в виде парочки влюбленных гномов — всегда с Фатиком. Приветствуем!

— Ни в коем случае! Бог-в-Себе может защитить только меня одного. Так что, придется самому... Выражаясь метафорически, меня вздернули за шкурку и бросили в терновый куст.

— Чего-о-о?

— Ну, это как если бы тебя насильно заставили жрать гуляш из зеленых гоблинов. — Я не упомянул, что богиня связала Бога-в-Себе с нитью моей жизни, что, если я его утрачу, скажем, если его у меня украдут, или того хуже — отберут, то умру — правда, я не уточнил у богини насчет того, как быстро меня постигнет гибель. Я не винил ее за это, пожалуй, это был хороший дополнительный стимул быстрее разобраться с делом. Ну а жизнь самого зерна была ограничена девятью месяцами. Если я не поспею к Источнику — Бог-в-Себе умрет. Ну а после — уже гарантированно настанет конец моему миру.

— Гуляш из гоблинов? Фу-у-у-у!

Гном передернулся и опустил плечи. Затем ощупал щетину на подбородке и приосанился. Сукин сын уже примерял брачный килт, и плевать ему было на конец света!

— Да-а... А новый бог, он, стало быть, поможет решить наши... финансовые дела? А эльфикам — забороть Вортигена?

Я потянулся и случайно заглянул за вырез рубахи: татуировка исчезла! Вот вам и подарок! Лигейя-Талаши знала, что татуировка раздражает мою женщину.

Гм, спасибо, богиня... Хотя... ты ведь обещала убрать татуировку до того, как сказала мне о подарках. Значит ли это, что первый подарок еще не получен?

— Так что там насчет разборок?

Я сказал мягко:

— Ты снова все позабыл. Бог и ангелы не могут вмешиваться в дела мира смертных напрямую. Но, считаю, как-нибудь он поможет, отрядом пророков, умеющих творить чудеса, например.

Тут его взгляд приобрел заинтересованное выражение:

— А награда за нового бога будет?

— А тебе лишь бы деньги!

— Ну... оно так, — он коснулся щетины. — Я теперь парень хоть куда, надо подумать и о приданом!

Яханный фонарь!

— Будет тебе приданое, дай мне только спасти мир.

— Ага! Слушай, а вот насчет Князя Тьмы...

— Ну?

— Если он заодно с Кредитором, не станет ли он нам, ну, мешать?

Я вздохнул и подумал, что на месте Талаши сейчас охотно перекусил бы гномом. А на месте Фатика я бы сейчас хлебнул горячительного, только, увы, я обещал Виджи не пить до конца похода.

— Сказано же: божественные создания и всякие прочие к ним приближенные не могут вмешиваться в дела мира смертных напрямую под угрозой потери своих сил. Надмировой закон. Закон Творца, Олник! Может, Гритт попробу-

ет подкатить ко мне через пророка. Но такому пророку я сразу выпишу непечатных.

— Ага, и я помогу. Слушай, а как узнать пророка, а?

Я пожал плечами:

— Без понятия. Как заметишь какого-то малого, по виду — сущего идиота, знай — это может быть пророк Гритта. Ну, и еще у пророков обычно распатланная борода, а если он пророк Князя Тьмы, то, может быть, по нему еще скачут блохи.

— Да-а-а... Эркешш махандарр, а вот еще что мне в голову пришло: я, наверное, спрошу Крессинду про наследника Гордфаэлей, а? Ну, чтобы мы знали точно. — Он потрогал щетинистый подбородок. — Уж теперь-то она ответит, уж теперь-то она не откажет!

— Брось, и так ясно, что это Монго.

* * *

— Так для чего отряд идет к Оракулу, Талаши?

— Ну, предположим, в твоём отряде находится последний прямой наследник династии Гордфаэлей, одно имя которого способно вдохновить распадающийся Альянс на победную войну.

— Предположим?

— Тебе не стоит знать больше. Узнаешь больше — и твоя судьба сложится трагически. Я так вижу. Будущее составляют множество дорог, помни об этом.

— Гритт... теперь ясно, почему Фрей так настырно пытался нас прихлопнуть... Хотя бы скажи мне, кто он, этот наследник?

— Фатик, поверь, тебе не стоит знать больше.

Я произвел быструю прикидку в уме. Отбросим эльфов: Империей Фаленор всегда правили люди. Альбо и Скареди не годятся, слишком стары. Крессинда — само собой, гномша. Остаются Имоен и Монго. Прямой наследник династии, пусть даже последний, воспитывался, скорее всего, в благородном доме. Имоен выглядит простушкой. Она чудесная, замечательная, исключительно мягкая, но — воспитание! Все эти «могет», «чевой-то» и прочее... К тому же она

из Нагорья Тоссара, воспитанница друидов, скорее всего, там и родилась. Хм, с другой стороны, может быть, Травельян Гордфаэль, будучи с дипломатическим визитом в Тоссаре, имел случайный роман с местной жительницей?.. Не исключено, однако сомнительно — насколько помню из истории, последний император дома Гордфаэлей не пользовался репутацией повесы. Так что, нет, вряд ли это Имоен. А вот Монго — тонкошейй аристократ с лютней, которую я хотел разбить об его башку... Монго Крейвен и был тем самым прямым наследником династии, которого Фрей так упорно стремился убить! Почему же эти проклятые... эти... мои эльфы не рассказали мне о нем с самого начала? Что это за дурацкие игры в тайну? И зачем мы тянем наследника к Оракулу, а?

Талаши смотрела на меня с неясной улыбкой.

* * *

Я привстал с камня и отряхнулся. Снова заглянул в вырез рубахи: никакой татуировки! Надо же, м-да...

— Давай-ка собираться. Закипающий Чайник, небось, все глаза проглядел. Кстати, я спросил богиню, кто отравил лошадей в «Полнолунии».

— О! Кто?

— Ответ был парадоксальным. Тот, кто отравил лошадей — не предатель.

— Как так? Это как же так? Ах ты ж яханный ты нахрен!

— Ну, я примерно так и подумал. С какой-то целью богиня говорила со мной обиняками.

Олник напялил передник с драконьими чешуями на рыбьем клею.

— А вот если она тебя... обморочила?

— Корыстный обман? Не знаю... Она недоговаривает о некоторых вещах... Я бы сказал, о многих вещах. Прямое знание, дескать, может сбить меня с верного курса.

— Ты сказал, что она видит будущее!

— Возможное будущее — с тысячью дорог. Будущее, которое зависит от наших действий, от наших усилий здесь и сейчас.

— Э...

— Брось, не думай, пошли.

Я оглянулся на пик, похожий на вязальный крючок. Он выблискивал на солнце.

Когда мы перебрались на другой берег ручья, Олник вдруг приостановился и звонко хлопнул себя по лбу:

— Фатик! Одиннадцать месяцев — это же прекрасно! Значит, мы с Крессиндой успеем *помужиться*, а может, еще и родим ребенка!

16

— А я уже прикидывал и так, и эдак. Прицепить фальшивую бороду? Вскроется при первом поцелуе!.. И это я уже не говорю про брачную ночь! Приклеить? Отлипнет! Оставалось покончить с собой! А что? Я не видел другого выхода, эркешш твою махандарр!

Будь его воля, Олник порхал бы между деревьев. Он то и дело, погромыхая сбруей, забегал вперед, поворачивался ко мне, и, как бы невзначай, трогал себя за колючие щеки, при этом поглядывал на меня хитрым глазом: мол, оценил или нет? Большой ребенок. Я благосклонно кивал, но мысли мои пребывали далеко. В них царили хаос, разор и смятение. Не каждый день тебе сообщают, что мир вот-вот рухнет, и, мол, не будешь ли ты любезен его спасти: вот тебе плод твоих чресл, отправляйся-ка с ним в ад, который на деле не ад, а извращенные Князем Тьмы Небеса. Не каждый день ты занимаешься любовью с богиней. И не каждый день вдруг осознаешь, что изменил — пускай и неумышленно, своей жене. И не каждый день ты узнаешь, что женился по чужому обряду, будучи при смерти, едва способный сказать «да» или «нет» (если помните, я сказал Виджи «да»).

* * *

— Богиня, что такое «аллин тир аммен»?

— Уверен, что хочешь узнать?

— Просто скажи...

— Уверен?

— Талаши...

— Эльфийское понятие... которое непросто переложить на человеческий язык. Ну, скажем, примерно это звучит как «Безупречная справедливость».

— Гри...

Улыбка.

— А ты думал, это «Любовь на все времена»?

— Я...

— Твои мысли открытая книга, Фатик.

— Не понимаю... Виджи что, спасла меня из... чувства справедливости? Она убавила свою жизнь до человеческой мерки просто из чувства долга? А если бы на моем месте был Скареди? Монго?

Богиня покачала головой — весьма неопределенный жест.

— Мотивы эльфов иногда... людям сложно понять. Пусть даже эти эльфы не совсем эльфы, они остаются скрытными и сдержанными в проявлении чувств. Риэль принесла жертву, на которую ее подвигли... Воспринимай «аллин тир ам-мен» как метафору проявления ее чувств, метафору, которую можно трактовать очень, очень широко.

Как сложно... Да уж, какой мир, такие и эльфы!

— А вообще, спроси ее сам, Фатик. Спроси ее сам. Но ты не спросишь.

— Э-э?

— Когда вы встретитесь, ты все поймешь сполна и без вопросов. Да, вот еще...

— Что?

— Ответное чувство эльфийской женщины сложно заслужить. Но если уж заслужил, и девушка раскрылась тебе навстречу... Все, что произошло сегодня между нами, она примет... со временем... Ты можешь не опасаться за свою жизнь, я знаю это. Почти не опасаться. Но если ты когда-нибудь еще дашь ей повод усомниться в твоей верности...

— Но я...

— Я говорю очень серьезно, Фатик. Тебя найдут по кусочкам.

* * *

— А вот еще я покажу бороду своему папочке! Уж он обрадуется!

ТЬфу!

Олник вновь забежал вперед, чтобы покрасоваться, запнулся пяткой о корень и шлепнулся на спину. Пока я его поднимал, он успел повернуться в обе стороны, показав мне обросшие щеки. Как же мало нужно гному для счастья!

* * *

— Я усну в локусе, и мой зов больше не прозвучит над этими горами. В сущности, я сделала все, что могла и должна была сделать. Я усну, я больше не буду поглощать энергию смертных, силы мои ослабнут, но я буду следить за твоей дорогой, и являться тебе во сне... Когда я сплю — я вижу дороги будущего яснее... Я буду предупреждать тебя об опасности... Часть твоих дорог сбегается к счастливому финалу.

— Только часть?

— Поверь, Фатик, тебе не нужно знать больше...

* * *

— Ик! Ик! Эркешш, у меня голодная икота!

— Бедняга.

— Вот-вот!

— Скоро мы будем на месте, Ол.

— Уж там я пое-е-ем!

— Угу. Слушай сюда и запоминай. Когда нас встретит Закипающий Чайник, ты в сторонку отойди и в разговоры не лезь. Мы извели демона, понял?

— Ага!

— Демон был страшный.

— Страшный! Я же его видел! У меня чуть сердце не вырвалось!

— Угу. Отойди в сторонку, но поглядывай на нас. Как только Чайник на тебя посмотрит, засмейся дурным голо-

сом, дважды стукни себя по лбу и выкрикни: «Ха-ха! На гномов-то — не действует!» Понял?

— Понял, да. А не действует — что?

Я вздохнул. Облака на голубом небе напоминали отару барашков.

— Зов. На тебя не действует зов.

* * *

Делегация во главе с Закипающим Чайником встретила нас у ворот селения.

Бутгурт моар был мрачен, обеспокоен и, кажется, забыл надраить песком золотые фиксы, зато нарядился в парадный кафтан и малиновые шаровары. Ну и дымящая трубка торчала изо рта.

— *Узум!* — кивнул он. — Новости, епрста, хорошие? А у нас дела-а-а... Э, Олник, ты куда?

Бум-бум!

— Ха-ха! А на гномов-то — не действует!

Закипающий Чайник воззрился на меня в замешательстве:

— Чего это он?

Я пожал плечами.

— Демон в пещере был... страшный. Меня приморозил сразу, а Олник... Короче, облом у демона вышел: зов не берет гномов, хоть тресни.

— Епрста на!

— Считай, справился наш Олник самостоятельно, а я уже добивал... Он зубами, только представь, перегрыз упырю сухожилие на лодыжке! Так что: не будет больше зова, мы победили, шабаш.

— Даешь слово Джарси?

— Даю слово Джарси: зова больше не будет. Но в пещеру...

Закипающий Чайник покосился на Олника:

Бум-бум!

— Ха-ха! На гномов-то — не действует!

— Епрста... Да-а-а...

— Угу. К пещере не приближайтесь. Дурное место. Уходя, мы слышали стоны неупокоенных душ...

— *Угу-у у-ум...* — Чайник с задумчивым прищуром взглянул на меня. — Отойдет, как считаешь?

Я беспечно махнул рукой:

— Как выпьет — так и отойдет. Это еще слегонца. Бывало и хуже.

— Да-а-а-а...

Бум-бум!

— Ха-ха! На гномов-то — не действует!

Я слегка укорил себя: бить в лоб и кричать эту фразу Олнику следовало только один раз.

— А какие новости у вас?

Буттгурт моар яростно запыхтел трубкой. По его виду я понял, что чувствует он себя неудобно — так, словно хочет, но пока не решается сказать мне какую-то дурную весть.

— Всякое... — Он почесал когтем складку между тяжелыми валиками бровей. — Значит, Аркония всыпала Фрайтору в первом бою. Было это позавчера, весточку мне притаранили вчера под вечер... Фрайторцев расколошматили не сильно, армии вовремя дали стрелача. Войска Арконии, стало быть, идут на Сэлиджию со стороны поля Хотта. Завтра днем уже будут на месте — а там и конец Фрайтору... Епрста, сатрап стягивает к столице все войска и трясется, как дряблая задница при виде плетки... К арконийцам, говорят, присоединятся на поле Хотта наемные маги прямоком из Талестры, с магами — дрессированные кроутеры. К сатрапу спешат боевые слоны из Мармары и гномская боевая артель «Огнем и мечем», а эти орлы и голуби только и могут, что жрать свой уракамбас и песни орать. *Угум, угум...* Еще какие-то конники с оружием через мои леса падают тайно — пробираются по лесам у подножий уже двое суток. И едут и едут, и едут и едут со стороны перевала Зеренги в сторону поля Хотта. И попробуй что-нибудь сделай — их там до черта...

— А мы? Как мы спустимся с гор, Чайник?

— Епрста, я вас по реке в лодках спущу. Завтра с утра уже будешь в Сэлиджии. — Чайник задумчиво выпустил клуб дыма. — *Угум*, чую, беды грядут... Погорит мой бизнес синим пламенем, коли Фрайтор проиграет — а он проиграет, к шаману не ходи, да и чего к нему ходить, когда

я сам шаман... Ладно бы только самопляс погорел, так ведь эти фундаменталисты, епрста, на, гоблинов за людей не считают... Резать будут, убивать жестоко, на... Прятаться будем, мало у меня пока сил... Какая уж тут империя от перевала до перевала!.. Фатик, ты ж на все руки мастер. Ежели я тебе приплачу, может, выиграешь войну? Силенок-то хватит!

Шутник. Я не удостоил его ответом и подумал: если Аркония возьмет столицу Фрайтора, освобождение Виджи может оказаться адски сложной задачей.

Великая Торба!

Я судорожно сглотнул.

Попал ты из огня да в полымя, Фатик.

Хотя... Разве такое со мной в первый раз? Пора бы уже привыкнуть.

— Епрста, вот еще чт...

Бум-бум!

— Ха-ха! На гномов-то — не действует!

Чайник подавился дымом из трубки и долго кашлял.

— На!..

Я развел руками, чувствуя, как подбирается к моему сердцу холод страха. Торопиться. Нам нужно торопиться!

— Еще счастливые вести?

Он выпустил едкие струи дыма из плоских драконьих ноздрей.

— На, на, епрста, завелась у меня крыса, на! Все обыскал, нигде нет.

— Что, прости? Чего нет?

Виджи, держись, я иду... Я скоро, Виджи!

Закипающий Чайник щелкнул золотыми клыками.

— Да понимаешь, кто-то увел презенты Фаерано. Хорошие подарки, епрста. Пока я вас провожал, пока назад возвращался, какая-то сука у меня уперла столик розового мрамора и две мраморные табуретки. И халат, шитый золотом халат, в котором я по утрам хожу! Поймаю... Не, это не люди, точно, это мои которые... Небось, в лесу притырили. Но нахрена? Это ж не самопляс, не деньги... Что они, будут за этим столиком в одном халате на двоих чаи гонять?

Я смолчал. Чувство юмора у богини, несомненно, было.

Чайник злобно запыхтел трубкой, избегая моего взгляда.

— И еще вот... Ты же знаешь, горные шершни нашу, гоблинскую шкуру не прокусят, вот и нет у нас от их укусов снадобий, на. Епрста, *угум*. Твой этот, короче, которому шершни всю морду искушали... Он того, при смерти. Весь распух, бедняга... Лекаря ему нужно, из Сэлиджии, на. И как можно скорей, а то врежет дуба. Вот такие дела.

И что там Талаши говорила про счастливый финал?

Единственный наследник династии Гордфаэлей, последняя надежда Альянса на победу готовился отправиться на тот свет.

Епрста, на!

17

Солнце всходило ясное и умытое, обещая хорошее начало поганого дня.

Я перехватил Большой Костыль под мышку и обернулся:

— Как там ребеночек? Смотри, чтобы не выпал! Нет, не выдвигайся из кустов!

Крессинда зыркнула на меня волчицей. Нелегко ходить, когда ты на последнем месяце и вот-вот родишь подушку.

Олник с укором поглядел в мою сторону: мол, ну что ты, в самом деле.

У Крессинды, конечно, не было опыта беременности. Нет, я им тоже не располагал, не поймите превратно, но известную среди жуликов Харашты уловку с фальшивым животом для доставки контрабанды знал неплохо.

Беременность — это была уловка, чтобы проникнуть в столицу Фрайтора, не вызывая расспросов, и вывести оттуда врача для Монго. Я веду супружескую пару гномов к лекарю — ну и кто тут прикопается? Врач спешит с супружеской парой гномов по очевидным делам за ворота Сэлиджии... Мозгология — великая наука! И кому какое дело, что я обряжен в тряпки с чужого плеча, да и на гноме нет килта Зеренги? Девушка беременна, расступитесь!

Я сделал знак обождать, вынул подозрную трубу, презентованную мне Закипающим Чайником, раздвинул кустарники и посмотрел на город.

Сэлиджия расположилась на крутых холмах у берега полноводной Мелонии. Низкие беленые стены, многочисленные храмы с разноцветными куполами...

На улицах города — суета, вокруг города — суета: по венам дорог тянутся муравьиные дорожки беженцев. Кто бежит на северо-запад, в район гномской Зеренги, кто — на запад, обтекая наш холм — в сторону Дальнего перевала... Гм, бедняги, мост-то разрушен... К Ближнему перевалу беженцам не пробиться, Аркония, верно, уже взяла его под свой контроль... Юго-восточная сторона Сэлиджии смотрела на поле Хотта — обширное ровное пространство длиной с милю, где присные сатрапа формировали армию для последней битвы. В былые времена это поле использовали для народных гуляний: с одной стороны оно было ограничено рекой, с другой — лесистыми склонами гор Галидора. Я окинул взглядом биваки, углядел косматые фигуры элфов, которым подносили пищу в корзинах тролли, отыскал лагерь гномов. Судя по килтам, там были одни мужчины. Ничего странного: Жрицы Рассудка считают войну глупостью, блажью и чисто мужским делом. Бородачи сновали вокруг какой-то штуковины, похожей на корабль, утыканный тремя длинными стальными трубами; их закопченные наверхи походили на полураскрытые венчики тюльпанов. Дымовальная машина артели «Огнем и мечем», загадочное и ужасное самоходное оружие... Интересно, что за хитрая механика приводит эту машину в движение и каково ее назначение, как оружия? Возможно, там установлен некий мощный *огнемет*?

Войска Арконии еще не обозначились на дальней стороне Хотта. Это было хорошо. Нужно торопиться, пока не закрыли ворота Сэлиджии, а ведь их обязательно прикроют, как только покажутся войска Престола Истинной Веры.

Я снова перевел подозрную трубу на город. А вот и возвышенности Синьории... Это район проживания знати и лично сатрапа, утопающий в цветущих деревьях, там же главный храм Чоза с Невидимыми Дарами для лопухов и

фанатиков. Там же — особняк Фаерано. В особняке — Виджи. Я избегал много думать о ней и представлять ее образ, чтобы не впасть в безумную ярость, чреватую для варваров Джарси амоком.

Передо мной стояли две задачи. Найти врача для Монго Крейвена за возможно короткое время и вызволить Виджи (и принца — для ровного счета и успокоения совести), желательно — до того, как начнется битва. Ибо армии Фрайтора, без сомнения, разобьют, а если фундаменталисты на плечах беглецов ворвутся в столицу, задача с освобождением эльфов усложнится многократно.

Бутгурт моар предлагал нанять местное жулье, однако я сомневался, что в нынешней предвоенной лихорадке кто-то захотел бы помочь даже за крупную сумму.

Положенице...

Что же делать, а?

А может, как говорил Чайник, помочь Фрайтору выиграть войну?

Смейтесь, смейтесь.

— Ну че там? — Олник сунулся под руку, и подозрная труба, вылетев из моих пальцев, покатилась по склону. — Дларма, ох...

Вот же... Гномы! Я чуть не дал ему подзатыльник. Погоди, гномы? Гномы... Так... Да не простые гномы, а родичи и друзья детства Олника. В кои-то веки сбежавшие из-под власти Жриц Рассудка, они не прочь подраться и заработать хороших денег. Особенно, когда заказывает музыку тот, кого они хорошо знают.

Гномы. Вот кто поможет освободить моих эльфов!

Я устремил взгляд на напарника. Он съежился и бочком начал отступать за Крессинду. Предатель!

— Слушай сюда, маленький су...

— Двадцать гномов? — переспросил этот хмырь пять минут спустя, когда я растолковал свой замысел.

Я передал ему мешочек с золотом Закипающего Чайника.

— Бери на все. Но предупреди — гарантирована кровь и драка. Бери молодых, и тех, кто умеет лазать по горам. На остатки можешь купить себе пирожок.

— Эркешш... Что ты мне повторяешь и повторяешь? Я разве тупой? Молодых, здоровых, приготовить веревки с крюками и оружие...

— Перед делом не пить.

— Да-да, не пить, не пить... — Он повторил это несколько раз как заклятие.

— Как можно быстрее привести их в лощину, где мы оставили отряд. Найдешь место?

Мой товарищ оглянулся:

— Легко.

— И не говори им, что у Фаерано эльфы.

— Да помню я!

— И сделай лицо попроще.

— Ядрена вошь! Мастер... Фатик, может быть, хватит наставлений? Может быть, он сам разберется, а? Олник намного старше вас, между прочим!

Это сказала Крессинда. Ну вот, начинается: не дай бог, если под вашим началом в походе окажется семейная пара, или пара любовников. Один стоит за другого горой, прямо ужас какой-то.

Поймав довольный взгляд бывшего напарника, я смолчал.

Проклятый поход! Что-что? А, я это уже говорил.

* * *

В воротной арке царил первородный хаос из повозок, телег, паланкинов, тягловой скотины (включая троллей и огров) и массы народу. Но нам удалось протиснуться внутрь, правда, я здорово поработал локтями и костылем и оскользнулся на коровьей лепешке.

Зря я переусердствовал с беременностью. В городе вообще не было стражи. Все служивые были на поле Хотта. Сатрап или его присные не препятствовали бегству населения, и это говорило о многом. Если вкратце — у власти были импотентные слабаки.

— Да, ничего так... — протянула Крессинда, оглянувшись по сторонам.

— В базарный день бывает и погуще, — откликнулся я, раздвигая толпу костылем.

Перед походом в город я надругался над щетиной посредством одного из мечей Гхашш, а что касается одежды — во Фрайторе она была унифицирована для низших сословий, и окрашена, преимущественно, в блеклые темные тона, чуть более светлые у горожан, и совсем уж мрачные — у крестьян, — то пригодились тряпки, которые Закипающий Чайник собрал с людей своего поселка. Одежда была грязная и воняла сивухой, но бутгурт моар, имея опыт отсидки во фрайторской темнице, лично подобрал мне костюм без насекомых. Я засунул брезгливость куда подальше и переоделся. На лоб надвинул шляпу, Большой Костыль обвязал тряпками, чтобы скрыть его истинное назначение (было бы странно, если бы горожанин богобоязненной Сэлиджии разгуливал по улицам с обломком двуручника).

Крессинда, как гномша, могла наплевать на правила. На ней была потерянная накидка, подвязанная ее же поясом с бляшками, кожаные штаны и сапоги с голенищами по колену. Молот и кинжал занимали свое законное место.

Вообще, моему отряду следовало обновить гардероб, большей частью утеранный из-за проделок шаграутта. Но это — после, после.

Мы двигались против течения. Я был зол. Вместо того, чтобы заняться освобождением своей женщины, я должен идти за врачом для умирающего наследника империи. Долг, мать его... Кодекс варваров Джарси... Ненавижу!

Монго был плох. И когда я говорю «плох», это значит, что его жизнь повисла на нити не толще паутины. Его тело распухло, кожа покраснела, он уже не приходил в себя и дышал с такими хрипами, что, казалось, внутри тела грызется пара медведей. Имоен смотрела за ним... Что бы я без нее делал.

Остатки отряда дожидались нас неподалеку от города, в лощине, заросшей осинами и кустарником. Скареди по-прежнему хворал на ногу, Альбо — на голову. А Монго умирал. Все было замечательно. Все было чудесно. Все было отлично!

Я размышлял, стоит ли вообще идти (гм, ковылять) к Оракулу, даже если наследничек выживет. Один из коман-

ды двинулся рассудком, а в «Полнолунии» мне было сказано, что ответ на вопрос должны услышать все представители Альянса. Но какой прок в слове сумасшедшего, а?

И что, во имя всех демонов ада, они хотят узнать?

Ладно.

Растрясусь с делами — устройю допрос с пристрастием.

Ах да, сразу после того, как отшлепаю Виджи! В конце концов, варвар я или не варвар? Бешеный Топор я или не Бешеный Топор? Э-э, нет, топор я пропил. Теперь я — Бешеный Безтопор, так верней.

В городе звонили храмовые колокола, на высокой истеричной ноте завывали фанфары. Синий кадильный дым стлался по мостовой. Из распахнутых дверей храмов неслись звуки молебнов, а на ступенях прихода, посвященного Горму Омфалосу, шустрый малый в малиновой ризе колотил деревянным молотом о медное било. Нам попадались испуганные клирики всех форм и расцветок — как разжиревшие павлины в толпе серых мышек. Если помните, я уже говорил, что во Фрайторе все боги ходили под Чозом Двурогим, поэтому дородность священников и вычурность их одеяний были тем значимей, чем выше в пантеоне находился бог. Служители Чоза выглядели наиболее представительными.

— Они идут! — вдруг донеслось из толпы.

— Они уже на краю Хотта!

— Да-да, Мариклий видел с колокольни! Огромное войско, а с ним маги!

Черт... Это паника, но, может быть, и правда. Если это правда — времени у нас почти нет.

Неплохо зная город, я вел гномшу вверх, в сторону зажиточного квартала, примыкавшего к Синьории. Вот и базарная площадь. Владельцы лавок, дико озираясь, грузили товар на подводы. Те, кому не досталось упряжных волов, лошадей и осликов, бросали скarb на ручные тележки.

Черт, только бы успеть... Грэмби Бэггер пуглив, как кролик. Если он уже подался в бега, мы у разбитого корыта: иных врачей в Сэлиджии я не знаю, и нет времени выяснять и искать, и как искать в этом хаосе, скажите на милость?

В центре площади на насыпном холме высились три ряда столбов, при виде которых я сразу вспомнил городище За-

кипящего Чайника. На каждом столбе сверху была прикреплена табличка: «Откупной столб под покровительством церкви Чоза Двурогого и лично архипрелата Багдбора!» Сейчас возле столбов томилось штук пять баранов, прочих, судя по обрывкам цепей, расклепали и увели в бега ушлые горожане. А почему бы и нет? Стража все равно не смотрит. О да, служители Чоза таки сделали то, о чем в мое время — ну, в смысле, в то время, когда я отсиживал свое во фрайторской темнице — только ходили слухи. Откупные столбы с прикованными к ним баранами. У каждого на груди табличка, извещающая, за что именно этот баран несет наказание. Как же просто и легко искупить свою вину, если у тебя есть деньги на Откупной столб!

— Йок! — сказала Крессинда, нацелившись взглядом на табличку, гласившую, что баран совершил изнасилование дочери харчевника. Баран, увидев гномшу, что-то завопил дурным голосом.

— Это баран искупления, — сказал я. — Главное — деньги идут на украшение храмов и на служения во славу Чоза и прочего пантеона. Все хорошо. Все чудесно. Так и надо.

Мы миновали площадь. На ступеньках харчевни «У Семена абсолютно трезвого», которая, как гласила табличка, находилась под *особым* покровительством вольных баронов и лично барона Кракелюра, валялся вусмерть пьяный горожанин.

— Йок! — сказала Крессинда.

— Тут сухой закон, — напомнил я. — Все хорошо. Все чудесно. Так и надо.

Из «Культурного и беспитейного заведения Вампора» (особое покровительство рыцарей Храма Чоза и лично гроссмейстера ордена Аерамина А.О. Фаерано) работники выносили и грузили на тачку знакомые мне бочонки.

В «Питейном доме повышенной трезвости» (особое покровительство церкви Чоза и лично архипрелата Багдбора), судя по воплям, выносящимся из окон, шла пьяная драка. Ну-ну. Еще немного, и город — испуганный, лишенный стражи — утонет в вакханалиях. Тут-то и пригодятся Большой Костыль да молот Крессинды. А вот Откупные столбы горожанам не помогут.

Зажиточный квартал встретил нас тишиной. Под высокими стенами скользили подозрительные тени. Кажется, богатые горожане бежали первыми, отдав дома на откуп мародерам.

Стену особняка Грэмби Бэггера украшала душеспасительная надпись: «Боги любят тебя!» Надпись была жирно перечеркнута углем, а снизу виднелась корявая добавка: «Шиш!» В свете того, что я узнал от богини, цену этой надписи, действительно, можно было исчислить в одном кукише.

— Смотри по сторонам, — велел я Крессинде.

На воротах обиталища Грэмби висела скромная табличка «Лечу всё». Как-то я предложил Грэмби шутки ради сменить надпись на «Лечу перхоть, делаю аборт», но старый гномочеловек не понимал юмора. «Во-первых, аборт у нас запрещены, — заявил он. — Во-вторых, все и так знают, что я их делаю».

Вообще-то, он лечил и знать, и местных бандитов, ну и варваров Джарси, если те случались проездом, тоже.

В воротах зияла щель. У меня екнуло сердце: уехал, а вору уже шуруют внутри! Я мигнул Крессинде, взял костыль наизготовку и ворвался внутрь.

Похоже, я опоздал.

18

— Троллы! — вскричала Крессинда.

Верно, тролль. Но зачем своим криком пугать воробьев?

Серо-зеленый болотный тролль в коротких дерюжных штанах на помочах шире моей ладони, с крупной костяной пуговицей и карманом, куда мог с головой поместиться Олник, стоял к нам боком (гора горой, честное слово), у большой тачки, загруженной всяческим барахлом. Рука-окорок опиралась о свежеструганую дубину, тяжелая челюсть что-то меланхолично перемалывала. Тролли всегда не прочь устроить перекус, даже когда занимаются грабеджом. Хотя тролль-грабитель явление столь же редкое, как и

боевой огр, или гном-трезвенник. Как и огры, тролли почти лишены природной свирепости и не склонны к насилию (что не мешает им успешно защищать свои земли). Однако, попав из родных болотищ и гор в метрополию, тролли перенимают дурные привычки от самой опасной особи нашего мира — человека, иными словами, манеры и характер у них делаются скверными, а что касается морали, то они, как и многие другие расы, не склонны играть по лицемерным правилам, установленным людьми.

Троль попирал ногой какого-то малого с хохолком седых волос и косматой бородой. На ступеньках, что вели к особняку Грэмби, распростерлось тело охранника поместья; кровавые дорожки стекали вниз, к площадке посреди лестницы, где возвышались мраморные кумирни во славу пяти главных богов Фрайтора во главе с Чозом. Старый гномочеловек был крайне религиозен и, хоть это и запрещалось синодальным законом, держал во дворе личные средства общения с богами, был, так сказать, с ними накоротке.

Ну вот, если уж мародеры ворвались к лекарю, который пользуется преступников, значит, дела с властью — и ночной, и дневной, во Фрайторе плохи.

Черт, беспредел, как и было сказано.

А как мои дела, эй? Где мне теперь искать лекаря?

Положеньице...

В этот миг человек, что лежал под корявой ножищей топтыги, вяло шевельнулся и, приподняв голову, позволил оценить его профиль и буйную бороду.

Мэтр-лекарь собственной персоной. Живехонек. Значит, не все еще потеряно: разберусь с троллем и теми мародерами, а после...

Ребром ботинка я сбил с огрызка клинка деревяшку. На самом деле, приморить тролля достаточно просто, надо только знать место, куда воткнуть меч (прощай, оружие! Здравствуй, меч в камне!).

Давай, Фатик, закрой дело тролля с одного удара!

До троллей медленно доходит, но вот когда дойдет — действуют они быстро. Этот серо-зеленый топтыга, пошевелив ушами-трубочками, наконец-то усвоил восклицание Крессинды, от которого порскнули в стороны воробы.

Он развернулся в тот момент, когда я решил парой прыжков покрыть десяток футов, что нас разделяли, и вонзить острие Большого Костыля в область правой — гипотетической! — почки. Оттуда, двинув клинок глубже в плоть тролля, можно достичь воротной — гипотетической! — вены в печени. Если ее вскрыть, тролль умрет, как умерло бы любое существо, имеющее кровообращение. Умрет — и станет камнем, как и полагается троллю.

— У-у-у-у, — тоненько взвыл тролль, воздев дубину, с которой еще сочилась еловая смола. — Перегребу-у-у!

Перегребет он, как же.

Для большинства людей тролли на одну... э-э, харю. Но не для меня.

— Убам Громоглас, а ну цыть! — сказал я, стараясь не повышать голос. — Смир-рно! Стр-р-роем!

Маленькие глазки болотного цвета моргнули.

— Фатик? — прописклявила эта громада. Тролли обычно помнят все — как слоны и элфанти. — Фати-и-ик!

Я придержал Крессинду, успевшую отстегнуть молот от заново склепанной цепочки.

В этом походе я только и делал, что наталкивался на призраков прошлого — скверных по большей части. Для разнообразия этот призрак — пожалуй, единственный — был настроен ко мне дружелюбно. Я знал его хорошо: несколько раз я использовал физическую мощь Громогласа для достижения целей своего нанимателя и всегда со скрупулезной честностью рассчитывался с троллем.

Убам страдал редкой для троллей хворью, — повышенной писклявостью, собственно, он был единственный из троллей, кого я знал, кто говорил так, будто у него хроническое защемление в одном месте. Знакомство наше было случайным — именно Громоглас шарахнул меня дубиной, после чего я заикался полгода и навсегда утратил иллюзии юности. Приключения оплачиваются плохо — давайте я наконец выбью эту максиму на дорожном камне?

— Фати-и-ик, я ра-ад тебя виде-е-еть! — прописклявила эта громада.

Только без объятий!

Я скрестил руки, незаметно пихнув локтем Крессинду. Обращать Громогласа следовало быстро, широко-масштабно, нахраписто. Лишь бы успеть, пока не явились его подельники. Еще хорошо, что двери в двухэтажную хибару Грэмби прикрыты, а все до одного окна смотрят внутрь, в тихий атриум с бассейном и садом. Может, подельники не услышали вопль Крессинды, и у нас есть пара минут, чтобы...

— Ты чуть не прикончил старинного дружка и его беременную супругу!

— Йок! — сказала Крессинда.

Я сморозил глупость: глаза Грэмби, который вновь поднял голову, наполнились вселенской печалью и отвращением. Жертва межрасовой связи, он горячо презирал такие вещи.

Обычно ребенок от связи гномши и человека рос парией, Жрицы Рассудка изгоняли мать из племени гномов, у людей ее тоже не привечали. Бедняга Грэмби хлебнул в свое время горяшка, но у него хватило ума — ведь он наполовину гном, и всего лишь наполовину — человек, — не опуститься и не озлобиться. Он взялся за науки с самого детства и дорос до того, что теперь за талант и умения его величали «мэтром».

— Фати-и-ик! — проблеял Громоглас.

— Понимаешь, что ты едва не натворил?

— Извиняюсь, Фати-и-ик! — Он захлопал носом, похожим на пару вертикально поставленных замочных скважин.

— Извинения приняты. А этого, — я показал на труп охранника, — ты зачем прибил? Ты зачем, мерзавец, пошел по кривой дорожке?

Он повел головой, присыпанной черными крапинами чешуек, и тонко (с точки зрения тролля) схитрил:

— Он оступил-и-ился-я-я...

Я сделал вид, что поверил.

— Выкладывай, зачем связался с бандитами!

— Я жениться хочу-у-у!

Грэмби крякнул под стопой тролля.

— Завел себе девушку? Влюбился?

— Да-а-а...

Не удивляйтесь, тролли способны на чувства. Браки у них долговечны, по сути — браки у них сделаны из камня. Всем бы людям такие браки, я не шучу. Дело не в страсти, которая быстро остывает, дело в искренней — и взаимной! — эмоциональной привязанности ко второй половинке, не затухающей под валом эгоистичных устремлений «я хочу», «мне», «я», «для меня». Зачем вообще жениться, когда вместо «мы» с самого начала звучит только «я», «я» и ничего кроме «я»?

В дверях особняка наметилась щель, блеснул глаз. Кто-то из шальной братии, подписавшей на дело Громогласа, нас разглядывал. Сейчас они устроят короткое совещание, и... Нет, бросать тачку награбленного барахла они, конечно, не будут. Опять же — под их рукой послушный тролль.

Они так считают, что послушный.

От волнения у меня заломило зубы.

Быстро закругляйся с Громогласом, Фатик, придумай решение, которое...

— Так в чем же дело?

Убам залился слезами, баюкая дубину, как младенца:

— Я пискля-я-я!

— Спокойно, — сказал я. — Сейчас во всем разберемся.

Я задавал наводящие вопросы, Громоглас отвечал. У него были чувства, и у нее были чувства (размером с гранитный валун и такие же тяжелые), но писклявость делала его посмешищем в глазах соплеменников. Ее семья считала себя вправе потребовать за дочь двойной выкуп. Любовь вершит чудеса, и вот уже Убам Громоглас спешит с болотищ в город на заработки. Но в городе и без того был избыток троллей, готовых работать за гроши. А тут еще война и хаос бегства, превративший дома горожан в лакомую добычу для мародеров.

— В войсках сатрапа платят ма-а-ало, — прописклявил топтыга. — А мне надо быстро и много-о-о... — Он задумался, в животе заурчало. Мыслительный процесс тролля происходит примерно в кишечнике, я, если помните, об этом уже как-то обмолвился.

Грэмби, который все дергался под ножищей Громогласа, подал голос:

— Жменю чертей тебе на сковородке... Пусть он снимет с меня лапу, Фатик!

Осмелел, надо же. Я сделал знак, и старый гномочеловек получил свободу.

— Тьфу на вас, — выразился он, присев. — Ох, поясница! Фатик, ты... ты... Я-то тебя нормальным считал. Варвары Джарси, кодекс чести, то да се... Что, хотелка разыграла, не пойму? Видеть надо было, на ком женишься!

— Да ну вас всех! — Щеки Крессинды запунцовели.

Тут двери особняка распахнулись, на крыльцо вышли трое. Людишки — и гоблин. У одного был кинжал, второй держал кистень, а третий, кривоногий коричневый гоблин, спрятав нож за пояс, волок вешалку — стальной шест с крючками, самое то, чтоб блокировать мой несчастный меч.

Переводя взгляд с меня на Громогласа, грабители медленно начали спускаться по ступенькам.

— Кто нанял тебя? — быстро спросил я.

— Балтаза-ар Мотня, Вертиго Семипроти-и-ивный и Шэк-нож. Знаешь таких?

«Такие» спускались по лестнице, напряженно вслушиваясь в разговор. Что, растерялись, ребятки? А как же: некто с костылем под мышкой запросто беседует с вашим прикормленным троллем, тогда как ему давно полагается валяться, раскинув мозгами на десять ярдов.

Ни одного из этой свистобратии я не знал.

Но с мерзавцами не стыдно играть по их правилам.

— А как же, — кивнул я, скроив устрашающую рожу. — Знаю всех трех. Это же они позавчера в тесном кругу обозвали тебя тупой выючной свиньей, и писклявой к тому же!

Оливковая физиономия тролля стала черной, как деготь. Мародеры замерли на нижней ступеньке, прямехонько за спиной Громогласа. На их мордах отпечаталось изумление: моя ложь, как бы сказать, их шокировала. Мерзавцы всегда страшно оскорбляются, когда становятся жертвами обмана.

— А потом они порешили между собой, что сбегут, и ни черта тебе не заплатят. Они насмехались над твоими чувствами, дескать, писклявому жена не светит... Да вот же они, за твоей спиной! — вдруг закричал я.

Громоглас не глядя отмахнулся дубиной. Былинный удар! Он зацепил всех троих, отбросив их на ступени, как гнилые бревна частокола.

— Убил, — наметанным глазом определил гномочеловек.

— В муку, — добавил я, подумав: Грэмби Бэггер в пылу религиозной добродетели затеет спич о гуманности и милосердии. Но он промолчал. Люди — и даже гномочеловеки — забывают о таких вещах, когда насилие касается их самих.

19

— Быв-а-ай, Фати-и-ик!

Убам захлопнул ворота особняка Грэмби. Я порадовался, как ловко все вышло: старый полугном нашел себе преданного слугу (за обещание избавить его от писклявости, Убам Громоглас будет служить лучше цепного пса), а тролль — врача, ну и денег на выкуп невесты заработает. Правда, оставалась проблема четырех трупов... Я посоветовал Громогласу, когда стемнеет, сгрузить покойников на тачку, прикрыть дерюгой и вывезти в какую-то подворотню. В городе нет стражи, никто не будет препятствовать, никто ничего не скажет, а скажет — дубина тролля поможет укротить красноречие.

Разумеется, вывезти в том случае, если столица Фрайтора устоит под атакой арконийских фундаменталистов...

Грэмби рыскал по сторонам мутным взглядом.

— А там точно подушка? — спросил этот испуганный кролик, наверное, в сотый раз.

— Можешь потрогать! И — нет, я на ней не женат.

— Уж поверьте мне на слово! — ввернула Крессинда, поводя могучими плечами. — Я, коли выйду замуж, так это будет справный гном, умный, красивый, заботливый, как... как...

«Как Олник», — хотела она сказать. Боги, тысяча фаллических демонов Веринди, это Олник-то — умный, красивый и заботливый? Воистину, любовь слепа. Хотя... Ума и красоты вручную не добавить, но, возможно, Крессинда со

временем приучит Олника к заботливости своей тяжелой рукой?

— Скажи-ка мне, а почему мародеры тебя пожалели?

Грэмби насупился:

— Пожалели они меня, как же! У одного болел зуб, и они отложили смертную расправу, пока я его не вырву.

Мы тащили Грэмби Бэггера под микитки. Крессинда с одной стороны, я — с другой, кое-как помогая (а больше мешая) себе костылем. Старый хрен, несмотря на обещание помочь, мог в любой момент дать стрекача, уж таков был его норов. Даже то, что я спас его от смерти, а его особняк — от разорения, не добавило полукровке признательности, которая часто переходит в отчаянную смелость, мол, гори все огнем: я тебе помогу! Поможет, как же. То есть — поможет, да, с топором над головой. А лучше — с обломком двуручника, приставленным к шее. Попробует сбежать — острый костылит будет обеспечен.

Весил он не более пятидесяти фунтов, а ростом был Крессинде по плечо. Среди гномолюдей тоже встречаются карлики.

— Тяжкая, тяжкая година... — повторял он, пялясь то на яркое солнышко, то на круглый живот Крессинды, то на многочисленные храмы, которые оглашали окрестности звоном колоколов, бил и ревом фанфар.

Я спросил, с чего вдруг такой тарарам — то есть мне было примерно ясно, с чего, но хотелось узнать точнее.

Мэтр вздохнул:

— Молятся о победе. Особые ревнители просят небеса о богоявлении.

— Явлении Чоза?

— Хоть кого-нибудь. У нас тут ужасные дела, Фатик!

Дальнейшие расспросы показали (как, почесывая за облупившимся ухом, написал бы в отчете капитан Керрит), что дела во Фрайторе неуклонно ухудшались с каждым годом. С тех пор, как я оставил этот растленный край, борьба за власть между иерархами церкви, рыцарями Храма Чоза и баронами-землевладельцами обострилась, от чего страдали простые жители, иначе говоря — тот самый, презируемый высшими кастами плебс. Старый сатрап, бывший од-

новременно магистром ордена Храма, первосвященником Чоза и основным землевладельцем в стране, не имел наследников, но все еще кое-как держал власть в своих руках. Вокруг него крутили дьявольский танец три фракции упырей. Ни одна из фракций пока не решалась выступить в открытую, и, скажем так, отправить сатрапа на покой, подсыпав ему яду, либо случайно привалив деревцем на охоте, как сделал с Треем Закипающий Чайник. Они выжидали.

Мы углубились в бедные кварталы. Происходящее на улицах мне не нравилось. Народ был возбужден, даже — зол, слышались крики, пьяных было слишком много.

Чуть погода я продолжил расспрос.

Испуганный лекарь отвечал охотно: пользуя сильных мира сего, он хорошо знал о том, что происходит в стране.

Торговля алкоголем под крышей ордена Чоза — это была лишь малая часть непотребств. Идею с Откупными столбами протолкнули высшие иерархи церкви Чоза, они же несколько лет назад придумали устраивать богоугодные дома терпимости, куда за семейные долги забирали девушек. Церковь Чоза была крупнейшим заимодавцем в стране, ведь денег на украшение и возведение новых храмов много не бывает, верно? Почти одновременно, не желая терять прибыли, свои дома терпимости открыли и рыцари... Бароны-землевладельцы, видя общий бардак и слабость власти, нажали на сатрапа и получили возможность закабалить крестьян целыми деревнями: зачем давать земли на откуп, если на этих землях можно использовать труд рабов? Прибыли, главное — прибыли! Больше, больше, еще больше! Страна погрязает в разврате и коррупции, преступники не стесняются обделывать свои дела даже днем? Плевать. Прибыли, главное — прибыли. А боги поймут, чай, засылаем им немалую долю.

Престарелый сатрап не имел воли и сил прекратить эти бесчинства: три фракции, ведущие вокруг него танец, были чрезмерно сильны. Чтобы поддержать свою репутацию хотя бы в столице, он две недели назад приказал изловить и казнить верхушку преступного мира Сэлиджии (обрюзгшие главари давно проживали в открытую, в особняках, так что далеко ходить не пришлось). Да только стало хуже: остав-

шаяся шантрапа немедленно начала грызню между собой; те, кого доселе сдерживала воля главарей, пустились во все тяжкие; горожане роптали. А тут еще прошел слух, что гильдия придворных магов в полном составе продалась Арконии. Магов схватили и запытали до смерти. Как выяснилось позже — никуда они не продались, но сделанного не воротишь: сатрап одним махом лишил свою армию магической поддержки.

Тут-то и подоспели арконийцы.

Первое сражение Фрайтор проиграл — взаимодействия между войсками трех партий и личной армии сатрапа, разумеется, не было, а номинально поставленный над армией генерал Трауч — наемник из Мантиохии — мог лишь рассылать гонцов в ставки каждой фракции с нижайшими просьбами, которые, разумеется, игнорировались.

— Йок! — сказала Крессинда.

Сатрап (не забыть спросить Грэмби его имя, странно, я ведь помнил его раньше...), брызжа ядом, велел повесить Трауча на поле Хотта. Как будто это могло отменить простой факт: арконийцы быстрым маршем шли на Сэлиджию.

Сейчас сатрап был в ставке под стенами столицы. С ним его личная армия, набранная из городской стражи и полка дворцовой гвардии, гномы Зеренги и наездники на слонах из Мармары. Отдельно стояли войска трех фракций: баронского ополчения, рыцарей Храма и церковной гвардии. Они волками смотрели друг на друга и на сатрапа.

Некстати прошел слух, что одна из фракций с потрохами продалась Арконии, следственно, в разгар битвы фрайторская сторона могла получить удар в спину.

Весело... Просто чудесно. Какая, мать ее, прелесть!

У храмовников заправлял мой старый знакомец Аермин А.О. Фаерано, формально второе лицо в ордене после Великого Магистра — сатрапа, а на самом деле — истинный глава ордена Храма. Церковь Чоза Двурогого представлял архипрелат Кледдц Багдбор, тоже исключительно достойный человек, второе лицо в церкви после сатрапа, тот самый, что выдвинул и пробил идею об Откупных столбах. Лидером баронов-землевладельцев был Саймон Кракелюр по прозви-

щу «Гадючий сын» — это он первым, как с придыханием сообщил Грэмби, додумался ставить на лоб закабаленному крестьянину клеймо («А чтобы знал, чья он собственность! Какая чудесная находка!»), а беглецам отрезать уши. Номинально над всеми войсками стояла Рондина Рондергаст, бывшая наложница сатрапа, которую он вопреки закону возвел в рыцарское сословие и сделал генералом. Последняя судорога маразматика...

Я спросил, почему мэтра не рекрутировали в армию: хорошие врачи не валяются на дороге.

Грэмби вздохнул:

— Хотели. Но я откупился.

— Йок!

Привыкай, Крессинда! В гнилом мире людишек продается всё!

Как же все просто в Сэлиджии, а? Вот бы тогда, когда я угодил под фрайторский суд, у меня, кроме подштанников, еще оказался при себе кошелек...

Мы без проблем доставили гномочеловека к воротам, где нас настиг вопль с надвратной башни:

— Аркония на горизонте!

Грэмби затрепыхался, но мы стиснули его, как величайшее сокровище мира. Кто-то заорал, что ворота нужно закрыть, и мы едва успели прошмыгнуть между смыкающихся створок.

Вышли... А как теперь зайти, чтобы освободить эльфов?

За стенами столицы у мудрого лекаря отказали ноги, и нам пришлось его волочить.

В лощине, где я оставил отряд, было много конников в багровых накидках церковной гвардии.

— А вот же они! — взвизгнул хмырь в серой, будто пошитой из крысиных шкур хламиде. — Лазутчики! Вот этот зырил из кустов на армию через стекла! Он, да точно вам говорю!

Миг, два — и нас окружили. Из кармана моих штанов была извлечена подзорная труба.

— Всех к сатрапу! — велел кто-то. — Связать, на лошадей мордами вниз — и ходу.

Черт, дело начинало без меры усложняться...

Зря я сетовал на судьбу. Когда думаешь, что все плохо, она оборачивает дело так, что все становится еще хуже, и ты с тоской понимаешь, что раньше... Эх, раньше-то все было — зашибись как хорошо!

Я, конечно, кричал, что мы мирные странники: вот, дескать, у нас умирающий, вот — лекарь с мешком снадобий. Впустую.

Грэмби брыкался и вопил, что он здесь случайно, что его заманили обманом, что его похитили и привели в лощину «какие-то хари» и что «эти морды сразу показались мне себе на уме!».

— С нами роженица! — заорал я, мотнув головой на Крессинду. — Хоть ее пожалейте!

— Да иди ты! — выругалась гномша, выдергивая подушку. — Идите вы все!

Надоело ей, видите ли, врать.

— Точно, шпионы! — с какой-то неясной радостью уверился белобрысый начальник гвардейцев и странно дернул глазом, словно мне подмигнул.

— Тут с ними был еще один, — напомнила серая крыса. — Явный гном. Надо бы подождать...

— Нечего ждать, Аркония на горизонте, — был ответ.

Справедливости ради замечу, что Монго погрузили на плащ, растянутый между коней. Так же поступили и со Скареди. С прочими не особо церемонились. Нас обыскали. Большой Костыль пошел по рукам: солдаты удивлялись «мудреной маскировке» оружия. Я радовался, что мой хитрый пояс остался хитрым, и Бога-в-Себе никто не нашел, равно как и *покойника*. Я лишь опасался, что капсула с оным *покойником* лопнет, когда меня бросят поперек крупа коня. Вот это была бы... катастрофа.

Лицом вниз, ремнями стянули руки и ноги. Моя шляпа упала в траву. Полуденное солнце согрело затылок. Я ощутил себя волком, которого везут со спутанными лапами на потеху синьорам.

Я приподнял голову, напрягаясь до ломоты в шее: рядом везли Имоен. Монго, которого я не сумел разглядеть,

проговаривал бессвязные обрывки слов, вроде бы — какой-то диалект Южного континента, похожий на *боевой язык* кверлингов из Одирума. Вот странно, откуда он знает?.. Нет, мне мерещится, явно... Скареди молчал. Альбо молчал тоже.

— Ядрена вошь, чтоб вы все от чумы передохли! — сдавленно пожелала Крессинда.

Ад и пламя!

Где этот Олник, когда он нужен? Где его команда отчаянных храбрецов?

Мы выехали из лощины; я подскакивал на крупе, молясь про себя, чтобы капсула с *покойником* выдержала. Мимо плыли белые стены Сэлиджии.

«Драуууммм-баааммм! Драуууммм-баааммм!» — вели испуганную песнь колокола.

Все ворота, мимо которых мы проезжали, были закрыты. Последние группки беженцев расплзались от города.

Усилием воли я подавил приступ ярости.

Ну ладно, вляпался сам и вляпал других. Теперь думай, думай, как никогда не думал раньше, как всех вытащить.

Невозможно? Кто там сказал: «Невозможно»? Зубам рту тесно?

Я вновь приподнял голову и впереди, на извие дороги увидел группу гномов. Они поспешали от лагеря, все такие гордые и надутые, все в клетчатых килтах и шерстяных красных гетрах до колен. Нет, не все — один, красномордый, заросший качественной черной щетиной, был в штанах.

О... Олник! Он что-то рассказывал своим; руки мелькали в воздухе, как лопасти ветряка.

Судьба, позволь, я расцелую тебя в обе щеки: ты послала мне шанс, единственную надежду. Пусть она слегка навеселе, и мозгов у нее не густо, но эта надежда — последняя наша надежда, во как!.. Да обрати ты на нас внимание, отщепенец!

Когда наша кавалькада приблизилась к гномам, те отступили на обочину. Олник и не думал глядеть на нас: ему не часто случалось бывать в центре внимания, а уж чтобы его взахлеб слушали соплеменники, такого, наверное, не было отродясь. Он не говорил — пел, паря на крыльях восторга и впитывая всеобщий интерес к своей персоне.

Трепач!

Я усталился на него и громко закашлял.

Бывший напарник мазнул по мне взглядом и застыл, распахнув рот. Потом он увидел Крессинду и спал с лица, став белей снега в горах. К счастью, у него хватило ума не вскрикнуть (Крессинда, хвала богам, не вскрикнула тоже). Мы проехали мимо и начали спускаться к полю Хотта, к стану, что широко раскинулся вдоль стен города, одним краем упираясь в обрывистый берег Мелонии. На затянутом дымкой горизонте проступали какие-то темные размытые пятна.

Армия арконийских фундаменталистов начинала разворачиваться на поле Хотта.

Лагеря фракций встретили нас истеричным лаем собак, запахом дыма и... страха. Уж поверьте, эту субстанцию я ощущаю за мили. Я чую ее носом, затылком, и разными другими частями тела. Так обучены варвары Джарси.

По меньшей мере половина войск Фрайтора, собравшихся у стен Сэлиджии, ожидала неминуемого поражения.

Палатки и шатры каждой из фракций стояли отдельно, словно невзначай отгородившись друг от друга рядами телег и фургонов. Опоясать лагерь рвами, насыпать валы времени, очевидно, не хватило, но и без того было ясно, что в расположении войск Фрайтора кроме страха царит еще взаимная ненависть.

— Кого везете? Стой!

Мой конь перешел с тряской рыси на шаг.

— А тебе что за дело, умник? — отозвался белобрысый.

— Мы патруль барона Кракелюра!

— Ну и что? А мы — церковная гвардия архипрелата Багдбора! Над нами благословение Чоза!

— Мы тоже благословлены на добрые дела!

— И что? Бог ближе к тем, кто ему служит напрямую, умник! Гадючьему сыну привет!

Я оторвал взгляд от истоптанной копытами земли: гвардейцев окружили конники в тяжелой броне. На левой руке каждого белая повязка — чтобы различали своих, очевидно. Недобрый взгляд был у людей барона, даже, я бы сказал, злой. И еще: их было примерно в два раза больше.

— Я передам привет, — сказал командир баронского патруля — смурной мужик лет сорока. Видимо, он был умнее, раз решил не спорить, чей отряд ближе к богу. Он окинул взглядом гвардейцев церкви и, клянусь вам, слегка мне кивнул!

Да нет, не может быть, показалось!

— Ну, так кого везете?

Гвардейцы начали переглядываться. Они были в меньшинстве.

— Так, мародеров... — нехотя ответил белобрысый.

Я услышал, как зарычала — именно зарычала — Крессинда.

Глупая ложь. Мародеров принято вешать на месте.

Люди барона Кракелюра испытали волнение: чуть заметное, но я его уловил. Смурной дядька начал приподнимать левую руку, чтобы — я в этом не сомневался! — дать приказ нас отбить, но в уши ударил стук копыт, и откуда-то сбоку багровой тучей налетел новый отряд церковной гвардии.

Взрыкивая, как стая псов, которую отогнали от лавки мясника, патрульные барона Кракелюра освободили дорогу. Мы продолжили путь под охраной человек сорока, если не больше. Нас везли уже не на рысях, а размеренно, как богатый подарок невесте, и мне это не нравилось. Между властными партиями Фрайтора велась какая-то странная игра, в правила которой я не был посвящен. Выражаясь метафорически, в лагере явственно тянуло дохлой крысой.

Там и тут вдруг затрубили горны, затрещали барабаны. В другой раз я бы сказал, что войска готовятся к битве, но нынешний случай был иным: войска готовились к поражению.

Гномья артель «Огнем и мечем» была на переднем крае — видимо, гномы прибыли позже всех армий, когда все приличные места были уже заняты. Издалека гномьи палатки из небеленого полотна напоминали приземистые грибы-поганки. Плечистые бородачи суетились, доставали что-то из ящиков, лежавших возле крытых фургонов. Глиняные бутылки с уракамбасом, не иначе. Другие (за их спинами блестели секиры) расхватывали прямоугольные плетеные

щиты. Ага, один мечет бутылку — другой прикрывает. Времена громких сражений, в которых участвовали гномы, давно миновали, но при случае вырвавшиеся из-под гнета матриархата бородачи могли показать боевую удаль.

Рискуя свернуть себе шею, я разглядел их дымовальную машину — обшитое листами вороненого железа чудище, похожее на небольшой приземистый корабль о шести парах сплошных деревянных колес. Они были словно врезаны в обшивку, которая опускалась до самой земли. Передняя труба кашляла в небо хлопьями черного дыма. Двое гномов, упираясь ногами в железные скобы, застыли на самой верхотуре средней трубы, с интересом глядя в ее нутро. Рисковые малые не стеснялись того, что ветер треплет и задирает их килты. Нижнего белья они не носили, и я возблагодарил Небо за то, что нахожусь слишком далеко, чтобы разглядеть подробности их анатомии.

Со стороны реки послышался размеренный глубокий грохот, от которого моя лошадь сбилась с шага: степняки из Мармары выводили в поле элевантов.

Эти лопухие зверюги, покрытые коричневатокрасной косматой шерстью, были в два слоновьих роста, с неестественно длинными даже для их тела ногами. Их выпуклые, окруженные сеткой морщинистой кожи глаза напоминали сгустки живого янтаря, а желтокоричневые, прямые, окочеванные медными кольцами бивни имели длину корабельной мачты.

Элеванты шагали неспешно и величаво, как бы в полудреме, но я знал, что эти адские махины легко пустить в бег, а разогнав — очень сложно остановить. Эта огромная страшная сила сомнет любую фалангу, разметает любую конницу.

Передний элевант — вожак — поравнялся с нами. Пыхнуло жаром, будто отворили печную заслонку, в ноздри ударил острый запах мускуса. Вожак поднял толстый морщинистый хобот, обнюхал мою лошадь со звуком, с каким воронка смерча всасывает в себя воду из озера, и визгливо мяукнул.

Наши лошади заржали, сбились с шага.

Я вспомнил коекакие подробности об элевантах: поприхоти своей анатомии, они не могут издавать трубные

слоновьи звуки, но лишь нечто, отдаленно похожее на весенний маяк кота, легкое посвистывание и писк. Мудрецы говорят, что основная доля такого писка приходится на уровень, недоступный слуху человека. Зато элефанты и, скажем, собаки его отлично воспринимают. Вот почему псы так бесились, сбившись в стаю на окраине стана.

Смуглокожие степняки из Мармары восседали на спинах животных в крытых плетеных беседках. Толстенные кожаные подпруги надежно крепили эти сооружения к покатым спинам. В каждой беседке пять лучников и два погонщика с острыми стрекалами и один — с широкими поводьями, что привязаны к медным кольцам, продетым в необъятные уши элѳанта. Бока зверей прикрыты тяжелыми циновками, в которых увязнет не только стрела, но и копье.

Тролли сновали между ног-колонн, спокойно проходя под вислыми, косматыми животами существ. Одни подносили корзины с зеленью к... гм, передней части зверя, другие, со стороны, гм, массивной задней части, метелками сгребали в такие же корзины навоз. Жизненный цикл элѳанта таков, что он вынужден усиленно питаться, есть практически весь день, иначе просто не сможет таскать свое циклопическое тело.

Элѳантов было около трех десятков. Грозная сила, если распорядиться ею умело.

Серьезный козырь для сатрапа.

И Рондины.

* * *

Ни к какому сатрапу, вопреки уверениям начальника гвардейцев, мы не попали. Мы остановились у лагеря церковной гвардии Багдбора; послушники культа Чоза в рясах в серо-зеленую полоску — ни дать ни взять, каторжники — растащили телеги, освобождая проезд. Внутри, на широком пространстве, окруженном шатрами и палатками, дымили костры, рассыпались звоном открытые кузницы.

Нас сгрузили у неприметного шатра на краю лагеря и затащили внутрь, где белобрысый начальник гвардейцев

лично срезал с нас веревки и согнулся в глубоком поклоне, пихнув задом раскладной походный столик.

— Именем Чоза Трехрогого, умоляю простить за доставленные неудобства!

— Прощен, — кивнул я, начиная понимать, откуда смердит крысой. — Когда... Кхм... Когда я смогу увидеть архипрелата?

Он встрепнулся, вновь поклонился, и, черт, решил поймать мою руку для поцелуя. Тут я изобразил молчаливый гнев: мол, кто ты такой, плебей, чтобы...

— Багдбор у сатрапа. Нарочный уже отправлен.

— Поторапливайтесь. Скоро атака, и времени у нас маловато. Верните нам оружие, и принесите еды. Моих людей здорово потрепало. Ах да, и принесите мне шляпу, солнышко голову припекает...

Грэмби что-то прошепелявил, но Крессинда Доули — видит Небо, Чоз и мертвый Атрей, я проникался к ней все большим уважением! — ловко, чуть заметно ткнула локтем в его полугномскую печень, а затем сграбастала в объятия и уложила на протертый коврик.

Нам вернули оружие, вещи и сумку с лекарствами и, наконец, оставили одних, плотно запахнув полог. Я слышал, как возятся снаружи караульщики. Но они не подслушивали — в этом я был уверен. Кто рискнет подслушивать посланников Аркони, а?

Имоен и Скареди таращились на меня недоуменно. Старый рыцарь выставил больную ногу и тяжело дышал, положив морщинистую ладонь на шею. Лесная нимфа растирала запястья — веревки оставили глубокие следы на ее нежной коже. В бычьих глазах Альбо, мне показалось, мелькнула искра разума, мелькнула — и не погасла. Во всяком случае, тучный священник с самого утра не издал ни единого вопля, вдруг, да начал очухиваться?

«После атаки слонов я не вижу в гороскопе себя», — внезапно вспомнил я слова Альбо. Вспомнил и вздрогнул. Все, что напророчил в своем гороскопе епископ — сбылось. Угадать бы, что он имел в виду, когда сказал, что *растворится*. Сойдет с ума? Так ведь уже давно ку-ку... Ладно, нет времени над этим размышлять.

Я спутал ему руки за спиной обрезками веревок. Он не сопротивлялся и молчал.

— Все будет хорошо, — сказал я, глядя в фиалковые глаза Имоен. Сказал и сам не поверил. — Верьте мне. Если вас спросят о чем-то в мое отсутствие, говорите: главный приказал молчать. Точка.

— Через что такие перемены? — после некоторых раздумий спросил Скареди.

— Крессинда тебе пояснит.

Я подтянул Монго под сноп света, падавший из отдушины на потолке. Бедняга напоминал вареного рака, дышал с присвистом.

— Грэмби, ты где?

Мэтр подобрался к нам на четвереньках.

— Буду кричать! — сдавленно прохрипел он.

— Сначала дай больному лекарство.

Он вздохнул, но врач в нем превозмог испуганного кролика. Он начал рыться в своей сумке на манер охотничьего пса, который передними лапами расширяет вход в отнорок, достал пузырек зеленого стекла, зубами вытянул пробку. Пахло травами, настоящими на уракамбасе.

— Точно горные шершни?

— Уж будь уверен.

Он кивнул, склонился над Монго, убрав бороду за пояс, посчитал пульс на шее, затем ощупал саму шею и лицо. Наследник династии Гордфаэлей лежал молча, даже ритм его свистящего дыхания не изменился.

— Ай-ай-ай, как запущено, как запущено... Еще немножко, и я бы вскрыл ему трахею и вставил туда трубку, чтобы он смог дышать. Приподними-ка ему голову.

Я приподнял голову несчастного наследника Империи. Грэмби ловко разжал Монго зубы шпателем, и по каплям сцедил содержимое пузырька в рот. Монго даже не поперхнулся.

— Глотаем, миленький, глотаем... Ну, и все... Опускай его, Фатик. И было из-за чего тащить меня в дальние дали...

— Чтобы ты его осмотрел. Он выздоровеет?

— А чего ему сделается: молодой, сердце крепкое. Ну, разве что от противоядия обдрищется, так что лучше под-

ложить пеленки. Ну и с женщинами, конечно, не скоро... Ведь телесная слабость! Поите его больше... Кушать... пока лучше не кушать... А теперь я буду кричать! Я с вами слушайно, меня должны услышать! Я им все-все расскажу!

— Конечно, расскажешь, — сказал я. — И покажешь — местами. Только сначала встань на ноги, вот так. Теперь повернись немного боком. Угу, молодец.

— А зачем? — Старый гномочеловек доверчиво скосил на меня взгляд.

— Спрячь язык за зубами на минутку.

— А зач...

— По врачебным показаниям.

Он пожал плечами, но магическая формула «по врачебным показаниям» подействовала.

— Угму.

— Отлично, так и стой. — С этими словами я ударом кулака сломал Грэмби Бэгтеру нижнюю челюсть.

21

Пробил смертный час Фатика М. Джарси.

По дорожкам из горбылей меня вели к архипрелату. Рядом со мной — не впереди, упаси Чоз! — семенил, не подберу иного слова, белобрысый начальник гвардейцев (плевать мне было на его имя и реальное звание). Шествие замыкала пара солдат.

Я шел, затенив лицо шляпой, и думал, какой же я идиот.

Ну ладно, нас приняли за арконийских эмиссаров. Ну и чему ты обрадовался, дубина? Эмиссару полагается доказать, что он эмиссар. Дать знак, пароль. Это может быть слово, набор фраз, жест или некая вещь, о смысле которой знают только двое — эмиссар и тот, к кому он послан.

Но я-то ни черта не знал!

И как быть?

Тонкий момент, верно?

У меня было три выхода. Первый: вежливо поздороваться и признаться во всем. Ну и, ясно, помереть на месте. Второй: рискнуть и взять Багдбора в заложники. Тоже не

фонтан (в распоряжении гвардейцев целый шатер моих товарищей), но хоть порыпаюсь... Третий, самый фантастический: как-нибудь исхитриться и узнать пароль. Может быть... *угадать?*

Судьба подбрасывает такой шанс не просто так. Значит, где-то есть дверка выхода, и мы спасемся, если мне удастся ее открыть...

Смейтесь, смейтесь.

Фундаменталисты мыслят шаблонно, это ясно как божий день. Их мысли замкнуты на религии, причем бродят вокруг самых простых, *гм, фундаментальных* вещей, ибо фанатик — всегда фанатик. Это догмы... Верно, догмы и постулаты! А ведь посланниками к Багдбору арконийцы выбирали, несомненно, только преданных делу Чоза Трехроного культистов. Постой, подожди!.. Начальник гвардейцев, стремившийся облобызать мне руку, говорил о *Трехрогом*! Не два, заметьте — три рога! Он, очевидно, доверенное лицо Багдбора, и уже встречал эмиссаров, недаром принял меня за святейшую особу! Черт, и это с моей-то рожей...

В любом случае, даже если нам удастся выпутаться, у меня пугающе мало времени для того, чтобы с гномами пробраться к Фаерано. Собственно, времени почти нет... И я не знаю, как мне быть и что делать.

Однако тут мы пришли.

* * *

У архипрелата Багдбора шея вросла в мясистые плечи. Бородка — словно легонько дегтем мазнули — на одутловатом лице казалась неуместной, словно он взял ее взаймы у какого-то тощего попа, чтобы добавить представительности своему вульгарному облику.

Сцепив руки поверх мятно-зеленой бархатной рясы, он стоял в центре шатра. Меж нами пролег столб света, в котором водили хороводы пылинки. За массивными плечами Багдбора маячили двое громил в рясах серого цвета. Дьяконы-телохранители. В глубине шатра толпились патриархи Чоза в фиолетовых облачениях. Там был переносной алтарь, возле которого патриархи лично воскуривали благовония.

Кое с кем из церковной братии Чоза Двурогого я вел дела раньше, потому и затенил лицо шляпой.

У архипрелата дрожали губы.

И короткие пальцы рук тоже дрожали.

Не каждый день ты пожинаешь плоды своего предательства.

Импотентный слабак.

Впрочем, предатели почти всегда слабаки.

Я встал так, чтобы патриархи видели только мой затылок, приподнял шляпу и глянул сверху вниз в выпуклые глаза Багдбора. Затем властно кивнул. А потом, как по наитию, протянул руку для поцелуя.

Ха! Он это сделал!

Прежде чем склониться для поцелуя, он спешно приложил три пальца правой руки — указательный, безымянный и средний — к сердцу.

Ну, вот вам и пароль!

Я отдернул руку, в свою очередь приложил три пальца к сердцу и сказал сипло, чуть изменив свой голос:

— Пусть нас оставят.

Дьяконы и патриархи вышли.

Архипрелат промолвил искательно:

— Мессир?

Хочет знать имя, а может, и звание. Но черта с два он их услышит.

— Просто мессир.

Он спешно кивнул, мелко, суетно. Страх грыз его изнутри.

— Мессир, вы прибыли...

— Воистину прибыл. Много испытаний ниспослал Трехрогий мне и моим людям, не все выжили, и если бы не помощь тайных сподвижников из Зеренги... — Я завел эту бодягу, чтобы отбрехаться, если он спросит, откуда среди «моих людей» взялся местный — и весьма известный — полутном и Крессинда, ведь у арконийцев на службе не было гномов. Но он не спросил. Он был испуган и думал только о предательстве.

— Что... что-то изменилось в наших планах?

Тише, Фатик, вот она, игра. Я помедлил, мотая его на

крючке, как толстогузого карпа. Обошел шатер по кругу, по мягкому ковру, остановился на прежнем месте.

— Слава Трехроговому, в решительный час я прибыл подтвердить прежние договоренности.

Он издал вздох облегчения.

— С-слава... Значит, я... могу после нашей *общей* победы рассчитывать на... Южный диоцез?*

Вот же гад. Пойдет на все, лишь бы сохранить кусочек власти.

Я сделал вид, что припоминаю:

— А разве речь шла о Южном?

Он испугался. Видимо, Южный диоцез Фрайтора был местностью зажиточной.

— О Южном! Именно о Южном, мессир!

— Значит, его и получишь.

— Слава Трехроговому!

Я вспомнил подвешенного на поле Хотта генерала Трауча и сказал:

— Ты получишь то, что заслужил. Ты вознесешься высоко и быстро.

— Спасибо, мессир! Как я счастлив оказаться наконец в лоне истинной веры!

Я важно кивнул и наставил палец на архипрелата:

— Нам весьма понравилась твоя идея об Откупных столбах с баранами. Мы, кажется, еще не говорили об этом?

— Нет, мессир!

— Занятное новшество. Весьма доходное новшество. Мы подумываем, чтобы ввести его в Арконии. «Откупные столбы Багдбора», звучит, как тебе кажется?

— О, мессир!

— Престол Истинной Веры благоволит к тебе, Багдбор. Но горе тебе, если нас подведешь! Крепка ли твоя вера, истинно ли раскаяние? Не пойдешь ли на попятную в решительный час?

Он заломил руки, с натугой дыша. Глаза его затуманились.

— О нет, я... мы... Церковная гвардия, как обговорено ныне у сатрапа, займет часть правого фланга. Когда сыграют атаку, преданные мне командиры прикажут солдатам

*Церковный округ.

отойти немного к западу и не участвовать в атаке, как обговорено мною с Престолом. Престол велел отступить либо смешать ряды, но обязательно оставаться в пределах общего воинского стана, что бы ни случилось. Может быть, вы поясните мне, мессир, зачем?

Если бы я знал!

— Так надо, Багдбор. Продолжай...

— Фланг оголится, и вы ударите по баронскому ополчению всей своей мощью! Ко времени, как вы закончите, мои полки сложат оружие... Однако сатрап прежде общей атаки пустит впереди своей армии слонов, и они... Я понимаю, что у Престола против них приготовлены кроутеры, но разве под силу им справиться с слонами? А у гномов в наличии самоходная дымовальная машина, как говорят — ужасающее, таинственное оружие! И вот когда... мы... — Он сбился на невнятное бормотание.

Вот так. Я ощутил, что готов выть от бессилия. Фрайтор обречен, столица будет захвачена раньше, чем я освобожу эльфов, и я ничего не могу с этим сделать. Я бессилен — просто актер, играющий заранее прописанную роль шпиона, в которой нельзя изменить ни строчки, иначе архипрелат меня заподозрит.

Хотя... А если... Действуй, Фатик!

— Дымовальная машина — не твоя забота, а кроутеры легко обратят слонов вспять! Учти, Багдбор, ты у нас на особом счету! Твои люди настроены серьезно? Сколько у тебя приближенных, на которых ты безоговорочно можешь положиться?

Он сглотнул.

— Я... Чоз милостивый... сорок пять...

— Сейчас составь их список.

— Но я... я уже подавал такой список...

Гритт!

Я важно кивнул, придавив архипрелата взглядом, не дрогнув и щекой, уж что-то, а играть — а следственно, и врать — я умел, пройдя замечательную актерскую школу Отли Меррингера.

— Мыши. Предыдущий список съели мыши. Так бывает, Багдбор, мир несовершенен. Немедленно составь новый

список и передай мне в руки! Мы должны знать, кому можем доверять, и кто впоследствии избежит казней и люстраций. Скоро все будет кончено, понимаешь, Багдбор? И истинная вера воссияет над Фрайтором! Блудный брат вернется в объятия сестры... А ты... О, ты вознесешься высоко!

На его лбу выступили крупные капли пота.

— Да, да... Да...

— И твой опыт, и твои люди понадобятся нам, когда мы начнем уничтожать эту чумную заразу... священников младших богов!

— Воистину! Вешать, всех — вешать! — Он воздел перст. — И еще нужно удавить барона Кракелюра и щенка Фаерано! Оба низкие поганцы, отринули истинного бога ради своего кармана! Фаерано хочет занять мое место, а барон — он вообще ни во что не верит, хотя делает вид, ох, и хитрый вид!

— Скорее пиши список!

Он, потрясенный, подсел к столу с остатками трапезы, взял лист бумаги и окунул перо в чернильницу. Писал быстро, мелким каллиграфическим почерком. Я даже позавидовал — мой почерк назывался «вкривь и вкось», вдобавок писал я с немалым количеством помарок. Варвар, что с меня взять. Наконец, список был готов. Багдбор присыпал его песком, чтобы просушить чернила, и передал мне.

— Заверь подпись личной печатью.

Он сделал это, приложив перстень-печатку. Его руки дрожали.

Я благосклонно кивнул, скатал список в трубку и сунул за пазуху тесного бедняцкого кафтана.

Так, это прямое доказательство для Рондины... Но это еще не вся ловушка, дорогой мой Багдбор!

— А теперь, в преддверии нашей общей победы, нам нужен список близких к тебе людей, которым ты *не доверяешь*.

Он составил и такой список — быстрее быстрого. Каждое вписанное имя было приговором — так казалось ему. Я спрятал и этот список.

Только бы выбраться из лагеря, а дальше я передам списки гномам, чтобы те известили Рондину о предателях, пока я буду с отрядом мчаться в Сэлиджию.

Ах да, вот завершающий штрих!

— И вот еще что. Нам нужно, чтобы ты вывел свою армию в поле, а затем с десятком своих приближенных явился в шатер сатрапа и оставался там до самого начала общей атаки.

Его щеки оплыли.

— Я? Но...

— Не бойся. Там везде наши люди.

— Но зачем там я?..

— Не спрашивай. Делай, что велят. Верь Престолу.

— Э...

— Молчи и делай, что велят, Багдбор! Ни один волос не упадет с твоей головы! — Гритт, зря я это сказал: волос на голове архипрелата было немного.

— Слушаюсь, повинуюсь! Но там эта баба...

— Боевая Баба? Любовница сатрапа Рондина Рондергаст?

— Опясаный рыцарь. Он сделал ее своим генералом! Она... страшная... Убийца... Говорят, она лично пытала магов по приказу сатрапа... Мужчины ее боятся... Где это видано — мужчины боятся бабенки! На горячую плиту ее... задом... печь пирожки...

Во как! Удалая девчонка. Хорошо, что я вовремя сбежал от нее тогда, семь лет назад, яханный фонарь!

— Не страшись. Когда сатрапа будут убивать *наши люди*... ты понимаешь, Багдбор?.. первым делом прикончат ее.

По его телу прошла судорога, он кивнул. Как просто управлять людьми, очумевшими от страха.

— Нам *обязательно* нужно, чтобы ты присутствовал в шатре сатрапа. Не бойся, наши люди *везде*!

Багдбор кивнул, его губы дрожали.

— Буду... Я там буду, мессир!

— Ты на особом счету, Багдбор!

Снаружи мне померещились голоса.

— Мессир... У меня небольшая просьба к Престолу... Раз уж я на таком счету... Просьба, мессир, о маленьком, небольшом совсем диоцезе для моего брата Мария...

Я сделал вид, что задумался, улавливая краем уха нарастающий шум.

— Еще один диоцез?

— Совсем, совсем крохотный! За мои особые заслуги...

Охренел ты, братец!

— Хорошо, мы подумаем над этим. А пока...

Шум стремительно нарастал: вопли, конское ржание, лязг оружия. Взметнулся полог, и телохранитель выкрикнул:

— Пожар! Чоз милостивый... Пожар! Кто-то поджег северную сторону нашего лагеря! Они бросают факелы прямо в загон с лошадьми!

Мы выскочили наружу. Шатры на северной стороне лагеря пылали, будто их облили уракамбасом. В дымном мареве носились лошади.

Кто же это сделал? Гномы? Вот незадача...

Я крикнул Багдбору, что возвращаюсь к своим, на *южную* сторону. Бегом, перепрыгивая с дорожки на дорожку, увертываясь от людей и ошалевших коней, опасаясь потерять шляпу, я вернулся в шатер, где застал крайне занятную картину. Бок шатра был вспорот, и в дыру пропихивались люди в крестьянских неброских одеждах, с белыми повязками на руках. Правда, мечи у них были хорошие, рыцарские.

В дыру протиснулся начальник баронского патруля — тот самый смурной дядька лет сорока. Увидев меня, он кивнул совсем уж дружелюбно.

Ох, как некстати... Я-то решил, что пожар — работа Олниковых хватов!

Еще более некстати было появление белобрысого: этот вояка — явно один из самых приближенных к Багдбору людей — вбежал в шатер и распахнул хайло, чтобы сообщить мне нечто. Но не успел. Потому что я, подхватив один из мечей Гхашш, перерубил ему шею.

— Где вас столько носило? — гаркнул я на дядьку. — Быстрее, бежим!

22

Жестоко... Но...

А что еще я мог сделать, когда в шатер битком набились солдаты барона? Прикончив человека архипрелата, я отвел

подозрение от себя и отряда. Рано или поздно командир баронского патруля задал бы вопрос: почему у пленников в шатре свободно валяется оружие?

А так — убийство офицера и вид Грэмби, который с пустыми от боли глазами держался за распухшую челюсть, натолкнул командира на верную мысль: нас уже начали пытаться, вон, даже одного связали, да только пожар заставил людей Багдбора прекратить это занятие.

На лошадях нас доставили в лагерь ополчения баронов-землевладельцев и отвели в пустующий шатер. Я прикрывал лицо шляпой и боялся, что Альбо, которого освободили от пут, выкинет коленце, но архиепископ верховной коллегии Атрея вел себя на редкость смирно.

Однако ситуация повторялась.

Нет, Гритт, она повторялась не просто так — она без меры усложнилась!

Ладно бы в сговор с врагом вступила одна партия Фрайтора, но две! Две фракции, которые не знают о предательстве друг друга! Какой ход, какая насмешка судьбы! А я-то решил, что выявление предателя поможет Рондине и сатрапу выиграть битву... Но что делать теперь? Я уже не думал о том, чтобы оттянуть поражение Фрайтора. Очевидно, этот прогнивший край могло спасти только чудо.

А вот где бы мне отыскать чудо, чтобы вызволить Виджи? Я должен попасть за стены столицы раньше, чем туда проберутся фундаменталисты, а ведь они вполне могут на плечах отступающих войск ворваться в столицу... Времени пугающе мало, и еще неизвестно, чем закончится встреча с Кракелюром. Благодарение Небу, что я не знал его по своим старым делам. Видеть — видел, но лично не был знаком, в противном случае я бы не смог, конечно, сыграть шпиона Арконии.

— Еще? — спросила Крессинда, когда нас оставили одних. — Йок!

Она быстро смекнула, что к чему. Остальные молчали, Скареди вообще, казалось, сейчас сойдет с ума от попыток уяснить, что же именно происходит. Эх, прямой честный рыцарь, прожить столько лет таким наивным олухом!

Приключения, мать его!

За мной пришли.

Я подмигнул Имоен, надвинул шляпу на лоб и отправился к барону, без оружия, с одним *покойником* в поясе.

Ну и с Богом-в-Себе, который при всем желании не сумел бы мне помочь.

В лагере творилась кутерьма. Лязгала броня, смазанными пятнами мелькали люди и зеленые гоблины-служки. Запахи конского пота и дыма под котлами с похлебкой смешивались и возносились к небу — не совсем пустому, как я выяснил у Лигейи-Талаши. У баронов были свои капелланы — так сказать, полная автономия.

Саймон Кракелюр ждал меня в огромной палатке с тремя конусами — издалека казалось, что это замок, выкрашенный в белое. Мы вошли сквозь короткий парусиновый коридор.

В палатке было человек двадцать. Половина трескала мясо за общим столом, там же была расстелена большая, захватанная жирными пальцами карта Сэлиджии и Хотта. Вторая половина вкушала сивуху из большой, поставленной на попа бочки с выбитым дном. Это называлось — имели мы в виду сухой закон. Или они пытались упиться про запас, ведь с приходом фундаменталистов такие забавы будут чреваты смертной казнью.

Барон был выше меня на полголовы. Лысый усач лет шестидесяти, с плечами, отлитыми из стали, и шеей, вырезанной из куска дубового пня. Он стоял рядом с окном, подняв руки: оруженосец застегивал на нем кирасу с гравированной гадюкой.

Я быстро оглянулся из-под шляпы, молясь про себя, чтобы среди ближайших сподвижников барона не нашелся человек, с которым бы я знался по старым делам. Вроде бы... вроде бы никого нет.

Тут барон обратил внимание на меня.

— Где наши бумаги? — громогласно спросил он, вращая глазами в бесчисленных кровяных прожилках

Бумаги? Великая Торба, какие бумаги?

С моей щеки на шею соскользнула капля пота.

А ты думал, все будет просто, Фатик?

Голос у барона оказался неожиданно высокий, почти

женский, но не того типа, что звенит и дребезжит, грозя расколоть ближайшие вазы.

Вместо ответа я — гори все огнем! — приложил к сердцу три пальца и глянул на барона в упор.

Он сморщился и почти нехотя притиснул к груди три пальца — звякнули тяжелые перстни.

Да здравствует шаблонное мышление фундаменталистов!

— Сын мой... — веско произнес я, изменив голос так, как учил меня Отли, и подал руку для поцелуя. Барона передернуло. Он рыкнул, отвесив плюху оруженосцу, чтобы скрыть гадливость. Между нами, я и сам едва не передернулся — ненавижу, когда мне целуют руки, особенно всякие усатые рожи.

Двадцать человек не отрывали от меня глаз. Аудитория, чтоб ее...

— Пусть нас оставят.

— Нет! Я не имею секретов от... сподвижников!

Сподвижники согласно загудели: подлец умело играл на публику.

Гр-р-рит!

Я впился в него взглядом, припомнив Митризена, который таким же образом пытался вытряхнуть из меня душу... Совсем недавно это было, а кажется, что прошел целый год.

Спокойно, Фатик, без суеты...

— Пусть нас оставят, — молвил я тихо. — Барон, мои слова — только для тебя!

Он рыкнул, но я продолжал сверлить его взглядом. Минуту, не меньше, мы играли в гляделки, но мне было уже море по колено, я почти дошел до точки, за которой начинается амок. Не отпусти барон своих людей, я бы взорвался, ну а после... Думаю, жизнь Кракелюра я бы успел с собой захватить.

— Жизнь — дерьмо! — прорычал барон, когда последний человек выскользнул сквозь парусиновый коридор палатки.

Верно, а ты делаешь ее еще дерьмее.

— Отойдем от окна.

Он послушался, избрав для переговоров место рядом с бочкой.

— Хлебнете, вашество? — Барон вооружился простецким деревянным кубком, пропитавшимся сивухой так, что капало со дна.

Я сказал тихо:

— Не играй со мной, Кракелюр. Предостерегаю.

— Тьфу! — Он прикончил кубок одним глотком. — Жизнь — дерьмо! Ну, где бумаги?

— Нас захватили люди Багдбора. К счастью, бумаги я успел уничтожить...

— Гриттово семя! Багдбор знает, что вы...

— Нет. И — называй меня «мессир».

Он стряхнул вино с седых усов.

— Вот же крыса... мессир!

— Хвала Трехроговому, ты успел вовремя. Я облечен высшей властью, и говорю устами Престола Истинной Веры. Мы подтверждаем все прежние договоренности. Не подведи нас в решительный час...

— Тьфу! Тьфу и тьфу! Вы обещали бумаги, что удостоят наши баронские вольности! Мы ждем их уже два дня!

— Опасен был мой путь...

— Тьфу, тьфу и тьфу!

— Мои телохранители едва отбили меня от разъезда людей сатрапа... Сейчас, когда его генералом стала Боевая Баба, Рондина Рондергаст, по дорогам Фрайтора стало опасно передвигаться.

— Да, баба... Опоясанный рыцарь! Позор всего, позор всему! Ее надо прижучить первым делом! Опасная сука... И сатрапа... Вашество, вы же вздернете сатрапа?

— Мы стопчем его лошадьми.

— А Багдбор?

— С ним проще. Его посадят в клетку для показа в Арконии... А потом... может быть, мы отдадим его тебе... в полную собственность.

Гадючий сын закатил глаза практически в экстазе. Наконец-то удалось ему потрафить.

— Да, да, да, этот святоша... это же он готовил заговор против наших свобод! Он хотел, чтобы мы платили тройные налоги в казну Церкви Чоза! Мы, землевладельцы, те, кто кормит всю страну!

Правда ли? Или это придумали арконийцы, чтобы посеять между вами вражду?

— А Фаерано? Нужно непременно удушить Аерамина Фаерано!!! Эта тварь подговаривает сатрапа урезать наши вольности, смотрит на наши земли, чтобы их захватить!

Я кивнул с легкой улыбкой:

— Мы сделаем из него живую мишень для стрел.

— Хорошо, хорошо!

Я сказал проникновенно:

— Новые грамоты будут вручены тебе сразу после разгрома сатрапа. Ты у нас на особом счету, Кракелюр...

— На особом? — встрепнулся он. — А что, есть *другие*?

Торба, это крепкий орешек, не чета кардиналу. Осторожней, Фатик!

— О да. Я разумею твоих сподвижников. Тех, кто решил всемерно поддержать приход истинной веры, прийти в ее лоно добровольно, покаянно и с распростертыми объятьями...

— Тьфу! Пускай будут три рога... Хоть четыре...

— Кракелюр!

— Э-э... — Он приложил три пальца к кирасе. — Вот. Я в полной мере... Вы понимаете, вашество... Мессир! Гриттово семя... И вас уважаю... А крестьяне у нас в кулаке — заставим их поклоняться кому угодно... Лишь бы не касалось ба-ронских свобод...

Быдло ты конченное, сказали мне пьяные глаза Кракелюра, быдло молодое да раннее, чтоб ты сдох.

Все же, не так он и умен — все чувства напоказ.

— Ты вознесешься высоко и быстро, — сказал я. — Верь мне, Кракелюр. Но горе тебе, если ты нас подведешь! Горе, если пойдешь на попятную в решительный час! Повтори, как ты будешь действовать на поле Хотта?

— Тьфу!.. Я ж не забыл! Смешаю ряды, как вы и приказали, тьфу, тьфу! Справа от меня будет церковная гвардия Багдбора... слева щенки сатрапа... Рыцари Чоза у реки... Так условились на совещании у сатрапа... Когда сыграют атаку, наша конница двинется наперерез полкам Багдбора. Мы смешаемся с церковниками на всю глубину их рядов, и расстроим их порядки, замедлив их атаку. Одновременно мы откроем под ваш удар левый фланг войск сатрапа, и при

этом, как велено вами, никуда не двинемся в поля Хотта... Говорят, людей сатрапа поведет в бой Боевая Баба! Чтоб ее удар хватил! — Он отдулся, вытер пот и опрокинул еще полкубка. — Пешие ополченцы моего войска в это время начнут отступать, оголяя фланг *этой бабы* еще сильнее. Тьфу!

Я сложил два и два. Предатель не знает о предателе. Войска двух фракций не пойдут в атаку, смешают ряды... А если предположить, что предателем является также Фа-ерано и его храмовники? Он, как и остальные предатели, не знающие о том, что есть *еще* предатели, не пойдет в атаку, а его войска постараются смешать ряды других партий, и на поле Хотта воцарится хаос... Аркония использует предателей втемную, как марионеток... В груди похолодело. Кажется, Престол задумал что-то страшное. Страшное до безумия.

— Вы не отказываетесь от своих слов? Вы дадите нам пограбить Синьорию, мессир? Ведь мои люди в городе только и ждут сигнала к началу битвы, чтобы открыть вам ворота! Их там четыре сотни...

Великая Торба!

Мои руки мимо воли дернулись к горлу барона, но в последний момент я остановился, сделал неопределенный жест.

Ситуация усложнилась еще больше. Значит, люди барона в столице. Как только начнется битва, они пустятся во все тяжкие, это ясней ясного... Пойдут на Синьорию, в которой с гулькин нос охраны, ибо все, кто способен держать оружие — на поле Хотта. Будут грабить, насиловать, убивать... Ну а фундаменталисты решили не даровать милости никому — они вырежут на поле Хотта всех предателей, и *не* предателей тоже, всех, кто имеет касательство к власти во Фрайторе... И, наверное, даже горожан не пощадят — ведь столица это главный рассадник ереси, по их суждениям. Тут больше всего храмов и клира, а значит — больше всего еретиков. Проклятие!

Спокойно, Фатик, спокойно!

Решай — и решай быстро. Ты идешь с гномами в Сэлиджию ради двух эльфов... Или — зная теперь, как обстоят дела! — *все-таки* попытаешься остановить войну, а лучше —

выиграть ее, чтобы спасти несчастную страну, властители которой увязли в предательстве?

По моему виску скатилась капля пота. Я постараюсь сделать и то, и это. Помогу Рондине и сатрапу выиграть войну — и одновременно выручу Виджи, чтобы никто не сказал потом: Фатик предпочел спасти свою женщину и бросил на растерзание целую страну. Да, так и будет. Значит, вывожу Кракелюра на чистую воду, иду к Рондине, а после — бросаюсь в Синьорию вместе с гномами.

Кракелюр сказал, глядя на меня с тревогой:

— Сатрап пустит в атаку элфантирию... Кроутеры вряд ли справятся с ней... И еще эти гномы с дымовальной машиной... Я слышал, это оружие пресстрашное и опасное...

— Элефанты не твоя забота. А гномы... Гномы — наши тайные союзники, мой дорогой Кракелюр. Верь Престолу.

— Ох... вот как...

— Именно так и никак иначе, барон.

— Сатрап чокнутый, он точно чокнутый! Он готовил заговор против наших свобод. А Боевая Баба запытала всех магов!

— Тем лучше для нас. И проще.

— Мессир, я могу сказать своим людям, что Синьория... Мразь!

Оскал, помимо воли исказивший мое лицо, я вовремя преобразил в свирепую улыбку. Если я дам запрет на грабежи, он меня заподозрит... Гритт! Мне придется...

— Конечно и безусловно! Но только на сутки!

— О, мессир! — Вот тут он решил чмокнуть мою руку от чистого сердца, но я брезгливо отдернулся и покачал пальцем:

— Учти, Кракелюр, ты у нас на особом счету! Не оступись в решительный час!

— Мессир!

Я провернул трюк с двумя списками и спрятал их за пазуху. Вот и новые доказательства для Рондины...

— Теперь самое важное, барон. Нам нужно, чтобы ты вывел свою армию в поле, а затем с десятью своими ближайшими сподвижниками прибыл в шатер сатрапа и оставался там до самого начала общей атаки.

Кракелюр отшатнулся:

— Зачем?

— Не задавай вопросов. Делай, что велят. Верь Престолу. Учти, ни один волос не упадет с твоей головы! Там везде *наши люди!*

— Ваши...

— Наши. Когда сатрапа будут убивать... — Я в упор посмотрел на него. — У нас большие планы насчет тебя, барон. Очень, очень большие, — примерно как задница элфанта, мог бы я добавить. — Ты вознесешься высоко и быстро. А может быть даже... наденешь корону герцога!

Он содрогнулся, в глазах засверкали рубиновые огни:

— Корону...

— До Престола дошли слухи о твоих новшествах, о том, что ты творишь на лоне природы, э-э, — я пощелкал пальцами, — твои *инновации!* Престол впечатлен! Клеймление крестьян, например! Мы-то их только порем...

Гадючий сын оживился:

— Да-да, это же скот, быдло! Каждый сверчок знай свой шесток! А мы — элита... Рождены, чтобы править скотами!

— Именно, барон! Отрезание ушей беглецам нам также очень понравилось...

— На моих землях дети работают с семи лет! — Он произнес это с гордостью. — А если дети плохо работают, мы отсекаем им пальцы.

Вот этот барон, подумал я, сдерживая ярость, его ведь даже не царапает совесть, он живет в своей скорлупе, которая сияет святостью — в его глазах. Для себя он чист и свят, он все делает *как надо*, и даже заведомо подлые поступки оправдывает необходимостью, и — самое страшное — тем, что ему *можно* их совершать, ибо он стоит выше большинства смертных, которые недостойны даже носить подол его мантии, стоит выше уже по факту благородства своей крови. Он *дворянин*, он велик и почти всевластен! Исправить подобных людей невозможно: если умные правители хотят изменить жизнь в своей стране в лучшую сторону, они просто рубят таким людям головы.

— Ну вот же, вот! — кивнул я. — Чудесные инновации, замечательные-е! Ты именно тот управленец для обшир-

ных земель Фрайтора, что нужен Престолу... А теперь — пусть нам дадут лошадей и выведут из лагеря. Престол хочет навестить гномов. Да, сын мой, у нас везде дела...

Он кивнул — молча, потрясенный. В своих фантазиях он уже примерял герцогскую корону.

* * *

Вместе с подопечными я подъехал к ставке сатрапа и предался в его руки.

23

Легче сидеть на тлеющих углях голым задом, чем пролеживать бока со связанными конечностями и заткнутым ртом между армиями, которые вот-вот пойдут в атаку.

Какая-то мелкая тварь заползла мне за шиворот и деловито спускалась по груди.

— Ы-ы-ы... — прогудела Крессинда, сдвигаясь ближе ко мне. Она без всяких усилий тянула за собой Монго, который — вот же черт! — приходил в себя на глазах. Грэмби дал ему хорошее лекарство: физиономия нашего наследника имела вид недоспелого помидора — нечто бледно-красное с быстро спадающей прозеленью, да и веки подрагивают, вот-вот очнется.

Рондина велела скрутить нас спина к спине, каждому в рот насовать тряпок и обвязать их веревками, чтобы даже перемолвиться словечком не могли. Месть оскорбленной женщины, блюдо, охлажденное до невозможности. Я, знаете, тоже ее связал, когда драпал от ее притязаний, а было это... ох, как давно это было: семь лет назад. Ну, иначе бы она меня остановила — чтобы женить. Головокружительный роман и скоропостижный брак в финале — нет, спасибо, я лучше убегу. Я еще подумал тогда — почему именно сильные женщины пытаются навязать мне свою волю? Неужели я настолько слаб? Или настолько правилен? Но Рондина не выглядела дамочкой, которой нужен мужик-мямля (кем я, разумеется, и не был), тем не менее она хотела появ-

зять меня путами брака, так сказать, лишить воли и соединить с собой навек в земной... как ее там, забыл... Ну, примерно как графиня дар Конти.

Что же они во мне нашли?

Черт их разберет, этих баб... А уж если баба Боевая — то и вовсе мрак, немнота (помесь темноты и немоты) и неизвестность.

Позади меня была Имоен (старину Фатика преследовало ощущение, что к его спине привязали трепетную лань). Я задумчиво жевал кляп и, сопя, смотрел, как армия фундаменталистов выходит на позиции для атаки в жарком послепопуденном мареве.

— Ы-ы-ы! Ы! — подбодрил я отряд.

Крессинда прожгла меня взглядом. Кажется, она придвигалась, чтобы попытаться пнуть меня связанными ногами. Не слишком хорошая идея, поскольку каблуки ее сапог были со стальными подковками. Густые светлые волосы гномши растрепались, в них набился сор: пыль, комочки земли и трава.

— У-у-у-у! — провыл Грэмби, привязанный к Скареди и Альбо. Старый абортмахер тоже меня ненавидел. Ну, прости, дружище, за сломанную челюсть! Вот тебе слово: до последнего часа я буду каяться в этом грехе... Только завыка в том, что жить нам осталось минут тридцать, не больше.

Мне адски хотелось почесаться.

Неподалеку от нас высился холм, покрытый цветущим разнотравьем, там летали шмели и порхали бабочки. На верхушке холма мирно покачивался в петле старой виселицы раздувшийся покойник — генерал Трауч. Зрелище не слишком приятное, ибо над его лицом как следует поработало воронье. С другой стороны — поучительное: вот, дескать, глядите, что бывает с теми, кто не справился со сложной математикой битвы. Бедняга, разве мог он знать, принимая командование армиями, что в прогнившем Фрайторе предатель гнезвился на предателе?

Каюсь, и я сплоховал, решив идти к сатрапу.

* * *

Я попал к нему, назвавшись перебежчиком. Мол, вот вам я, вот те, кто вместе со мной унес ноги от фундаменталистов, извольте принять сведения высочайшей важности. Это сработало: меня и весь отряд проводили (а местами занесли) сразу в командный шатер, правда, отобрав оружие.

В шатре царил полумрак. И не было там пока еще Багдбора, не говоря уже о бароне; предводители фракций слишком медленно выстраивали на поле Хотта войска, словно надеясь отсрочить неизбежное.

Сатрап (Гритт, я так и не вспомнил его имя!) сидел за громоздким столом, расставив руки. Лет около шестидесяти, одутловатый и крупный, чем-то похожий на барона Кракелюра, с длинными полуседыми волосами. Неброская одежда, на груди — золотая пектораль с фигурами Чоза и младших богов — знак сатрапа и, одновременно, первосвященника Чоза Двурогого. В шатре теснилось еще несколько человек: капелланы в походных облачениях у низких стоек, где на бархатных подушках возлежали Невидимые Дары Чоза, трио патриархов — видимо, из тех, кто находился в оппозиции к Багдбору, и шестеро в вороненых доспехах — эти стояли, изучая карту за столом поменьше. Вид у всех странно-бодрый, словно и не готовятся к поражению... Странно. Еще один человек сидел в глубокой тени подле сатрапа. Я различал лишь блеск глаз: они обежали всю мою команду (включая стонущего Монго и Альбо, который с видом ребенка оглядывался кругом) и вернулись ко мне. Взгляд был колючим. Я поежился.

А где Рондина? Может, готовит войска к битве?

Я набрался лихости и начал говорить, пытаюсь использовать все свое красноречие. Я обращался к сатрапу, к его военачальникам и к патриархам, и даже к неведомой тени.

Зря распинаясь. Ибо когда я закончил, бросив на стол сатрапу списки предателей и тех, на кого сатрап мог опереться, он хрипло — почти безумно — рассмеялся.

— Явятся в шатер? — переспросил он. — Предатели — ко мне в шатер? Ха-ха-ха-ха!

— К тебе в шатер, — сказал я. — Я говорю правду, что

подтверждают эти списки, начертанные руками предателей, с оттисками их личных печатей. Я не шпион Арконии. Я — Фатик Мегарон Джарси с гор Джарси. Вот мой отряд, с которым я шел от Долины Харашты. Мы оказались втянуты в конфликт случайно, и случайно же я узнал правду о том, кто предатель. И я готов заложить свою голову, что Аркония намерена уничтожить всех, кто имеет касательство к власти Фрайтора. Стоят ли эти сведения жизни двух членов моего отряда, которые находятся в плену у Аерамина Фаерано?

Сатрап хмыкнул и согнулся над столом от безумного хохота.

— Фатик, — произнесла тень, выдвигаясь на свет, — ты был триждырожденным болваном семь лет назад, им же и остался — по сию пору.

— Да разве ж я ведаю, кто мои родители, Рондина? — сказал я. — Дедушка нашел меня беспамятным у подножия гор, когда я был сопливым пацаненком...

— Старая и глупая история, Фатик, — молвила Рондина.

И тут я, наконец, узнал, почему же я болван. Ну а потом подумал под треск барабанов и рев труб и понял, почему я болван триждырожденный.

* * *

Мне определенно нужно было хорошо пораскинуть мозгами, прежде чем являться к сатрапу. Брошенные женщины, они, знаете, таят обиду долго...

— Это действительно Фатик М. Джарси, — сказала Рондина, глядя куда-то между мною и приближенными сатрапа. Сизо-черная броня облекала ее тело. — Известный проходимец из варварского клана гор Джарси, воспитанник женоненавистника Трампа Грейхоуна. Напомни-ка мне, умник, как твои горы называются по ту сторону Харашты? В Фаленоре? Козьи Сблевыши?

От ее тона меня прохватил холодный ветер.

— Горы Кучерявого Барана, — напомнил умник — я.

— А-а-а, ну конечно. Родился в хлеву, безродный, там же и...

Она, конечно, не забыла обиды. На ее широком скуластом лице залегли глубокие складки, какие появляются только у людей суровых, безжалостных (у меня таких не было, кстати). А темно-синие глаза теперь напоминали замерзшие озера, лед которых не пробить даже раскаленной пешней.

— Как обычно, вояжируешь с балаганом?

— Я же сказал, что сопровождаю группу паломников в Дольмир! Двое моих... людей захвачены Аерамином Фаерано и сейчас находятся в Сэлиджии. Разве сведения о предателях, что я вам доставил, не стоят их свободы?

Фаворитка сатрапа покачала головой. Прядь темных волос упала на лоб и была отброшена быстрым жестом, который так мне нравился... когда-то.

— Ты дурак.

Самое глупое, что можно сделать в такой ситуации, это спросить «почему?».

— Почему так?

Сатрап хмыкнул, но больше не засмеялся. Его испитая физиономия вдруг поникла, утонула в тенях. Он покосился на Боевую Бабу, как робкий юноша на взрослую тетеньку. И сразу стало ясно, кто главный в семье.

Рондина сказала:

— Я могла бы просто тебя умертвить, без объяснений. Но... знаешь, для тебя... снизойду. Ты принес протухшие вести, Фатик, да еще проехал через весь стан, так, чтобы все могли на тебя наглядеться.

— Я все время смотрел, чтобы не было слезки!

Женщина рассмеялась — как будто горсть ледышек бросили на дно медного кувшина.

— Это уже не имеет значения. Мы знаем обо всем. Начнем с того, что мы перехватили арконийских легатов, что везли баронские списки и грамоты к остальным предателям. Но и это неважно. Джэнно, немедленно пиши письма Багдбору, Кракелюру и Фаерано: пойманы лазутчики арконийцев. Пытать и допрашивать времени нет, мы бросим их перед элфантирией в назидание всем. — Она вновь откинулась в тень. — Понимаешь, Фатик, это мы заманили Арконию в ловушку.

* * *

Я избавлю вас от большей части диалогов, монологов, стонов приходящего в себя Монго, странных пришепетываний Альбо, крепких словечек Крессинды и поскуливаний Грэмби. Я не стану подробно расписывать то, как мои глаза не раз и не два заползали на лоб, как я не знал, куда их спрятать, как мои кулаки сжимались и разжимались от бури чувств.

Я просто изложу суть так, как понял ее я — с некоторыми своими домыслами.

Говорил в основном сатрап, пожалуй, он искренне хотел высказаться, а Рондина не препятствовала этому. Будь на моем месте другой человек, ему бы просто свернули шею, но я — это был я, тот, кто пренебрег ею семь лет назад, когда она, безродная, но разбогатевшая авантюристка с извращенным умом, пыталась меня охомутать. Дурацкая прихоть, прихоть собственницы, которая привыкла получать все что пожелает, и, более того, которая *умеет* получать все, что ей захочется получить.

Кроме меня.

Однако теперь мне предстояло искупить свою вину.

Он говорил, а я слушал, глядя в глаза своей бывшей любовницы.

* * *

Сатрап был слабоволен и глуп, как бывают слабовольны и глупы получившие власть по наследству. Забудьте рассказы о благородной крови и надлежащем воспитании правящих каст — все это ерунда и байки для легковверных болванов, свихнутых на идеях элит и монархии. Люди — всегда люди, и даже в правящем доме один из трех сынов непременно будет дурак. И совсем уж плохо, когда этот сын — полновластный наследник престола. Таким и оказался сатрап.

С течением времени он, вялый от природы, терял влияние и среди священников Чоза, и среди рыцарей Храма, не говоря уже о баронах-землевладельцах, которые при нем

разнуздались до предела, наконец, он настолько запустил дела, что его главенство над храмовниками и клиром сделалось лишь формальностью, а что до баронов, то они насмеялись над ним практически в лицо.

Когда рядом оказалась Рондина (а случилось это полтора года назад), власть сатрапа настолько выродилась, что исправить положение без большой крови было попросту невозможно; страна разваливалась под весом алчности, продажности и сепаратизма. Все властные партии Фрайтора ненавидели друг друга, заключали договоры о вечной дружбе и тут же их нарушали, творили заговоры внутри заговоров и просто никак не желали выступать под общими знаменами *по-настоящему*. Призрак гражданской войны почти обрел плоть, но при этом главари фракций понимали: пойдя они друг на друга войной, немедленно подоспеют арконийцы, и стране — и им самим — придет конец. Собственно, ощущение того, что стране так и так крышка, витало в воздухе уже давно...

Если узел нельзя развязать, его можно разрубить. Так и решила Рондина.

Она первая направила в Арконию послов, чтобы поговорить о сдаче.

Угу, именно так.

Рондина сама надоумила арконийцев начать движение к окончательному покорению Фрайтора. «В нужный момент я убью сатрапа и прикажу войскам сдаться», — так она сказала. Говорила она от имени религиозной фанатички Чоза Трехрогого, уроженки пограничья, и арконийцы купились (эта женщина умела убеждать, о да!). Одновременно она озаботилась тем, чтобы сведения о возможных переговорах по сдаче сатрапом Фрайтора получили главы остальных фракций. Те зашевелились и сами направили своих послов в Арконию, пытаясь действовать на опережение. Ну а фундаменталисты были рады их принять, раздавая посулы и фальшивые обещания, и заодно — убеждая предателей, что с ними единственными заключен реальный договор.

Гритт, я живо вспомнил недавние события в Ночной Гильдии, когда за мзду три видных чина этой самой Гильдии пустили внутрь своих злейших врагов, чтобы те нас

изловили. Как предсказуемы люди, у которых ровно два бога — власть и деньги. И страх их потерять.

Таким образом, к моменту вторжения в стране сложились три партии настоящих предателей родины (для таких людей слово «родина» означает место, где они зарабатывают деньги) и одна — фиктивная, под водительством сатрапа, а на самом деле — Рондины, полностью подчинившей сатрапа своей воле. Каждая фракция, разумеется, подозревала другую в измене, но не имела доказательств одной. А арконийцы, действуя по принципу «разделяй и властвуй», умело нагнетали взаимную ненависть, чтобы — о да, я оказался прав! — в нужный момент уничтожить *всех предателей* с их личными армиями.

Чертов лживый мир...

Тем временем Рондина, получив небольшой роздых, смогла направить все средства — включая те, что больше не нужны были для противодействия интригам Фаерано, Багдбора и Кракелюра — на военные нужды. Причем она могла делать это от имени сатрапа явно, не таясь — ведь война!

Под шумок в военное время можно сделать многое из того, что в другой ситуации вызовет подозрение у внутреннего врага. Таким образом, дочь нищего крестьянина, лишенная девственности каким-то дворянином в исключительно юном возрасте, неплохо подготовилась к войне. Есть люди с врожденным талантом командовать, подчинять, действовать. Рондина была из таких. Она поднялась на самый верх и была намерена удержаться там зубами и ногтями.

Делая вид, что ни черта не знает о всеобщем предательстве, она от имени сатрапа открыто направила в северные степи Мармары посланцев, чтобы получить элевантов. Вместе с тем она тайно подкупила мармарийского хана, и тот двинул свою конницу через седловины гор Зеренги (пришлось заплатить еще и гномам, которые держали под контролем тамошние перевалы). Вот о каких конниках толковал Закипающий Чайник! Пока армии фракций терпели поражение в первом бою, конные полки хана тайно переправились во Фрайтор. Сейчас войска Мармары — легкая и тяжелая кавалерия, скрывались в лесу на склонах Галидорских гор неподалеку от поля Хотта, куда так легковер-

но, без малейших охранений притопали фундаменталисты. Отличное место для засады и удара во фланг. Сигналом к атаке мраммари́йцам должны были послужить два дымовых столба из гномской машины — загадочной штуковины, которая, по словам сатрапа, была чем угодно, но только не оружием, зато воздействовала на умы предателей и Престола, заставляя их *опасаться*.

Мраммари́йцы и гномы стоили много денег, сейчас сатрапия была, по сути, банкротом: всю звонкую монету, включая ту, что наплавили из серебряных ложек дворца, вложили в войну. Но это была верная инвестиция. Рондина намеревалась уничтожить армию Престола Истинной Веры, и, пока фундаменталисты не опомнились, вторгнуться в Арконию и завоевать ее. Перед этим она хотела убить тех, кто явно заявит о своем предательстве на поле Хотта и сосредоточить все нити власти в своих руках.

— Открытых предателей убить легче, — сказала она. — Никто не сделает из них героев, никто не встанет за них горой.

Доказывая свою лояльность Арконии и власть над сатрапом, Рондина велела запытать магов якобы по подозрению в предательстве, лишив, таким образом, армию магической поддержки.

Но и это была брехня. Маги, живехоньки, в одежде крестьян, сидели сейчас в лагере сатрапа и готовились к битве.

Чертов лживый мир, яханный фонарь!

Генерал Трауч, наемник из Мантиохии, намеренно поставленный над армиями фракций, разумеется, проиграл первое сражение (в это время гроссмейстер рыцарей Храма Чоза Аерамин Фаерано отсиживался у Закипающего Чайника) — чем лишний раз укрепил Арконию в мысли, что все идет как надо, что Фрайтор не может действовать единым фронтом, что предатели действительно *умеют* предавать. Бедняга Трауч послужил разменной пешкой в игре.

Ну а вчера само Небо (не пустое, напомню) преподнесло Рондине сюрприз: терзаемый сомнениями Аерамин Фаерано явился к ней с повинной. Думаю, он, как наиболее умный из тройки предателей, чувствовал, что арконийцы стелют слишком гладко, и что где-то кроется подвох. Теперь

любовница сатрапа (и первый опоясанный рыцарь-женщина Фрайтора) могла — разумеется, с оглядкой — опираться на рыцарей Храма Чоза. Формально главой ордена Храма, напомним, был сатрап (кто бы сказал мне, наконец, его имя).

Что касается арконийцев, то они были намерены уничтожить всех, кто имел отношение к бывшей власти Фрайтора, Рондина была уверена в этом. Уже легче: хоть одно мое предположение оправдалось.

«Я, — вдруг сказали мне глаза Рондины. — Все это придумала я. Кем я была... и кем стала. Теперь ты понимаешь, от кого отказался?»

«Понимаю», — сказал я.

«Нет прощения оскорбившему богиню!»

А ведь она и правда мнила себя таковой. И не без оснований, замечу. Бедняга сатрап. Сколько он проживет, если план любовницы выгорит? Бедняга я — был бы. И есть. Был бы — если б остался с нею тогда. Есть — потому что... Ну, вы сами понимаете, верно? Бедняга Рондина: женщины, подобные ей, почти всегда одиноки. Наверное, только дураки вроде меня могут пожалеть своего палача.

— Но твоя стратегия запутана, — сказал я. — Приведет ли она к выигрышу?

Рондина усмехнулась — уверенно и жестко:

— Конечно же да! Мы знаем, что предателям велели смешать ряды, помешать общей атаке. Это случилось еще в первом бою, но тогда моя армия начала отступать первой, и предатели, устранившись, обратились в бегство следом за ней. Аркония дергает их за ниточки, заставляет исполнять глупый танец... Первоначальный *мой план* действий на поле Хотта был таков. Горн играет наступление элфам. Через несколько минут звучит сигнал к общей атаке. Предатели смешивают ряды или отказываются идти в атаку, совершая явную измену. Затем горн играет в третий раз, для гномов, — одну длинную ноту. Те подадут сигнал к удару мармарийской коннице посредством дымовальной машины: два столба черного дыма, видных издали... А конницы, Фатик, у хана немало... Хан завяжет битву, предатели увидят это и запаникуют. Я выведу к ним, окруженная каре дворцовой гвардии и гномов, и велю главарям фракций сдаться.

И они сдадутся — они слизняки и трусы. Я казню их на месте. Затем я возглавлю все четыре армии и двину их на арконийцев. И дальше. В саму Арконию... Но если предатели твоими стараниями все-таки явятся в мой шатер... Задача упрощается, верно?

— О да, — сказал я с мрачным задором, некстати подумав о ее крупном сильном теле. — А если хан надумает тебя предать?

Рондина усмехнулась углом рта, катая по столу один из клинков Гхашш.

— В таком случае гномы Зеренги, которым я заплатила *очень много*, просто не пустят его обратно через перевалы. Он знает об этом. Он не предаст. Он получит много добычи и уйдет с ней в Мармару. Миньоны же Кракелюра... Пускай они открывают ворота и идут грабить Синьорию, я не стану им препятствовать. Все, кто предан *мне*, давно вывезли отсюда семьи. Пусть предатели сами убивают предателей... чище будет.

— Ты продумала все... — сказал я потрясенно.

Она промолчала. Барабаны изводили меня своей трескотней.

— Вас свяжут и бросят на поле Хотта незадолго до атаки, чтобы отвлечь наших милых предателей от натужных размышлений, чтобы они поверили и явились в *мой* шатер... Ну а мои письма добавляют им спокойствия. А ты... Ты сам виноват в том, что сделал сегодня... *и тогда*.

Скареди раскрыл рот в немом вопросе. Бедняга. Честный прямой олух. Он, наверное, не понял и половины из того, что понял я.

— Связать их спина к спине и заткнуть рты! Элефанты будут вынуждены стоптать твой отряд и тебя, Фатик. Прости.

— Дай волю тем, кто со мной, — сказал я, зная, что просить впустую. — Я виноват — меня и казни.

— Конечно, Фатик, — милостиво кивнула Рондина. — Да, кстати, гномша... Из каких ты краев?

Крессинда гордо выпятила грудь:

— Шляйфергард.

Рондина кивнула:

— Значит, ты не из Зеренги, значит, тебя можно казнить безбоязненно.

— Распните меня на мертвом дереве, и пусть мое еще живое тело расклюют стервятники, — браво предложил я. — Черт, да казни ты меня самой лютой смертью, а ихпусти!

— Нет времени, — сказала Рондина абсолютно серьезно. — Все лазутчики должны быть казнены...

Мысль о том, что я не просто дурак, но полный идиот, наконец-то обрела глубину.

* * *

В траве стрекотали кузнечики. Крессинда, мыча, тащилась ко мне, елозя обширным задом по отцветающей пастушьей сумке. Какая-то насекомая сволочь спустилась к моей пояснице и сейчас деловито пыталась забраться ниже, под рубаху, стянутую хитрым поясом.

Мое сердце колотилось быстро-быстро.

Отползая от Крессинды, я волочил за собой безропотную Имоен. Развернулся так, чтобы видеть лагерь. Элефанты — косматые рыжие громады даже отсюда — выстраивались примерно в сотне ярдов перед войсками сатрапа. Элефанты пойдут расширяющимся клином, что заденет нас краешком. Но нам хватит и краешка.

Далекий солнечный зайчик скользнул по моему лицу. Кто-то из лагеря сатрапа смотрел на нас сквозь подзорную трубу. Может, Рондина?

Я подмигнул неизвестному наблюдателю. Помирать — так хоть без страха в глазах!

Из лагеря сатрапа выходили в поле войска. Черт, Рондина была слишком самоуверенна и беспечна, оставляя лагерь без прикрытия!

Новый солнечный зайчик упал откуда-то сбоку. Крессинда неистово замычала, точно корова, которую забыли подоить.

Что такое? Я резко — до хруста в шее — повернул голову.

Прямо к нам не спеша — хотя, если присмотреться, то довольно быстро для такой громадины — ползла дымовальная машина гномов.

Машина двигалась поперек поля к нам; из средней трубы валили хлопья плотного черного дыма, отливавшего на солнце угольным глянцем. Над остальными трубами курился легкий белый дымок.

Интересно, на кой гномам понадобилось ползти к холму с повешенным Траучем? Может, думают стибрить у покойничка сапоги? С этих прощелыг, ускользнувших из-под ока Жриц Рассудка, станется...

Гм, успеют ли доползти до атаки?

И — даже перед лицом смерти — я подумал: что за дивный механизм двигает эту загадочную машину?

Впрочем, не все ли равно? Я прикрыл глаза, отсчитывая мгновения оставшейся жизни.

Кто-то настырно загудел над самым ухом. Шмель... Или Имоен?

— Ё-ы-ы! — гугнила лесная нимфа.

— Ё-ы? — недопонял я.

— Ё-ы-ы-ы! — И она пребольно стукнула меня затылком.

Тут я додумался оглянуться.

Та часть поля, где выстраивалась армия Престола Истинной Веры — отсюда войска казались просто широкой черной лентой на темно-зеленом фоне склона — затенила клубящаяся туча. Она росла, медленно наливалась страшным фиолетом. Маги Тавматург-Академии Талестры, нанятые арконийцами, исправно делали свою грязную работу.

Как вы уже знаете, магия в моем мире — штука слабая, и требует от мага огромных затрат энергии. Рождать огненные шары-пиробласты, метать молнии и совершать другие внешне эффектные, но крайне затратные с точки зрения энергии глупости не слишком просто. Дав жизнь даже полудохлому огненному шару, чужаков тут же заснет от усталости, а сам шар рассеется, не пролетев и трех шагов. Можно, конечно, растолкать мага, влить в глотку вина, и заставить сплести еще одно подобное заклятье, но тут уж кудесник точно загнется. Одно толковое чародейство в пять-шесть часов (скажем, избавление человека от вшей, или удаление бородавки с носа), не больше, да и то многие чародеи к шестидесяти годам на-

живают кучу болячек, включая геморрой и чахотку и в дальнейшем, хотя срок их жизни продлевают эликсиры, живут, страдая от многочисленных недугов. Фрей, последовательно убивший двух главарей преступного мира Харашты с помощью заклятий, был исключением — ну так на то он и полудемон-смертоносец. А у Дул-Меркарин он попросту умертвил оставшихся преступников, использовал людей как артефакты, дав магам Харашты и себе энергетическую накачку. К счастью, никто кроме полудемонов Вортигена и самого императора не владел больше этой путающей способностью — извлекать энергию из смерти.

Итак, обычная боевая магия малоэффективна. Другое дело, раскатать природные силы, используя навыки шаманизма *диких* народов — гоблинов и орков. Когда общий круг магов, известный как *конвергентное склонение*, обращается к шаманизму, сливая свое камлание в общий поток, что вызывает к естественным силам природы, получается обычно неплохо. Феномен камлания до сих пор плохо изучен, и не мне, обычному варвару, пускаться в дебри пояснений. Камлание работает — и ладно. Да, с его помощью нельзя метать молнии, но накликать грозовые облака — вполне. Сейчас часть магов Талестры вызывали грозу со шквалами, молниями. Направляющий ветер, что погонит тучу к армии Фрайтора, включен в комплект поставки. Арконийцы надвинутся, под завесой ливня не спеша окружают армии Фрайтора, отрежут от города, возможно, прижмут к реке, и примутся за дело, уничтожая всех, медленно, методично. А все — те самые предатели, которые будут видеть не более чем на десяток шагов, нескоро поймут, что их попросту режут как свиней, а когда поймут — будет поздно.

Очевидно, что у Рондины есть контраргумент: свои маги. Камлая, они сотворят ветер, который отгонит тучу с боевых позиций. Но вот к чему фундаменталисты Арконии выложили немало звонкой монеты за магов-бестиаторов Талестры? Элефанты растопчут кроутеров и не заметят...

Так, минутку, очевидно, план Престола еще более запутан, чем я думал. Гритт, да что же замыслили эти уроды? Они как будто *знают*, что ни одна из армий Фрайтора не двинется сегодня в атаку!

— Ы-ы-ы! Ыыыы... Ы! — сказала Крессинда.

— Заткнулась бы уже, — проныкал я.

Кроутер — это ящер, обитающий в болотах Северного и Южного континентов. Тварь резво бегает на четырех лапах, покрыта синевато-бронзовой чешуей, а вдоль хребта у нее — костяные иглы с прозрачными багряными перепонками. Вырастает она... В разных областях кроутеры вырастают по-разному, в болотах Южного континента — они крупнее всего, но даже кроутер величиной с годовалого теленка не причинит вреда разогнавшемуся слону. Вот мне — другое дело. Как-то раз юркий детеныш кроутера тяпнул меня за... Забудем.

А вот, кстати, и кроутеры: перед войсками Престола появились яркие точки — кибитки талестрианских магов. Перед ними семенили, смешно размахивая хвостами, твари, отсюда похожие на ящериц длиной с мою ладонь.

Я оглянулся.

Дымовальная машина ползла к нам медленно, величаво, точно сухопутный кит. Вороненые бока лоснятся от солнца. Гномов на палубе не видеть.

Успеют доползти до атаки? Или кроутеры и слоны столкнутся раньше (превратив нас попутно в алое желе)?

Кроутеры, кроутеры...

Я представил себе чешуйчатую тварь в подробностях. Вытянутая зубастая пасть с широкими ноздрями, голова с покатым костяным выступом-тараном... Тугая короткая шея окружена костяным перепончатым воротником — во время атакующего бега кроутер раскрывает воротник на манер зонтика, ядовито-красного широкого зонтика, что в сочетании с распахнутой карминовой пастью производит, гм, да... производит.

Я живо вспомнил, что сказал об слонах, когда озвучивал для Альбо предсказания его гороскопа: «Мышей они не боятся, огня и рева труб — тоже».

А что, толкнул меня в бок мой личный бес, а что, если маги Талестры знают, что вид раскрывшего перепончатый воротник кроутера устрасит слонов и... обратит их вспять! Проклятье, а ведь я оказался прав, когда наскоро придумывал отговорки Багдбору! Кроутеры обратят слонов вспять! *Погонят их вспять!* Зверюг охватит паника, они ринутся на позиции Фрайтора, топча, ломая, круша,

сминая в том числе войска Рондины и дружественных ей храмовников Фаерано. Элефант в панике — это страшнее, чем гном, забывший, куда он спрятал от жены бутылку самогона. И даже если в бок Арконии ударит мармарийская конница, хватит ли у нее сил не разгромить даже, но потеснить Арконию без фронтального удара войск Рондины? И уцелеет ли она сама, если элфранты изрядно потопчутся по ставке сатрапа? В войсках Фрайтора воцарится хаос...

Ловушка на ловушке и ловушкой погоняет... Арконийцы составили многоходовой план, страхуя себя от ошибок и возможного предательства предателей... Вы только представьте: предательства предателей, яханный фонарь!

Проклятый, замешанный на тотальной лжи мир!

Тут машина доползла до холма, спугнув ворону, которая что-то забыла в шевелюре Трауча, и, двигаясь все тише, закрыла нас от стана Фрайтора. Померкло солнце, железный лоснящийся бок с круглыми застекленными отдушниками... да нет, настоящими окнами на высоте трех ярдов вознесся над нами.

В носовой части откинулся широкий пандус — бу-бух! — и по нему сбежал дьявольски бородатый волосатоногий* гном в клетчатом, заляпанном какими-то пятнами килте. Я не поверил глазам: Олник! Когда же он успел так обрести, по пояс? Сегодня утром еще была щетина... И синяка под заплывшим глазом не было!

Ущипните меня, я сошел с ума.

Гном подбежал, изрядно кренясь в стороны, упал ряхой в пастушью сумку, но сумел подняться, и, не отряхивая коленок, обернулся к своим и зычно крикнул:

— Гхорнад мордо уер браеддин нна!**

Замечу, что я отлично понимаю гномский диалект Зеренги.

На пандус выбежал второй Олник — в штанах. Этот был тоже с синяком под глазом, но зато, как и полагается, со щетиной. Правда, шатало его точно так же.

* Народец хламлингов, живущий на Южном континенте, куда волосатей. С другой стороны, если вспомнить моего дедушку Трампа, то... Да и сам я, говоря откровенно... Гм!

** Вот эти придурки, братец!

— Драмарг дрокг мордо йо-йо!* — крикнул он.

Я решил, что сошел с ума.

Со стороны кормы открылось окно, в которое высунулся третий Олник. Я обмер. Этот Олник успел изрядно состариться, обзавестись полуседой лохматой бородой и огромным фонарем на левой скуле.

— Аррагх шторгн мордо уоррегх на!** — заявил он, жизнерадостно помахав нам рукой, на которой не хватало двух пальцев.

Тут я подумал, что Олников папаша — начальник артели «Огнем и мечем», и что у Олника есть старший брат-близнец, Олник Гагабурк-первый. А синяки они наставили друг другу, очевидно, во время братско-отцовской встречи.

Из машины высыпали еще гномы в грязнющих килтах. Всех шатало, одного скрутило прямо возле сходней. Олник-второй (мой товарищ и бывший напарник по бизнесу, если вы забыли) бросился к... Вот же гад, а! Он кинулся к Крессинде, упал на колени и суетливо начал перерезать ее пути чем-то типа ножовки. Тем временем его братец освобождал Монго и Скареди. Наши с Имоен веревки перерезали в последнюю очередь.

А то, что я увидел, поднявшись с земли, повергло меня в шок: Олник, сграбастав Крессинду в объятия, залепил ей смачный пьяный поцелуй!

Я думал, тут-то ему и конец, но у Крессинды, этой грозной Жрицы Рассудка, управительницы мужчин Шляйфергарда, внезапно пошли багровыми пятнами щеки, она отвернулась.

— Мой папочка! — крикнул Олник, кажется, представляя своего отца исключительно гномше.

— Йо-йо! — *крикнул папочка и икнул.*

— Мой брат!

— Ик! — сказал Олник Гагабурк-первый.

Олника-второго распирало от счастья.

— Моя... невеста!

Занавес.

*Придурки и есть, так вляпаться!

**Забирайте придурков на борт и сваливаем!

**Отрывок из «Героической и назидательной летописи
для трезвых и умеющих видеть крупные буквы
гномов» Государя Шляйфергарда Олника Первого
(Олника Гагабурка-второго Доули), Продудевшего
В Рог Небесной Истины Нужную Ноту,
Спасителя Нации, Освободителя Мужчин,
Разрешившего Питъ По Пятницам.**

Собственноручное сочинение Олника Первого, написанное тушью в третий год воцарения посредством сакральной кисти Первопредка, сделанной из щетины, надерганной из его носа, в литературной обработке лучших умов Университета Просвещения Адвариса под общим руководством Млинца Шокиши.

Издано: Фаленор, Адварис, Университет Просвещения, год Новой Эры 5-й, март месяц, в омнибусе «Как это было — начистоту», по особому повелению Государя Фаленора Ф.М.Д.

Издание полное, почти без купюр, в трех экземплярах, с подстрочными примечаниями участников похода.

Глава двадцать третья-бис (дополненная)

Да, этот поход, закончившийся для Фатика трагически (не понимаю, что трагического — прожить всю жизнь с одной женщиной! Ну, прирежут в конце концов друг друга! — Подстрочное прим. Крессинды Доули), не знал более драматической ноты, чем нота, что прозвучала на поле Хотта, когда из-за фатальной ошибки моего друга был уничтожен наш Штаб!

— Любезный брат, — молвил я, выбравшись из Штаба и запечатлев поцелуй на губах своей невесты. — Давай же без промедления заберем этих сирых на борт.

— О да, — молвил мой брат-близнец, приподнимаясь с земли, на которую коварно сверзила его неодолимая сила притяжения. — Заберем же сих горемык, накормим их и напоим!

— Поторопимся же! — вскричал мой батюшка, явив в окне Павильона свой благородный, обрамленный седою

брадою лик. — Ибо времени уже не осталось, и вскоре состоится атака, на кою мы по повелению Рондины Рондергаст, девы лихой и воинственной, должны дать сигнал — два черных дыма вверх.

Итак, мы помогли нашим гостям взойти на борт Штаба, бросив вместо них на землю шесть пугал, сделанных из крестьянских одежд Фрайтора, кои мы набили обыкновенной соломой. Пускай же эти пугала топчут элѐфанты и рыцарская конница!

Мой друг Фатик, известный ныне в Фаленоре как... *(брось эти славословия, дурень! — Прим. Фатика)*, а в горах Джарси как Пропивший Топор Позорник *(другое дело. — Прим. Ф.)*, без промедления забрался в нутро Штаба, подхватив на руки Имоен. У бедняжки от всего пережитого произошли головокружение и мигрень. Моя невеста Крессинда Доули, выказав чудеса мужества и героизма, затащила внутрь на своих дюжих руках какого-то хмыря. *(Никакой он не хмырь, а обычный несчастный, врач-полукровка, пострадавший от рук Фатика ни за что! — Прим. К.Д.)* Прочих помогли занести внутрь мои боевые товарищи артели «Огнем и Мечем»: Монго был уже не так плох, Скаредди мог ковылять сам, а Свирондил Альбо, служитель Атрея, поводил своей уже порядком заросшей на затылке головою и без конца пытался обратиться к Фатику со странной речью, будто бы от лица Гритта. Это, в конце концов, так расстроило моего друга, что он в своей обычной резкой манере велел, чтобы мы заткнули Альбо рот и связали покрепче.

Итак, мы оказались внутри тайного Штаба Мужского Пивного Союза *(тьфу! — Прим. К.Д.)*, кой для всех непричастных — и особенно для Жриц Рассудка всех гномьих стран — был всего лишь дымовальной машиной *(фу ты ну ты! — Прим. К.Д.)*. Штаб был гордостью наших мужчин и мог вместить до тридцати заговорщиков, считая тех, кто обслуживал орган движения штаба. Для его создания *(Штаба, очевидно. — Прим. Ф.)* мы использовали последние достижения гномьей технической мужской мысли и, в частности, самый надежный движитель из всех, доселе известных гномам — Трезвый Пешеходный Толкатель на пятнадцать

голов с бутылкой уракамбаса, привязанной впереди на всеобщее обозрение и Кормовой Поворотник на три головы (без бутылки, но с пустыми кружками). *(Иначе говоря, вы, как и те карлики с водным самоходом, нагло сжульничали! Теперь ясно, почему обшивка машины опускалась до самой земли: чтобы никто не увидел многочисленных ног вашего Толкателя!!! — Прим. Ф.)*

Здесь мы разрабатывали планы по освобождению из-под гнета Жриц Рассудка. *(Тьфу! — Прим. К.Д.)* Здесь же были наши лаборатории, и место общего схода для отдохновения тела и духа в случае, когда машину не надо было двигать. Великий Благорастворитель занимал меньшую часть наших помещений; большую их часть мы маскировали фальшивыми панелями, дабы — при случайном, либо намеренном приходе Жриц — все выглядело невинно. В этих помещениях мы обсуждали наши планы. Но даже внутри мы носили килты, дабы всегда — всегда! — помнить, что мы живем под гнетом женщин, и всемерно приближать час освобождения!

В каудальной части Штаба *(говоря проще — в хвосте, то есть — заднице. — Прим. Ф.)*, путь в которую шел мимо зольника и жаровых труб, над самим Благорастворителем находился Павильон Прозрения Истины. Теперь уже можно сказать, что Благорастворитель занимался в меньшей части созданием дымов, а в большей — созданием Нагревания и Перегонки с последующим Капаньем-в-Тару, коя состояла из стальных цистерн, расположенных латерально, вдоль обшивки бортов нашего Штаба. Дабы маскировать запахи и дымы от Перегонки снаружи, мы сжигали в дымовой коробке пещерный мох, известный под названием шанге; он придавал дымам цвет антрацита. Дым от шанге выводился в трубы, туда же мы стравливали дымы от работы Благорастворителя. Внутри Штаба мы регулярно окуривали помещения благовониями, проветривали их, и добились устойчивого отсутствия опасного запаха. Добавлю, что сама дымовая коробка, производящая страшные дымы, была совсем небольшого размера и помещалась в Павильоне. Она имела три клапана, которые позволяли выпускать дым от шанге в любую трубу по выбору, или во все трубы вместе, если Благорастворитель был чрезвычайно нагружен Перегонкой.

Но я отвлекся. Оставив спасенных в Прихожей, и велел принести им воды и пищи (*вы так и не нашли воды, проклятые вытивохи!* — Прим. К.Д.), я, взяв с собою Фатика, направился по переходам знакомить его с любезным моим батюшкой Джоком, кой как раз прозревал Истину в Павильоне.

Подрагивание Штаба сообщило мне, что мы начали отходить с линии атаки элфантирии.

Проводя Фатика переходами Штаба, я рассказал, как радушно меня встретила семья, и что мы, гномы-мужчины Зеренги, близки к созданию Гномьего Философского Камня, который, помещенный в любую жидкость, тут же превращает ее в спирт, а сам спирт превращает в двойной спирт, способный свалить с ног даже элфанта.

Но Фатик не слушал меня. На его широком, резком лице лежала печать глубокой озабоченности и даже ужаса.

— Кроутеры, кроутеры, — бормотал он как бы в горячке, продвигаясь по нашим узким и низким коридорам согнутым, точно стопятидесятилетний дед (*имеется в виду гномий дед, хотя для гномьего деда сто пятьдесят лет — не предел, да и пьет он в таком возрасте неслабо.* — Прим. Ф.). — Я не успею предупредить Рондину о ловушке... Да она и не поверит, и слишком мало времени, чтобы ее убедить. Элефанты сомнут ее же войско, не говоря уже о том, что сперва они протопчутся по гномам! А мрамарийцы в засаде... В случае такого поворота будут ли они атаковать войска Арконии? И сколько времени уйдет у Рондины на то, чтобы восстановить порядок в войсках, и смогут ли ее маги в случае общей паники отогнать тучу? Да и подаст ли она сигнал хану вообще?

Кроутеры, кроутеры... Ловили мы кроутеров в болотах Зеренги, есть можно, если хорошенько протушить с «огненной смесью»*!

И только раз Фатик отвлекся, когда я сказал ему об истинном назначении Благорастворителя.

*Таинственная *специя* гномов, смесь пряных и жгучих трав и перцев, от долгого приема которой у некоторых гномов краснеют белки глаз и пробуждаются разные способности — например, способность летать во сне и пить не пьянея (ужасное проклятие для гнома). О том, как эта смесь повлияла на личную жизнь Олника, вы можете узнать в главе 31-й первого романа.

— Так что же, — молвил он, постучав по перегородке (панель немедленно отодвинулась, обнажив благоустроенную, однако же предельно тесную келью, где двое гномов занимались усиленной разработкой планов по свержению власти Жриц Рассудка, а третий, высунув голову из окна, странно подрагивал и издавал немзыкальные звуки, как видно, окрестная природа вызвала у него тоску по родине). — Здесь повсюду — уракамбас?

Я кивнул, гордый за своих.

— Сумасшедшие вы люди, — молвил мой друг.

— Гномы! — поправил я с гордостью и, поверженный коварным притяжением, немного упал в проходе.

Мой друг Фатик помог мне встать. Здесь я должен сделать отступление и сказать — раз уж Фатик просил меня писать сущую правду — что он, как и полагается варварам, высок, свиреп и груб. Не раз, не два, и не сто тысяч раз жестокая площадная брань слетала с его уст!

(Сущая ерунда! Он мелок для варвара, манеры у него, как для варвара, мягкие, там, где дело касается женщин, он кисля и мямля. У него безобразная привычка одеваться во всякие отрепья, и даже плохонького кольца нет на его пальце (ну сейчас-то есть! — Прим. Ф.), и это я не говорю уже о какой-нибудь золотой цепочке или бриллиантовой сережке в ухе! (Скажи еще — в правом! — Прим. Ф.) — Прим. К.Д.)

Фатик помог мне встать, обложив такой бранью, какой я еще от него не слышал. *(Ругался как сапожник. — Прим. Ф.)*

— Болван, — сказал он после, сжимая кулаки до хруста в костях (любимый его жест, когда он злится). — Все пропало, и всему — конец! Элефанты посеют хаос в войсках Фрайтора. Престол Истинной Веры разгромит Рондину, вырежет всех — понимаешь, башка твоя дубовая? — всех, кто находится сейчас на поле Хотта. И вас — тоже.

— А нас-то — за что? — спросил я. Резонный вопрос, но Фатик заругался еще больше.

— Потом они атакуют Сэлиджию. А раз они задумали вырезать всех, кто имеет отношение к власти или армиям Фрайтора, они двинутся в Синьорию первым делом, а ведь ворота уже будут открыты людьми Кракелюра... Боюсь, Престол не пожалеет даже женщин. Он вычистит страну от

бывшей гнили... власти, оставит крестьян и, может, часть горожан... чтобы начать с чистого листа.

— О да, — молвил я, — я понимаю твое волнение, ибо в Синьории сидит твоя эльфийка.

Ни до, ни после я не видел такого взгляда у своего товарища и друга. В его зрачках были демоны. Из горла неслось рычание, низкое, как у припавшего к земле тигра. Я испугался за свою жизнь, ибо мне показалось, что еще чуть-чуть, и он схватит меня за горло. (*Ерунда какая-то, не было того!* — Прим. Ф.) Что делают с мужчинами чувства!

В Павильоне мой батюшка Джок Гагабурк боролся с силами притяжения, одновременно следя за вентилями, кои регулировали потоки истечения уракамбаса в разные цистерны, и вентилями, кои стравливали дымы из Котла Благорастворителя. Это были самое серьезные из устройств, ибо от их правильного и своевременного вращения зависела целостность Котла Штаба. Заодно он готовился исполнить самую важную часть работы — подсыпать истолченного в пыль шанге из маленького совочка в выдвижной лоток дымовой коробки по сигналу.

— Рондина даст особый знак! — молвил батюшка Джок, поприветствовав моего друга. — Протяжный одинокий звук трубы. Одинокий... Очень одинокий... Очень, очень одинокий... кий. Нужно слушать!

Фатик выглядел задумчивым и напряженным, как струна. Только желваки ходили по скулам, а глаза — обегали помещение раз за разом.

— Дымы... — наконец молвил он. — То есть... — Он постучал по наружному кожуху дымовой коробки. — Вы сжигаете здесь высушенный пещерный мох, запах которого перебивает запах перегонки браги и заодно маскирует настоящие дымы, которые идут из топки? Вы маскируете работу Благорастворителя таким хитроумным образом?

— Истинно разумеешь, о любезный друг моего сына, — кивнул батюшка. — Жрицы Рассудка полагают, что здесь у нас хитроумный *механизм*, и все прочие, кто не посвящен в нашу тайну, тоже так думают к нашей великой выгоде — ибо мы слышем величайшими механиками всего Северного континента.

Фатик кивнул.

— Иными словами, ваша машина — ходячая реклама.

— Ездящая, — поправил мой батюшка.

— Ходящая ногами гномов.

Мой батюшка немедленно набылчился, и я с тревогой понял, что мой друг вскоре окажется в Штабе нежеланным гостем.

— Она ездит! Заруби себе это на носу, молодой человек! И никому не смей говорить про наш Толкатель!

Фатик пообещал, молвив как бы между делом:

— Толкатель, Пихатель, — лишь бы двигалось и не падало.

Батюшка смягчился:

— Гномьи механизмы сакральны и посвящены мужчинам — и потому даже Жрицы Рассудка опасаются вмешиваться в их работу! Здесь мы... в безопасности, а если ты думаешь....

Фатик вдруг перебил его резким жестом и извлек склянку с *бодрячком покойником*, полученную им от вора Джабара еще на самоходе карликов, этих подлых жуликов, которые якобы изобрели механический движитель. Тьфу на них! Обманщики, секрет их движителя заключался в применении мускульной силы самих карликов! Подумайте только, какие подлецы!

— Нужно вернуться к холму! — воскликнул мой друг. — Снова на линию атаки! Вот это... Осторожно! Здесь алхимическая эссенция, имеющая чудовищный, сводящий с ума запах. Эту вонь невозможно представить. Услышавший ее может сойти с ума и умереть. Она необычайно сильна и текуча. Вот это можно... Вы можете вернуться на линию атаки и сделать так, чтобы эта эссенция улетучилась из дымовой коробки вместе с сигнальными дымами? Жар расколет капсулу, содержимое испарится в дым... Дым напитается невообразимо гнусным запахом... Маги Рондины начнут отгонять грозовую тучу направленным ветром, и запах *покойника* ударит прямо в атакующих кроутеров! Но это нужно сделать быстро! Иначе...

— Меркаптан? — задумчиво изрек мой батюшка. Мне не ведомо это загадочное слово, но, кажется, оно имеет отношение к алхимии.

— Я не знаю его точного названия, — молвил Фатик. — Это номерной гильдейский экстракт, секрет воров Харашты...

Батюшка икнул.

— Да вовсе и не секрет воров Харашты, — молвил он. — Сии капсулы изготовляла по заказу Ночной гильдии наша артель «Черный отряд алхимиков бодрых». Изготовляла, доколе не взорвался перегонный куб. Весь отряд пал смертью храбрых в подгорной лаборатории, ибо отказался отпирать двери, в противном случае страшный запах просочился бы во все щели наших подземелий... И с тех пор Жрицы Рассудка запретили эти опыты и предали их забвению... Лишь в этом году я узнал правду... А прошло уже пятьдесят пять лет!

Мой батюшка осторожно взял склянку с покойником, задумчиво принялся к ней, сказал «Да-а-а», пожал плечами, выдвинул лоток для *шанге*, подсыпал туда истолченного мха. Потом он задумчиво протянул: «Интересно-о-о», икнул и выронил покойника из пальцев.

Склянка ударилась о край лотка и разбилась.

* * *

Фатик схватил моего батюшку за бороду и нелюбезно дернул на себя. Меня, своего старого друга, он прихватил за шиворот, и так, вместе с нами, выбив локтями тайную панель, выскочил в коридор.

Чудовищное зловоние поднялось и стремительно начало расползаться по Штабу. Это... О, мое перо, ты не можешь передать мои чувства! Даже я, простой гном, привыкший переносить тяготы, трудности, холода и вьюги, едва не умер в переходах дымовальной машины. И, безусловно, если бы не сметка и реакция моего друга, я бы преставился в Павильоне Прозрения Истины (*перед смертью прозрев ту самую истину*. — Прим. Ф.), но Фатик вовремя выдернул нас из ада.

Но мой батюшка продолжал отбиваться. Он кричал:

— О, любезный друг моего сына, соблаговоли, пожалуйста, отпустить пожилого гнома, чтобы он вернулся в Павильон. Иначе, боюсь, может стрястись непоправимая беда!

(Он орал: «Нужно сбросить давление, козел! Иначе жахнет Котел Благорастворителя, а за ним и цистерны!» — Прим. Ф.)

**Отрывок, случайно не прошедший литературную
обработку Университета.**

Он кричал:

— Сейчас оно жбахнет!

Мы скатались па схудням. Фтик вренулся в Штоб и на плчах винес маю несесту и Моен. (*У него возмутительная манера — хватать невинных девушек за самые мягкие места!* — Прим. К.Д.) Он кричал что взрыф и будет жпа из Штога когда. Я тож кричал что будет жпа и взры! Маи сотеч... саватеч... саматечественники стали выпрыгать из акон и атпалзать и кричать что жпа уже вот и канец света и бздец. Я тож упал и стал атпалзать с невестой! (*Дурак, это я тебя тащила!* — Прим. К.Д.) Фтик не дшал и тшил Льбо и Скамреди, а птом Монга тащил тож. А мой папчка Джк кричал чт надо открьт винтили, а то бдет жбах, но Фтик его не пстил и слмал ему нс. Птом он кричал чтбы все атпалзли или бдет жпа патму чт елси жбахнет Котел, то после жбахнет весь уркакамбас чт мы нагнали там много, и Штоп весь разревет. Я тож стал кричать что жбахнет когда елси и жпа и караул и канец света. И мы все стал отбигать и ползт от жпы. А оно как жбахнуло!

26

Не представляю, как в дымовальной машине могло поместиться столько гномов. Я вам клянусь, их было там не меньше трех дюжин! Они сыпались из окон как бородастые горошины, скатывались по пандусу (руки-ноги-голова-голова-ноги-руки-голова-задница и выпученные глаза), и отползали, сверкая малоаппетитными подробностями из-под килтов. Как известно, гномы не носят под килтами нижнего белья, выражая таким образом свое презрение к Жрицам

Рассудка*. Некоторые отбегали резвым галопом. И все без исключения кашляли, рыдали и чихали, хотя один, видимо, самый толковый, мчался с воплем «Чтооооо случилосьооось?».

Над головой ярился гром.

Одной рукой, дыша сквозь стиснутые зубы и обливаясь горячими слезами (*бодрячком покойник* едва не лишил меня жизни), я тащил сомлевшую от чудовищного запаха Имоен, другой — Джока Репоголового, который что-то вопил сквозь брызги крови из разбитого носа. Никогда бы не подумал, что обычный, гм, ординарный гном может рождать такие проникновенные поэтические идиомы, сравнивая старину Фатика с... Неважно. Бедняге остро не хватало лиры и лаврового венка поэта.

От машины приливной волной катила острая алхимическая вонь. Гномы устойчивы к запахам, но аромат *покойника* пронял даже самых хмельных, так что расползались они весьма быстро. Некоторые выказывали чудеса ловкости, умудряясь то бежать на своих двоих, то мчаться на четвереньках, и все это — одновременно кашляя, матерясь, рыдая и рыгая.

Десяток самых устойчивых гномов тащили членов моей команды. Кажется, это я, отбегая от машины, успел отдать приказ нести всех не гномов рядом со мной. Олников братблизнец в одиночку, как муравей гусеницу, волочил связанного Альбо, а самого Олника тянула на могучих плечах Крессинда. Мне казалось, что бывший мой напарник может ковылять на своих двоих (больно резво он перебирал в воздухе ногами), однако Крессинда, напрягая бычью выю, предпочитала тащить его на закорках... Ох, женская душа — потемки!

Я на миг остановился передохнуть, и заметил, что инстинкт ведет меня к холму с повешенным Траучем. Гритт! И нет времени менять направление — только вперед, ибо машина скоро взорвется.

Фиолетовая туча нависла, багровые молнии, ветвясь, испарывали ее распухшее чрево. В лицо подул шамански направленный ветер, гнавший тучу в сторону войск Фрайтора. Он отвел чудовищный запах, и я, наконец, смог вдохнуть полной грудью.

* Жрицам нравилось.

У магов Рондины что-то пошло не так. Вернее, совсем не пошло. Пошло пошло, я бы сказал. Ветра-противодействия, который бы не допустил тучу на позиции Фрайтора, не было.

Скверно. Но еще более скверным мне представлялось то, что я не сумел отвести атаку кроутеров.

Дернула меня нелегкая сунуть *бодрячком покойника* в корявки пьяного гнома! Теперь-то ясно, от кого у Олника, уронившего зерно Бога-в-Себе, такая ловкости!

У подошвы холма я наконец-то выпустил подопечных. Поблизости валялись наши двойники — дурацкие пугала в крестьянской одежде. Все же, гномы — сметливые ребята. Только им невдомек, что пугало даже издали сложно принять за человека, если ты вооружен подозрной трубой.

Я обернулся.

Элефантерия по-прежнему ждала сигнала к атаке. За ней темнели квадраты войск Фрайтора. Отдельно стоят фракции Багдбора, Кракелюра, Фаерано и сатрапа (кто бы под-сказал мне его имя)...

Ветра-противодействия не было.

И показалось мне тут, что в опустевшем от войск лагере сатрапа, среди остроклювых шатров и палаток, происходит какое-то слишком уж явное шевеление. Гритт, я бы много дал, чтобы заполучить сейчас подозрную трубу!

Дымовальная машина застыла в двухстах ярдах от нас.

Олник попытался мне что-то сказать:

— А...

...Сперва взорвался Котел Благорастворителя внутри машины, и это было не очень громко на фоне оглушительных раскатов. Такой себе «Бум!» с легким скрежетом, и все.

Затем взорвались цистерны с уракамбасом.

Трубы (одна из них по-прежнему плевалась копотным дымом), легко отделились от общей конструкции машины и, вращаясь, взмыли в воздух. Мгновение — и на месте гномского Штаба вспух, разбрасывая сверкающие осколки, огненный шар. Поверх него поднимался, закручиваясь столбом, смерч, похожий на рой чумазных пчел — содержимое дымовой коробки, разнесенной взрывом Благорастворителя, мох *шанге*, истолченный в пыль...

Конец всему...

Грохот взрыва долетел, как сквозь вату.

Тут-то со стороны лагеря Фрайтора подул ветер. Не тот устойчивый, могучий борей, что мог отогнать шамански направленную тучу, а одинокий мятущийся вихрь. Кажется — а что еще я мог сделать, кроме предположений? — кто-то потревожил магов Рондины, и они выпали из *конвергентного* склонения, не построив шаманского камлания на *полный* ветер, не направив его. Или?.. Что там происходит, в ставке сатрапа? Проклятие, отсюда, как ни напрягайся, — не разглядеть!

Вихрь был, похоже, пьян. Сначала он ударил мне в лицо, едва не опрокинув на землю, затем, тряхнув вздернутого Трауча и сорвав в полет многочисленные стебли травы, унесся к месту взрыва. Там он, кружа, разбил черный смерч, подхватил его в горсть, будто это и правда был рой пчел, и метнул к нам, но у самого холма взмыл ввысь, и проволочил пыль длинным шлейфом над нашими головами. Частицы *шанге* так пропитались запахом эссенции, что меня едва не стошнило.

Джок Репоголовый рыдал и вопил что-то о попранной мужской солидарности.

Огненная стена на месте Штаба медленно оседала.

Неподалеку, врывшись краем в почву, упал кусок вороненой обшивки.

Стена осела... На месте взрыва осталось горелое пятно, усыпанное обломками Штаба.

Аркионя! Я бросился вверх по косогору. Трауч поприветствовал меня пустыми глазницами.

Кроутеров уже спустили в атаку. Ящеры бежали ровной линией, смешно подпрыгивая, косолапя и раскрыв ярко-красные воротники с загнутыми костяными иглами.

До них было примерно с полмили, и расстояние быстро сокращалось... Нас они не заденут, их цель — элѐфанты. Мне остается только смотреть, скрежеща зубами от бессилия. А потом — бежать с поля вон, посыпая голову пеплом позора.

Я пригляделся к тварям и ахнул.

Великая Торба! Бестии были размером с лошадей! Матовые чешуи нагрудных пластин сияли, как надраенные дос-

пехи, когтистые лапищи отбрасывали комья земли, ядовито-пунцовые воротники — срежь их и насади на палку, как зонтик, могли укрыть от дождя пяток человек, а нижние клыки, выпиравшие из отвислой пасти, способны были насквозь пронзить человека.

Я бывал в Тавматург-Академии Талестры, но только в административной ее части. В виварий чужаков не пускали, да я и не особо туда стремился (хотя и осмотрел в павильоне у входа знаменитую мумию дракона Торока и узрел явление знаменитого Прыгающего чародея). Видимо, зря. А то бы увидел, чем пичкают кроутеров. Наверняка в их жратву подмешивали какие-то алхимические снадобья для роста.

Тролье молоко, ага, байка для идиотов*.

Фундаменталистам Арконии (вера запрещала им, гм, разводить собственных чародеев, только сажать на кол и вешать) встало в копеечку переправить через Дольмир и Мантиохию всю эту ораву, включающую менталистов-бестиаторов, обычных магов и кроутеров в клетках. Но чего не сделаешь ради окончательной победы добра, верно?

Виджи...

Я оглянулся на белые стены столицы. Золоченные купола храмов отражали солнечный свет. Грозовая туча толкала по земле черный клин тени, надвигаясь на войска сатрапа и город карающей дланью.

Синьория в правой стороне...

Олник завопил что-то, взбежав на холм.

Ярдах в пятидесяти позади кроутеров в крикливо раскрашенных кибитках, запряженных лошадьми, катили менталисты-бестиаторы. Кибитки двигались почти колесо к колесу, каждой правил чернокожий возница, а чужаки сидели внутри, сосредоточившись на управлении кроутером. Двадцать кроутеров — двадцать кибиток — двадцать бестиаторов, дорогое удовольствие. Про многолетнюю дрессировку ящеров (и, соответственно, про повышенную стоимость своих услуг) академики могли заливать фундаменталистам, но я-то знал правду. Каждый из бестиаторов был соединен с кроутером ментальной нитью. Ментализм на самом деле

*См. примечание к главе 35-й первой книги.

не магия, хотя и схож с нею, и менталисты носят такие же мантии чародеев, — это тот раздел науки о сверхъестественном, что обращается к скрытым силам разума. Бестиатор, настроенный на простейший мозг кроутера, причинял ящеру боль одним усилием мысли, таким образом, управляя тварью. Ох, до чего же кроутер должен был ненавидеть своего мучителя!

Примерно в полумиле от кибиток мерно ступали пехотинцы Арконии — тысячи обряженных в темное солдат, религиозных фанатиков, тупых, как пробки, упорных, как бараны. Тяжелая конница прикрывала фланги армии, легкая рассыпалась между полками. У Арконии было много войск. Навскидку — примерно в два раза больше, чем у четырех армий Фрайтора, вместе взятых.

Безумный вихрь играл с длинным шлейфом черной пыли, подняв его под самую тучу, кружил в дивном танце, завивая в спираль...

Гритт, Талаши, Атрей или Чоз, кто-нибудь, слышите меня?

Вихрь устремился к земле, волоча шлейф пыли, как черную змею. Он миновал кроутеров, и рассыпал шлейф над кибитками бестиаторов. Этот факт едва зацепил мое сознание, ибо в этот миг в стане Фрайтора опомнились: горн визгливо сыграл пять протяжных нот. Я вздрогнул и оглянулся: элѐфанты вразвалочку стронулись с места.

Гритт!

Фатик, сказал я себе, ты, конечно, можешь тут сдохнуть, и это наверняка будет так, но твое слово — слово варвара Джарси — никто не отменял. На тебе — жизни во-о-он тех несчастных, помогай им до последнего вздоха, раз уж не можешь освободить свою женщину.

Но, сказал внутренний голос, если бы их жизни встали на пути ее освобождения, как бы ты поступил? Ведь ты и так обрек их на смерть, необдуманно взяв с собой в лагерь сатрапа, ведь верно?

Нет, сказал я, неверно. Я сделал это обдуманно — чтобы сатрап (и Рондина) поверили, увидав всю команду, что я — не лазутчик, и случайно вовлечен в вихрь интриг. И я был уверен, что у меня все получится.

Но ты все-таки мог бы оставить их в лагере гномов, сказал внутренний голос.

А шел бы ты на хрен, сказал я.

Голос пропал.

Я вприпрыжку спустился с холма, крича Олнику, что бы он и его шатия помогли затащить наверх моих горемык. Гномы помогли, и мы устроили всю команду возле виселицы с несвежим генералом. Элефанты не заберутся на холм, нет, тем более, моя команда окружена гномами, а давить союзников — такого приказа Рондина не давала.

— Эркеши махандарр! — вскричал Олник.

— Дларма тогхирр! — добавил его близнец.

— Ненавижу варваров Джарси! — взвыл их папая.

А я глянул в сторону арконийцев и едва не заорал от восторга.

Случай? Везение? Или все-таки промысел богов?

Пыль, пропитанная алхимической вонью, накрыла кибитки с магами меньше минуты назад.

Бестиаторы были простыми людьми.

Сложно удерживать ментальный контакт, когда от непереносимого запаха тебя выворачивает наизнанку.

Кроутеры резвились на опрокинутых кибитках бестиаторов, сбившихся в огромную кучу. В воздух летели кровавые обрывки: твари, забыв обо всем на свете, стремились добраться до магов-погонщиков. Лишь одна кибитка, которую не зацепил шлейф зловонной пыли, улепетывала, заложив широченный вираж. Кроутер-ведомый догонял ее, смешно перебирая когтистыми лапами. Удачливый бестиатор разумно не спустил его с ментального поводка.

Мимо холма, размахивая хоботом, промчался крайний из клина элфрантов — десятки тысяч фунтов мускулов и косматой шерсти, пропитанной мускусом. Мармарийцы в беседке раскачивались, как куклы. Погонщик тыкал элфранта стрелом в затылок.

Тридцать огромных элфрантов стоптали всех кроутеров и все, что было под ними, стоптали в единый миг, оставив на поле Хотта кровавое пятно размером с небольшое озеро. Стоптали и, набирая скорость, расходящимся клином помчались на боевые порядки Арконии.

— Фатик! — воскликнула Крессинда, перекрывая рокот грома своим басом.

Я оглянулся.

Лагерь сатрапа горел.

27

— А, твою душу! — прогреготала Крессинда.

— Фатик? — вскричал мой бывший напарник, выглядывая из-за плеча невесты.

— Ты-ы-ы! — провыл Джок Репоголовый, пожирая меня взглядом бешеного пса, обряженного в намордник. — Ты-ы-ы!

Сам виноват, а сваливает на других, дуралей. Вокруг него сбились в кучку восемь гномов, не считая Олника-второго, видимо, самые близкие родственники. Все отчаянно переглядывались, почесывая в затылках.

Прочие бородачи, переждав атаку элфантирии в стороне, драпали в свой лагерь, расположенный на переднем крае. Там, если приглядеться, кишмя кишели гномы. Все они, ясно, смотрели на то место, где недавно угас взрыв. Будет им наука не относиться к войне как к забаве и возможности надрызгаться без пригляда Жриц Рассудка.

А что происходит в лагере сатрапа? Там пожары, там мельтешат какие-то фигуры... Много фигур! Гритт, не могу различить деталей и цветов накидок, слишком далеко!

Вздувшаяся фиолетовыми клубами туча уже прошла над нами и, накрыв войска Фрайтора, расплзлась над Сэлиджией, то и дело посверкивая молниями.

Маги Рондины бездействовали.

Над ставкой сатрапа повисла дымовая завеса.

— Фатик!

Вскрик Имоен заставил оглянуться.

Сверхушки холма войска Арконии напоминали черные шахматные клетки, а несущиеся к ним элфанты казались пешками, что хотят занять причитающиеся им места.

Миг до удара...

Зверюги вломились в передовые полки арконийцев, расчертив строй пехоты кровавыми просеками. Крайние из

клина врезались в легкую конницу, опрокидывая, сминая, расшвыривая. За короткий миг авангард фундаменталистов оказался смят, и я подумал, что войска Арконии приостановят движение, а может, и отступят.

— Фатик?

— Чего тебе, Ол?

Он показал рукой: над войсками Фрайтора сплошной белой стеной грянул ливень.

Я выругался.

Если маги Рондины не отогнали тучу, значит, что-то им помешало. Если все четыре армии Фрайтора не совершили вообще никаких действий, значит, из ставки сатрапа не прозвучал сигнал к общей атаке. Пожар ли тому виной? Угу, видали мы сегодня пожар, когда люди Кракелюра подожгли часть лагеря Багдбора!

Да, день выдался нескучный. Теперь быстро — в стан Фрайтора, ибо только там я получу ответ на все вопросы. И, Гритт, *заставлю* магов — если уж они такие лентяи — разогнать эту чертову тучу!

Остановить войну или выиграть ее. Яханный фонарь, теперь это уже не звучало смешно!

Но сначала — к гномам. Лезть с голой задницей на ежа — не очень умная затея. Окружу себя гномами, как планировала Рондина, и с их помощью...

Подхватив раненых, увечных, больных и сумасшедших, попадая в глубокие ямы, вытоптанные элфами в черной земле Хотта, мы потрусили в гномий лагерь.

Белая стена надвинулась... Ливень с остервенением хлестал землю, вминая в землю стебли пастушьей сумки и пурпурные цветы смолки.

— Олник!

— Ась?

— У вас остался мох?

— Чего-о-о?

— Ад и пламя, мох, горячая пыль для Благорастворителя? *Шанге?*

Олник подрулил к папочке и что-то спросил. Джек Репоголовый зыркнул на меня волком и что-то промышал. Его борода разлохматилась пуще прежнего и походила на плетъ

наземного мха, что свисает с красного гриба-паразита. Забыл добавить, что папаня Олника щеголял шикарной багровой плешью от уха до уха.

— Имеется в обозе! — доложил мой товарищ. Его голос потонул в раскате грома.

— Джок, — крикнул я, перекрывая громовые раскаты, — пыли хватит на два костра? Нам потребуется два столба черного дыма, когда уймется ливень! Два столба дыма, видных издалека!

— А он уймется? — спросил вместо Джока Олник.

Откуда мне знать? Я действую по наитию, дорогой гном.

— Да! — тем не менее ответил я. — Уймется, даю слово Джарси. Так что, *шанге* для дымов — хватит?

Джок проскрипел на гномском утвердительно.

Отлично, Гритт его маму! Отлично!

— Фатик, — позвал Олник.

— А?

— У тебя глаза безумные.

Надо же...

Перед тем как нырнуть в стену ливня, я оглянулся и увидел, что Престол Истинной Веры прекратил атаку. Отлично! Их задумка пошла наперекосяк, и фанатикам потребуется некоторое время, чтобы перестроить войска. Провидение даровало мне возможность переломить ход битвы за Фрайтор.

Над головой сверкало и грохотало, отблески молний стали багровыми; маги Талестры подбросили в тучу шаманских дрожжей, и теперь закваска колобродила, обильно выплескиваясь на поле Хотта. Видимость была не более чем на пятнадцать шагов. Впрочем, варвару Джарси достаточно лишь раз засечь направление, а на стан войск Фрайтора я посмотрелся и четко знал, где кто.

— Держаться за мной! — гаркнул я. Теплый ливень барабанил по моим плечам.

Наконец мы достигли гномского лагеря. Здесь царил уныние. Артель «Огнем и Мечем» понесла тяжкую утрату и скорбела в предчувствии будущей глобальной абстиненции. Потерянно слонялись меж подвод щитоносцы и гномы-огнеметчики, чьи пояса были увешаны глиняными бу-

тылками с уракабасом. Кое-кто, выдернув затычку с горючей пропиткой, хлебал из горлышка. «Что делать?», «Кто виноват?» и «Кому бы вмазать?» — три вопроса читались в их взглядах.

Жаль, я не додумался сломать Джоку вместо носа челюсть: играть роль козла отпущения мне совсем не хотелось.

Вдобавок (я выяснил это быстро) Рондина не прислала за гномами, как обещала, и те обиделись. Сущие дети. Ну как таким жить без власти Жриц Рассудка?

Мы затолкали бедняг из моей команды в гномский фургон; Имоен осталась присматривать за ними и врачом-полукровкой. Крессинда увязалась за своим женихом.

А Джок уже что-то горячо втолковывал ближайшему огнеметчику, поглядывая на старину Фатика.

Вряд ли он пел мне дифирамбы.

Проклятье... Мне нужны гномы, как военная сила! Без них соваться в лагерь сатрапа — верная гибель.

— Олник, — позвал я. — Скажи всем, я бывший любовник Рондины Рондергаст, и сейчас поведу вас в лагерь сатрапа требовать компенсацию за дымовальную машину! Скажи, она меня так любит, что по одному моему слову отсыплет вам денег на две машины сразу! — Слыхали, как я запел? Эх, какой актер во мне пропал! (Пропал? Нет, скажу так: я его удавил!)

— А она тебя любит, да?

— Души во мне не чает.

— А... а почему она тебя...

— Не спрашивай, делай, эркеши тебя подери!

Слова Олника волной прокатились по лагерю гномов. В две минуты за моей спиной образовалась толпа — огнеметчики, щитоносцы с секирами и фитильщики. Глаза бородачей разгорелись: две, две машины! Чем грубее ложь, тем быстрее в нее поверят, это факт, и кому-какое дело, что та же любовница только что пыталась меня прикончить? Нет, конечно, позже гномы кое-что сообразят, но не сейчас. Сейчас у них шок, а в таком состоянии управлять ими — проще простого.

Я ощутил себя дудочником-крысоловом, который ведет очарованных крыс куда ему нужно. Иногда следует прояв-

лять инициативу несколько большую, чем позволяет чувство здравомыслия и... совесть.

— Уничтожать всех, кто попытается помешать нам пройти!

— У тебя глаза безумные, прямо караул... — повторил Олник. Крессинда кивнула.

— Да-да, — сказал я, — пойдем.

Мы потопали по слякоти, держась между армиями враждующих фракций. Я — и несколько сотен вооруженных бородачей в килтах и кожаных куртках с нашитым железом (щитоносцы вдобавок носили шлемы, похожие на котелки). На десяток гномов-огнеметчиков приходился один фитильщик-подросток. Этот короткобородый паренек носил за плечами стойку с тлеющими фитилями, прикрытыми от дождя жестяным козырьком. Пить уракамбас ему не полагалось, и взгляд у него был печальный. Я некстати вспомнил, что борода у гномов-мужчин начинает отрастать сразу, как только дите отлучают от груди, поэтому трехлетние бородатые дети у гномов не редкость. С другой стороны, истинным признаком взросления считается момент, когда борода достигает пупка и начинает завиваться в колечки, а это случается не раньше двадцати лет.

Гритт, забудьте. Нам бы добраться до лагеря сатрапа.

— Быстрее! — крикнул я, подгоняемый недобрыми предчувствиями. — Быстрее! Олник, передай дальше, пусть ускорят ход!

Гроза ярилась над нами.

Один короткий бросок...

28

Мы двигались под струями яростного ливня. Багровые молнии кроили водяную завесу над нашими головами.

Я был царем в стране слепых — бородачи, конечно, не ориентировались в дождевых сумерках.

Я вооружился тесаком, гномской короткой секирой и заточенной киркой, которой сподручно пробивать доспехи. Справа от меня шагал Олник со своим семейством, слева — Крессинда (Жрицу Рассудка гномы вовсе не замечали).

Вперед! Мы прошли между солдатами сатрапа и баронским ополчением.

Никто на нас не кинулся. Только две оседланные лошади выскочили навстречу.

Еще десять минут безостановочной ходьбы вверх по склону.

Вот и лагерь сатрапа... Подводы, что загораживают вход, целехоньки. Я мысленно кинул монетку и наладился обходить лагерь с западной стороны, и вскоре отыскал место вторжения. Вozy растащены, часть палаток сгорела, дождь колотит по мертвым телам... Вот, сцепившись, лежат дьякон-телохранитель Багдбора и человек Кракелюра с грязно-белой повязкой на руке... Трупы лошадей... Дальше вповалку — солдаты дворцовой гвардии сатрапа и рыцари в черных накидках с девизом «Честь и слава!»

Храмовники Фаерано! Добрые рыцари!

Ну конечно, эта мосластая трусливая крыса играла в предательство с размахом! Прикинулся союзником Рондины, усыпил ее бдительность, затем улучил момент и предал, напав на нее в тот миг, когда большая часть верных Рондине войск уже ушла из лагеря. Возможно, именно этого требовали от него арконийцы, строившие многоходовую интригу. Думаю, Фаерано был уверен, что он один — истинный предатель! А Багдбор и Кракелюр? Хе. Тут сработала моя затея. Я ведь приказал обоим быть в лагере сатрапа! Они явились со своими приближенными, ведь так приказал эmissар Арконии, их *господин*! А вот потом... Рискну предположить, что все пошло не совсем так, как они рассчитывали.

Поразительный клубок предательства поджидал меня во Фрайторе! До какой низости могут дойти властимушье, для которых слово «родина» означает место, где они попросту зарабатывают деньги! Проклятые Небеса! Да на всем моем пути предатель гнездится на предателе, обманщик на обманщике, и даже женщина, которую я люблю, меня обманывает!

Из-за полога дождя вынырнул храмовник. На спине обрывок накидки, похожий на кляксу. Доспехи измяты. Похоже, ранен, но я не рискнул уточнять. Я швырнул кирку ему в грудь, затем обрушил сбоку на шею, прикрытую надорванной сеткой бармицы, секиру. Едва рыцарь упал, я,

примерившись, вогнал тесак ему в подмышку, между кирасой и наплечником и взревел, как тролль:

— Гро-о-о-о-о!

Кажется, меня начало охватывать безумие. И это не была тупая жажда крови, которой часто одержимы примитивные натуры. И не амок. Мне просто захотелось каленым железом истребить все это чертово крысиное кубло, где сильные мира сего — крысы, истинные крысы! — с увлечением пожирали друг друга.

Была и еще одна мотивация, пожалуй, посильней первой. Я осознавал ее лишь самым краешком разума. Я боялся признаться в ней самому себе. Она была проста: *я готов пойти на что угодно ради Виджи.*

На моем лице заиграла исступленная ухмылка. Теперь вперед, вперед, вперед, и пусть Небо сделает так, чтобы Рондина была еще жива! Рондина и маги... Рондину я сделаю сегодня владычицей Фрайтора (и она сомнет Престол, не допустит его к моей Виджи), а магов — заставлю разогнать тучи, дабы гномы смогли подать знак мармарийцам. Тех, кто заслонит мне путь, я уничтожу. Также я убью всех изменников, до которых дотянутся мои руки.

— Предатели в лагере! — прогремел я, выдрав из руки убитого рыцаря массивный щербатый меч. — Люди в черных накидках — враги! Передай дальше, Олник! Эти изменники взорвали Штаб Пивного Союза! А теперь собрались убить Рондину, которая должна вам денег на две дымовальные машины! Спасем ее, иначе вы не получите ни гроша! Вперед, за мной, за деньгами!!!

Крессинда зыркнула волчицей. Да, моя родная, я — брехло. Герой-брехунец, представь, есть и такие люди!

Я отобрал двадцать огнеметчиков, столько же секироносцев и еще — четырех фитильщиков-подростков. Все они рвались в бой, проклиная предателей.

Лжец-Фатик...

Прочих я оставил у входа, велев ждать и быть готовыми к бою.

Мы двинулись к шатру сатрапа по главному проезду между палатками и пепелищами палаток. Рядом со мной шли Олник и Крессинда.

Белесая дождевая мгла расходилась узким каньоном. Тут и там валялись убитые храмовники и дворцовые гвардейцы. Некоторые лежали, словно обнявшись в экстазе, из их тел торчали обломки копий и крестовины мечей. Вновь мелькнула ряса телохранителя Багдбора. Интересно, сколько людей он с собой притащил? Люди Фаерано, очевидно, вторглись в лагерь сатрапа пешими — двигаться на конях между горящих палаток не слишком сподручно. Что ж, тем лучше — не придется сейчас убивать несчастных лошадей. Животные — невинные твари. Даже если они выглядят как реальные твари, вроде кроутеров.

Обогнув островок деревьев, мы наткнулись на трех рыцарей Храма, которые вели схватку с миньоном Кракелюра в матовой серой броне (я видел этого барона в палатке). Я вогнал меч в землю, выхватил из пояса ближайшего гнома две бутылки, зубами сорвал с горловин сухую оплетку, поджег тряпичные затычки от фитиля (у них была хорошая пропитка, они занялись как сухой трут) и швырнул в рыцарей.

Мои действия послужили сигналом, и гномы забросали предателей бутылками.

Вспыхнула стена огня, в которой недолго метались кошмарные тени.

— Вперед, — сказал я. — Уничтожать всех, кого я велю. Вперед... Кровь колотилась в висках.

Два храмовника добивали гвардейца сатрапа. Он стоял на одном колене, вслепую отмахиваясь клинком. Из рассеченного нагрудника толчками выхлестывала кровь.

Мы придали всех троих смерти в огне. Их крики недолго стояли у меня в ушах.

— Добрые рыцари, добрые рыцари... — повторял я. Меня отделял от пропасти безумия только шаг. Предатель на предателе, неужели в этом распадающемся мире большинство людей именно таково?

Шатер сатрапа сгорел. На сером пепелище топтались более тридцати людей, занятых всеобщей дракой. Рыцари Храма Чоза, миньоны Кракелюра, дьяконы-телохранители Багдбора и дворцовые гвардейцы. Я бегло прикинул, что Кракелюр и Багдбор взяли с собой куда больше, чем по

десять соратников. Всмотрелся в побоище сквозь муар ливня. Что-то подсказывало, что самое интересное происходит в центре.

Крысы давят крыс... Последний кто останется — будет крысиным королем. А кто возведет крысиного короля на престол, тот...

Я начал раздавать команды — резко, быстро. Гномы слушались беспрекословно. Огнемечики в арьергард, пока — бездействовать. Секироносцы — клином, прикрываться щитами. Я впереди на острие атаки. Крессинда и Олник, вооруженные секирами, стали по сторонам от меня. Мы трое были без доспехов, и, похоже, я настолько заразил пару гномов своим безумием, что им, как и мне, было на это плевать.

Я обернулся к отряду и сказал повелительно:

— Когда махну рукой, орите что есть мочи: «За сатрапа! За сатрапа! Смерть предателям!» Орите не переставая, даже когда влезем в драку. Пробиваемся к центру. Держим строй. Убиваем всех, кто на нас нападет! Бейте по ногам. Пешие рыцари не носят поножей.

Наш клин врезался в толпу. Мы ударили жестко, со звоном и треском. Меч и кирка в моих руках разили наповал, если надо — я бил в спину. Крессинда и Олник подсекали секирами ноги рыцарей, прочие гномы, судя по звукам, не отставали: за нами разносился звон, треск и хруст. Наш успех был мгновенным. Мы рассеяли толпу, и, переступая обвалынные в мокром пепле трупы, пробились к центру схватки. Там, в окружении двух прихвостней Кракелюра и самого барона, сражалась Рондина и человек сатрапа — я видел его в шатре в числе военачальников. Скуластая, с непокрытой головой, налипшими на окровавленный лоб черными прядями и шалым взглядом, Рондина показалась мне богиней войны. В ее руках матово синели клинки Гхашш.

Мы едва не опоздали.

Кракелюр (он был без шлема, в измятой ударами кирасе) сразил человека сатрапа, так, что тот, упав, повалил Рондину. Гадючий сын отбросил его пинком и занес над женщиной кавалерийский палаш.

Рондина не могла заслониться от удара. Она поняла это

и вскинула голову, встретив взгляд барона и свою смерть яростной улыбкой, похожей на оскал.

Великая Торба!

— Барон! — гаркнул я, перекрыв разряд грома. Он вздрогнул, придержал клинок... Я прыгнул и подсек ему ноги со спины. Барон упал на бок. Я вогнал кирку ему в грудь и оставил там — на добрую память.

— Эркешш махандарр!

— Ядрена вошь! Н-н-на-а!

Олник и Крессинда держали мои фланги. Смерть людей барона наступила между двумя раскатами грома.

Затем я создал вокруг Рондины кольцо из гномов и помог ей встать, подав руку. Ее глаза... Гритт! Этот блеск женских глаз невозможно перепутать ни с чем. Еще недавно она хотела убить меня, а теперь...

Я оттер ее лицо от разводов мокрого пепла.

— Где сатрап?

Она молча показала на завал из тел.

— Фаерано?

«Бежал...» — немо сказали ее губы.

Гритт... если он приведет помощь...

— Багдбор?

«Бежал...»

Этот вряд ли приведет помощь, слишком труслив...

Рондина посмотрела на меня, снизу вверх, искательным собачьим взглядом.

— Отец, я так устала... — вдруг промолвила она и осела на моих руках. Я кликнул двух гномов, чтобы они помогли ее удержать. Она нужна мне живой и действующей! Сейчас она — мое оружие.

Я и Олник занялись работой. Если бы не ливень, мы бы измазались в крови. Все время, пока мы искали сатрапа, Рондина молча, в каком-то оцепенении следила за мной. Но глаза... Как же блестели ее глаза!

Сатрап (как же все-таки его звали?) был погребен под телами своих приспешников. Мы выволокли его, и я снял с груди покойника золотую пектораль.

Я застегнул ее на шее Рондины. Едва я сделал это, фаворитку сатрапа начала сотрясать дрожь. Она хватала воз-

дух ртом, а дождевая вода, обильно стекавшая по ее лицу, маскировала слезы.

— Батюшка, не отдавай им меня... — пробормотала она как в забытьи. — Я не хочу...

Я обнял ее за плечи.

— Спокойно, родная... Теперь я с тобой, мы вместе, и все будет хорошо!

Лжец! Актер! Политик!

— Да? — тихо спросила она и прильнула к моей груди. — Я больше не хочу, чтобы герцог и его сын делали со мной *эти вещи*.

— Больше никто и никогда не будет этого делать с тобой! — сказал я жестко. — Кто я, Рондина?

— Батюшка...

Я схватил ее за плечи и встряхнул.

— Кто я, Рондина?

— Батюшка...

Я тряхнул ее сильнее.

— Кто я?

— Фа... тик... Джа...

Я погладил ее по щеке. Взгляд Рондины слегка прояснился.

— Ты мой *Фатик*...

Великая Торба!

Мое сердце екнуло... сжалось. Нет, не твой... Прости, девочка.

— Остались сущие пустяки, — в моем голосе звучала железная убежденность. — Мы обуздаем предателей и победим Арконию. Дел на комариный чих. Где твои маги? Ты покажешь мне магов, родная? Я хочу видеть магов. Вон там север, — смотри. Вон там — юг. Сэлиджия в той стороне. Где же маги, Рондина? Покажи, куда идти?

Рондина двинулась вперед, как сомнамбула. Я шел рядом, завладев клинками Гхашш и перевязью, которую добыл мне Мельник. Круг гномов охранял нас.

Я шел, а в моей голове вертелся образ мертвого сатрапа. Ему воткнули стилет в затылок. Серебряный стилет с тонким, как игла, лезвием.

Женское оружие.

* * *

Скорым шагом, под рокот грома, мы отмерили ярдов двести, наталкиваясь на множество мертвых тел и разрозненные схватки. Я приказал не вмешиваться в них. Не стоит тратить время. Наша цель — освободить магов.

Люди сатрапа пытались прибиться к нам, но я услали их к войскам, велел привести преданных Рондине командиров.

Рондина молча держалась за мою руку, как маленькая девочка. Я не пытался ее разговорить. Мое оружие должно исполнить все, что я задумал, затем я уйду, и больше его не увижу.

Наконец перед нами показалась уцелевшая часть лагеря — шатры и палатки, по которым барабанил ливень.

В указанном шатре сидели чародеи, связанные по рукам и ногам, с заткнутыми ртами. Их крестьянские отрепья были забрызганы кровью. Трое были мертвы — их зарубили. Убийцы были тут же — два рыцаря в черных накидках с надписью «Честь и слава!». Оба увлеченно заталкивали пальцы до смерти перепуганного чародея в маленькие тиски.

Пытки? Чудно... Ведь Фаерано, как понимаю, должен был прикончить всех магов до единого. Аркония не держит своих магов — вера не позволяет, а гроссмейстер ордена Чоза действовал, я уверен, по указке Престола.

— Фаерано мертв! — объявил я с порога. — Войска Арконии рассеяны и отступают. Все кончено. Покоритесь новому правителю Фрайтора Рондине Рондергаст и ступайте под ее знамена для искупления предательства!

Я умею лгать убедительно. Храмовники, недолго думая, сложили оружие. А может, на них подействовал вид Джока Репоголового, который вбежал в шатер с воплем: «Да давайте уже их кончать!»

Я мгновенно зарубил обоих. Предатели. Гниль. Крысы.

Уцелевших магов было пятнадцать человек. Пятнадцать бородатых* оборвышей от сорока до восьмидесяти лет. Они смотрели на меня, как на спасителя.

* Борода для мага — сакральная вещь. По общему поверью, распространенному среди чародеев всех стран и континентов, густая, правильно ухоженная борода помогает магу концентрировать магическую силу в той же степени, в какой мудрецу помогает концентрировать силу разума ермолка, обшитая изнутри листовым серебром. По-моему, и то и другое — нелепые суеверия.

— О великий воин, благодарение тебе от всех уцелевших из нашего ковена и меня, мастер-мага Йолопа! — вскричал самый представительный из магов, седыми клокастыми бровями напоминавший филина. — Рыцари Чоза... Кровавые негодяи! Они убили Хэндаля и Мерли!

— И Сарума! — добавил маг, которого собирались пытаться.

— И Сарума!

— А меня пытали!

— А его пытали!

— Почему Фаерано не убил вас всех и сразу? — спросил я, сжимая ладонь Рондины.

— Храмовники... низкие и подлые негодяи, хотели узнать, где наша казна! Убили троих, но это не помогло! Тогда они решили пытать одного на глазах прочих, чтобы сломить нашу волю... А у нас нет казны! Она у нашей госпожи! — и он указал на Боевую Бабу. — Но они не поверили!

Гритт его маму... Нет предела человеческой жадности!

— У госпожи казна, а мы голые как соколики!

— Ладно, — сказал я хрипло. — А теперь камлайте, чтобы разогнать тучи.

Взгляд филина увял.

— Видите ли, молодой человек, — молвил он. — Для противодействия адскому шаманству Талестры нам потребен ковен из восемнадцати человек, и не менее одного. Нашими же нынешними силами мы, конечно, разумеется, и не исключено, что сможем создать оный направленный ветер, но после усталость сломит всех нас, и не исключено, конечно, разумеется, что многие из нас умрут от разрыва сердца либо апоплексии, ибо нам придется вложить большее количество жизненных сил, каковые и так подорваны сегодняшними внезапными событиями...

Остальные закивали и завохтали в унисон:

— Ни в коем случае! Ни в коем случае!

— Мне нужно, чтобы вы немедленно разогнали тучи, — повторил я. — Не исключено, конечно, разумеется.

— Боюсь, молодой человек, этого никак...

Маг захрипел, поскольку я пробил его грудь мечом.

— Мне нужно, чтобы вы немедленно разогнали тучи, —

сухо повторил я, обегая взглядом испуганные лица. — Не исключено, конечно, разумеется.

Один труп против тысяч жителей Фрайтора и моей Виджи, размен годный. И только посмейте назвать меня кровавым палачом!

Кудесники, сотрясаясь от ужаса, встали, положили руки на плечи друг другу и образовали *конвергентное склонение*. Они впали в транс почти мгновенно, содрогаясь всем кругом и притопывая, исполняя некий танец. При этом они надсадно гудели, точно рой пчел. Я смотрел на это действие, молча помахивая клинком.

— Фатик, — тихо произнес Олник. — У тебя в глазах темнота.

Надо же...

Едва маги, завершив камлание (оно заняло у них порядка десяти минут), упали друг на друга без признаков жизни, ветер растащил тучу, разорвал на гнилые тряпки. Явилось солнце. В расположении лагеря сатрапа мы увидели трупы и пепелища.

Я взглянул на поле Хотта из-под ладони.

Аркиния отступила!

Войска всех фракций стояли на тех местах, что заняли перед ливнем. Кракелюра больше нет, Багдбор и Фаерано бежали. Интересно, что оба предателя станут делать теперь, когда их предательство стало явным? Двинут свои армии против Рондины? Вряд ли. Нападут друг на друга? Тоже нет. Скорее всего, они ошеломлены, они не знают, как быть, и, вероятно, уже удрали с поля Хотта. Во всяком случае, я делаю ставку именно на это. Войска изменников остались без основных предводителей. Главное для Рондины теперь — склонить армии на свою сторону. И не думаю, что это будет так уж сложно.

Я обнял ее за плечи, привлек к себе, прижал (что было не очень легко, учитывая ее доспехи):

— Ты видишь, родная? — Я обвел рукой панораму Хотта. — Осталась самая малость для нас! А после... всегда вместе, верно?

Старайся не допускать фальшивых нот, и тогда зритель поверит в твою роль...

— Да, вижу, Фатик... — Голос ее был мягок и податлив. Я склонился и поцеловал Рондину в губы. Сейчас я мог делать с ней все, что захочу.

Отли Меррингер мог бы гордиться таким совершенным лжецом.

— Самая малость, — повторил я, будто читал самому себе заклятие. — Осталась самая малость.

* * *

Над полем Хотта, зацепившись одним концом за купола Сэлиджии, повисла радуга.

* * *

Бегом вернувшись к месту вторжения, я разделил гномов на четыре равные части. Одну отправил к войскам храмовников.

— Встаньте в виду войск и кричите: «Радуга победы! Аркония отступает! Радуга победы, Двурогий и Рондина — вперед! Фаерано — предатель!»

Вторую — к войскам Багдбора с тем же самым воплем, обогащенным лишь постоянным напоминанием о предательстве кардинала и о том, что Двурогий уже покарал отступника (ложь, но чем больше наглой лжи — тем лучше).

Третья группа, взвалив на плечи труп Кракелюра, двинулась к войскам баронов. Показывая труп предводителя, им было велено орать: «Предатель ваших свобод! Предатель ваших свобод!» — ну и не забывать про радугу, Двурогого, отступление и Рондину.

Ложь, снова ложь и ничего кроме лжи!

Четвертую часть гномов я определил в телохранители Рондины, поставив их под начало Джока Репоголового с наказом охранять нового сатрапа до тех пор, пока он не даст денег на две дымовальные машины. Хитрый ход — ведь таким образом гномы могли охранять нового сатрапа до скончания века!

Тем временем в лагерь сатрапа вернулись некоторые из его полевых командиров. Мое общество было им неприят-

но. Я подумал, со сколькими из них Рондина крутила шашни, чтобы перетянуть на свою сторону. Наверняка почти со всеми, с этой дамочки станется. Гритт... не дамочки, женщины, которую безнадежно искорежил мир победивших мужчин — благородных дворян, элиты, соли земли и нации... Потом она, разумеется, потихоньку вырежет всех фаворитов, чтобы сосредоточить всю полноту власти в своих руках, и правильно сделает, черт подери!

Командиры быстро смекнули, что к чему. Они подхватили мой клич о том, что Рондина — новая владычица Фрайтора. Кто-то нашел стяг сатрапии, привел Рондине коня и принес новые доспехи. Более того, в одном из уцелевших шатров разыскали запасной комплект подушек для Семи Невидимых Даров Чоза. При виде подушек усталое лицо Рондины исказила кривая ухмылка.

Рондину обрядили в железо, поверх которого повесили сверкающую на солнце пектораль. Тут меня снова попытались оттереть от моего оружия. Причем действовали сразу трое. Двоих я столкнул лбами — легонько, третьему выписал леща по затылку, сбив лицом в грязь. Командиры боялись огрызаться в открытую — нас с Рондиной окружали гномы.

Я подошел к Рондине и помог влезть на коня. Подал стяг.

— Все время, пока не уничтожишь тех, кто может помешать твоей власти, опирайся на гномов. Они наивны, как дети, и не ведают предательства. Сойдись со Жрицами Рассудка, они держат своих мужчин в узде и не дают им напиваться. Из гномов лучшие телохранители — прямые и честные... Да, да, Рондина, мы, все время — мы, но потом! Сначала ты должна повести войска вперед. Сама! Тот, кто поведет войска и разгромит Арконию, станет новым сатрапом, и власть его будет велика и заслуженна. Я же подам сигнал мармарийцам в тот момент, как ты выдвинешь армии для атаки. В обозе гномов есть мешки с травами. Два столба дыма вознесутся вверх, когда ты ударишь по Арконии!

Рондина внимала как под гипнозом, часто, но при этом замедленно кивая.

— Отмени рабство. Дай простым людям чуть больше воздуха. И придумай что-то с этим сухим законом... Если честно — то отмени его нахрен. Ах да, рискни — и проведи

религиозную реформу. Подбери народу какого-нибудь... ну, не такого жадного до денег бога.

Я поцеловал ее снова.

Лжец, лжец, лжец!

Спустя десять минут из стана сатрапа были направлены посланники ко всем фракциям; подушки с Невидимыми Дарами пронесли на виду всех армий; за ними на гнедом жеребце, окруженная каре гномов, ехала бывшая любовница сатрапа. К этому времени гномы достаточно обработали войска фракций, и те, лишённые большей части смутьянов, без колебаний встали под руку Рондины, выдав основных заговорщиков. Их казнили прилюдно. Однако я жалел, что архипрелат Кледш Багдбор и гроссмейстер Ордена Чоза Аерамин А.О. Фаерано пропали.

29

Ко мне, запыхавшись, вернулся брат Олника, посланный справиться о здоровье магов.

— Так что четверо дали дубца, — сообщил он, косясь на клинки Гхапш с явной опаской и уважением. После побоища, что я устроил в лагере сатрапа, гномы стали относиться ко мне... с трепетным уважением. — Двое плохоньки, а пятеро... — он сморщил лоб, загибая короткие пальцы, — ну да, пятеро. Два плюс два... и... того пять. Пятеро ничего себе, сопят, но какие-то синие... Так что будет отпаивать уракамбасом. Авось да отойдут.

Я все же зря сетовал на судьбу, подсунувшую мне Олника. Думается, с его братом-близнецом я бы не протянул в Хараште и года.

И все-таки нужно сберечь Рондине хотя бы нескольких магов.

Я велел привести к чародеям гномских лекарей.

— Так что, не поить? — расстроился Олников братец.

— Только если лекарь скажет.

По его взгляду я понял, что за нужным указанием лекаря дело не станет. Он заправил бороду за пояс и умчался. Я остался стоять, подставив лицо свежему ветру. Члены

моей команды были рядом. Отряд калек и сумасшедших, плюс один стонущий полугном со сломанной челюстью, и отряд гномов, которых я намеревался использовать для атаки на особняк Фаерано. Вокруг нас простиралось пепелище лагеря сатрапа. День выдался урожайным на трупы.

Сдерживая нервную дрожь, я смотрел на поле Хотта, и думал, а за спиной, в городе, дребезжали колокола и надрывались трубы.

Лжец-Фатик.

Итак, я всех обманул. Я одурачил Багдбора и Кракелюра, натянул нос гномам, окрутил Рондину и завертел кровавую карусель на поле Хотта, набрав грехов примерно на двадцать-тридцать жизней простого человека и одно мифическое посмертие. Шансов на успех было — парочка на миллион, но я зубами вырвал победу.

Олник хотел что-то сказать, как обычно, невпопад, но я взмахом руки прервал его на полуслове:

— Тш-ш-ш...

В этом году обильно уродила пастушья сумка. Ветер, слабея, гнал волны по морю серо-зеленой травы, не запинаясь о малиновые островки смолки. Радуга насыщенных цветов висела над полем, обещая победу.

Объединенная армия Рондины, похожая на огромный разноцветный ковер, почти выбралась из подтопленных мест.

Войска Арконии в панике перестраивались, чтобы противостоять атаке новой хозяйки Фрайтора. Кровавые просеки уже давно стянулись, и только большое красноватое пятно между армиями напоминало об атаке элфантирии. Сами элфанти не показывались. Как я и говорил, если эти зверюги разгонятся, их очень сложно остановить.

Скоро армии столкнутся...

Без подзорной трубы я не мог различить детали, но знал, что Рондина — где-то между своими полками, окруженная каре гномов под водительством Джока.

У нее все сложится, я уверен, и фундаменталисты увидят загадочные места зимовки раков. И я смогу увидеть — если не буду держаться от Рондины подальше. Ведь я солгал ей — повторно. Нет ничего страшнее обманутой в чув-

ствах женщины, и вдвойне страшней, если эта женщина облечена властью.

А если ты обманул женщину дважды...

Лжец-Фатик, лжец!

Остатки тучи струдились у восточного горизонта; в темном чреве бродили, затухая, багровые огни, словно многоглазый дракон приоткрывал то один, то другой, то сразу несколько глаз.

— Сегодня день большой битвы, — подумал я, и не заметил, как проговорил это вслух.

Армии столкнулись. Я поднял руку и крикнул:

— Поджигай!

— Поджигай! Поджигай! Поджигай! — пронеслось по цепочке гномов вниз, в их лагерь, где у кожаных мешочков с *шанге* дежурили фитильщики.

Менее чем за минуту два столба черного жирного дыма уткнулись в свод небес.

Знак мрамарийцам дан.

Всё. Прочее — не моя забота. Прощай, Рондина. Я иду в Сэлиджию за своей женщиной. Желаю тебе долгих лет безбрежной и счастливой власти.

* * *

Створка городских ворот, обращенных к полю Хотта, приоткрыта. В щели, до половины высунувшись наружу, лежит окровавленный стражник. В портале арки еще трупы, и среди них — один с белой повязкой на рукаве простой рабочей куртки. Люди Кракелюра начали игру, кажется, так и не узнав о том, что их предводитель мертв.

Плохо дело. Меня вновь начала колотить дрожь. После открытия ворот они планировали идти на Синьорию, смельчаки.

Я бы хлебнул самогона, но... Гритт, я пообещал Виджи не пить до конца похода.

Что может быть хуже трезвого варвара, а? Только злой трезвый варвар.

Мы рванули вверх по пустынной улице. Впереди — я, Крессинда, Олник и Имоен с трофейным мечом, дальше — гномы с секирами, позади — гномы-огнеметчики. Мне сто-

ит почаще учинять резню и мордобой, это лучший способ вознести свой престиж на недостижимую высоту, уж среди гномов — так точно. Натворив кровавых дел, я заработал среди бородачей непререкаемый авторитет, так что, когда я метнул клич о помощи, то увидел толпу гномов, что желали погреться в лучах славы Бешеного Топора. Я выбрал тех, с кем уже был в деле в лагере сатрапа. Гномы, не особо кряхтя, волочили на плащах Скареди, Монго и Альбо. Первый рвался в бой, второй еще толком не пришел в себя, а третий валялся как связанный боров. Он все пытался нести какую-то ересь от имени Гритта, так что мы не только связали его, но и заткнули хлебальник.

Я не планировал возвращаться, чтобы подбирать членов отряда.

Грэмби Бэггер ковылял в хвосте, придерживая сломанную челюсть. Уж лучше пройти часть пути к дому под защитой тех, кто тебя покалечил, чем рискнуть в одиночку пробираться по улицам, что кишат мародерами.

Пока большинство служилых людей месило чернозем на поле Хотта, город стремительно превращался в ад. Воровское отребье и простые горожане сбились в стаи, в которых люди мирно соседствовали с зелеными гоблинами и коричневыми гоблинами и троллями.

И почти все стаи нацелились на самые богатые и ненавистные заведения в городе.

Храмы Чоза Двурогого.

Эти заведения аккумулировали огромные богатства, взимая налоги с жителей и с церковью младших богов. Теперь настал час расплаты. Подогретые вестями о скором крахе сатрапии, люди и нелюди тащили, волочили, перли, выгребали из крипт храмов сокровища, не страшась гнева божьего и уж тем более смешных проклятий клириков. Многие храмы горели. Адепты, укрывшись на звонницах, истошно били в колокола и дудели в трубы. Чоз, однако, молчал. Какая неожиданность!

Рондина, бедняжка. По возвращении тебе придется разгребать эти конюшни.

Во мне бушевала злая энергия. Не знаю, откуда она бралась; я не ощущал и грана усталости.

Высокая стена с железными воронеными пиками отделяла Синьорию от города. Тяжелые центральные ворота распахнуты. Думаю, это работа местной подкупленной охраны, ибо мы не увидели трупов.

За спиной — круто вниз — простерлась Сэлиджия, напоминавшая многопалого спрута — дымы, дымы, дымы. На поле Хотта — еще круче вниз — шла битва: огромная клякса сошедшихся войск слегка подрагивала, едва заметно смещаясь. Я бросил лишь один взгляд, но мне показалось, что Рондина успешно теснит фундаменталистов, напирая широким вогнутым полумесяцем. Войско Арконии ощутимо проседало с западной стороны, это, явно, работа мармарийской кавалерии. Радуга почти выцвела. Не страшно. Главное — она дала хороший задел на победу, помогла убедить колеблющихся солдат и офицеров.

Дома знати на холмах утопали в зелени, снаружи суровые, но внутри — роскошные, как дворцы. Я говорю дело, ибо раньше бывал в этих домах.

Там и тут звучали крики, слышался цокот копыт, звенели мечи. Баронские прихвостни уже рассредоточились по Синьории, и это облегчало нам задачу.

И я, и Олник знали, где располагается особняк Фаерано. Мы же избили его когда-то во дворе собственного дома, если вы помните, и обрекли на косоглазие.

Пригорок, поросший густым кустарником... Из-за поворота выскочила лошадь с пустым седлом. Под кирпичной стеной особняка Фаерано сшиблись люди барона и рыцари Чоза в темных плащах, примерно десяток на десяток, многие — на лошадях, так что я велел остановиться, и мы дождались, пока не завершится первое действие. В антракте мы набросились на оставшихся актеров и произвели массовое увольнение. Вся театральная труппа легла трупам, так сказать. Гномы — отличные бойцы, а уж в умении подсекать сухожилия лошадям им нет равных.

Ворота в кирпичной стене были открыты. Уже третьи открытые ворота, что я встретил за последний час в Сэлиджии.

Дом — массивная серая крепость в три этажа и пять башенок — возвышался в конце яблоневого аллеи. Из окон

первого этажа валил густой бело-серый дым. По саду метались три или четыре лошади и какие-то мелкие фигуры, кажется, зеленые гоблины из obsługi.

Мне заслонил путь рыцарь, простоволосый дядька с тяжелым клинком — опоздавший к увольнению заместитель руководителя труппы. Постепенно, но мы пришли к взаимопониманию. Я полоснул его по горлу, после чего он перестал испытывать ко мне претензии и уволился из этой жизни навсегда.

Я перешагнул тело. В доме звенело и грохотало, дым сочился уже из окон второго этажа. Меня объял ужас. Особенно горит, уж точно — задымлен, как в этом чаде мне найти гарем и Виджи? Гритт, Гритт, ведь она задохнется! Я живо представил, как она бьется о запертые двери и решетки на окнах, хватая вместо воздуха дым, бьется, затихая...

Когда я был на полпути, двери под портиком раскрылись, и из проема в клубах сизого с прожельтью дыма, спиной, выбрался сам Аерамин А.О. Фаерано. Я мгновенно узнал его по тощей фигуре и сальным волосам. Он был слишком занят, ибо, одновременно кашляя и чихая, боком волочил тяжелую, гм, я бы сказал — великую торбу. Таков финал ничтожеств от власти — трусливое бегство с добычей. До конца бьются только великие люди.

— Фаерано! — крикнул я.

Призрак прошлого оглянулся, демонстрируя багровый ожог на всю левую щеку. К его косоглазой роже прикипело выражение крайнего изумления и страха. Фаерано был без доспехов, одежду испятнали подпалины.

Раздался лязг железа. Фаерано отскочил. На крыльцо спиной выдвинулся простоволосый храмовник. «Че... и сла...!» — значилось на его обгорелой накидке. Рыцарь отчаянно оборонялся, пятясь назад, но вдруг вскрикнул — и немудрено, ибо из его затылка вынырнул кончик меча. Храмовник опрокинулся на ступени из серого гранита.

Затем, разгоняя клубы дыма, появилась она. Виджи. Добрая фея. Бледная, в облаке разметавшихся медовых волос, проткнутых полыхающими кончиками ушей. Источающая гнев и ярость. В одежде, которую мог назвать таковой лишь слепой, и то — на ощупь: нечто воздушное, полу-

прозрачное, состряпанное наспех из розовой занавески. (Уже позднее я узнал, что Фаерано постоянно держал своих наложниц нагими.) В одной ее руке был клинок — тот самый, эльфийский, и где достала? — в другой... Понимаете, если очень, очень, очень миролюбивую и милосердную львицу заключить в гарем и подвергать унижениям, она перестанет быть милосердной.

В другой руке моей женщины была отрубленная голова с толстогубым, обрюзгшим лицом евнуха. Пока я приходил в себя, Виджи шагнула вперед и огрела этой башкой Фаерано. Потом добрая фея нанизала его на клинок, ударив точно в сердце, и швырнула голову евнуха на труп гроссмейстера ордена Чоза.

Иногда, если спаситель не спешит со спасением, эту работу нужно проделать самому.

Она обернулась ко мне, и ее лицо вспыхнуло.

— Добрая фея... — прошептал «освободитель», чувствуя себя распоследним дурнем. — Добрая фея... моя Виджи...

Она топнула босой ножкой, крылья ее чудесного носа затрепетали.

— Ты, — сказала она, — ты...

— Я, Виджи, — сказал я, опустив клинки и не отрывая взгляда от ее пылающих глаз.

— Слушай меня внимательно, Фатик М. Джарси, — сказала она, тяжело дыша. — Больше никогда... ты слышишь? — никогда не смей от меня убежать!

30

Мы еще не закончили обниматься, как из дымящего проема дверей особняка повалили полунагие закопченные девицы. Раз, два, три... я сбился со счета на втором десятке. Блондинки, брюнетки, рыжие... Замыкал процессию эльфийский принц, одетый в какую-то рабочую дерюгу. Он пылал яростью, а меч — тот самый эльфийский меч-близнец, был обагрен кровью по самую рукоять.

— Ненависть! — воскликнул Квинтариминиэль, завидев меня, и сделал глаза больше, чем у кота, застигнутого за

непотребными делами верхом на ботинке. — Провисать через длинный и средний!

— Это гарем, — безлично сказала Виджи, ненароком коснувшись меня обнаженным плечом. — Человек Фаерано держал их взаперти, как рабынь...

Девицы кашляли, с хрипом втягивали воздух, подрагивая тяжелыми грудями, гномы смотрели на них (да-да, я про груди), открыв рты. По саду носились лошади, на улице орали и звенели оружием.

Я никогда не спрашивал Виджи о том, что произошло — и происходило — с ней за дверями особняка Фаерано. Эта тайна навсегда осталась ее личной тайной.

— Фатик, — сказала Виджи. — Это несчастные пленники... Нужно помочь им обрести дом.

В словах ее звучала непреклонность. Гри-и-и-итг! Эльфийские гуманность и милосердие! Точно так же она отзывалась о шаграутте, который намеревался закусить всем моим отрядом!

Принц глянул на меня и заявил:

— В глаз прокатку! Это приведет к пятнистым последствиям!

И я так думал, честное слово. В глаз, пятна, ай, что там говорить! Но перечить Виджи сейчас? Нет, я не стал этого делать. Боевое безумие отпустило... Все было хорошо. Почти хорошо.

В доме Фаерано что-то взорвалось.

Я отогнал гарем к входу в особняк и пересчитал по головам. Получилось пятнадцать человек... женщин... барышень... дамочек мягких и чувственных... Девиц, ведь они лишились хозяина, а в брак с Фаерано, разумеется, не вступали, так что я мог называть их девицами. Помочь обрести им родину? Виджи, родная, ты, верно, хочешь, чтобы я спятил?

Она спокойно смотрела на старину Фатика своими серыми глазищами, ожидая от него действий. Гномы смотрели. Девицы смотрели. Олник смотрел — и все из моей команды, включая Монго и безумного архиепископа.

Ладно...

Я заглянул в торбу Фаерано и подозревал Олника-первого.

— Нынче после битвы найдешь Рондину и скажешь ей, что видел, как меня прирезали два злодея. Так и скажи: «злодея». Один человек без правого уха, второй тролль без левого глаза, пусть ищет по этим приметам.

Олников брат-близнец задумался:

— Прирезали насовсем, Бешеный Топор?

— С концами. Скажи, была уличная свалка, я вдруг встrepенулcя, заорал: «Без меня не начинать!» и ринулся в толпу. Там-то меня и прикончили. А сейчас возьми десяток гномов и ступай в свой лагерь. Скажи старшинам, которые остались на хозяйстве, пусть подгонят к северным воротам четыре фургона. В них пускай уложат провиант до Зеренги на двадцать пять человек и десять гномов-охранников, спальники и пледы в том же количестве, палатки — многоместные, чтобы и люди поместились. Так же нам нужны килты и рубахи — по шестнадцать штук. Пусть явится кто-то из старшин — я рассчитаюсь за фургоны и прочее и дам им денег на новую дымовальную машину. А вторую — пусть им оплатит Рондина! А, да! Пусть дадут несколько походных котлов и сковородок!

Торба Фаерано, набитая золотом, воистину оказалась великой.

* * *

Под надежной охраной гномов мы двинулись прочь из города с пылающими храмами.

По дороге я бросал взгляды на поле Хотта. Наконец, свершилось: Рондина обратила Арконию в повальное бегство! Левое крыло армии Престола, кажется, было начисто уничтожено мармарийцами. Отлично, Гритт подери! Великолепно!

— Молодец, девочка... — прошептал я, заработав косой взгляд Виджи. Чуткие... лисьи ушки!

А теперь, Фатик, удирай, да побыстрее!

Когда мы спустили кое-как задрапированных девиц к северным воротам, фургоны со всем необходимым уже ждали нас. Авторитет, который я заработал у гномов, был высок.

Фургоны прочные, а лошади — свежее некуда. Пятнадцать вооруженных гномов взялись сопровождать Бешеного Топора до Зеренги по тревожным землям Фрайтора. Отлично.

Я устроил краткое совещание. Девушкам из гарема были предложены золото — и возможность нас оставить, либо ехать до гномской Зеренги и уже оттуда убираться куда глаза глядят. Четыре девицы согласились покинуть нас сразу, за что я подарил им неотразимую улыбку (когда я улыбаюсь неотразимо, люди на улице думают, что я сошел с ума, и разбегаются). Еще пятеро были из северных краев — их путь с нами лежал только до Зеренги. Шестеро оказались с Южного континента, стало быть, мне придется сопровождать их до самого Дольмира... Гритт, экая незадача...

— Выдвигаемся к Зеренге, — сказал я. — Там обратимся к Жрицам Рассудка. Надеюсь, нам помогут с оружием, одеждой и прочим. Оттуда — вдоль гор по землям гномов — до самой Мантиохии, до Ридондо, где сядем на корабль — и поминай нас как звали. Будет небольшой крюк, но я рискну. Рондина, уверен, сразу обрушится на Арконию, и там будет... жарковато, так что передвигаться по землям гномов — безопаснее всего. Поехали! Крессинда, Жрицы на тебе. Договоритесь... Девушки... пожалуйста... оденьте вот эти килты и рубахи и полезайте в фургон.

Привыкшие к комфорту гарема девицы выразили некоторый протест и насчет килтов, и насчет фургона, в котором якобы воняло немытой бородой, сбродом и нестираными гетрами этого самого сброда. Я растерялся. Всегда пасую перед женской логикой. Там плохо — и тут не лучше. Но, черт, мы же вас освободили!

Наложницы Фаерано заголосили, начался курятник. Мне захотелось разбить голову о ближайший булыжник.

Но тут вступила Виджи. Моя хрупкая на вид эльфийка. Я не знал, что ей известно столько особых человеческих слов. И я никогда бы не подумал, что она способна привести девиц к покорности быстрее, чем я. Но она это сделала, поверьте! Только потом до меня дошло, что гарем, похоже, видел сцену расправы над евнухом и трепетал от одного только взгляда моей четвертушки.

Мы загрузились в фургоны и покатили. Я сидел на облучке в обществе приветливого гнома-возчика, который запасся целой батареей зажигательных (теперь-то они стали выпивательными) бутылок. Позади за полотняной стенкой была Виджи... И принц, будь он неладен. Когда горящая столица Фрайтора скрылась за горизонтом, он высунулся, вытянув шею, как гусь, и, глядя куда-то в небо, свирепо изрек:

— Я сейчас опущу!

Уверен, даже Небо не ведало, что он имел в виду.

* * *

К моменту, как мы остановились на ночлег, я чувствовал, что разваливаюсь от усталости на части. Слишком много всего стряслось за день, и это еще мягко сказано, а варвар, какой бы он ни был крепкий, всего лишь обычный железный человек.

Я велел разбить лагерь, а затем... опомнился только утром — кто-то занес меня в фургон и даже раздел до исподнего. О-о-х, Гритт! Более того, на спальнике возле меня просматривался отпечаток тела... Я уловил знакомый аромат... Она просто спала возле меня... *Просто спала!*

Меня ждал завтрак. Яичница, поджаренные ломтики ветчины на хлебе. Кажется, все это приготовила Имоен. Что бы я без нее делал... Вдобавок к завтраку я получил странные взгляды моих праведников. Они словно что-то готовились мне сказать. Хотели — но пока не решались. Пока я дрых, они, мне кажется, успели о чем-то перемолвиться. Гритт, что, снова настал день хреновых сюрпризов? Имоен, Виджи, принц, Крессинда... и даже Монго, который уже пришел в себя и внимательно смотрел на меня, немо шевеля губами. Все они знали некую общую тайну, которую собирались мне поведать, и я готов был заложить последние исподние штаны, что суть этой тайны меня бы ошеломила. Один Альбо сидел с отсутствующим видом и что-то бормотал себе под нос. Его освободили от пут, и это мне не понравилось. Не нравились мне его разговоры от имени Гритта...

На всякий случай я вновь велел его связать, а вернее, просто опутать веревками, чтобы они не нарушили кровотоков. Он не оказал сопротивления. Потом я занялся гаремом, чувствуя на затылке внимательные взгляды моей четвертушки. Выяснилось, что девицы поставлялись Фаерано не просто так — он занимался эстетическим коллекционированием красивых женщин и не жалел на это огромных средств. Красивых девушек свозили к нему со всего света, похищали, покупали, везли через страны, где запрещена работорговля (за взятку это сделать проще простого, поверьте).

Они и правда были красивы. Все до единой. Безумно чувственны, яркие, они притягивали взгляд помимо воли даже в килтах и рубашках. В любом сообществе выделяются лидеры, были они и в гареме. Донни и Валеска. Валеска назвалась дочерью видного чиновника из Талестры, а Донни утверждала, что она — подлинная принцесса из пограничного с Талестрой Одирума. Она говорила громче всех, а затем — я упустил зерно конфликта! — обозвала Валеску мокрой курицей и вцепилась ей в кудри.

Старина Фатик растерялся. Зато не растерялась Виджи. На все про все ей понадобилось несколько хлестких фраз и две пощечины, которыми она наградила Донни и Валеску.

Моя... кошка!

После завтрака мы двинулись к Зеренге и катили до самых сумерек. Я ехал и не думал о том, кого оставил за спиной. Мое оружие сыграло свою роль, и я старался забыть о нем поскорее.

Привал. Костры. Трапеза. Мои праведники снова мне ничего не сказали, но я был уверен — они собирались сказать мне что-то крайне важное и — исключительно неприятное для меня.

Однако — не сказали.

Может быть, скажут утром?

Ночью в фургон, где я устроился в гордом одиночестве (начальник похода может себе позволить диктаторские замашки), проскользнула Виджи...

Объятия...

— Фатик?

— М-м-м... да?

— Это он, шрам, который оставил тебе кроутер?

— Он, Виджи.

— Тот, к которому ты допускаешь только любимую женщину?

— Да.

— Фатик, можно, я...

— А ты точно этого хочешь?

— Можно?

— А разве эльфийки этим занимаются?

— Можно?

Я запустил пальцы в ее густые волосы.

— Да...

* * *

Она мурлыкала мне в ухо. Большая счастливая кошка, упрятавшая до времени свои коготки.

Я повернул голову. Мурлыканье тут же смолкло. Виджи приоткрыла один глаз, внимательно глядя на меня. В полумраке мне почудилось, что зрачок у нее и правда кошачий.

— Пожалуйста, помурлычь еще.

Кончик ее острого уха зарделся — я ощутил это под своими пальцами.

— Не получается... Оно само, Фатик... помимо воли... когда я...

— Когда ты — что?

Она ткнулась носом мне в плечо и тихо рассмеялась серебряным смехом.

Чуть позже, устроив голову на моей груди, она вновь завела медовую кошачью песню. Ее чувства смешивались с моими в один поток, временами бурный, временами — тихо шепчущий под музыку звезд. Так продолжалось до самого утра. Утром она спросила, почему на моей груди больше нет татуировки.

Я открыл ей правду.

Талаши ошиблась. Бедный кот едва успел спастись бегством от разъярившейся кошки.

Я подхватил панталоны и выкатился из фургона, успев обзавестись счетверенными росчерками царапин от ногтей Виджи на щеке и поперек груди. Упав, вскочил и удачно попал ногой в штанину с первого раза.

Над моей головой свистнул меч. Клянусь вам, еще вот столечко — и клинок снял бы с меня скальп, а может, и верхушку черепа.

Я не стал ловить бабочек и, как был одной ногой в панталонах, помчался к ближайшему дереву. Добавлю, что лагерь уже пробудился, и кое-кто из девиц как раз, позевывая, выбирался из палаток. Мой вид их взволновал, они, ахая, округлили рты и тут же прикрыли их ладошками.

У дерева я оглянулся: меня преследовал клинок и острые малиновые уши, торчащие из разлохматившейся золотой гривы.

И глаза. Огромные серые глаза с черными, как сама смерть, зрачками.

Великая Торба!

Меня едва не настиг удар меча, но я ловко укрылся за деревом (это был вяз — мрачный и старый, он тоже, казалось, смотрел на меня враждебно). Мы принялись кружить вокруг древесного ствола на рысях, причем Виджи, пронзительно шипя по-кошачьи, пыталась то достать меня мечом, то лягнуть босой ножкой. Ее нагота была дерзкой, совершенной, прекрасной...

Девы ахали, старина Фатик что-то блял, волоча на лодыжке панталоны и отсвечивая всем, чем меня (местами — щедро) наградила природа.

Страшная женская месть!

Затем, устав от забега, Виджи остановилась на некотором расстоянии от дерева. Вовремя: мои панталоны как раз зацепились за корень.

Я осторожно выглянул с другой стороны вяза, дергая ногой, чтобы освободить панталоны.

Ну и что сказать?

«Родная, я люблю только тебя?»

— Ты... — воскликнула она, тяжело дыша. — Ты!

— Я, родная...

— Как... как ты мог?

— Мог... не мог... иначе... я... Она богиня, у меня не стало сил сопротивляться. Чародейство, магия!

— Магия? — Она взмахнула мечом. — Магия грудей? Магия задницы?

— Ты не понимаешь...

— Я? Я чего-то не понимаю?

— Нет, ты понимаешь всё!

— Значит, я способна понять, что ты — просто похотливый сукин сын?

— Да, то есть — нет. Все не так, как ты думаешь!

— Значит, я и думаю неправильно?

— Правильно, Виджи, правильно!

Крылья ее дивного носа трепетали.

— А если правильно, то скажи мне — кто ты?

— Я! Я, Виджи, это я!

— Бабник и пьяница, как я поняла это еще в вашей конторе!

— Да нет же, я не пью с начала похода, я ведь дал тебе зарок!

— Зато с женщинами можно развлекаться, да?

— Эта богиня...

— А, ну конечно, дело другое — богиня!

— У меня не было к ней чувств!

— Конечно, простая похоть!

— Да нет же, дело шло о спасении мира!

Весь бивак слушал наш диалог с живейшим любопытством. Из палатки высунулся щетинистый Олник, над которым нависла Крессинда. Оба были... не сказать, что хорошо одеты. То есть — они вообще не были одеты, но я отметил этот факт лишь краешком сознания.

— Зачем ты это сделал? Чем ты думал? — Ее подбородок подрагивал — верный предвестник подступающих слез.

— Я был как под чарами! У меня отобрали волю! Подумай сама — нашему миру... нашему счастью остался ровно год... Даже меньше!

— Где он? — вдруг вскричала она. — Покажи мне его! Если ты солгал! Если ты только солгал!

— Сейчас принесу, — сказал я, ошупью натягивая панталоны. Я вернулся в фургон, обойдя Виджи по широкой дуге, и принес пояс. Мои щеки горели, царапины саднили. — В потайном кармашке, — проговорил я и сам добыл зерно Бога-в-Себе. — Я связан теперь с не рожденным богом одной нитью. Как и с тобой. Утратив кого-то из вас, я умру. Э-э... опусти меч, родная!

Виджи приняла зерно Бога-в-Себе и стиснула его в кулаке, что-то беззвучно проговаривая. Три минуты ничего не происходило, затем ее тело сотрясла дрожь, и словно бы лучи — едва видимые розовые лучи веером разошлись по земле из-под ее сжатых пальцев.

Альбо страшно завыл, дергаясь в своих путах.

Виджи пошатнулась и бросила зерно мне под ноги.

— Ты не солгал, — сказала она, тяжело дыша. — Хотя бы в одном ты точен: это артефакт, наполненный такой мощью, какой давно не знал наш мир...

Монго проговорил что-то странное.

Старина Фатик осторожно коснулся царапин на физиономии:

— Я его зачал... как я уже говорил... Все произошло помимо моей воли.

Виджи шикнула, как делает кошка: пшшшш!

— Мне все равно! Я не могу и не хочу определять его природу... Он слишком силен и страшен. Его нужно бросить в яму Оракула?

Старина Фатик подтянул панталоны.

— Я должен сам туда прыгнуть... Это врата на Небеса. Да, вот так странно — прыгнуть вниз, чтобы попасть наверх. Дальше мой путь лежит к Источнику Воплощения... Дело — проще пареной репы и вареной моркови. Я сработаю быстро.

— Значит, мы продолжим путь к Оракулу, — промолвила моя четвертушка непрерываемо и громко, так, чтобы слышал весь лагерь. — Спрячь артефакт и больше не смей показывать его *мне*.

Яханный фонарь, а я что, хвастался им, что ли?

— Но мы и так идем к Оракулу? — не понял я, поспешно пряча зернышко в пояс.

— Идем. Но не смей требовать от меня, или кого-либо из отряда, ответов, зачем и почему мы туда следуем!

Гритт, а я так давно собирался устроить пристрастный допрос... Одного пришил к дереву, другую — высечь по мягкому месту...

— Знаешь, Виджи...

— Дай мне слово, что не станешь нас допрашивать!

— Но...

Она шикнула разъяренной кошкой: пшшшш!

— Дай слово, Фатик!

Я заглянул в ее глаза и отступил. Если хотя бы так мне удастся загладить вину...

— Даю слово, что до самого Оракула не стану спрашивать вас ни о чем.

— Слово варвара Джарси.

— Слово варвара.

Она вздернула подбородок и направилась к фургону, неся свою дивную наготу с безмолвной гордостью.

Монго, высунувшись из палатки до половины, взирал на мой пояс, губы его шевелились.

Опять сочиняет стихи на ходу?

Вечером Виджи собрала отряд Альянса — всех, кроме Альбо. Отойдя в сторонку, они о чем-то переговаривались. Нас с Олником, гномов, гарем, естественно, к совещанию не допустили. Совещание длилось, наверное, минут двадцать, и не было особенно бурным. Я видел, как все члены Альянса почти одновременно кивнули.

— Мы идем с тобой к Оракулу, Фатик Джарси, — сказала Виджи, вернувшись ко мне.

Слова ее прозвучали торжественно.

Гритт, они ведь и наняли меня затем, чтобы я провел их к Оракулу!

Если они хотели меня запутать, то у них получилось.

* * *

Затем произошло ужасное.

Виджи захотела, чтобы я постоянно правил фургоном, в котором находился гарем. Я отбрыкивался. Виджи наста-

ивала. Наконец она сказала, что просто не двинется с места, пока я не соглашусь. Я сдался.

За невольную измену с богиней меня постигла страшная женская месть, говорю же!!!

32

— Фатик!.. Да проснись ты!

— А?

Я вскочил, оглядываясь в поисках знакомого голоса. Кругом белым-бело.

Локус Лигейи-Талаши. Я одет.

Но где сама богиня? Уж теперь я зажмурюсь, если она явится в образе синекожей обольстительницы.

— Ты спишь, — прошелестело над ухом. — А я проснулась. Не оглядывайся. Я... не могу... сформировать свой вещественный образ. Слишком мало сил.

— Тебе плохо? Ты умираешь?

— Н-нет... Плохо... Мне тяжело пробиваться к тебе сквозь кокон отражения, поставленный... Ты знаешь о Князе Тьмы. И он о тебе знает. Молчи и слушай.

— Говори.

— Линии твоей судьбы изменились. Будь очень осторожен у Оракула. Скорее всего, ты там умрешь...

Великая Торба!

Я передернулся.

— Поясни!

Голос богини, кажется, звучал теперь прямо в моей голове. Слабый голос, полный одышливых пауз.

— Твои шансы на успех нашего дела тают с каждым часом. Торопись... Но ты все равно опоздаешь.

— Не понимаю. Ты можешь говорить прямо, Талаши?

— Н-нет... Иначе все линии твоей судьбы сойдутся на твоей гибели...

— Гри... Яханный фонарь! — Я тяжело задышал. Все-таки я ни черта не смыслю в женской логике, и тем более — в логике женщин-богинь. — Уж если я там помру, не исполнив задуманного, за каким хреном мне туда идти?

— Я не могу сказать... Хаос готовится поглотить твой мир... Магия исчезает и преобразается... Бойся... Бойся *волны*! Когда вы прибудете в Ридондо, садись на корабль, заплатив любую цену... У вас останется времени... Не медли в Ридондо... Лишь только вы увидите крыс, городу останется немного... После — смерть. Не медли!..

Я бы, конечно, заковыристо выругался, вот только что-то в голосе богини заставило меня прикусить язык.

— Талаши, тебе... больно?

— Ос-ставь...

— Ладно. Значит, с прыжком в Оракул у меня не сложится?

— Вероятно.

— Кто-то *еще* умрет в Облачном Храме?

— Многие... Ты слышал про Охотника Борка?

— Борк?.. Нет, не слышал, кто это?

— Он — левая рука Вортигена. Существо, в котором сейчас от демона больше, чем от человека. Так же, как Гродар был направлен вслед за Фреем, Борк направлен вслед за Гродаром на Южный континент... Молись, чтобы вы не столкнулись в Зале Оракула. Это существо невиданной силы и мощи, но вместе с тем — дьявольски хитроумное...

— Я намерен обогнать Гродара, не говоря уже о Борке. Скажи, у меня есть шансы сделать это?

— Д-да...

— Я ведь должен завести весь свой отряд туда, в Зал Оракула, чтобы они услышали ответ на проклятый вопрос, понимаешь?

— Н-нет... Это н-не обязательно... но это уже предначертано. Как и твоя встреча с Зодчим...

Зодчий? Я напряг память. Зодчего упоминал Квакни-как-там его, когда я в горячке лежал в пещере.

— Кто такой этот Зодчий?

— Я не могу тебе сейчас сказать...

Яханный фонарь!

— Черт... Что еще ты не должна мне сказать, Талаши? С моим отрядом — наследник престола Фаленорской Империи! Отряд должен добраться до Оракула, чтобы задать ему вопрос! И я, Гритт, уже понял, хоть ты и не желала мне

рассказывать, в чем суть вопроса! Оракул подтвердит, что Монго, он, мать его за ногу, истинный наследник. Вот зачем я тащу к Оракулу и людей, и эльфов, и гномов: все они представители сил Альянса, и все они должны услышать ответ, чтобы донести его своим.

— Нет.

Я обмер.

— Как это — нет?

— Они лгут, но эта ложь... обернется правдой.

Мне показалось, что невидимые белые стены локуса начали вращаться перед глазами.

— И Виджи лжет? Я имею в виду — продолжает лгать мне *сейчас*?

— Д-да...

— Но эльфы... «Эльфы не лгут», хотел я сказать, но вовремя вспомнил, что в моем мире нет никаких эльфов, и слава Творцу, что нет, иначе, я думаю, мы, люди, давным-давно бы передохли. В мире эльфов, мире Агмарта, людей не было. *Свободных* людей не было. Опустим. — Виджи лжет? Почему?

— Клятва. Они принесли общую клятву в начале похода и не могут открыть тебе правды. И не пытайся спрашивать — ни один из них ничего тебе не расскажет, пока вы не окажетесь у Оракула! Но сейчас клятва работает на тебя.

— Не понимаю.

— Сейчас они идут с тобой... ради тебя...

— Как это? Талашпи, я не понимаю! Скажи напрямую — что, как, почему, кто наследник? Я ползаю как слепой щенок!

Звонящая тишина. Но вот голос богини прорезался в моей голове снова — слабый, едва уловимый:

— У меня слишком мало времени, Фатик. Сейчас я усну. А если не усну — умру. Есть шанс... закончить *наше дело* у Оракула успешно.

— Ну же?

— Ты должен немедленно убить Свирондила Альбо, нового пророка Гритта. Не слушай его. Убей сразу...

— Но он же обыкновенный безумец! Лепечет всякую чушь...

— Уже не безумец... Высшим силам легче овладеть душой полоумного, *исправить* ее и *направить*. Гритт, как вер-

ный союзник Кредитора, овладел разумом Альбо и сейчас наполняет его силами, мощью, с которыми ты вскоре не сумеешь справиться. Осталось недолго. Вскоре новый пророк Князя Тьмы обретет полную силу. Но пока он еще слаб, слаб... Гритт пытается бороться со мной, заглушить мою речь, это занимает больше сил, отвлекает... И Свирондил Альбо еще слаб... Убей его, не задавая вопросов! Он слаб... Убей его, Фатик! Не позволяй ему разинуть рта, иначе он оплетет тебя паутиной лжи! Он слаб. Убей... Убей... Убе...

Я рывком сел в палатке, задыхаясь, весь в поту, с колотящимся сердцем. Луна бросала на стену чернильную тень от корявой ветки, похожей на когтистую лапу.

Убей?

Проще сказать, чем сделать.

Я выбрался наружу, прихватив нож и масляную лампу. У костерка, сидя, храпели гномы-часовые. Гномы умеют спать в самых необычных позах, должен вам сказать.

Альбо находился в отдельной палатке. Гном, которому полагалось охранять клирика, своевременно выводил его на оправку и затыкать рот кляпом, если тот заорет, бессовестно дремал у прогоревшего костра, укутавшись мохнатой бородой, как шарфом. У меня возникло желание привязать кончик его бороды к опорному колышку палатки.

Глаза Альбо блеснули. Он не спал. Полулежал на матрасе и неподвижно смотрел в одну точку. На мертвой маске лица немо шевелились губы.

Я забрался в палатку, как в склеп.

Дрогнула привязь, опоясывающая чрево клирика, мелькнули волосатые спутанные запястья. Альбо поднес к лицу сжатые кулаки и тут же опустил.

— Настало время? Рази. Жаль, что ты так ничего и не понял.

Голос Альбо звучал глубже, гуще, чем раньше, эдакое басовое гудение тяжелого колокола. Я присел на корточки, поставил лампу, положил рядом нож. Свет дробился в выпуклых глазах священника.

— Стало быть, ты больше не чокнутый?

— Я Свирондил Альбо, пророк Гритта Миротворца.
(Миротворца? Хм.)

— Мой разум был *не полон*... он значительно повредился на перевале Дул-Меркарин...

(Спасибо, это мне известно.)

— Гритт своей милостью восстановил его. Я не помню многое, чтобы было до моего помешательства, но уже могу мыслить связно, и с каждым днем мой разум крепнет...

(Проклятые заморочки!)

— Я могу мыслить и говорить, и хочу передать тебе слова Гритта...

Я живо вспомнил гороскоп Альбо. Клирик утверждал, что после Дул-Меркарин не видит в гороскопе себя. Что его *не станет*. Итак, с кем же я сейчас говорю? С Альбо — или с пустышкой, которую дергает за ниточки неведомая мне сила?

— Ну и как он тебе? Хороший бог?

— Он открыл мне истину. Но ты не хочешь слушать. Рази!

Я промолчал. Не мог же я сказать, что прихватил с собой нож, чтобы увидеть реакцию Альбо. Конечно, я не ожидал от него такого сурового, фаталистического спокойствия. Я думал, передо мной окажется сумасшедший... либо тот, кто прикидывается безумцем. Но шельмовство такого рода легко расколоть, всего лишь показав человеку, что хочешь его убить.

— Я подрядился отвести ваш отряд к Облачному Храму. *Весь отряд*. Пускай мы и не составили контракта по всей форме, я все же дал слово Джарси. Пока я не приведу к Оракулу всю вашу братию, тебя я и пальцем не трону.

Он со вздохом уселся на ложе.

— Тогда, позволь, я открою тебе правду.

— О чем?

— В своем поясе ты несешь ужасную погибель всему миру.

— Надо же, а я-то думал, это обычное зерно.

— Твоя богиня — чудовище. Пожирательница богов, убийца веры. Почти все ее рассказы — ложь. Она сказала, что ты несешь с собой нового бога этого мира? — Он тяжело задышал, косясь на мой пояс, где лежал Бог-в-Себе. — И даже твоя эльфийка не поняла... Да-а, тут Пожирательница сказала правду: истинных эльфов в нашем мире нет.

— А в мире Агона?

— Это их резервация. Тюрьма, куда Творец заключил дом Агмарта... Мир-тюрьма с тысячами вечноживущих безумцев во главе с Вечным Императором... Он ненавидит дом Витриума, который не участвовал в восстании против Творца, и стремится его уничтожить.

Я подхватил:

— А поскольку Творец сделал так, что вся прочая вселенная для эльфов Агмарта — в Витриуме их называют Полуночниками — чужда и враждебна, они не могут и носа сунуть из Агона, а уж если заявятся в чужой мир, то непременно умрут, как умирают и прочие обитатели Агона вроде шаграутта. И потому они пытаются уничтожить Витриум чужими руками, используя для этого Вортигена, или посылают полукровок вроде чирвалов, которые могут жить вне Агона около часа... Единственные существа, с которыми у алхимиков Агона выгорело — гшааны. Они способны жить в чужом мире больше суток. Но толку от них немного — следить да надзирать... Пока твои слова ничем не отличаются от того, что рассказала Талаши.

Он вздрогнул всем телом.

— Молю, не произноси ни одного из ее проклятых имен!

— Уговорил.

— Твоя женщина, ведьма с эльфийской кровью... — Он дышал все тяжелее, глаза буравили пояс. — Она почувствовала огромную мощь артефакта, но не поняла... Ей не дано понять, *что* сжимала ее рука!

Ночной холод проник за ворот моей рубахи.

— Что же это?

— Частица души Пожирательницы, которая надеется таким образом бежать из плена и возродиться в Источнике Воплощения Верхнего мира. Боюсь, что если ты меня развяжешь, я попытаюсь тебя убить. Только так я смогу не допустить ее прихода!

* * *

Я вышел в ночь и остановился, пытаясь унять расхоловшееся сердце. Я проделал миль десять галопом — вот так я

себя чувствовал. Гном-караульщик все похрапывал на одном боку, как приклеенный, хотя я проговорил с миньоном Гритта больше часа. Эти-то бородатые засранцы будут дрыхнуть и в конец света, им даже плевать, что эльфы рядом.

Я хотел было хлопнуть по своему поясу, но отдернул руку.

Мертвая, искусственная жизнь... Сгущенная эссенция смерти...

Частица раздробленной души Лигейи-Талаши, существа, *шитого* эльфийскими магами-безумцами мира Агон из *обрывков души и жизненных энергий* проведенных через страшные ритуалы смерти людей-рабов. Месть Творцу за свое заключение в резервацию... Существа, способного проникать через оболочки миров в обители богов, пока Творец — тут Талаши сказала правду — прячась от Кредитора, болтается на задворках Вселенной, а может — спит, меняя тела и разумы простых смертных, которые об этом не подозревают, или вовсе умер. Существа настолько мощного и страшного, что его способен уничтожить лишь Творец, а простые боги — только заключить в ловушку, питаемую собственной энергией. Частица души для Источника Воплощения... По словам Альбо, раздробить и отдать мне часть своей души — это был единственный способ для этого создания бежать из темницы, куда заключил ее Гритт — истинный бог моего мира, брат убитого — а верней, пожранного Талаши Атрея, который пожертвовал собой, чтобы заманить Пожирательницу в ловушку. По словам Альбо выходило, что богов в любом из миров может быть сколько угодно... Что в Верхнем мире *своя иерархия*, недоступная пониманию смертных.

Вход в склеп под горным пиком был запечатан, но за столетия печать истончилась, а затем исчезла. Посмертная маска Атрея была настоящей, как и магический лед, на который распалось его тело. Она была малой печатью, а я снял ее и отдал тупому чародеюшке. От этого незримые цепи распались, и Талаши получила возможность призывать животных и разумных созданий, чтобы кормиться, а затем — воссоздать свой образ в локусе для одного идиота по имени Фатик Джарси. Я не вполне понял, что имел в виду Альбо

под «умением управлять причинно-следственными связями». Кажется, он считал, что Талаши способна была отчасти направлять события вокруг отдельных людей — вокруг меня, к примеру — в нужное для себя русло. Таким образом, воздействуя на эти самые связи, она сделала так, что я появился в ее локусе. А там разыграла спектакль и вручила часть своей души, благо варвару было по дороге. Занеси, чего там. А варвар рад стараться...

— Она борется, она постоянно сопротивляется, пытается вырваться... — говорил Альбо. — Всю свою мощь Гритт Миротворец кладет на то, чтобы удерживать ее в ловушке. Многие столетия он занят лишь этим. У него нет сил наложить новые печати на материальный контур, чтобы смертные не входили в пещеру... За столетия борьбы Гритт настолько ослаб, что сейчас мир находится на грани распада. Его сил хватает лишь на то, чтобы питать тюрьму-локус. Но мир в это время гибнет. Магия уходит. Ты знаешь сам, сколько усилий потребно приложить магу, чтобы ныне сотворить заклятье. Грядут катастрофы и великие бедствия. Грядет тьма. А затем и скорый распад нашего мира, поглощение его Хаосом...

То же самое говорила и Талаши.

Кто-то из них лгал. И плохо было то, что я не мог заранее проверить честность ни одной из сторон. Никак не мог. Все, что я мог, это сигануть в колодец Оракула и разобраться на месте, у Источника Воплощения. Но Альбо сказал, что намерен мне помешать.

Как же, как же.

— Что, она сказала тебе, что на Небесах теперь — ад? — переспросил Альбо. — Лгала. Там нет никакого ада. Есть Верхний мир, обитель потустороннего, где живут высшие сущности, что не имеют права напрямую вмешиваться в дела смертных. А ты — смертный, поэтому они не смогут тебя остановить... И душа смертного увидит там ровно столько, сколько заслужила на земле. Демонов... или ангелов. И получит в соответствии с заслугами. Вечная жизнь для безгрешных...

— Пока я жив, я не хочу об этом знать. Что такое Оракул?

— Червоточина. Она соединяет Верхний мир и юдоль смертных. Первое бедствие, наступившее оба мира с тех пор, как Гритт отдалился от дел, целиком сосредоточившись на борьбе с Талаши.

Гм, как все сложно.

— Бедствие?

— Ну конечно. За ответ на вопрос нужна гибель смертного.

— А кто отвечает на вопросы?

— Этого я не могу сказать. Есть вещи, которые ты не должен знать в принципе.

— Скажи мне, почему в моем мире Гритта считают обычным демоном и клянутся им, и чертыхаются?

Альбо вздохнул.

— Он не может отвлечься и на миг, чтобы поддержать веру в себя. Талаши не солгала тебе в этом. Без поддержки самого бога вера в него распадается очень быстро и приобретает... извращенные формы. Он рискнул отдать мне малую часть сил, чтобы я тебя вразумил, а если не получится — остановил. И это едва его не погубило. И это неизбежно приведет к ужасным катастрофам в ближайшем будущем. Талаши слишком сильна... а он устал бороться... Однако она ослабила себя, отдав тебе частицу своей души...

— Предположим, я тебе поверил. Что я должен делать теперь?

— Теперь все в наших руках. Частица души Пожирательницы отныне воплощена материально. В нетерпении, в желании уничтожить наш мир, она сама загнала себя в ловушку. Ты отдашь мне сосуд, который именуешь зерном, или Богом-в-Себе, и я сам отнесу его к Оракулу, сам переправлю в Верхний мир в руки Гритта!

— Сам прыгнешь в провал Оракула?

Альбо кивнул.

— А что потом?

— Гритт получит частицу души Пожирательницы, и сможет через нее ослабить Талаши, а затем и победить! Как — не спрашивай, ибо это знание недоступно смертным! Гритт получит оружие для спасения нашего мира! Он сделает то, что не удавалось ни одному богу прежде — он унич-

тожит *сгущенную эссенцию смерти, мертвый искусственный разум!* Он спасет мир, ну а затем через меня, своего пророка, поможет вам победить Вортигена!

Вот же... перспективы!

Я не сказал Альбо, что Талаши соединила нить моей жизни с маленьким вишневым шариком. Если я утрачу его — умру.

— Мы и без того направляемся на Южный континент, верно?

Альбо шевельнулся.

Мне показалось, что миньон Гритта может разорвать веревки легкими усилием.

— Когда ты примешь свое решение, варвар? Скажи точно!

— В Дольмире.

Я поднялся и взял лампу. Вышел не прощаясь.

— Если Талаши воплотится в Источнике, наш мир погибнет! Подумай! Ты поступишь неразумно, глупо, безжалостно!

Да помню я, помню. А если я отдам тебе ее душу — погибну я.

— Зодчий будет ждать тебя внутри, — промолвил он мне в спину. Еще один... любитель говорить загадками!

— Кто он? — спросил я, не надеясь на вменяемый ответ.

Так и случилось. Альбо лег, сложив руки на груди.

— Ты был знаком с ним в Хараште.

Больше он ничего не сказал.

У меня сложилось впечатление, что стариной Фатиком манипулируют все кому не лень. И Гритт, и Талаши, и моя любимая эльфийка.

А что если, ткнул меня в бок мой личный бес, что, если врут — *оба*? Что если и Талаши и Гритт одевают мне на уши завитки свежей отварной лапши?

В какую же игру я впутался?

* * *

Ночная тень неслышно отделилась от дерева за спиной дрыхнувшего гнома. Виджи. Волосы убраны в хвост, уши... уши острые, как обычно. *Чуткие*. Глаза — огромные. В ру-

ке — клинок. Лицо строгое, замкнутое. По-моему, она подслушивала наш разговор. Вот только зачем ей меч? Защищать меня от Альбо или, напротив, не дать мне прирезать священника?

Что же она услышала, а? И что — а главное, *как* поняла наш разговор? Не люблю я эту ее деловую собранность... Она символизирует готовность к смертному бою. А уж убить моя супруга может запросто, невзирая на эльфийские заморочки по части человеко- и прочего любия.

— Мы будем в Зеренге завтра к полудню, — сказал я вполголоса. — Я люблю тебя.

Гном-часовой пошевелился и осоловело уставился на меня.

— Ну спасибочки, приятель, — буркнул он. — Но я вообще-то не по этим делам. Ночь на дворе, дайте спать!

Я быстро поднял взгляд. Ночная тень исчезла.

— Любит он меня, — слышал я в спину, направляясь к своей палатке. — Цельный фургон девок, а все туда же...

А с утра началось опять.

— Доброе утречко, Валеска!

— Доброе утречко, Донни!

(Две эти кур... с позволения сказать, девушки, заключили пакт о перемирии и вдвоем наседали на беднягу Фатика.)

— А как там наш Фатик?

— Фа-а-атик, не гляди букой!

— Фа-а-атик, помассируй мне ножки!

— Фа-а-атик, мне что-то попало в глаз, ты не посмотришь?

— Фа-а-атик, ты видел мою парочку? Тебе не кажется, что правая немножко больше левой? Ой... А можно, я потрогаю твой левый меч?

За моей спиной мелькали розовые и смуглые полуобнаженные тела, мягкие, податливые.

Я правил гномскими лошаденками, иногда, когда становилось невмоготу, прыгивал, поручал их заботам гнома, и делал пробежку, молясь, чтобы меня не хватил апоплексический удар.

Нет вещи более изощренной, нежели месть оскорбленной женщины, вот что я скажу вам, друзья!

Второй отрывок из «Героической и назидательной летописи для трезвых и умеющих видеть крупные буквы гномов» Гьсударя Шляйфергарда Олника Первого (Олника Гагабурка-второго Доули), Продудевшего В Рог Небесной Истины Ноту, Спасителя Нации и т. д., и т. п.

Расшифровано и литературно обработано, как водит-ся, лучшими умами Университета Просвещения Адвариса под творческим руководством Млинца Шокиши.

Подстрочные примечания участников похода прилагаются.

Глава двадцать девятая

Мы добрались до застав Зеренги около полудня. К тому времени местность сделалась пересеченной, и глубокие ложбины соседствовали с высокими холмами, кои временами заслоняли нам суровую панораму гор моей родины.

Гномы на заставе очень удивились, что с нами путешествуют два эльфа, однако же громогласные речи Крессинды заставили их пропустить нас в Зеренгу не мешкая.

На общем сборе Фатик сказал, чтобы моя невеста попросила у Жриц Рассудка Зеренги помощи в экипировке отряда, дескать, Жрицы Зеренги не откажут сестре из Шляйфергарда, он еще что-то пробормотал себе под нос, я не вполне расслышал, что-то вроде «...оно с оном сходится», — как-то так. *(Чушь! Я пробурчал сам себе: «Мудрость с мудростью сходится», — и больше ничего! — Прим. Фатика.)*

Моя прекрасная невеста согласилась!

О, земли моей родины! О, мое перо, ты не в силах... *(И хорошо, что не в силах, хватит уже этих описаний! Вычеркните большую часть про озера, леса и реки. — Прим. Ф.)*

...И таковы наши озера, леса и реки! А кто говорит, что гномы живут исключительно под горами, несут чушь собачью, простите меня за столь низкое сквернословие. Мы уже давно научились возделывать нивы, а равно и сады, и кор-

миться их плодами, и каменные дома в наших наземных городах не уступят по красоте домам людей. На землях Зеренги широко практикуются самые разнообразные ремесла, такие, как... (*Перечень ремесел лично вычеркнут Фатиком.*) Да, подгорное наше царство существует, но сейчас там обитают лишь посменные шахтеры, литейщики и все, кто имеет касательство к добыче руд и минералов и, как я узнал от своего батюшки, там же существует *тайная комната* алхимиков, запертая на веки вечные от «вонючего проклятия».

(Главная причина, почему гномы не живут в глубоких пещерах постоянно — там сыро и нечего жрать. Сами попробуйте пожить в пещерах, и в этом убедитесь! И если после проживания в пещерах вы будете утверждать, что там плохо, вы — brutальный идиот! — Прим. Крессинды Доули.)

Итак, царство наше называется Зеренга, и центральный верхний город — Зеренга, и горы, которыми мы владеем, называются горами Зеренги. (*Чертовы экономисты! — Прим. Ф.*) Мы прибыли в Зеренгу (*в город! — Прим. Ф.*), и через мою обожаемую невесту снесли с высшим начальством гномов — Жрицами Рассудка... Но сперва я хочу описать вам наш город... (*вычеркнуто рукой Ф.*) И канелюры, и волюты, даже пилястры, а местами — и трискели! Однако же никаких особых архитектурных излишеств мы не допускаем!

Мы прибыли в канун нашего великого праздника Бургх дер Гозанштадт, и все вокруг дышало его предчувствием. Готовились бесчисленные яства и пития — ибо в ночь этого праздника гномам-мужчинам дозволяются безмерные возлияния, а также пляски, конкурсы и кулачные поединки... Приученный природой и самою судьбой к телесной умеренности и духовной сдержанности, я решил не идти вечером на это гуляние, в чем меня всемерно поддержала моя невеста. (*Поймав его за воротник рубахи, я сказала ему просто: Олик, если ты туда пойдешь, назад можешь не возвращаться — убью. — Прим. К.Д.*)

Итак, решив все наши разногласия по части моего присутствия на празднике к обоюдному согласию, мы отправились на переговоры к Жрицам Рассудка в Дом Конгрегации, где как раз завершался последний день Летней Ассамблеи,

на которой Жрицы со всех концов Зеренги совещались и совместно вырабатывали законы, кои должны были способствовать улучшению жизни гномов. Я решил для себя, что в другой раз обязательно посетую мамочку и сестер, с некоторых пор поселившихся на окраине города. Ныне же дела большой политики звали меня в дорогу!

Жрицы встретили нас приветливо, и стали еще приветливей, узнав, что Крессинда — Жрица Рассудка из Шляйфергарда. Нашему отряду выделили бесплатные места на постоялом дворе, сказав, что дело наше будет рассмотрено основной Коллегией Жриц сразу же после закрытия Ассамблеи. Внутрь Дома допустили мою невесту, меня и Фатика.

Я слышал, как Фатик сказал Виджи:

— Придется подождать, родная... Уверен, все решится быстро.

Виджи только шикнула, как большая кошка, вот так: *пишиши!*

(Хм! — Прим. Виджи Риэль Альтеро.)

Она очень злилась на Фатика за грех с богиней. Впрочем, Фатик имел все права злиться на нее больше, ибо, если бы он только знал, как сильно обманывала его эльфийка!

Дом Конгрегации велик: он занимает три этажа и накрыт золоченым куполом. Центральное пространство дома исполнено в виде амфитеатра с сиденьями, кои поднимаются до самого потолка. Ряды сидений перемежаются балконами на высоте второго и третьего этажа, дабы простые зрители — и мужчины, и женщины могли слушать, о чем говорят на Ассамблее Жрицы Рассудка. Да простится мне эта ретардация о Доме Конгрегации... Через круговую галерею нас привели на один из балконов и сообщили, что Летнюю Ассамблею завершают обычно речи и предложения радикального крыла Жриц.

Так оно и было.

На трибуне в самом низу (она представляла собою каменный помост, на который Жрица влезала по приставной лесенке) стояла дородная женщина в мужской одежде и с густой растрепанной бородой. Вопреки неким предрассудкам, борода у наших женщин не растет, однако радикальное крыло Жриц Зеренги — «Жрицы за полную свободу!» —

утверждает, что женщина только тогда полностью станет свободной от мужчин, когда во всем — от повадок до внешнего облика — будет походить на мужчину. Поэтому они цепляют бороды к своим лицам и в таком виде ходят, едят и даже ложатся спать со своими подневольными мужьями.

Эта Жрица выдвинула предложение, от которого у меня едва не случилось помутнение рассудка — отобрать у мужчин право называться мужчинами, и назвать так женщин, а мужчин, соответственно, переименовать в женщин. Затем на трибуну взобралась другая Жрица за полную свободу. Она предложила отменить наименования полов, и вместо них ввести термины «Особь главная» и «Особь подлежащая», причем Особью подлежащей полагалось называться гномам мужеска пола!!!

Говорила она через бороду очень невнятно.

— Идиотка, — сквозь зубы процедил Фатик.

Мне стало стыдно и очень досадно: в этой Жрице я узнал свою мамочку. Вот до чего она докатилась!

Затем начались живейшие дебаты, а за ними и голосование. Оба предложения были провалены умеренным крылом Жриц, от чего я, признаться, вздохнул с облегчением. В самом-самом конце на трибуну допустили одного из старшин-земледельцев. Да, Жрицы выслушивали иногда и мужчин. Старшина выдвинул революционное предложение: разрешить мужчинам подтяжки на килты, вместо одной бретели поперек груди. Аудитория расшумелась. Столь смелое и радикальное предложение показалось всем Жрицам опасным. «Сперва подтяжки, а потом и штаны, а потом они, чего доброго, захотят *равноправия!*» — закричала с места одна из Жриц. Другие поддержали ее. Предложение было провалено, и старшина, надувшись, ушел с трибуны.

Летняя Ассамблея завершилась всеобщей песней женской солидарности. Я отошел в тень и заткнул уши. (Хм! — Прим. К.Д.)

Когда последние отзвуки песни смолкли под крутыми сводами купола, Фатик (а он, разумеется, знал наш язык и все понимал) помолчал, утер пот и сказал:

— Петуха бы в этот курятник.

Жрица, сопровождавшая нас, очень обиделась.

Впрочем, эта обида не помешала Коллегии Жриц (радикальное крыло в Коллегию не допускалось) разрешить наши дела быстро и четко. Фатик (устаами Крессинды) изложил наши пожелания, после чего Жрицы совещались недолго. Нам дали все, что мы просили, и сверх того много иного.

(Вот она, истинная женская солидарность! — Прим. К.Д.)

Оружие и экипировка, еда и даже мешок «огненной смеси»! Фатик получил кольчужный нагрудник, прочие члены отряда тоже обзавелись кое-какими доспехами.

Фатик (устаами Крессинды) попросил заковать Альбо в кандалы. Жрицы удивились, но согласились исполнить и эту его просьбу. Ночь празднества Бургх дер Гозанштадт я провел на постоялом дворе, уткнувшись головою в подушку, дабы не слышать звуков веселья...

Прим. Млинца Шокиши. Следующий фрагмент, очевидно, не является собственно мемуаром Олника Гагабурка-второго Доули, очевидно, это посторонняя памятка, набросанная им во время создания воспоминаний, однако по велению Государя Ф.М.Д. расшифровать все фрагменты, я должен вставить и ее.

Фрагмент.

«Вино — пять бутылок. Три прочные веревки. Плетка. Одна... Нет, две плетки! Свечи — семь штук! Панталоны с вырезами на причинных местах — две штуки. И не забыть сказать прислуге не обращать внимания на крики!»

...Итак, мы получили все что хотели. Вдобавок, по моей личной просьбе (устаами Крессинды), мне выделили несколько научных книг, кои я планировал использовать для самообразования. *(Государь Олник, очевидно, имеет в виду те самые книжки-раскладушки про богатырей с яркими цветными картинками. — Прим. Ф.)*

Таким образом, мы были готовы отправиться в путь уже к полудню следующего дня. И отправились.

Мы ехали на четырех фургонах со сменными лошадьми, привязанными сзади. Фатик со своим гаремом на головном (под его началом осталось шесть девушек), моя невеста, я, Скареди, Монго и Имоен — на втором, сменные гномы-возницы и наша охрана на третьем, а эльфы — на четвертом. Все-

таки как много они о себе воображают, эти эльфы. Целый фургон себе забрали! (*Пишиши!* — Прим. В.Р.А.)

Мимо лесов и озер, и болот моей чудесной родины... Комаров было уже много. Мы окуривали палатки и фургоны ветками можжевельника.

Альбо... Бывший епископ был погружен в глубокие раздумья, однако по вечерам Фатик приходил в его отдельную палатку и о чем-то там с ним болтал...

Дорога в Мантиохию заняла у нас пять суток... Однажды я совершенно случайно прогуливался мимо палатки Альбо в глухую полночь и кое-что услышал. Фатик разразился пространной речью, приглушенно, но отчетливо, с необычайным напором и резкостью:

— Так почему из века в век получается, что почти каждый получивший в свои руки богатство и власть тут же превращается в упыря и начинает выжимать соки из ближних, угнетать их, тиранить, и при этом — лицемерно набожничать, а любая... ну почти любая религия вместо того, чтобы отвесить ему плюху, только поощряет эти его безобразия, лишь бы этот упырь исправно платил в казну церкви? Из века в век — а я читал историю, не смотри, что я варвар, пророк Гритта! — из века в век продолжается одно и то же! Сильный тиранит слабого, а любое верование его в этом поощряет! Духовное начало? Какое может быть духовное начало, если в любой крупной религии корень всего и всему — деньги? Это закон Творца? Ошибка? Искажение изначальных постулатов? Или причина все-таки то, что богу, как ты и сам признал, пока нет дела до моего, Фатика, мира?

Я не расслышал, что ответил варвару Альбо, ибо неподалеку хрустнула ветка, и я... я ушел по своим делам.

В другой раз, примерно в полночь, я случайно проходил мимо палатки Альбо и услышал, как Фатик буквально взывал в голос:

— Мир распался? И что скверней всего, я должен... Я? Почему всегда я, яханный фонарь! Да, кстати, ты так и не сказал мне, существует ли Кредитор, или это тоже ложь богини?.. Существует? И Творец тоже пропал? Хм... Считай, ты запутал меня еще больше... А скажи-ка мне, пророк, верно ли то, что Творец играл с Кредитором на жизнь всего

мультиверсума?.. Тоже правда? А почему.. эльфы Агмарта восстали против Творца? Что? Мне пока нельзя этого знать? Яханный фонарь!

Тут в кустах у палатки мне почудился шорох, и я поспешил уйти по своим делам.

В третий раз, случайно проходя мимо (восточный горизонт уже алел), я услышал, как Фатик сказал:

— Я стремлюсь сохранять здравомыслие, и пока не взвешу все за и против, не дам тебе ответа. Если же ты попытаешься остановить меня до того, как мы прибудем к Оракулу, я тебя убью.

Раздался легкий, легчайший шум, и из тени массивного дуба выступила Виджи Риэль Альтеро. За ее плечом виднелась рукоятка эльфийского клинка. Риэль взглянула на меня в упор и взялась за рукоятку. Я поспешил уйти по своим делам. И только потом понял, что Виджи постоянно подслушивала у палатки Альбо! (*Пишиши! — Прим. В.Р.А.*)

Я более не ходил возле палатки Альбо, когда там бывал Фатик, а с другими членами отряда Альбо было запрещено переговариваться, да он и не особо к этому стремился. Разве что Скареди пытался поговорить с ним несколько раз, но Фатик резко пресекал эти попытки.

Еще один фрагмент, явно не относящийся к излагаемым в летописи событиям.

Фрагмент:

Прим. Млинца Шокиши. Фрагмент до того непристойен, что я его вычеркнул. Умоляю простить меня, Государь!

...Мой друг Фатик, свирепый варвар, страдал с гаремом, конечно... Такая жестокая расплата за ничтожный грешок! (*Пишиши! — Прим. В.Р.А.*) (*Дома поговорим. — Прим К.Д.*)

А ведь в этом фургоне... О, мое перо! Там были и стыд и срам! О, мой любезный читатель, я скажу тебе больше! Там был один срам, как не взглянешь на задник фургона. Огромный срам, и ничего, кроме срама!

Мы ехали весьма быстро, надеясь обогнать прихвостней Вортигена, которые морем от Харапты, несомненно, направились в Дольмир. Как сказал Фатик: «Погнали! Будем ехать без роздыху, напряжемся так, чтобы задница напололам треснула!» (*Я так сказал? Гм... — Прим. Ф.*)

В Арконии была паника, ибо туда вторглась Рондина. И множество озлобленных беженцев наводнили приграничные с Арконией земли Зеренги. Гномьи патрули выдворяли их, но все равно беженцев было весьма много, к счастью, наш караван был под надежной охраной. *(Жрицы пообещали выпороть гномов, если хоть один из них еще раз заснет на посту. — Прим. Ф.)*. Мы проехали через Страшный Лес мимо Казненных Топей, после чего свернули на Костяной тракт, шедший мимо Черного Бора в сторону Холмов Семи Повешенных Демонов. Все это были привычные обжитые места, где нас встречали улыбочивые работающие гномы и смеющиеся детишки. Кроутеры в Казненных Топях не доставили нам неприятностей — за последние пять лет их почти вывели.

За время нашего пути Монго совсем оправился от досадной болезни, лишь его лицо осталось немного перекошенным набок. Он весьма сблизился с Имоен, и вообще они составили пару... Скареди тоже уже мог ходить самостоятельно!

И вот граница с Мантиохией. Здесь горы Зеренги почти сходили на нет, местность выравнилась.

Как сказал Фатик, собрав наш отряд у костра, Мантиохия — страна небольшая, с древней наследственной монархией, которая — тут Фатик пренебрежительно ухмыльнулся — как известно каждому здравомыслящему человеку, мать порядка, достатка и всеобщего благорастворения воздушных. Потому, сказал Фатик, немного помолчав, в Мантиохии продается все, что можно продать, включая, как водится, самого бога. «А верят тут в Атрея», — прибавил он с ясной одному мне интонацией. Скареди крикнул. Не как утка, нет. Он так выразил свое недовольство тем, что Фатик неласково прошелся по его богу.

Ох уж мне эти боги, знаете! Один человек верит в одно, другой — в другое, третий — вообще черте во что верит (да простится мне эта площадная ругань)! В результате — безобразия, скандалы, полная белиберда и хаос! То ли дело мы, гномы... *(Восхваления гномов и их тайных подземных богов, а также Рога Небесной Истины вырезаны до лучших времен. — Прим. Ф.)*

«Проедем страну без проблем, лишь бы было золото, а у нас оно есть, — подвел Фатик черту своему рассказу. — Помните, тут правит всеми почитаемый монарх Амаэрон Пепка Восемнадцатый. Говорить о нем следует лишь в восторженном тоне. За оскорбление царского дома тут вешают».

Граница со стороны Мантиохии охранялась крупным отрядом таможенной стражи. Фатик *купил* для нас проезд без досмотра. Начальник стражников — как сказал Фатик, дворянин! — заскочил в фургон к Фатику, и уже через минуту соскочил обратно, а его камзол смешно встопорщился на месте сердца.

— В Ридондо такие штучки не пройдут, придется останавливаться на досмотр, — молвил Фатик. — Впрочем, невелика разница... В Ридондо мы найдем корабль и отплывем в Дольмир, в его столицу — Семеринду. А там и до Оракула... рукой подать.

Вот такие у нас были приключения. Я-то понял давно: если имеешь золото, *особенно опасных* приключений в Большом мире не будет. Только плати. Забавно, что в Большом мире можно купить буквально все, даже честь и достоинство человека. То ли дело мы, гномы. Есть раса, которая не продается просто *потому что потому*, и все тут!

Мантиохия встретила нас обильным дождем. Дороги раскисли. Мы немного задержались в пути. Фатик очень ругался и вообще был невесел. Однажды он выгнал из фургона весь гарем и велел ему толкать фургон на протяжении трех миль по затопленной грязью дороге, угрожая при этом выпороть несчастных девушек!

К Ридондо мы успели за полторы недели от выезда из Фрайтора. Фатик, мне казалось, изрядно похудел, его глаза ввалились. Иногда я слышал, как он, проходя мимо, бормочет: «Богиня или нет, вот в чем вопрос?» А Виджи старательно избегала варвара. Она была холодна, и меня мороз продирали по коже, когда я ловил ее взгляды в сторону моего горемычного друга. Однажды он сам попытался с ней заговорить, и на ночевке шустро забрался к ней в палатку. Обратно он вышел через миг, с тремя отчетливыми царапинами на правой щеке. А я, случайно проходя мимо палатки Виджи, услышал там сдвленные всхлипы... (*Тебе послышалось.* — Прим. В.Р.А.)

Подъехав к столице Мантиохии, мы увидали со столбового тракта — а от нас до столицы было около мили — нечто странное. В нашу сторону, ярдах в двухстах, от Ридондо полз живой серый ковер, изредка расцвеченный белыми и рыжими пятнами; края ковра колыхались, расплывались, от него отскакивали целые куски, крупные и маленькие, и совсем крохотные, похожие на капли, потом все они снова сливались с краями ковра, ну а сам он был огромен, наверное, в милю в поперечнике. Фатик встревожился. Он велел остановить фургоны, поднялся на козлах и вытянул подзорную трубу. Он вглядывался в ковер всего несколько мгновений, затем отнял трубу от глаза и смертельно побледнел.

— Исход, — промолвил он странное. — Значит, Талаши была права. Началось!

— Что ты увидел? — вдруг спросила Фатика Виджи, внезапно оказавшись рядом (я тоже внезапно оказался рядом, но это было само собой, ибо я старый друг Фатика!).

Вместо ответа мой друг окинул взглядом окрестности, и, увидав неподалеку оплывший холм с лысой макушкой, махнул рукой:

— Туда! Быстрее! Никаких вопросов!

Он заскочил в фургон и подхлестнул коней.

Виджи скрестила было руки на груди, всем своим видом давая понять, что не двинется с места, покуда не услышит внятного ответа, но Фатик, не оглядываясь, бросил лишь одно слово:

— Крысы!

Ужасное крысиное половодье направлялось в нашу сторону!

Виджи взвизгнула и припустила в свой фургон. Срамные девки из повозки Фатика заголосили так, что богам на небе стало тесно.

Половодье захлестнуло подножие нашего холма, а мы — не все, Виджи, например, предпочла скрыться в фургоне — стояли и смотрели, придерживая коней, как этот серый поток проплывает мимо. Только представьте себе — те рыжинки и белые пятна были собаками и кошками! Они бежали в общем потоке, и крысы не обращали на них внимания, а они не обращали внимания на крыс. Всех этих жи-

вотных гнало из города, чувство... Да, конечно, это было чувство страха.

— Исход, — вновь проронил Фатик. — Предсказания сбываются... Ридондо и его жителей ждет гибель!

34

Великое крысиное воинство разделилось на несколько потоков, обтекая возвышенности. Часть крыс бежала наперерез правому рукаву Лейты. Я напомнил себе, что крысы неплохо держатся на воде, так что у них были хорошие шансы уцелеть.

Поручив коней заботам гнома-возницы, я прошел вперед и остановился у начала спуска.

Руки дрожали, сердце трепыхалось. Инстинкты варвара, чтоб их. Итак, предсказание Талаши грозило сбыться. Знать бы, каким образом будет уничтожен город. Талаши не описала мне симптомы «распада мира», а значит, простор для адских фантазий открывался широкий, хотя представить я мог лишь вещи самые, хм, *обыденные*, вроде комет и метеоров, потоков расплавленной серы с небес или вулкана, выросшего рядом с городом за одно мгновение.

Постой, Талаши упомянула *волну*. Значит ли это, что город будет уничтожен гигантской волной с моря? Хотя — что мне толку в этом знании? Я что, смогу каким-то образом помешать распаду мира прямо сейчас?

С другой стороны, Фатик, это ведь ты спас Сэлиджию... Так почему бы...

Столица Мантиохии разлеглась в речной дельте. Многочисленные мосты через протоки Лейты сцепляли острова-кварталы серыми стежками. Как и подобает процветающему и древнему городу на перекрестье торговых путей, Ридондо давным-давно перевалил за первый вал защитных укреплений, и за второй, а после уж — и за третий, который строили не защиты ради, а с целью направить потоки товаров в русла таможенных дворов.

На восточной, приподнятой стороне Ридондо, в Верхнем городе, сверкали малиновыми изразцами купола хра-

мов Атрея, лучились позолотой дома аристократов, превосходящие храмы вычурностью и роскошью. А королевский дворец... Знаете, если чирей на заднице позолотить, он будет выглядеть представительно, но вот суть его не изменится ни на йоту. Впрочем, то же самое относится к храмам и особнякам аристократов.

На западной стороне теснились халупы бедняков, там же, за бастionsами третьего ряда (строить сплошную стену в дельте полноводной реки было бы глупо, не говоря уже о том, что маловозможно), неподалеку морской гавани и речных пристаней, находился рынок, известный на Северном континенте как Торжище Сотни Дорог. Над рынком висело облако серой пыли — торговый день был в разгаре.

Обводные каналы забиты тягловыми баржами и веселыми барками. Блокада Харашты сыграла на руку Мантиохии — теперь Ковенант снимал пенки с товаров северных и южных стран.

У морской пристани и в самой порту пестрили разноцветные паруса. Море за бухтой мерцало серебром. Я прищурился: триремы Его Грозной Милости Крестина Восемнадцатого, как и раньше, охраняли морские пути — в большей степени, для успокоения купцов, вверявших морю свой товар.

«Когда вы прибудете в Ридондо, садись на корабль, заплатив любую цену... У вас останется времени... Не медли в Ридондо... Лишь только вы увидите крыс, городу останется немного... После — смерть. Не медли!..»

Голос богини эхом отдался в ушах.

Если кораблю суждено утонуть, крысы, как известно, сбегают с него еще в порту.

Магия особого рода, крысиная магия.

Ридондо и был таким кораблем.

Оставалось сцепить зубы, нанять любое торговое корыто и, бросив за спиной обреченный на гибель город, переправиться в Дольмир, благо ширина моря меж берегами Дольмира и Мантиохии в самой широкой части всего сто пятьдесят миль.

Уплыть — и не оглядываться назад.

Я коснулся пояса, в котором дрых Бог-в-Себе.

Гродар, чудовище в равнодушной серебряной личине, смертоносец Внутреннего Круга Адвариса, цепной пес Вортигена Узурпатора, еще в пути, еще в море, это я ощущал так же верно, как и то, что город передо мной сегодня умрет. А вот Охотника Борка я не чувствовал... Темная лошадка. И опасная. В любом случае нужно торопиться.

— Умопомрачительно! — взвизгнула Валеска над моей головой. Она выбралась на козлы, придерживая на пышной груди складки гномьего пледа, и разглядывала панораму Ридондо. — Донни, ты только взгляни, какая прелесть! Особенности! Стены! Дворцы! А как сияют купола!

Гарем в фургоне затарахтел и закудаhtал, девушки, позабыв о крысах, начали выбираться наружу кто в чем, а многие — почти ни в чем.

— Домики! Морел! Чудненько! Бесподобно! — Девушки кудахтали, точно снесли по яйцу и теперь не знали, куда его пристроить.

Я заметил, что мой отряд выбрался из фургонов, что Олник жметя к ядреному боку Крессинды, а Скареди стоит рядом с Имоен и Монго, эдак по-отечески положив им руки на плечи. Смотрели они все не на город, на крыс, разумеется, и обсуждали их же. Монго, наследничек престола, по своему обыкновению, волнуясь, заикался:

— Сма... Сма... Смотрите: они падают в реку!

— Воистину, их гонит великий страх! — отвечивал Скареди густым басом.

Верно определил, рыцарь.

Так, Альбо в гномском фургоне, в цепях, как и полагается безумцу. Ну или опасному пророку. А где мои эльфы?

Не видать.

Затаились.

Ладно.

Я вновь подошел к краю холма.

Еще немного времени, дабы привести мысли в порядок. Потом — рывок к порту, корабль и... Дольмир.

Чьи-то пальцы коснулись моего локтя.

— Фатик...

Виджи.

Ее голос был не то чтобы любезный, но напрочь лишен-

ный холодности последней недели. Я оглянулся резко, и пальцы Виджи мгновенно убрались, как испуганные мышки.

— Я Фатик уже тридцать лет и три года. Если верить дедуле, который прикинул мой возраст на левый глаз, когда меня нашел. Кстати, на левый глаз-то он теперь хуже видит.

Грубовато получилось, но все лучше, чем ляпнуть: «Чего надо?» или растечься квашней в стиле: «Да, моя милая?» — ни то, ни другое после эскапады с гаремом мне не подходило.

Она не обратила внимания на тон. Ее взгляд был направлен на город. Бархатные кончики ушей отсвечивали розовым, а милый утиный нос... А-а-а, Гритт! Я уткнул глаза в землю.

— Плетение нитей говорит, что этот город умрет.

Я вздрогнул.

С другой стороны — я ведь знаю, что она подслушивала у палатки Альбо каждый раз, когда я там был.

— Умрет, — кивнул я, стоя к ней вполоборота. — Богиня обещала мне то же. Ты знаешь, каким образом это случится?

Она покачала головой; пышные золотые волосы поймали лучи солнца, как тогда, в Хараште, в нашей конторе, когда я впервые ее увидел.

— Мне не дано... заглядывать так глубоко. Город умрет на закате.

На закате!

Вот же, Фатик, очухался мой бес, у тебя времени — от полудня до заката. Сделай что-нибудь, и не говори потом, что не сделал!

Во всяком случае, я проеду через город, оглянусь *по сторонам*. А уж после соображу, стоит ли мне пытаться пробить стену лбом, или лучше все-таки отступить.

Рядом с Виджи вдруг возник Квакни-как-там-его, ходячая скорбь эльфийского народа. За время пути от Фрайтора я не перемолвился с ним и десятком слов. Взгляд его стал еще мрачнее, а выражение треугольной физиономии — более желчным, даже нижняя губа еще сильнее выпятилась в презрении к миру людишек. Что касается одежды, полученной нами от Жриц, то она болталась на нем как на вешалке; всякий раз, когда я смотрел на Квинтариминиэля,

эльфийский принц дергал ее и поправлял, а затем почесывался, как паршивый кобель, гоняющий блох.

— Бог ужасный... — завел он свою обычную бодягу. — Случилась крупная внезапность!

Я хотел посоветовать ему носить подгузник, раз уж с ним случаются крупные внезапности, но эльфийский принц упредил мой ответ. Он бесцеремонно ткнул пальцем в мою сторону и признался:

— Я млею от мысли! Город падет. Однако — это не наша печальная проблема!

И он со значительностью посмотрел на меня.

А я что? Я молча кивнул.

Эльф кивнул в ответ.

— Мы должны ехать на, раз уж взялись! Мы должны ехать на, раз уж на то пошло!

Воистину, дорогой мой принц, воистину.

Я махнул рукой:

— Проедем через город к порту, там сядем на корабль. Будем в море раньше заката. Соболаговолите убраться в повозку, мы выступаем.

Виджи смотрела мимо меня.

— Фатик, я... — Она чуть слышно вздохнула. — Я хочу, чтобы вы пересели в наш фургон.

Э-э, что? Повторите, я, кажется, ослышался. Прекрасная дева сдалась первой!

Я пожал плечами и сказал, изображая живейшее негодование:

— Крайне любезно с вашей стороны, но как же *мои девочки*? Так не пойдет. Я довезу *своих девочек* до порта. Раз уж я взялся за такой ответственный труд, как сопровождение гарема...

— Фатик...

Я молча взобрался на облучок.

— Хэй, хэй, все по местам! Трогаемся!

Молнией вспыхнули золотые волосы. Добрая фея исчезла, двигаясь так же быстро, как тогда, на вилле Бренка, когда мы решили, что нас почтили визитом Охотники.

Однако не успел я изобразить улыбку победителя, как золотые волосы вспыхнули с другой стороны фургона. Гном-

возница, мой сменный напарник (не тот, которому я признался в любви, тот гном почему-то отказался с нами ехать), шустро ретировался с сиденья. Власть Жриц Рассудка научила мужчин-гномов понимать настроение любой женщины с полувзгляда.

Виджи, как робкая ученица, примостилась на краешке облучка. В пышной белой рубашке, кожаном красном жакете и обтягивающих штанишках она была великолепна.

Я пожал плечами и крикнул гному:

— Ступай в эльфийский фургон! — после чего начал спуск с холма.

На середине спуска Виджи придвинулась и молча ткнула носом мне в плечо, после чего любые слова для выяснения отношений стали не важны.

Несносная девчонка с утиным носом выиграла.

35

Над Ридондо кружили птицы.

Мы выбрались к тракту, миновав столб с надписями «Одна миля» на Общем и двойном футарке гномов. Все дороги в Мантиохии сходились к Ридондо. Я приближался к городу без особой опаски: призраков прошлого, по крайней мере, таких, которых стоило опасаться, в нем, как будто, не было, или, во всяком случае, не должно было быть.

Щурясь на башни Верхнего города, я решил кое-что пояснить Виджи. Насчет государственного устройства Мантиохии я распинаясь вчера у общего костра, но эльфы предпочли спрятаться в фургоне на краю лагеря. Думаю, чьим-то острым ушкам не составило труда услышать все, что я говорил, но повторение — мать учения. Во избежание ошибок, так сказать.

Трагедия любой наследственной монархии — кретинизм, которым рано или поздно поражается очередной наследник престола. Соответственно, все свершения предыдущего монарха бывают похерены очень быстро, и процветающая некогда страна скатывается к ничтожеству. Помешать такому исходу может парламент, на манер того, что был

в свое время в Фаленоре. Парламент, ограничивающий власть самодержца. Беда в том, что в парламент рано или поздно проникают, минуя благородных дворян, купцы — ничтожная поросль толстосумов, готовых купить все и вся, для которых понятие чести и родины — это что-то вроде кошачьего чиха, не более.

Тут старина Фатик взял паузу, ибо недавно сам пытался преуспеть на купеческом поприще.

Виджи слушала, наострив уши.

Дабы обделывать свои грязные дела, торгаши могут купить всех, даже — ай-ай, родичей короля, его дядей и теток, которые, как обычно бывает в монархиях, неподсудны закону. Монархия, соответственно, расшатывается, начинаются брожения. Дворяне — этот цвет и элита нации, ее голубая кровь, — тут я едва сдержался, чтобы не расхохотаться, — теряют свой престиж и власть.

Мантиохия, страна, основанная некогда выходцами из северных королевств, не имела проблем с купцами, парламентом и наследниками престола. Дело было в том, что роль купцов тут исполняли сами дворяне, а на роль пожизненного монарха изначально — с самого основания государства — дворяне Большого Ковенанта выбирали низкородных кретинов.

— Есть древнее предсказание, что пока на престоле один низкородный кретин сменяет другого, — Мантиохия будет процветать, — поведал я. — Государь визирует указы оттиском большого пальца, гыгыкает, пускает слюни на троне и ни во что не вмешивается и, разумеется, не имеет фаворитов. С такой точки зрения монархическая идея выглядит весьма привлекательно. Указы готовит Ковенант. В него входят двадцать семейств. Они настолько голубокровны и благородны, что заключили меж собою этот самый ковенант, известный как Договор о Разумном сосуществовании. Хотя при этом они продолжают рыть друг под друга из года в год и из века в век. Тем не менее никто из них не стремится захватить верховную власть, ибо над ними довлеет предсказание, очень подозреваю, что липовое, однако действенное. Таким образом, существующая система власти сохраняет относительную устойчивость уже три столетия.

Я замолчал, ибо мы подъехали к мосту у обводного канала. Барка с грузом бревен все же решила идти к городу, и взмокшие служители моста крюками зацепили деревянное полотнище корабельного пролета и подняли его. Мы подождали, пока барка, плеща веслами, прошла между половинами моста. Затем я снова взялся за вожжи. Моя эльфийка сидела, сложив руки на коленях и наострив ушки.

— Рабство здесь запрещено, однако работорговля — разрешена, — продолжал я. — Торжище Сотни Дорог — в том числе и рабский перевалочный рынок. Как тебе, должно быть, известно, добрая фея, с рабством *все в порядке* в южных и северных краях.

Виджи кивнула спокойно: явно уже слышала мою лекцию. Я подумал, что постепенно она перестанет удивляться самым диким вывертам мира людишек. Привыкнуть можно ко всему.

Ко всему.

— Главное отличие Большого Ковенанта от хараштийского Мегасиндиката — благородная кровь и то, что Ковенант разбит на двадцать семейных корпораций. Ковенанты — патриции, прочие — плебеи, обязанные ломать перед патрициями шапки. Голубая кровь, дворяне, соль нации, неподсудная закону. Крестьян и простых горожан корпорации держат в черном теле и предельном невежестве, так ими легче управлять. В Мантиохии под запретом книгопечатание и любые университеты для простецов, грамоте и счету можно обучиться лишь поверхностно при храмах Атрея за огромную плату, а двойная запись в бухгалтерских книгах считается тяжким грехом. Торговый патрициат стремится удерживать положение вещей таким, каким оно было и сто, и триста лет назад, когда только закладывался город. Ковенант опасается любого *прогресса*, который может подорвать его власть, и потому казнит самодельных ученых и всякого, заподозренного в излишках ума. А все блага мира, включая учителей, патриции покупают — и не выносят за пределы своих имений. Ну а после загадочного случая на Пикнике Орна, Ковенант изгнал своих магов за пределы страны. Теперь тут и маги наемные, из Талестры.

Тут я прикусил язык, ибо навстречу нам выкатилась расписная кибитка талестрианского мага. На козлах стоял атлетически сложенный негр-возница в набедренной повязке: повозка катила быстро, кони были свежие.

Маги почуяли неладное и удирают!

Я невольно втянул голову в плечи и отвернулся, но предосторожность была излишней. Даже будь это тот самый бестиатор, что героически удрал с поля Хотта, он все равно не знал, кому маги Талестры обязаны отплатить за поражение.

Кибитка прокатила мимо, обдав нас пылью. Мне показалось, что из ее глубины по мне мазнул быстрый взгляд: жесткий, пытливый.

Я вернулся к лекции, когда повозка осталась далеко позади, старался говорить быстрее, так как мы почти подъехали к таможене.

— Иностранец может вести дела в Мантиохии, но для этого обязан купить патент и поселиться в гетто. Использование *прогрессивных* вещей, методов работы — запрещено под страхом смерти. Но иностранцы все равно стремятся в Ридондо — слишком уж хлебные тут места. Для простонародья запрещены любые гуляния, ярмарочные увеселения, жонглеры, сказители, безусловно запрещен театр, — произнес я быстро, ибо мы уже подъезжали. — Простому люду незачем глядеть на представления, где рассказывают поучительные истории, заставляют *думать* и, отчасти, *развиваться духовно*. Коллективная молитва и проповеди в храмах — вот лучший театр простеца. Короче говоря, благодаря непрерывным усилиям власти, простой народ в Мантиохии наивен, как дети. И, несмотря на то что король — всегда конченный кретин, простой народ очень чтит его и почитает мудрым правителем, ибо дворяне выбирают короля как раз из этого самого народа, он, как бы сказать, «народный избранник».

Добрая фея хранила сосредоточенное молчание. Рассказ об одном из государств мира людишек, думается, пробудил в ней не самые приятные чувства.

Я показал рукой вперед, на проезд шириной в пятьдесят футов меж звездчатых бастионов.

— Все таможни вокруг города и в порту принадлежат дворянским корпорациям. Всего сухопутных таможен со-

рок, по числу бастионов, по две на каждую корпорацию. Служители Атрея уже давно молят Ковенант, чтобы им выделили хотя бы пару таможен, однако тщетно. Каждую неделю дворянские корпорации меняются таможенными — так называемая *ротация власти* путем жеребьевки, чтобы ни одна семья не получила преимущества во взимании пошлин — ведь потоки товаров с разных торговых путей разнородны и имеют обыкновение мелеть. Правило старинное, и от него не отступают. Имеется также *внутренний жребий*, это когда делят караван между двумя таможенными... Все, мы подъезжаем. Ничего не спрашивайте. Ничему не удивляйтесь. Поддакивайте, а лучше — молчите.

Эльфийка взглянула на меня и серьезно кивнула.

Таможни располагались у стен бастионов под тентами. Справа, судя по расцветке вымпелов, была таможня благородной фамилии Рейгро, слева — не менее благородной фамилии Валентайнов. Я знал все расцветки благородных домов, в свое время выучил для одного дела.

Крысы оказали нам дружескую услугу, распугав купцов перед таможней, так что даже в очереди куковать не пришлось.

Стены бастионов были выше иных крепостных, узкие бойницы смотрели угрюмо. Я остановил караван у белой черты на земле, спрыгнул с козел. На той стороне отирались двое молодых людей в кораллово-красных плащах — представители от Рейгро и Валентайнов, и осанистый священник Атрея в летней рясе. Вид у всех троих отсутствующий: еще бы, не каждый день доводится наблюдать крысиный парад-алле. Работники таможни и стражники в блестящих шлемах-луковицах разносили раздавленных и приколотых крыс в две равные кучи, чтобы благородные фамилии не выдвигали претензий к величине мусорных куч друг друга.

— Мастер Фатик из Анахейма! — представился я, отнеся легкий полупоклон. — Бастард герцога фон Броуди. — Хе-хе, знайте, аристократишки, что перед вами человек благородной крови. Не ровня вам, конечно, но и не какой-нибудь простец.

— Да свершится божий суд! — прогудел священник, тряхнув бородой в мелкие колечки, и бросил к своим ногам

в сандалетах две игральные кости. — Нечет! — возгласил он миг спустя и важно кивнул в сторону дома Рейгро. — Ваши.

Внутренний жребий. Таким образом патриции делили таможенную добычу. Чет — нечет, и если все время, скажем, чет, то, стало быть, такова воля богов. За поддельные кости, замечу, Ковенант казнил лютой смертью и священников, и дворян без разбору.

Чиновник от Валентайнов пожал плечами, облапил взглядом Виджи (в другое время и другом месте я свернул бы ему набок сопатку) и отошел в тень навесов, где, осуществляя непреложное правило свобод патрициев, начал мочиться при всем честном народе, повернувшись к нам в профиль.

Виджи тихонько охнула.

Да-да, людийки! Терпи, эльфийка!

Рейгро переступил черту и подошел ко мне. Он желал добра. Нашего добра. А поскольку у меня, по очевидным причинам, не было долгосрочного торгового договора с Мантиохией, мы были его законной добычей.

— Запрещенные товары есть? Есть ли то, что может нанести вред нашей благословенной монархии и вере? Научные книги? Азбучные доски? Писчая бумага? — Он чеканил фразы, принятые местным Таможенным Статутом еще триста лет назад.

Я улыбнулся:

— Нет.

— А если найду?

Я сделал щедрый жест, едва не зацепив коленки Виджи:

— Ищи.

Мытарь кивнул: я знаю Статут, значит, со мной легко договориться.

Он щелкнул пальцами: помощник из мещан быстро взобрался на козлы и раздвинул полог. Донни взвизгнула.

— Там рабыни, монсер, — сказал я с милой улыбкой. — Везу в Дольмир.

Аристократ сам взобрался на козлы (Виджи сдвинулась на самый край) и заглянул внутрь. Посмотрел на меня с удивленным видом:

— Чернявые... На Юге таких полно.

— Порченный товар, — молвил я со вздохом. — Возвращаю бывшим владельцам. Благородные господа из Северного Анахейма заказывали девственниц, да вот незадача: по прибытию оказалось, что весь товар уже испорчен. Но ведь мы проверяли! Наверное, девочек растрясло в дороге.

История, замечу, была правдивая, и случилась со мной много лет назад в Дольмире. Каргрим Тулвар до сих пор икает, вспоминая некоего Фатика М. Джарси.

Виджи сидела с каменным лицом. Только кончики ушей стали малиновыми. Почувствовав это, она быстро спрятала уши под локоны.

Рейгро хмыкнул. При виде девчонок его глаза не замаслились, он оценивал примерную стоимость товара. На байку о потерянной девственности ему было наплевать, главное — снять с меня пошлину, главное — доходы, а девок, всяких-разных, и так полно, когда у тебя в карманах золото, а под ногами — весь Нижний город и Торжище.

Шустрые помощники проверили остальные фургоны моего каравана, простучали днища — ибо ушлые контрабандисты имеют обыкновение провозить товары в повозках с двойным дном.

— Там еще один... в цепях, господин старший досмотрщик! — услышал я и сказал:

— А это, монсер, злодей. За великие преступления в Дольмире ждет его страшная кара.

Лжец-Фатик, а?

Час назад я влил в глотку архиепископа верховной коллегии Атрея, декана южной митрополии Фаленора, пастыря четырех архиепатрий и богослова высшей ступени полбутылки гномьего самогона, и он дрых, мирно посвистывая, только блестела наголо бритая голова. Пришлось ее выбрить — чтобы не бросалась в глаза покрытая пушком тонзура.

Рейгро проглотил и это. В его глазах мелькали суммы, хм, *преференций*. Работа таможенника — азартная штука, если подойти к ней с умом. Если бы у меня в повозке лежала отрезанная голова девушки, благородный патриций оприходовал бы и ее, за соответствующую сумму. Завтра его место займет другой патриций из рода Рейгро, и так далее, по кругу, и нужно успеть заработать как можно больше... сегодня.

— Прочие, монсер, беглецы из Арконии, — сказал я с нажимом. — Там сейчас страшное происходит. Ей же ей страшное! — тут я вроде как невзначай сбился на простецкую речь, чтобы аристократ ощутил свое превосходство. — Эта баба, опоясанный рыцарь... Да вы, может, слышали?

Он вальяжно кивнул и требовал купчие на рабынь. Я завел его в элийский фургон для переговоров с глазу на глаз, где посредством золота Фаерано купил нам проезд.

Через десять минут мы тронулись в путь с тяжелыми, вишневого сургуча печатями-тамгами на пологе каждого фургона. В кармане моем лежала гербовая бумага с описью, в которой значились:

1. Повозок гномских — 4 шт.

2. Пассажиров — 25 шт.

3. Рабынь — 6 шт.

4. Заключенных — 1 шт.

5. Эльфов — 2 шт.

Уплачена проездная пошлина до порта\из города.

Возврат:

1. Повозок гномских — 4 шт.

2. Пассажиров — 10 шт. (гномы)

3. Товары: нет.

Запрещенных товаров: нет.

Выезд: бесплатно.

Патриций из рода Рейгро получил золото, и его еще можно было успеть промотать до заката.

36

В порту мы наняли корабль и уплыли на юг.

Ну да, так мы и поступили.

Только сперва я спас этот чертов город.

Конечно, не сам Ридондо, а его жителей, и не всех жителей, а только... Но обо всем по порядку.

Я ехал через Нижний город не быстро и не медленно и глазел во все стороны. Бывает, что случай просто валяется

под ногами, нужно только его разглядеть и подхватить — да, успеть подхватить.

Народ был, конечно, взбудоражен. Горожане в серых одеждах (яркие цвета принадлежали аристократии, частично — солдатам и священникам), сами похожие на крыс, мне кажется, были близки к панике. Многие молились прямо на улицах, иные торопились в храмы Атрея, откуда неся колокольный звон. Однако вдолбленная веками привычка к смирению мешала панике прорваться. Нужен был камень, от которого по воде пойдут круги. Да вот только где ж его взять?

Мне подумалось, что священники успокоят горожан как раз к закату, а там уже никакой камень не поможет.

Добрая фея сидела неестественно прямо, и молчала. Когда я решил взять ее ладонь в свою, она отдернула руку и спрятала кисти меж коленок. Ее начала сотрясать дрожь.

— На закате... — прошептала она. Ее глаза были черными: зрачки целиком заполнили радужку.

В небе кружили вороны и голуби.

Из храмов слышались напевы молитв.

Я поежился и сказал:

— Тебе станет легче, если не будешь видеть город и... людей.

Виджи качнула головой. Упрямая! Уж этого у нее не отнять. Я бы растер ей уши, чтобы согреть, да только холод был в глубине ее сердца.

Я забрал к востоку, решив по краю проехать через Торжище и гетто иностранцев. Может, там меня ждет озарение?

Кварталы Нижнего города удивительно похожи один на другой — убогие дома из саманного кирпича, те, что позажиточней — из потемневшего ракушечника, плоские крыши, решетчатые окна, снабженные деревянными ставнями...

В этих кварталах жили маленькие, очень маленькие люди. Те самые маленькие люди, без которых невозможно существование людей больших. Будущая смерть этих маленьких, крохотных людей будоражила меня более всего.

Но озарение не посетило меня в этих кварталах.

Площадь Смиренного Работника встретила нас виселицей, сложной, с помостом и рычажным управлением, которое открывает днища под ногами жертв, чтобы те рухнули

в яму и сломали себе шейные позвонки. В двух петлях из пяти болтались мужчины в исподнем с табличками на груди. В третьей висел южный орк — смуглая раскосая образина с отвисшей клыкастой пастью. Этого не удостоили таблички, вероятно, казнили за какую-нибудь мелочь, вроде убийства иностранца.

Моя эльфийка привстала на облучке и, чисто женским, *человеческим* жестом прикрыв ладошкой рот, прочла надписи:

— Учил грамоте... Писал... книги? Фатик? — Она села обратно, тряхнув головой.

— Писателя повесили, — задумчиво сказал я. — Дело-то благое... Они ж плодятся как кролики. Если их не вешать, я даже не знаю, что будет...

— Фатик!

Гритт, я ведь обещал при ней не ерничать!

— Гм. Виджи, ты забыла, о чем я только что говорил? Это казнь в назидание. Простецы в Мантиохии не имеют права читать книги и обучать грамоте других, тем более писать книги — ведь это прямая дорога к просвещению. Таблички прочтет тот, кто уже умеет читать и передаст прочим. Народ устрашится. Каждый сверчок должен знать свой шесток, — повторил я слова барона Кракелюра. — Это обеспечивает ровное течение жи...

Пальцы эльфийки сомкнулись на моем запястье:

— Птицы улетают.

Голуби и вороны — первые ниже, вторые — выше, усеяв перламутр неба черными точками, спешили в глубь материка — все, как по команде невидимого дрессировщика.

Великая Торба!

Пожалуй, Фатик, заговорил со мной личный бес, тебе стоит все же поторопиться. Спасешь ты город или нет, тебе в любом случае нужно сначала нанять корабль для отряда.

Да, это — первоочередное.

Мы миновали гетто. Там растерянно слонялись южные орки и люди в тюрбанах и халатах, местами попадались гномы из Зеренги. Южные орки — крупные ребята с меня ростом и мордой, которая ни разу на мою не похожа, работают телохранителями при купцах с Южного континента. Дальше к северу они не заглядывают, и даже в Хараште, где

климат более прохладный, не появляются, чего не скажешь об их собратьях — северных орках, «рогачах», которые вместе с людьми промышляют пиратством под черными флагами Кроуба и составляют гвардию Хартмера Ренго — самого титулованного из кроубских пиратов.

Дважды навстречу выкатывали кибитки магов Талестры. Эти пауки, опутавшие своими «магическими услугами» половину Южного континента и Мантиюхию, трусливо удирали, похоже, не предупредив своих нанимателей.

Орки, недовольно похрюкивая на своем языке (я знал его неплохо, мог и говорить, правда, от хрюканья у меня быстро начинало першить в горле), уступали дорогу.

В гетто озарение меня не посетило.

Виджи вдруг сунула в разрез моей рубахи правую ладошку и распластала ее над моим сердцем. Пальцы у нее были ледяные.

— Холодно, Фатик...

Мне же казалось, что воздух сгущается, что в городе душно.

Неподалеку северо-западной стороны Торжища был устроен таможенный пост. Мы как раз проезжали мимо него, когда меж бастионами произошло шевеление, взлетела пыль (и дохлая крыса), наконец, началась заварушка. Затем взревели трубы, властно, привлекая всеобщее внимание. Они ревели так старательно и часто, что вскоре возле таможен собралась толпа.

Ну-ка, сказал мне инстинкт варвара, Фатик, быстренько туда!

Я подвел караван поближе и с высоты облучка принял-ся разглядывать происходящее.

В таможенном проезде сбились в кучу кони, люди и повозки. Трубаچی, сверкая медью на плоских крышах бастионов, продолжали выдувать запыленные трели.

— Контрабанда! Контрабанда! — шушукались в толпе.

Вдруг из кутерьмы проезда вырвался мелкий тип прегнусного вида: рябой, горбатый и с бельмом на глазу.

Он наострился юркнуть в толпу, но крутоплечий дядька из стражи перехватил его, пихнув под колени тупым концом копья. Рябой сломался в коленках, упал ничком и не успел подняться, как дядька поднял его за шкуру.

Трубы смолкли.

— Преступник! — картинно возгласил дядька и, без особых усилий приподняв рябого, показал толпе. Карапет дрыгал ногами, ронял слюну и блеял:

— Я виноват! Каюсь! Каюсь, провозил контрабанду: писчую бумагу, книги и азбуку! Я каюсь, умоляю, простите меня! Я виноват! Виноват!

Вдруг из проезда быстро вышел стражник — немолодой, морщинистый, однако весьма представительный.

— Не может быть! — картинно вскричал он, присмотревшись к дядьке. После чего, зайдя с другой стороны, стал к зрителям вполоборота и воскликнул еще раз: — Да быть того не может! — Сорвав с головы полированный шлем-луковицу, он рухнул на колени перед дядькой: — Государь Амаэрон Пепка! Это вы!

Еще один стражник выскочил из проезда, распахав локтями собратьев-тугодумов. Он был тоже немолод, а облик его внушал всяческое доверие.

— Да! Я узнаю его! — возгласил он хорошо поставленным голосом. — Это Его Грозная Милость государы!

Карапет сделал большие глаза и обвис, вроде как потерял сознание.

Первый стражник — как выяснилось, сам король Амаэрон Пепка, бережно сгрузил коротышку на мостовую.

— Что ж, мои прозорливые подданные, — молвил он уже другим голосом, похожим на звучание бронзового рога, — мне нечего скрывать: это я.

Толпа ахнула. Многие начали опускаться на колени.

Амаэрон повернулся к народу, стал таким образом, чтобы лучи солнца осветили его немолодое, румяное, отороченное короткой светлой бородой и песочными усами лицо.

— Он ходит среди народа! Он ходит среди простого народа! — вдруг прокричал в толпе пронзительный женский голос, который был мне смутно знаком.

— Да-да, он ходит среди народа в одежде простого солдата! — воскликнул, рухнув на колени, седовласый стражник. Затем в припадке рвения он стукнулся лбом о мостовую. Сивый парик прочно крепился к его головешке.

Стражник с обликом, внушающим всякое доверие, тоже ударился коленками о камни.

— Король! О, мой любимый король! — проблеял он. —
Ваша Грозная Милость!

— О великий государь! — вскричали тут все стражники
хором и, бряцая доспехами, опустились на колени.

Амаэрон величественно повел рукой.

— Встаньте, любезные моему сердцу подданные. Под-
нимитесь, — промолвил он голосом сладким, как вишневый
сироп, и водрузил пыльный сапог на спину карапета, нежно,
я бы сказал — любя.

— Каешься, нечестивец?

— Каюсь, ваше величество! — простонал рябой бельма-
стый горбун, показывая лицо толпе — чтобы его гнусный
облик увидели все, от мала до велика. — Каюсь всей душой!
Ох, помилуйте меня, я уже раскаялся!

В толпе раздался гул: мещане и приезжие крестьяне не
верили в раскаяние нечестивца. Знакомый женский голос
воскликнул:

— Брешет, мерзавец!

— Знаешь ли ты, что полагается за провоз контрабанды,
которая смущает умы моих подданных и способна накли-
кать гнев Атрея? — спросил король.

— Ох, ваше величество! — Карапет скривился, вот-вот
заплачет.

— Смерть! — голос короля был подобен рокоту горного
обвала.

— Ох...

— Я покараю тебя, гнусный нечестивец! Смерть тебе,
подлый контрабандист! Смерть на месте! И да свершится
королевское правосудие!

Амаэрон вытянул из ножен хорошо надраенный меч и вон-
зил прямо в горб преступника. Брызнула кровь — слишком
обильно, я бы сказал. Горбун картинно закатил глаза, изогнулся
и обмяк. Ему не хватало только финальной реплики: «Я умер!»

Толпа приветствовала действия короля восторженны-
ми криками.

Четверо стражников скрыли покойника от толпы, вы-
нули меч, затем подхватили тело и унесли за повозки. Зап-
рокинутая голова рябого безвольно болталась меж руками,
для полноты картины он высунул окровавленный язык.

— Среди простого народа! Он ходит среди нас в одежде простого солдата! — начал орать седоволосый, покраснев от натуги. — Он все видит и слышит! Он всеблаг и всемогущ! Он сеет справедливость ради народа! Народный король!

— Король ходит среди народа! — начал скандировать второй стражник, когда пыл первого угас. — Король ходит среди народа! Король справедливый! Да здравствует народный король!

Знакомый женский голос подхватил в толпе его клич, по толпе прокатился шум, многие начали повторять эти слова, повторять искренне. «Да здравствует Амаэрон...», «Справедливый...», «Среди народа...», «Народный король...» — эти возгласы катились от головы к голове.

Амаэрон поворачивался к толпе то в анфас, то в профиль и милостиво кивал, стянув с головы островерхий шлем, под которым обнаружился золотой, сверкающий драгоценными камнями обод царского венца.

Тут меня посетило озарение.

Я мягко убрал ладошку Виджи со своей груди, встал на козлах и подождал, пока король обратит ко мне свой лик. Тогда я сложил ладони рупором и издал боевой клич варваров Джарси. Не очень громко, но и не столь уж тихо, чтобы он не затерялся в общем гаме. На лице владыки Мантиохии отразилось удивление, впрочем, мимолетное — он слишком хорошо владел мимикой. Наши взгляды встретились. Азбукой глухонемых, которой я обучился именно у этого человека, я сказал ему: «Хочу встретиться как можно скорее на набережной, старый хрен». Он кивнул — чуть заметно, все-таки был профессионалом. Толпа продолжала скандировать имя короля.

Я улыбнулся. Хорошо, что не все призраки моего прошлого злы и коварны.

— Фатик? — сказала добрая фея, когда я повел караван — теперь уже в объезд Торжища, медленно, чтобы Отли, разразившийся духоподъемной речью, мог нас отследить. — Я...

— Виджи, — сказал я как можно мягче. — Это актеры. А я, похоже, отыскал тот самый камень. Что? Им я пушу круги по воде.

* * *

Минут через десять нас нагнал карапет, успевший освободиться от бельма, горба и оспин. Для покойника он выглядел неплохо, хотя одутловатое лицо говорило, что он любит закладывать за воротник.

— Здорово, Фатик, — пропыхтел он.

— И тебе не хворать, Мерриг.

— Отли будет ждать тебя в кабаке «Три вдовы» через час.

37

Этот безумный день я запомнил навсегда. Он добавил мне седых волос... не только на голове.

Я подогнал караван к морской бирже, увенчанной пальцем Дозорной башни, и крикнул народу сидеть тихо. Затем цыкнул на девчонок, которые затеяли крутить щели в зашнурованном пологе, спрыгнул с козел и едва не своротил плечом двери биржи. Не успел я сделать вдох, как упругий вихрь с легким цветочным ароматом колыхнул воротник моей сорочки: несносная девица... Ну вы поняли, да? Сладу с ней нет никакого.

Когда мы покинули биржу, обзаведясь названием свободного корабля, готового плыть в Семеринду, колокол на башне пробил час дня.

Все меньше времени, чтобы спасти город.

И полчаса — до встречи с Отли Меррингером.

Вдали над водой реяли чайки. У берега ни одной чайки не было. Терпкий запах моря обещал скорый финал наших странствий. Я передернулся: хватит ли у меня запала сигануть в провал Оракула, а?

Но до Оракула мне нужно решить уйму дел.

Корабль назывался «Горгонид» — двухмачтовый быстрый фалькорет из Дольмира: отдраенная тиковая палуба, новый такелаж и паруса, свисающие аккуратными складками меж сезенями. Шкипер, Димеро Бун, прятал улыбку в густой бороде. Эдакий обаятельный смешливый мерзавец на голову выше меня, руками способный удавить медведя. После недолгих переговоров я загнал на борт свой отряд и

гарем. Матросы в тюрбанах провожали девушек сальными взглядами, хотя каждая по моему приказу закуталась в накидки по самые брови. Ничего не поделать — женская чувственность способна проникать даже сквозь стены.

Крессинда ступала по кормовому трапу с таким видом, будто входила в логово змей.

Сухопутная душа. Хорошо, что плыть нам недолго — думаю, у половины отряда (и это я не говорю уже про гарем) на открытой воде разыграется морская болезнь.

Капитан отдал нам две кормовые каюты, разделенные узким коридором. В одну я затрамбовал девчонок, в другую поместил отряд. Альбо велел отнести в грузовой трюм; его положили среди чугунных слитков балласта. Димеро Бун выдавил кривую усмешку, но ничего не сказал. Наниматель прав, ибо он платит!

В трюме я раздвинул зубы Альбо лезвием ножа и влил в его глотку еще самогонки. Это был мой план — держать его отныне пьяным до самого Оракула. Если обгадится — всегда есть матросы, которым можно заплатить за уборку.

Брякнули кандалы. Альбо забормотал, выпучил на меня круглые бычьи глаза, пошевелил брыластыми щеками и безвольно поник, захрапел.

Поднимаясь на палубу, я утер пот с виска. В воздухе сгустилась тяжкая духота.

Весельная барка, нанятая мной, чтобы быстро вывести «Горгонид» в открытое море, уже подходила к пирсу. Команда из тридцати голоспинных гребцов слаженно работала веслами. Бригадир на корме выколачивал из бонго мерные глухие звуки. Я кликнул боцмана «Горгонида» — приметного типа с некогда размолотой в кашу ряхой, и велел закрепить цепь с барки на носу фалькорета. Цепь, не канат. Мне пришлось выбрать среди барок ту, на которой в качестве буксира использовалась цепь. Гритт его знает, что случится на закате, а цепь — не канат, чтобы ее в два счета перерубить.

— Ждать вечера! — напомнил я, перегнувшись через фальшборт. Барка колыхалась на грязной воде. Двое гребцов табанили, мерно поводя веслами.

Бригадир передернул плечами и хлопнул по бонго у пояса. Я подарил его людям несколько часов оплаченного

отдыха, а платил я столько, сколько гребцы могли заработать за неделю тяжкого труда. Благо еда и питье у них с собой. Они будут отдыхать, набираться сил. Главное, чтобы не вздумали удрать, когда *начнется*. Для острстки я решил отправить на барку Крессинду — эта едкая бабенка, если надо, приструнит любого мужика.

Димеро Бун взирал на меня с легкой улыбкой. Я, береговая крыса, вздумал распоряжаться на его судне как у себя дома. Однако — я заказывал музыку, швырял деньги на ветер, так почему бы мне не позволить эту блажь, по крайней мере, до тех пор, пока я не слишком обнаглею.

Он не принимал меня всерьез. Я суетился, утирал пот и нервничал.

— Успеете собрать всех матросов к шести часам? — спросил я.

Плутовская улыбка затерялась в каштановой бородине.

— По правде говоря, не уверен. Но ежели кто не успеет, так останется на берегу, монсер. У меня хватит матросов, чтобы управлять кораблем. Семь человек или десять — невелика разница. Клянусь Аркелионом, пути до Семеринды — не более двух суток. А ежели что — нам пособят ваши люди... и эльфы. И те милые пташки, монсер... — Он осекся, словно ожидал, что я вот сейчас пушусь в рассказы про девиц из гарема, с какой целью я везу их в Дольмир.

Я не рассказал, и он пожал плечами: я нанял его корабль, я плачу, я прав.

Шкипер приподнял мохнатые брови:

— Я слышал, из города ушла... живность?

— Крысы, — произнес я с деланным безразличием. — И птицы. И кошки с собаками. Так всегда бывает перед какой-нибудь напастью вроде большого пожара.

Он кивнул.

— Ну, наши-то крысы по-прежнему в трюме.

Это обнадеживало.

* * *

Квинтариминиэль свистнул носом и вскричал:

— Снова жертвы на благотворительность!

Я избегал его взгляда.

— Мы вернемся к шести часам. Тогда же мы отплывем. Барка выведет корабль в море за считанные минуты. Если не вернемся — вы *все равно* отплывете. Это приказ.

— Моя плешь! Ты, варвар, опять задумал пакостные благости для всех!

А эльф не дурак, надо признаться. Он почти читал мои мысли. Заключение у Фаерано здорово на него повлияло. Он и прежде не особо привечал людишек, а теперь, похоже, стал законченным мизантропом.

Виджи сидела на откидной койке рядом с принцем, притянув колени к подбородку, в глазах — немой вопрос. Весь отряд кроме Альбо теснился в каюте, пропахшей смолой и древесной стружкой.

— Не для всех. Имоен — ты здесь остаешься, не стоит смущать моряков своим видом. Монго — в коридор. Будешь смотреть, чтобы матросы не шастали к нашим девкам, а девки — к матросам. Возьми меч. Сделай лицо пожестче.

— Я по-по-пробую. А ку-куда вы идете, мастер Фа-атик?

Ошметок аристократа с цыплячьей грудью как всегда заикался от волнения. Его худое лицо, теперь уже навсегда перекошенное на левую сторону после знакомства с шершнями, пошло красными пятнами.

Слабоват в коленках. Слабоват. Как человек с таким характером возглавит Альянс?

— Куда иду — там меня нет, но скоро буду, и хватит об этом.

Ишь, спрашивает!

Эльфийский принц продолжал сверлить меня надменным взглядом. Я не смотрел в его сторону. Крессинда получила мои распоряжения и наморщила нос-пуговку:

— Брутально...

Угу, родная, брутальней некуда: тебе придется свести близкое знакомство с большой водой. Ничего, ты и сама девочка немаленькая, как-нибудь договоритесь.

— Скареди — на палубу. Слушать, что говорят матросы. Не дайте им отплыть раньше шести часов. Если Димеро затеет *шевеление*, — начинайте кричать, что пожалуетесь коменданту порта. Это образумит. Возьмите с собой меч, сделайте несколько упражнений — как бы между прочим.

Старый паладин потрянул вислыми пшеничными усами.

— Уразумел.

— Но в шесть часов — вы отплывете, ясно? Даже если мы не придем.

— Сделаем, мастер Фатик.

Только эльфы знали, что город погибнет. Скажу отряду — немедленно начнутся пересуды, а на палубе юта — вахтенный матрос, который легко может услышать громкую речь. Я не хотел, чтобы новость достигла ушей Димеро Буна, пока не исполню задуманное.

— Олник, идем. Прихвати колотушку.

— Мастер Фа... — трепыхнулась Крессинда, но я молча наставил на нее палец. Было в моем лице что-то, что заставило ее скуксисться и отступить.

«От меня не отвяжешься», — сказали глаза Виджи.

«Отшлепаю!» — намекнул я.

«Если это поможет нашему общему делу», — сказала она, как в тот раз, когда увязалась за мной и спасла от смерти. Зрачки ее глаз все еще были расширены.

Несносная девица!

— Меч не бери. Гном с колотушкой еще куда ни шло, а вот люди... и прочие с оружием — на это стража порта смотрит косо. Так что Олник — он как бы наш телохранитель.

Надо ли говорить, что бывший напарник немедленно раздулся от важности?

— Жертва черных камушков! — крикнул Квинтарими-ниэль мне в спину.

Кто бы мне сказал, что он имел в виду, а? Жаль, что родители не слишком долго думали перед его зачатием.

На палубе меня осенило (как я уже говорил, на меня иногда снисходят откровения): а если Виджи заглянула в плетение нитей и разглядела там хреновый расклад для всех нас... в случае, если я покину борт «Горгонида»? Разглядела и рассказала принцу. А мне — ни гу-гу. И ему запретила говорить. Вот он и бесится.

Неужели пытается предупредить меня? По-своему?

Валеска смотрела на меня сквозь дверную щель. Глаза у нее были как у затравленной лани.

— Фа... — пискнула она, но я покачал головой и прошел мимо. Нет времени выслушивать твои жалобы, девочка! Не сейчас.

— Мастер Фатик! — позвала она в спину, но Виджи шикнула на нее рассерженной кошкой, и Валеска испуганно захлопнула дверь.

Мы прошли мимо, выиграв час времени у судьбы и добавив новых бед нашему отряду.

На пирсе я оглянулся: матросы «Горгонида» уже убрали веревочный трап, и Крессинда, широко расставив ноги в сапожищах, обживалась на посудине гребцов. Первым делом она согнала с банки бригадира и уселась на его место. Затем ласково начала баюкать молот, полученный от Жриц Зеренги взамен утерянного на поле Хотта. Бригадир разом скукожился и откочевал в направлении носа.

По расслабленным движениям Крессинды я бы нипочем не определил, насколько ей страшно. Большая вода была рядом — за низкими бортами. Я подозревал, что гномша плавает не лучше топора.

Она бросила в рот порцию табака и мерно начала молоть его пудовыми челюстями. От меня она знала, что плевать на палубу не рекомендуется: за такое унижение корабля матросы спроводят ее за борт.

Скрипнуло оконце кормовой каюты. Валеска клюнула воздух точеным носиком и уставилась на меня молящим взглядом, чертовка. Ее лицо выражало страх. Я чуть было не крикнул: «Ну что тебе надо?», но в другом окне явил миру льняные патлы эльфийский принц. Его лицо выражало сдержанное отвращение — ко мне, к месту, где он вынужден пребывать, ну, и до кучи, вообще к людям.

Он раскудаhtался на дивном языке — судя по интонациям, упрашивал Риэль никуда не ходить. Добрая фея отвечала ему с холодным упрямством, снова прозвучал *алли тир аммен*, от которого Квакни-как-там-его буквально под-

прыгнул, да так, что стукнулся лебяжьей шеей об оконную раму. Олник одобритительно хмыкнул:

— *Гшантаракиш гхор!**

— Да не говори, — откликнулся я, стряхнув с бровей капли пота. Духота улеглась на груди тяжким грузом, и этот груз увеличивался с каждой минутой.

Я повернулся к принцу спиной и сделал несколько шагов по пирсу. Надеюсь, мой затылок излучал нужный градус презрения.

Лейта разделила порт Ридондо на две части. Наша, западная сторона была торговой, на восточной располагался порт Верхнего города — пристани Ковенанта выглядели роскошно, местами к воде сбегали мраморные ступени. О богатстве кораблей и яхт патрициата я умолчу.

Верхний город виделся мне плоской картинкой из работы бездарного художника. Ее вырезали из рамы и вклеили между водой залива и сводом небес. Там жили слишком большие люди, не интересные мне ни в малейшей степени. Большие алчные люди, стоящие на плечах людей маленьких из века в век с надеждой, что так будет продолжаться до скончания времени.

Ну что же, сегодня ваше время закончится, и я не стану лить по этому поводу слез.

Хотя на ваше место придут другие большие люди, и это скольжение по кругу будет повторяться бесконечно... Харашта, Фрайтор, Аркония, Мантиохия — большие люди везде одинаковы, и повсюду они стоят на плечах маленьких.

Во всяком случае, так будет до тех пор, пока я не разберусь с Богом-в-Себе, который дрыхнет в моем хитром поясе. Может быть, когда он воцарится, дела в моем мире пойдут немного иначе? Вдруг ты решишь сделать больших людей чуть меньше размерами, новый боже?

Или придать маленьким размеры больших, если уж маленькие все растут-растут и сами не могут вырасти?

Олник подошел ко мне, дернул бретельку килта и про-

* *Гшантаракиш гхор!* (гномск.) — Дотянулся, проклятый! Гномья идиома неясного происхождения. Предполагается, что под «проклятым» гномы имеют в виду злого горного духа.

вел пальцами по отросшей щетине. Теперь он часто (я бы сказал, слишком часто) так делал.

— Фатик, а я это...

— Только не говори, что тебе приспичило, а если уж приспичило — не становись против ветра.

— Не... Я заметил... Слушай, я стою рядом с эльфкой, — он произнес это слово едва слышно, — и не чихаю! И даже в носу не свербит!

— Есть такое, — кивнул я. — Я подметил с того времени, как мы оказались в Зеренге. Тебя избавили от аллергии, паршивец. Ты понял это только сейчас?

— Так это же... ура?

— Ура, — сказал я. Первым даром Лигейи-Талаши была щетина, вторым — исцеление от эльфийской аллергии. У меня же пока не проявилось ни одного подарка.

На башне пробили без четверти два. Гритт, я опаздываю на встречу с Отли!

Принц все еще трендел почему зря. Я подошел к краю пирса, поймал ладонь доброй феи и сжал. Она поняла и обрезала перепалку хлесткой фразой (эти эльфийские словечки с обилием «э» и «л»!). Лицо Квакни-как-там-его вытянулось.

— Еконы деффки!* — крикнул он и убрался в каюту.

А еще говорят, эльфы умело сдерживают свои эмоции. Угу. Облопавшийся зеленого инжира ишак сдерживается успешней, чем этот паршивый маленький принц.

Тут он тявкнул нам в спину:

— Дурня кусок! Я его вертел!

Кто бы мне рассказал, что творится в его башке и кого он конкретно вертел? И кто бы мне сказал, когда точно погибнет город? Закат — понятие растяжимое. Сколько часов форы у меня в запасе? Один-два, или ни одного?

Сходя с пирса, я оглянулся. Димеро Бун стоял у гака-борта над окном нашей каюты. Улыбка сияла в его бороде.

В порту аромат специй мешался с запахом моря. Думаю, вы не удивитесь, узнав, что на набережной толпился народ. Купцы, охранники, стража, матросы, лотошники, менялы и

* *Еконы деффки* — крайне грязное ругательство родом из Харашты, употреблялось в основном преступными Гильдиями.

грузчики — много грузчиков с потными спинами, ибо Ковенант, опасаясь прогресса, запретил оборудовать причалы даже самыми примитивными кранами с приводами от топчачковых колес.

Гномы с фургонами ждали нас неподалеку. Старшина, собрав своих в кружок, производил некие движения правой рукой. Вблизи оказалось, что гномы культурно утоляют жажду, а старшина стоит разливающим — у его волосатых ног красовался бочонок полпива. Прекрасный напиток для утоления жажды, но я мог только облизываться: клятва варвара слишком твердая штука. Примерно настолько же твердая, насколько тверд его меч.

— Жгите из города, как допьете этот и только этот бочонок! — велел я старшине.

Если их не остановить, эти засранцы начнут с полпива, продолжат пивом, а закончат кабацкой дракой, судом и штрафами. Ничего фатального, вот только разбирательство будет завтра, а завтра у Ридондо попросту нет.

Старшина начал возражать. Тогда я добавил несколько бойких ругательств, и гномы тут же начали собираться. Мой авторитет среди мужской части населения Зеренги был велик.

Олник простился с сородичами, успел хлебнуть полпива, пролив кружку на ворот рубахи.

Когда они укатили, колокол на Башне пробил два часа.

Духота сгущалась. Мне словно положили на лицо банное полотенце.

— Холодно, Фатик! — сказала Виджи. Ее губы подрагивали, как в ознобе. Волосы, мне кажется, поблекли, даже ухо, пробившее локоны, выглядело бледным.

Тут я поймал себя на мысли, что совершенно не знаю, как обращаться с эльфийкой в, так сказать, обычной жизни. Плевать, что на самом деле ее народ — не совсем эльфы. Их восприятие жизни все равно слишком отлично от человеческого. Так вот, любовный акт... В фургоне все прошло отлично, и не один раз, и я убедился, что секс по-эльфийски это не ритуальный акт на ветке фамильного дерева сквозь дырку в сотканной из паутины простыне. Она не была девственницей и не стеснялась своего тела. И если первое не

было для меня удивлением, то второе... Скажем так, от нее я, искушенный жизнью варвар, почерпнул кое-какие приемы... э-э... Не суть. Сейчас я совершенно не представлял, как мне обращаться со своей супругой в... м-м-м... обиходе. Все же пожатие ладони — это маловато, когда твою женщину буквально сплющивает от предчувствия общей беды.

Обнять за талию? Хм.

Я просунул ладонь под пышные волосы, прижал к хрупкой шее. Под пальцами забились жилки. Фея дрогнула, напрыглась, но я не убрал руку, пытаюсь передать свое тепло.

— Мы скоро отплывем, лисьи уши. Пожалуйста, потерпи.

Вместо ответа она чуть заметно кивнула. Немного повернулась, изломив брови.

— Да... Да, Фатик.

— Потерпи.

Мне показалось, что она слегка расслабилась под моей ладонью.

Хорошо.

Плохо, что о воплях принца она ничего не сказала.

39

Карапет Мерриг зря назвал «Трех вдов» кабаком, впрочем, для него слово «кабак» означало любое место, где наливают. На трех вдов в этом заведении приходилось два этажа и полтора десятка остекленных окон. Дом развлечений и гостиница для моряков, купцов и путешественников, собственность Ковенанта. Отли Меррингер слыл гурманом, значит, кормили тут хорошо.

В воздухе плавал аромат веселой травы, слышался стук игральные костей. Места за столиками были заполнены основательно. Орочье хрюканье напомнило мне об общинных свинарниках родного клана.

Нос Виджи дрогнул: слишком густая смесь ароматов для эльфа.

Мой старый друг и наставник сидел лицом к двери и наворачивал печеных креветок, заливая их пивом. Без грима короля-недоумка он казался обычным купцом средней

руки. За те три года, что я его не видел, он несколько располнел, растерял большую часть шевелюры и обзавелся сединой на висках. Однако никогда еще он не выглядел настолько полнокровным и довольным жизнью, как сейчас.

Я был рад его видеть. Этот призрак прошлого не сулил бед, но обещал скорое осуществление моего плана.

Он приветствовал меня взмахом руки. Сенестра, сидящая с левой стороны, чуть заметно кивнула; я изобразил полупоклон. А вот она почти не изменилась — такая же смуглая, гладкокожая черновласка, чем-то похожая на куницу. В дни молодости на Южном континенте Отли из жалости купил семнадцатилетнюю рабыню, толстую грязную доходягу. Кочевники-монги разграбили ее селение, вырезав всех, кто не годился на продажу. Перед тем как оказаться у Отли, Сенестра прошла через трех хозяев, каждый из которых избивал ее за строптивость. Она бы умерла, если бы Отли не купил ее, и она это знала, хотя и умудрилась тяпнуть за палец, когда он рассчитывался с торговцем. Некоторое время Отли был для нее чем-то вроде сиделки, затем играл роль в меру сурового отца, ну а после... Она так и не сняла рабский ошейник, лишь заменила металл черной бархоткой с серебряным кольцом на короткой цепочке. Кто в этой паре главный, давно было не разобрать, они существовали как единый организм; говорил по большей части Отли, Сенестра больше молчала и, как обычно, обслуживала Отли за столом и в быту. Отли не принимал ни единого решения без совета с нею.

Мы раздобыли три стула и подсели к столику, я — посередке. Сенестра и Виджи обменялись взглядами, быстрыми, как размен ударами в шпажном поединке. Женщины, не знакомые друг с другом, умудряются общаться на каком-то тайном языке знаков, недоступном пониманию мужчин: мир, нападение, вооруженный нейтралитет, добрососедское сотрудничество заключаются быстро, можно сказать, в мгновение ока. Сейчас мне показалось, что наши женщины склоняются к четвертому пункту.

— Твои *спутаники*? — осведомился Отли. — Опять взялся за старое, Фатик? А кто этот без меры симпатичный гном?

Он сделал вид, что не узнает Олника. Мой бывший напарник оплатил ему тем же.

Три года назад наша контора «Силь, Мар и Иллион»* подрядилась устроить для Отли срочные гастроли в Хараште («Три дня — проездом из Фрайтора в Талестру!»), мы заказали у гномов двухцветные афиши. Денег на бумагу ушло много, еще больше мы истратили на покупку мест под афиши. Олник столкнулся с земляками, они сделали для нас работу за две трети обычной цены (потом я случайно узнал, что хитрые жучилы взяли с нас на две трети больше). Мой напарник с готовым макетом всю ночь не смыкал глаз у прессы, а после, шатаясь от похмелья, помчался расклеивать воняющие гномьей самогонкой афиши. На въезде в Харашту Отли узрел красноглазого безбородого гнома с ведром клея и шваброй, который старательно клеил *последнюю* афишу, гласившую, что в город — естественно, проездом — прибывает Отли Меррингер и его труп с пьесой «Живые теплые люди!».

Во время печати из клише выпали две буквы, чего гномы, загулявшие с моим напарником у прессы, конечно, не заметили. Я рвал волосы на голове, груди и еще на одном месте. Гастроли провалились, несмотря на то что мы обежали весь город, от руки приписывая «па» к трупу. В труппе случился раскол, большая часть актеров покинула Отли, хотя в провале, я считаю, основную роль сыграло его желание пичкать зрителя модерновыми пьесами собственного сочинения. Но попробуй докажи это человеку искусства! Все же я компенсировал часть его затрат из наших денег. Олника тем не менее Отли невзлюбил сильно.

Творческие люди — странные личности с подчас загадочной логикой. В Хараште у меня был один приятель, художник, он бросил пить и решил отметить это дело бутылкой ликера. Наутро, проснувшись в канаве в одном исподнем, он долго проклинал трезвый образ жизни, который привел его к столь плачевному финалу.

— Взясся, — сказал я, прижав колено к бедру Виджи. — Впутался. Мои. Это гном Бешеный Бык, иначе называемый

* Названа по имени владельцев — Силы, Мара и Иллиона. Их контора обанкротилась, и мы выкупили ее вместе с помещением. Через три года эльфы подложили мне такую же свинью, заставив меня ввязаться в этот... **НЕНАВИЖУ ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ЯХАННЫЙ ФОНАРЬ!**

Ветер-в-Голове, искатель потерянного разума. А это — Виджи, моя супруга.

Отли слишком хорошо владел своим лицом, чтобы на нем появилась гримаса удивления, однако глаза помимо воли стрельнули на острое ухо, самовольно пробившее локоны моей жены.

Он промолчал. Не сказал какую-нибудь глупость вроде: «Я очарован твоей спутницей», был слишком умен.

— Мы опоздали, — сказал я. — Осталось у тебя время для разговора?

Отли развел руками, сыто шурясь:

— Свободен до вечера.

Великая Торба, до вечера!

Пучеглазый служка в мышинном камзоле принес еще креветок. Сенестра убрала из-под руки Отли пустое блюдо и придвинула новое, подлила пива из деревянного кувшина. Виджи внимательно наблюдала за действиями бывшей рабыни, напустив на лицо маску безразличия. Ее руки, сложенные на коленях, подрагивали.

«Холодно, Фатик!»

Я слегка сжал ее пальцы.

«Потерпи».

Как вы уже знаете, перед делом я обычно ем. Много. Неизвестно, когда придется трескать в следующий раз, ну и погибать на пустой желудок — дурная примета. Я заказал говяжьи котлеты, для Виджи — курицу в меду. Эльфы едят как обычные люди, если вас интересует такая подробность. Вру: я понятия не имею, как едят *настоящие* эльфы. Скажем так: те существа, которые считались эльфами в моем мире, ели как обычные люди. Снова ошибся: обычные люди частенько жрут как свиньи, а мои эльфы-надоельфы принимали пищу с определенной, хм, аристократической утонченностью.

Олник поерзал на стуле и, кося глазом на Отли, заказал суп из бычьих хвостов и тушеное вымя в горшочке. Блюда трудоемкие, а оттого не слишком дешевые: по мнению гнома, это должно было показать Отли, что в кармане Гагабурка-второго водятся денежки. Мерзавец транжирил золото Фаерано, не спросив моего разрешения!

— И пива! — добавил он. — А кахава имеется?

— Новое? — содрогнулся пучеглазый служка. — Нет, упаси нас Атрей от прогресса, монсер гном! — Он сделал знак отворачивания зла. — Никаких новых напитков! Пиво, эль, вино, полпиво и сухарная вода!

— Пи... — заикнулся мой бывший напарник, но передумал: — Ви...

— Удовлетворимся сухарной водой, — буркнул я. Хорошо, что тут не подают кахаву. От одного запаха этой дряни у меня приключаются спазмы желудка.

На губах Отли мелькнула улыбка:

— Стало быть, ты бросил бизнес в Хараште? — Его голос был хриловат, из чего я заключил, что перформанс с появлением и выпренной речью государя он проделывал не впервые.

— Бизнес бросил меня. Далеко и надолго. Полагаю, навсегда.

— Значит, принялся за старое?

— Так точно.

— А у тебя взгляд изменился. И лицо, хм, *затвердело*.

— Дела и заботы, — сказал я.

Он кивнул и посмотрел на Виджи.

— Четырнадцать лет назад ваш супруг срывал овации в пьесе «Благородный варвар Шворц». Моя самая удачная пьеса, лучшая моя постановка — героический эпос о герое без страха и упрека! Как быстро катится время, как же я стар...

И мечом своим огромным,
С одного удара только,
Напрочь снес ему башку!
Кровь ударила фонтаном,
Победителя обдавшем,
И, шагнув вперед неверно,
Рухнул демон на траву!

Светлые брови Виджи едва заметно выгнулись. На драматическую декламацию Отли обратили внимание с соседних столиков, пучеглазый служка тоже наострил уши.

Я молча выругался. Треп о минувших днях — благое дело, но если Отли упьется и вздумает устроить представление... Театр тут под запретом, кроме того, Отли нужен мне *свежим*.

— Когда он вздумал уйти, мы взяли на роль Шворца одного малого, Мино Онмоа, но он играл хреново: таращил глаза, рычал и двигал ушами. Он бы еще лаял и хвостом вилял, тьфу!

— Зато был выше меня на полголовы.

В уголках глаз Отли собрались морщины.

— Дело не в росте, Фатик, а в умении раскрыть образ, я это тебе говорил, ему говорил, всем говорил. Да и какой из Мино варвар и, тем паче, артист? Так, обычный паренек с рыбацких островов без огня, без полымя. Он нравился девушкам, но привлечь широкую аудиторию не сумел — слишком мелкое дарование, нет харизмы. С другой стороны, Фатик, в «Осуждении девственности» ты тоже выступил неубедительно.

Виджи покосилась на меня украдкой. Я стиснул зубы. Надо дать Отли некоторое время вести разговор, плавать в воспоминаниях. Пусть размякнет. Только как бы сделать так, чтобы он поменьше пил?

— Фривольная комедия — не мой жанр.

— О да! — Он провел пальцем дугу от Виджи ко мне. — Никогда не мог толком сыграть ловеласа. Зато героический эпос и романтика... Ты сочинил отличные стихи для «Муки разбитого сердца»!

И сердце на двоих одно!

И нежность, и любовь

И ласка...

Дай мне ладонь, любимая...

Я буду впереди.

Широкой грудью отведу опасность!

— Все женщины на представлениях выжимали платочки! Вот она, сила искусства! У тебя был талант, а ты ушел, пренебрег карьерой актера и сочинителя!

Гритт, ухо моей супруги заалело. В другое время я, горесочинитель и не совсем убедительный варвар Фатик, усты-

дился бы такого стихотворного дрянца, ну а нынче оно пошло мне на пользу. Во всяком случае, Виджи не станет больше числить меня по ведомству тупых и буйных, которым лишь бы выпить, подраться, облапить девок и стащить кошельки с трупов. Лучше быть романтиком, чем циником, ибо цинизм — удел убогих трусов.

Служка принес стряпню для нас с Виджи.

— А мой суп? А мое вымя? — вскинулся Олник.

— Ваш суп и ваше вымя готовятся, монсер гном.

Олник скис и, поднабравшись наглости, стибрил с половины стола Отли корочку хлеба. Я взялся за вилку. Виджи сидела молча, руки по-прежнему на коленях.

«Холодно, Фатик!»

Отли Меррингер все предавался воспоминаниям, щеки его раскраснелись. Сенестра убрала из-под руки своего *хозяйина* опустошенное блюдо.

Колокол отзвонил половину третьего.

Двадцать минут на еду. Десять — на уговоры. Пока ем — расспросы.

Компания южных орков за два столика от нас хрюкала, как поросячье стадо. Кожа их раскосых физиономий — красноватая и зернистая — напоминала о песках Гарандрийской пустыни. Я знал некоторых южных орков в свое время и умел различать их по физиономиям, за что они меня безмерно уважали. Компания трепалась об исходе крыс и птиц, позванивая медными бляхами на плотных стеганых кафтанах.

Все меньше времени до гибели Ридондо...

— Расскажешь, что здесь творится, Отли? Чем вы промышляете?

Он замер на полуслове, сморщил потный лоб. Переглянулся с Сенестрой, та, метнув взгляд в глубину зала, чуть заметно кивнула.

— Вы тут надолго? — Она словно диктовала ему, что спрашивать.

— Отплываем в Дольмир на закате.

Он потянулся к выпивке, и тут-то Сенестра накрыла кружку пальцами с аккуратно подрезанными ноготками — мягкий, но непреклонный жест. Отли принял волю рабыни... спокойно.

— Ну, если так... Только ради нашей дружбы, Фатик! Видишь тех особ? — Меррингер незаметно кивнул на служек в мышинных камзолах. — И вон того! — Он указывал на распорядителя зала, которого в Хараште именовали «метродотелем».

— Да, и что?

— Это, дружок, грамотные простецы!

— Поясни.

— Сотни лет в Мантиохии правит Ковенант...

— Знаю об этом.

— Ты молчи и слушай, раз уж нарвался!

— Молчу и слушаю.

Олник расправился с корочкой и с любопытством поглядывал на курицу в меду.

— Ковенант, друг мой, это круг дворян, который владеет всеми землями, домами и прибыльными делами в Мантиохии, бизнесом, если говорить языком хараштийского Синдиката. Местная конфессия Атрея также в его подчинении. Ремесленные лавки — собственность Ковенанта, виноградники — собственность Ковенанта, Торжище, вот это заведение, дома с публичными женщинами, портовые биржи — все это его, и только его собственность!

— Я все это знаю, Отли.

— Все — да не все. Купечества тут нет, дворяне сами себе купцы. Но прибыльных дел — много, а дворян — мало. Кто-то должен исполнять для них черную работу, посредничать между дворянами и деньгами, обслуживать счета, и, как говорится в моем «Крахе гномьего финансиста Герсби Маловеликого», «Сей мир наполнить звоном злата!».

— Понимаю, к чему ты клонишь.

— Здесь драматический нюанс. Патриции и клир издавна берегут чернь от излишков ума, но волей-неволей обеспечивают знаниями тех городских простецов, что обслуживают их интересы. Счетоводы, маклеры, писари, разные старшины, даже служки в портовых кабаках, имеющие дело со звонкой монетой. Разумеешь, Фатик?

Фатик разумел.

Компания орков принялась азартно играть в перетягивание пальцев. По обычаям своей земли, и под чужедаль-

ним кровом орки не снимали меховых шапок с наушниками и острыми пиками на макушке, кажется, опасались, что местные духи могут украсть их мозги.

Отли отдулся, глянул на полную кружку, затем на Сенестру. Та покачала головой. Пучеглазый служка принес кувшин сахарной воды и остался елозить тряпкой по соседнему столу. Я было дернулся налить, но Виджи сама — о, Гритт! — сама налила мне из кувшина. Уж не старается ли она стать хорошей женой по *человеческим* меркам, так, как их видит и понимает? Надо бы ее предупредить, что отношения между Сенестрой и Отли не стоит принимать за единственный образец, хотя ошейник, возложенный Сенестрой на себя добровольно... гм, гм...

Олник, сунувший кружку под горлышко кувшина, остался ни с чем. Тогда этот недоросток (под его весом трещали ножки стула) показал на блюдо с курицей и запросто, будто знал Виджи сто лет, спросил:

— Ты это не будешь? Оно не очень вкусное, честно. Я пожую, ладно?

Виджи не удостоила его ответом. Расхрабрившись, гном осторожно зацепил блюдо кургузым мизинцем и подтянул к себе, после чего над столом разнесся хруст и треск. Я молча жевал, не чувствуя вкуса пищи: когда предстоит серьезное дело, я ем. Гритт, я повторяюсь, да.

Добрая фея повернулась ко мне: зрачки черней безлунной ночи по-прежнему заполняли радужку ее глаз.

— Шепот, Фатик, — проронила она одними губами. — Ощущаешь?

Я слышал только гул таверны, запах дурманной травы, хруст куриных костей и хрюканье орков.

— Каждый сверчок знай свой шесток! — сказал меж тем Отли. Я вздрогнул: он повторил пословицу покойного барона Кракелюра.

Насчет шестка я имел свое мнение, но смолчал. Отли утерся батистовым платочком и возгласил патетически:

— Так вот не желают они знать свой шесток! Хотя живут куда лучше крестьян и чернорабочих. Мутят воду! Ты заметил виселицы?

— Да, но они стояли и раньше.

— Раньше, Фатик, не было таких беспорядков. Грамотные простецы! — Он повел взглядом, приглушил речь, почти распластался грудью на столе. — В Ридондо они организовали тайное общество! Назвали его Безликим Братством, и запустили щупальца во все деревни Мантиохии. Мутят воду среди черни. Хотят, извольте видеть, справедливости и счастья для всех, и чтобы не было власти короля и Ковенанта!

— Экие бесстыдники.

— Преступники! Убивают дворян, напялив на головы холщовые мешки с прорезями для глаз, чтобы никто не узнал их лица! Они колобродят, смущают умы простых людей! Открыли подпольные школы, обучают чернь письму и счету! — Отли очень не любил чернь, десятки раз именно простые люди освистывали его пьесы. «Неправильная, плохая чернь!» — плевался ядом Отли. Впрочем, если чернь принимала пьесу аплодисментами, она тут же становилась хорошей.

Я подумал, что впервые слышу о Братстве. Лет семь назад в Мантиохии были только отдельные смутьяны и еретики. Политика, Великая Торба! Ненавижу политику.

Что ж, все течет, все меняется. Интересно, а Братство — не рука ли страшного прогресса, которого так боится Ковенант? Прогресса умов и социального строя?

Впрочем, не важно. Ридондо осталось жить до заката.

— Это же чума! — заявил Отли, и я снова вздрогнул. Чума... А ведь он угадал мои мысли. — Крепнут разговоры о революции! Братство намерено уничтожить дворян и короля, создать справедливое общество — республику!

— Что, дела настолько плохи?

Отли вскинул глаза, снова прищурился:

— Ковенант не изволил дать мне объяснений, но, как говорится в моем «Образе любострадальца»: «На рассвете птички чирикают громко». Снаружи жизнь Мантиохии достаточно тиха и благостна, а внутри бурлит и вот-вот сорвет крышку.

— А известны лидеры Братства?

— Э? Фатик, душа моя, ты бы спросил еще, сколько лиг до Луны! Они тайные, Ковенант не раздобыл их имен. Это Братство... Оно взялось пять лет назад словно из ниоткуда.

Раз — и пожалуйста. Среди дворян ходят слухи, что это божья кара за грехи отдельных патрициев.

Да-да, божья кара, а еще божья роса.

— Хотя иные утверждают, что за Братством стоит третья сила — но какая, никому не известно.

Третья сила? Хм.

— Шепот, Фатик! — бесцветно сказала Виджи. Она казалась статуей из алебастра.

Гритт! Я не различал никакого шепота!

Дальнейший рассказ Отли был прост. Безликое Братство круто взялось за дело, и за несколько лет изрядно подточило престиж королевской власти. Ковенант, не в силах сладить с тайной организацией (перевешав всех грамотеев подчистую, дворяне крайне осложнили бы себе жизнь), опомнился и нанял бродячую актерскую труппу, чтобы эту власть укрепить. Настоящий Амаэрон Пепка, межеумец, сидел во дворце Верхнего города и тупо гыгыкал. В это время Отли-Амаэрон раскатывал по Мантиохии и, ничтоже сумняшеся, укреплял пиетет к богоданной власти: чинил суд и расправу, лечил наложением рук, призывал выдавать смутьянов и запрещенные книги.

По сути, мой старый товарищ работал провокатором.

Весть о хождении короля в народ широко разошлась по стране и принесла Ковенанту долгожданные плоды, и немудрено: простые люди стараниями патрициев были наивны, как дети.

— Я дарю им чудо видеть государя... — молвил Отли с неясной улыбкой. — А какой прием мне устраивает толпа! — Он окинул меня прищуренным взглядом. — Что хочешь спросить, мой друг? Не променял ли я свой дар на глупости и преступления? А кто сказал, что революция Братства, которую я в меру сил *заглушаю*, благо? Это кровь, и кровь большая. А я давно принял как догму, что штиль всяко лучше бури, и для меня, и для *общества*.

— Некогда ты утверждал обратное. То, что нельзя изменить поступательно, часто ломают через колено.

Он смял креветочный панцирь. Сенестра резанула меня взглядом. Виджи напряглась, только Олник продолжал самозабвенно хрупать косточками.

— Тогда я был молод и глуп, сейчас — стар и умен. Я стар, Фатик, я очень стар... Я за порядок. Меня пугает власть толпы и черни. Мне по душе раз и навсегда установленный порядок, когда каждый сверчок...

Пучеглазый служка опрокинул с соседнего стола пустой кувшин. Кувшин разлетелся на сотню осколков.

Я хотел обмолвиться, что чернь такова потому, что Ковенант издревле держит народ в подлейшей рабской тупости, но сказал:

— Почти как Веринди с ее кастами. Рожденный слугой навсегда слугой и останется.

— Зато там порядок. — Он повторял это слово как заклятие. — Там благопристойно. А я слишком стар...

Недоброе предчувствие кольнуло мое сердце.

— Тебе пятьдесят, старый ты хрен, — сказал я, вымучив квелую усмешку. — Самый расцвет для мужчины.

Немного лести в холодной воде...

Взор Отли прояснился.

— И я не продал свой талант, Фатик, не разменял его на халтуру. Скорее, это творческий компромисс. У меня ангажемент в Верхнем городе. Сегодня вечером я играю для семейства Валентайнов. Патриции — чудесная, просвещенная публика. Они славно принимают любые мои пьесы. Думаю, примут даже ту, что освистала чернь в Харапте из-за одного мелкого карлика...

Гном сделал вид, что не слышит. А я подумал, что люди, они, черт подери, меняются, и, как правило, в худшую сторону. Нехитрая истина, которую каждый раз с изумлением открываешь заново, сталкиваясь с друзьями, которых давно не видел. Жизнь удар за ударом, последовательно выбивает из людей все лучшее, оставляя только эгоизм, самую распаскудную штуковину на свете. Ну а оправдания для своего эгоизма человек всегда найдет. Он обрядит его в одежды возвышенных целей, если понадобится, закамуфлирует, спрячет.

— Патриции охочи до любых спектаклей, даже запретных. Тем более запретных. То, что запрещено для простецов, для них разрешено. А уж как они платят... По окончании гастролей я улыву в Талестру и куплю там дом под театр!

Я спросил, не боится ли он, что Безликие выследят их и оставят трупку на ножи.

Отли беспечно рассмеялся.

— Нет, друг мой. Мы выступаем в гриме, после — разоблачаемся вдали от чужих глаз. На представлении у нас дворянская охрана, одетая под солдат. Кроме того, у меня постоянные охранники, — он мотнул головой в сторону четверки говорливых орков. — Под кафтанами у них ножики длиной с мой локоть. Мы раскатываем по Мантиохии уже вторую неделю, сегодня дали второе представление в Ридондо, и пока — никакой слежки. Однако оставим мои дела: во мне гуляет смутная загадка, что нужен я тебе не просто так.

— Нет, не просто так, Отли.

— Тогда изложи свое дело.

Ну я и рассказал.

* * *

На улице я переглянулся с Виджи, и мы смотрели друг на друга, пока колокол на Башне вызванивал третий час.

Отли сбежал.

Значит, не вышло. Городу конец.

40

— А я точно похож на чумного? — Олник встал; большое овальное зеркало в торце фургона отразило плечистого гнома в подштанниках цвета моркови и ботинках цвета яичного желтка. Он повернулся к зеркалу лицом, или, верней, тем ужасом, которое теперь заменяло ему лицо, и рассматривал свое отражение с некоторым даже удовольствием.

— Ох, батюшки... Бесприданец* какой-то. Нет, я точно похож?

Лицо бывшего напарника напоминало вареную свеклу, глаза окружали чернильные тени, а по его телу я щедро

*Поскольку у гномов матриархат, то приданое прилагается к жениху. Жениха из бедной семьи называют бесприданцем, оных бесприданцев *мужат* весьма неохотно, ибо кому нужен бедный муж?

разбросал полтора десятка багровых, вскрытых лаком гно-
ящихся бубонов.

— Поворотись-ка, братец... Угу... Горожане тебя не забудут никогда, а кое-кому ты будешь до смерти являться в кошмарах.

Он взъерошил короткие черные волосы, высунул и спрятал язык.

— Ну, тогда ладно!

Поскольку борода у Олника еще не слишком отросла, в гриме он походил на крепкого крестьянина невысокого роста, чумного крестьянина, разумеется.

Первый акт пьесы я назвал «Операция „Чумной карлик“ — конечно же про себя. Олнику не стоило знать, что я сравнил его с каким-то там краснорожим коротышкой.

В гримировальном фургоне Отли, который я загнал на Пикник Орна неподалеку Торжища, нас было пятеро: я, Виджи, Олник, Имоен и Скареди. Великолепная пятерка лицедеев, проездом — а верней, проплывом из Ридондо в Дольмир. Спешите видеть, только одно представление — зато бесплатно!

Я пыхтел над гримом, малевал уродства быстрее быстрого и чертовски взмок. Из отдушин в потолке падали густые лучи предвечернего солнца. Нужно сказать Отли спасибо — он подобрал стойкие к жаре краски. Он всегда основательно подходил к гриму и реквизиту, старый и, пожалуй, бывший товарищ.

Виджи благоразумно молчала. Она здорово изменилась после заключения в гареме Фаерано. В ней, я бы сказал, значительно убавилось абстрактного правдоискательства и гуманизма. Сейчас, окажись мы снова под стенами Таргалы, она вряд ли стала упрекать меня в мошенничестве и обмане.

Когда я приказал Имоен сесть к зеркалу и обнажить груди, моя супруга издала чуть слышное шипение. Я отмахнулся:

— Женщины должны узреть женщину. *Человеческую* женщину. И хватит об этом.

За спиной рывкнула рассерженная кошка. Мелькнули золотистые локоны, качнулись полотняные стены фургона:

кроткая Риэль Виджи Альтеро выметнулась наружу, шлепнув пологом о дощатый пол. Скареди чихнул от пыли, и тут же уткнулся в стену, чтобы не видеть наготы Имоен.

Неподалеку колокол церкви Атрея пробил половину пятого. Время уплывало сквозь пальцы, как песок.

Я бестрепетно покрывал тяжелые груди Имоен уродливыми рисунками. Она вздрагивала, сдавленно хихикала от щекотки. На самом деле, чумных бубонов редко бывает больше одного-двух, но чтобы внушить людям страх, вызвать панику, требуется, хм, *сгустить краски*. Я и сгущал — в меру сил, благо Отли в свое время обучил меня тонкому искусству нанесения грима, а в Хараште я тоже иногда практиковался — с подачи Джабара из Ночной Гильдии.

Где-то сейчас мой приятель? Сберег ли собственную голову от смертоносцев и тех гильдийцев, которых собирався прирезать?

Имоен смотрела на меня с некоторой растерянностью, но без страха, однако, когда я поднял взгляд, оценивая картину целиком, на ее щеках разгорелся румянец.

— Мастер Фатик, мне придется... раздеться полностью?

— Оставишь только исподники и сапожки. Подставляй лицо.

В фиалковых глазах лесной нимфы появилось странное выражение: смесь покорности и чего-то, чего я не мог прочесть толком. По-моему, она считала меня безумцем. Как и все из отряда, впрочем. Но у меня не было времени выяснять: подчиняется — и ладно. Не думаю, что так же легко я смог бы подписать на дело Крессинду: она наверняка еще злилась на меня за тот залет с подушкой.

Скареди фыркнул на боковой скамье, дернул себя за пшеничный ус:

— Срамота...

— стыдоба, — эхом откликнулся я.

Набывчившись, он смотрел в стену: огромный, плечистый, вылитый государь Амаэрон Пепка, даже усы в наличии, осталось только бороду наклеить.

— Это что же, выходит, и мне суждена такая роль, мастер... Фатик? Клянусь Барбариллой Стратотерпицей, я не побегу полунагим по улицам сего города, сея кривду!

С паладином будет сложнее всего. Я это знал, помнил его отказ подчиниться мне под стенами Таргалы и оттягивал момент объяснения сколько мог. Если сэр Джонас заартачится, вся пьеса насмарку, а мне... Черт, не представляю, что буду делать в таком случае.

— Я назначу вам другую роль, Скареди, — молвил я, на миг отрываясь от работы. — Нет, язвы я вам рисовать не стану. Вы станете королем Мантиохии.

Он встопорщил усы:

— Я? Королем? Ни за что!

— Станете, Скареди. Я приказываю. Вы проедете через Торжище, призывая людей немедленно бежать из зачумленного города.

— Я обману тысячи...

— Десятки тысяч. Для их же блага.

Складки на его тяжелом лбу застыли в горестном изломе.

— Но я не могу быть королем! Я присягал на верность династии Гордфаэлей!

Гритт, зря я не захватил Монго. Он-то, как будущий наследник династии, мог велеть Скареди исполнять мои распоряжения. С другой стороны, его статус, как я понимаю, не подтвержден Оракулом, а до тех пор...

Я сказал терпеливо:

— Вы будете *играть* короля. Игра не отменит вашей присяги.

Старый рыцарь выпятил подбородок:

— Это ложь, гнусное мошенничество! Я — рыцарь Ордена святого Феникса Батенкура! Я живу не по лжи!

Спокойно, Фатик, без нервов.

Я окунул кисть в черную краску. Имоен дышала тихонько, чуть приоткрыв пухлые губы и зажмурившись.

Последние штрихи...

— В начале пути, Скареди, вы поклялись исполнять любой мой приказ.

Его мощные плечи дрогнули.

— Да! Истинно! Я дал крепкое заднее слово! Любой приказ, кроме отчаянной лжи! Мастер Фатик! — в его голосе звучала мольба. — Я не могу поступать против совести! На мне

уже лежит страшный грех лжи одному... достойному человеку!* Умоляю, не заставляйте меня лгать *десяткам тысяч*!

Совесть... Вот же... В некотором смысле общаться с моральным пуристом сложнее, чем с отъявленным негодяем. На подъезде к Таргале я уже пытался — впустую — втолковать Скареди, что существует ложь во благо.

— Вы не были против, когда я обманом стравил банды наших врагов.

В его горле, казалось, перекатывались камни:

— То была крепкая военная хитрость! И... не я ее совершил! Я живу по совести и чести, и всегда жил, и буду так жить, пока не умру! Нет, мастер Фатик, я... не подчинюсь!

Во мне мелькнуло желание раскроить его башку топором. Моим топором, тем самым топором, без которого все пошло вкривь и вкось с самого начала пути.

— Помогите мне, Скареди. Множество людей умрет, если вы откажетесь *сыграть* государя. Погибнут невинные женщины, дети... Скареди, ложь во спасение не сделает из вас бессовестного человека. Жизнь — сложная штукавина, она преподносит слишком много моральных дилемм, в которых выбор по совести попросту невозможен!

Насчет дилемм я, конечно, перестарался: для старого рыцаря следовало выбирать выражения не столь сложные. Хотя он, кажется, понял.

Его морщинистое лицо — на самом деле, отмеченное печатью благородства — скривилось в бессильной гримасе. Он был готов умереть, лишь бы не принять такую картину мира. Полутонов для него не существовало. Черное — белое. Кривда — правда. Обман одного человека — куда ни шло, грех возможно замолить со временем, но обман десятков тысяч — это жизнь с клеймом лжеца на челе, а потом ад и вечные муки. Он был практически святой, этот Скареди, если понимать под святым человека, который до безумия боится правды жизни. Такому проще жить отшельником в Огровой Пустоши, практикуя исихазм: никаких дилемм, никакой ответственности за *других*, никакого греха. Так воистину станешь святым... для самого себя.

Скареди молчал.

* Скареди имел в виду меня.

Не прекращая зачернять нижние веки Имоем, я начал в уме подбирать слова, чтобы разразиться убедительной речью и, все же, склонить рыцаря на свою сторону.

— Фатик!

Виджи! Я отбросил кисть и сграбастал мечи.

Снаружи мелькали чьи-то тени.

* * *

Отли Меррингер увел глаза в сторону, едва я изложил свой план.

Сенестра показалась мне копией Виджи: такая же тонкая статуя, только из красного дерева.

— Ого-о, — протянул Олник. Он тоже слышал о гибели города впервые.

Отли вздрогнул: мне почудилось, что Сенестра наступила ему на ногу.

— Ты в своем ли уме, Фатик?

— Уж поверь.

Мой старый товарищ взял паузу, потирая седые виски. Ногти у него были холеные, покрытые светлым лаком — так, вероятно, полагалось местному государю.

— «Мы в пропасть полетим, иль избежим беды...» — процитировал он самого себя. — Как же я стар, Фатик! В такие моменты острее всего ощущаешь свои годы... И почему мне кажется, что ты говоришь правду?

— Потому что это правда и есть.

— Ну а откуда ты все это узнал?

— Скажем так: иногда я говорю с богами во сне. Моя жена, эльфийская колдунья, тому свидетель.

Ухо Виджи покраснело. Гритт, не стоит при ней вспоминать мою интрижку с Лигейей-Талаши.

— Значит, боги на самом деле существуют? И Атрей, и Амшах, и Чоз Многогогий, и Горм Омфалос?

— Насчет последнего — не уверен, я не видел Омфалоса во сне, и слава Небесам, что не видел. Но боги существуют, старый ты агностик, это правда.

— Получается, ты стал их пророком?

Я молча пожал плечами.

Имей я больше времени, я досказал бы историю, и, наверное, открыл бы лицедею Бога-в-Себе, но дело с Ридондо стоило решать быстро.

— Но, Фатик... Доказательства?

— Ты заметил сегодняшний исход?

Он кивнул:

— Такое бывает перед пожарами и другими напастями. Я полагал... беды минуют Верхний город.

— Нет. Мне было явлено, что Ридондо погибнет целиком. Весь, с башкой и потрохами.

Отли казался растерянным, более того — испуганным. И еще — старым. Он сжался на стуле, уменьшился, растратил всю чванливость и бравладу. Сенестра пластала меня взглядом. Злая девочка. Я заставил ее господина страдать.

— А как именно погибнет город? — Отли опрокинул в глотку остатки пива.

— Мне не сказали. Знаю лишь одно: он умрет на закате.

— А за что ему такая судьба?

Мир без бога, скрепляющего бытийное начало, распадается, Отли. Ридондо — первая пташка. Но у меня нет времени разжевывать истину...

— Не могу тебе сказать. Считай, так повелели звезды.

— Дай мне слово Джарси, что все случится именно так, как ты пророчишь.

Я дал слово. Оснований не верить Талаши у меня не было. Собственно, и Альбо, пророк Гритта Миротворца, не отрицал, что насчет Ридондо богиня сказала мне правду. Только вину он возложил на Талаши — борьба с нею отнимает у Гритта все время, и ткань реальности приходит в упадок, распадается, как гнилая тряпка...

— Черт знает что! Ты хочешь, чтобы я помог обмануть целый город?

— Нижний город. Верхний не получится спасти. — Да и не стоило, мог бы я добавить. — Патрициев не надурить фальшивым монархом. А людей в чумном гриме быстро сцапает стража. Другое дело — Торжище, ты же понимаешь.

— Понимаю... Лобовая стратегия, м-да... — Отли что-то прикидывал в уме. — Чернь и без того напугана... Может получится... М-да... А ведь получится, я ценю объем идеи!

— Осталось швырнуть камень, и по воде разбегутся круги. Я хочу, чтобы ты стал этим камнем, Отли. Ты — и твоя труппа. — Я показал на Олника, который доедал последнее крылышко. — Этот *без меры симпатичный* гном гружен фрайторским золотом, как ишак. Тебе хватит на два театра в Талестре. Отыграв *спектакль*, вы сядете на «Горгонид» и вместе с нами отплывете в Дольмир. Или укатите посуху на север. В любом случае — Ридондо нужно покинуть до заката.

Он избегал встречаться со мной взглядом.

— Знаешь, Фатик, патриции шутят, что в Мантиохии театр начинается с виселицы...

— Угу. Но на Торжище вы будете сеять за собой хаос. Люди уже подготовлены, паника вспыхнет мгновенно. Стража к вам не пробьется, даже если очень захочет. Ну и вряд ли она захочет: стражники сами постараются поглядеть из города со своими семьями как можно быстрее.

— М-да... Может быть и так, может быть... А много ли с тобой народу, Фатик?

— Четыре человека, два гнома, два эльфа. Отряд.

— О-о, целая труппа!

— Отряд.

— Да-да, отряд. Как, говоришь, называется судно?

— «Горгонид».

— Я запомню. — Он решительно вздохнул и привстал. Мне показалось, что он едва заметным движением просигналил Сенестре. — Я отлучусь на минутку, Фатик. Пиво не любит стоять в очереди, хе-хе. Да, приятель...

— Что?

— Посмотри на себя.

Родив эту загадочную фразу, он исчез в дверях черного хода. И не вернулся. Через пять минут встала Сенестра. Я не сделал попытки ее задержать. Она одарила меня странным, насупленным взглядом и ушла. Четверка орков последовала за ней, а пучеглазый служка, что вертелся поблизости, тут же бросился вытирать загаженный ими стол.

Не судьба...

Отли сбежал. Моему плану кранты.

Я поднялся, бросил на блюдо монеты. И увидел, как по лесенке со второго этажа спускается мой добрый и старый

знакомец — архипрелат Кледц Багдбор в невзрачной дорожной одежде.

Он был бледен, испуган, что-то говорил своему спутнику, точной своей копии, такому же одутловатому мужчине помоложе — по-видимому, брату Марию. Слуги тащили дорожные тюки.

Крысы убегают с корабля. Ну нет, эту крысу я не выпущу. Я пересек зал скорым шагом и заслонил Багдбору путь.

— Архипрелат...

Он вздрогнул и поджал уши. Глаза расширились.

— Ме... мессир!

— Истинно, сын мой. Ты уезжаешь?

— Да! Худые знаки в городе! Опасаюсь чумы либо великого пожара!

— У Престола есть к тебе дело. Вскоре с помощью наших друзей из Ковенанта мы отвоюем Арконию обратно, а там и Фрайтор. Ты станешь нашим управляющим для земель Фрайтора. Не один диоцез, о нет, куда больше! Сегодня оставайся в городе. Завтра за тобой придут.

Он открыл рот в немом вопросе. Его брат — настоящая копия! — проделал то же.

Я снял стружку взглядом с обоих и показал наверх:

— Оба оставайтесь в «Трех вдовах». Завтра поутру за вами пребудет нарочный. С великими почестями вас доставят в Верхний город. Ты, Багдбор, у нас на особом счету!

— А...

— Отправляйся назад и жди посланника.

— А...

— Назад!

Он повиновался. Они оба повиновались. Глядя в спину Багдбора, я выдавил кривую улыбку. Не спасу город, так погублю предателя. Слабое утешение. Мы покинули таверну.

Некуда больше торопиться. Мы направились по набережной медленным шагом. Я давился духотой и утирал пот, Виджи, напротив, мерзла. Я не знал, как ей помочь, и это меня злило. Олник сожалел о вымени (эти звуки я мог бы назвать скулежом голодного щенка), которое так и не отведал.

У пирса, где был пришвартован «Горгонид», вода кури-

лась паром, словно ее недавно вскипятили. Посудина буксировщиков виднелась сквозь легкую дымку.

Странно...

Димеро Бун стоял у борта и созерцал гавань с задумчивым видом. На шканцах высился Скареди: его полуторный меч, которым он разжился в Зеренге взамен Малого Аспида, описывал в воздухе круги. Глыбы плеч и седая грудь рыцаря блестели от пота.

Торба, Скареди слишком буквально воспринял мой приказ «позаниматься как бы между прочим». С другой стороны, надеюсь, он достаточно запугал шкипера и матросов, чтобы те не вздумали рыпаться.

Черт, до чего он похож на Амаэрона с мантиохийских монет, слегка загримируй, одень в королевское платье, и — вот вам государь.

— Мастер Фа-а-атик! — позвала Крессинда голосом, похожим на мычание голодной львицы. Небось, оголодала.

Мы направились к сходям.

Тут раздался цокот копыт, и на пирс вкатился крытый серым полотном фургон, запряженный двумя невзрачными лошаденками. На козлах, подле орка-возницы, восседала Сенестра, черная и мрачная, как безлунная ночь.

Орк остановил фургон рядом с нами и спрыгнул на камень пирса. Сенестра соскочила следом, взметнув полы черных одеяний.

— Хро! — сказал орк, выпучившись на меня, будто я украл у него стальную бляху с кафтана, а может, и меховую шапку, из тех, которыми орки прикрывали на чужбине свой небогатый разум.

— Фатик! — промолвила Сенестра. Голос ее не был любезен.

Позади фургона за крюк был привязан буланый жеребец — статный и лоснящийся, несомненно, благородных кровей.

Черт, да ведь это скакун лже-Амаэрона!

Сенестра не стала тратить лишних слов.

— Тут — все, — она кивнула на фургон. — Грим, реквизит, доспехи Амаэрона, сбруя и седло. Жеребца зовут Кроликом, он смирный. Дай нам час, чтобы убраться из города.

— Хро! — сказал орк, почесав кирпично-красный подбородок.

— Час? — примерно столько или чуть больше мне понадобится на грим. — Хорошо.

Скрипнул ставень. Валеска молча воззрилась на меня круглыми глазами. Гритт, да что с ней такое? Подвесная койка не нравится? Или, наконец, решила признаться мне в чувствах? Скрипнул второй ставень, и на меня молча уставился Квинтариминиэль. Ну уж нет, если мне признается в чувствах этот эльф, я тут же утоплюсь в заливе!

— Мастер Фатик! — взревела Крессинда.

Димеро направился в нашу сторону, широко, по-морячки, расставляя ноги. Всем нужен Фатик, нем ему покоя!

— Отли сказал, чтобы я взяла с тебя половину той суммы, которую ты собирался заплатить ему за *представление*.

Отли? Угу, так я и поверил. Это *ты*, девочка, так решила. Но я заплачу, ладно.

Вместе с Сенестрой и Олником я забрался в фургон. Виджи шмыгнула следом без спроса, под очередное «Хро!» орка.

Грим и реквизит (включая меч Амаэрона) были на местах. Тогда я мигнул бывшему напарнику, и он, распахнув перед Сенестрой полы куртки, начал выгружать мешочки с золотом Фаерано.

Сенестра сказала:

— Отли велел передать, у тебя все получится. Ты же выпускник *его школы*. Ты будешь лучшим режиссером этой пьесы, Фатик.

Сукин сын ловко умыл руки!

— Хро! — сказал я, утирая пот.

— Рядом с Торжищем есть пустырь, известный как Пикник Орна, ты же знаешь его?

Я кивнул.

— Стража туда не ходит. Там у тебя будет время... для грима и репетиций, Фатик.

Сенестра и орк-телохранитель убрались. Я стал собственником гримировального фургона и, по иронии судьбы, тем режиссером, от которого зависели жизни обитателей Нижнего города.

Сам, всегда сам. Спасать мир мне приелось до боли в печенках.

Димеро спросил, готовы ли мы отплыть, и крайне опечалился, узнав, что мы выйдем в море не раньше семи-восьми вечера. Я слегка взбодрил его десятком монет и, отмахнувшись от Валески, занялся делом. Сбор труппы... Наставления оставшимся актерам и грызня с младшим помощником самого младшего помощника по помощи в переноске декораций*. Крессинда... Она не проголодалась, я ошибся. Видите ли, гномам иногда тоже нужно, хм, *проведать ветер*. Я предоставил ей такую возможность. Когда она вернулась на свой пост, я оставил Монго на палубе «Горгонида», велев поусердствовать с мечом, как делал до него Скареди.

— А куда вы едете, мастер Фатик? — поинтересовался этот недоделанный наследник.

— Пикник Орна, тебе полегчало?

Он произнес название молча, одними губами, замедленно кивнул. С-стихоплет, м-м-мать, он наверняка уже рифмовал в уме «пикник», «блудник» и «плавник», сочиняя очередную героическую песню.

Я затрамбовал свою труппу в фургон, и мы отъехали.

Проезжая по набережной, я ощутил мимолетный зуд между лопатками. В последний раз такое случалось, когда меня выслеживали гшааны Сколдинга Фрея.

От воды продолжал подниматься белесый пар.

* * *

Дело происходило, как я уже говорил, на Пикнике Орна. Когда-то давно тут был квартал магов, которые занимались разнообразными оккультными и метафизическими изысканиями. Как гласят легенды, изыскания под водительством мастер-мага Орна однажды привели к тому, что открылся портал — эльфы называют его *вартекс* — в другой мир, и из вартекса вышло *нечто*, крайне недовольное тем, что его потревожили. «Присел магичок на пикничок», как шутили впоследствии в Ковенанте. Магов *нечто* сожрало, квартал порушило и напоследок подвергло долгоирающему прокля-

* Надеюсь, Квинтариминиэль не обидится на меня за такой титул.

тию. Суть проклятия заключалась в том, что всякий, посещавший окаянный квартал, внезапно обнаруживал, что из его карманов исчезли все деньги. Ужасная чужеземная магия! За два века проклятие почти рассосалось (из кошелька могли пропасть штук пять-десять мелких монеток), но горожане и приезжие все равно опасались тут появляться — считалось, что проклятие безденежья будет тянуться за тобой несколько месяцев. Стража тут тоже не показывалась: квартал, в котором исчезают деньги, это вам не дурацкое кладбище с бродячими упырями, не вампирье гнездо, не логово кровожадных некромантов, это по-настоящему *страшное* место. Что касается какой-нибудь защитной стены, то Ковенант не желал выделять на нее средства. Для иностранцев и тех, кто умеет читать, у въездов на Пикник висели проржавевшие таблички:

«ЗДЕСЬ ПРОПАДАЮТ ДЕНЬГИ!»

Вспугнув пару бродяг, я загнал фургон на маленькую площадь, усыпанную осколками кирпича и камня, заросшую бурьяном, поставил поперек, привязал лошадок за чембурь к крюку, выступавшему из стены. Неподалеку плескался обводной канал и глухо шумело Торжище, но шербатые стены надежно укрывали площадь от чужих глаз. Здесь пахло крысами и котами, а подножия развалин покрылись тускло-зеленым мхом.

Тут я и начал претворять свой план в жизнь, пока...

— Фатик!

Я выскочил из фургона, готовый рвать, метать, рубить и кусать.

Разумеется, у нас были гости. Много — больше двадцати человек.

Безликое Братство.

Готовясь к акции, члены братства напялили на свои, несомненно, разумные головы холщовые мешки с прорезями для глаз. Думается, так они поступали и раньше — не только для убийств неудобных, если таковые случались, но и на сходках. Чтобы никто не догадался.

Концы мешков торчали, как демонские рожки.

Одежда большинства — неброская, бедная, но в руках — дубины, кинжалы и топоры. Не боевые, хвала Небу, — мяс-

нищие да колуны, с которыми не отбиться от меча, даже если ты умелый боец, закаленный мастер.

Горожане... Ученые простецы... Вряд ли хоть один из них надел кольчугу под одежду. Впрочем, как и я. Откуда мне было знать, что дело вот так обернется?

Толпа заполнила выезд с площади, по сторонам — в дырчатой тени бывших улиц и переулков, тоже стояли вооруженные люди. Когда я подобрал клинки Гхашш и выпрямился, толпа заметно отшатнулась, раздались испуганные восклицания.

Щенки. Щенки зубастые и глупые.

Но я не знал меры их фанатизма.

Из толпы шагнул невысокий человек без оружия, его глаза блестели в прорезях мешка.

Он выдвинулся на просцениум, став от меня в пяти ярдах, и грозно выкрикнул:

— Попались, молодчики!.. Актеры! Провокаторы! Прихлебатели Ковенанта! Змеи на груди народа! Бросайте свое оружие и следуйте за нами, чтобы предстать перед честным судом Безликого Братства!

Приняли нас за сообщников Отли, надо же.

Голос молодой, знакомый... Где же я его слышал? И слышал — недавно!

Я сделал вид, что колеблюсь, чтобы получить несколько мгновений на раздумья.

Не хочу их убивать. Они, черт, *хорошие* люди, несомненно желающие своей стране добра. Как бы нам избежать кровопролития? С другой стороны — справедливый суд Братства наверняка закончится смертным приговором для всех нас, а если мы схлестнемся, но не одолеем толпу, жители Ридондо погибнут. Да и мы, скорее всего, не доживем до суда.

Вот вам дилемма, дорогой Скареди. Праведники против праведников. Что вы скажете на это, а? Да, конечно, легко и приятно уничтожать черное зло и злобных злодеев, а вот как бы вы поступили в нынешней ситуации, если бы знали правду?

Негромко заржал Кролик, привязанный рядом с лошадками. Я собирался седлать его в последнюю очередь.

— Виджи — в фургон, — краем рта произнес я. — Скареди — ко мне. Имоен — внутри. Олник — пока тоже.

Мелькнули золотые волосы. Эльфы движутся стремительно, как песчаная буря. Шлепнул полог, в фургоне забряцало оружие.

— Мы не комедианты, — соврал я громко и не вдохновенно, ибо сейчас мы как раз были комедиантами. — Мы путники, едем в Дольмир...

— Лжецы, будьте вы прокляты! — яро вскричал человек, и толпа зашумела. — Мы долго выслеживали вас, и вот — час искупленья пробил! Ваши предводители уже схвачены и ждут справедливого суда!

Отли, Сенестра... И не пояснишь бестолковым Братьям, что сейчас — вот конкретно сейчас — все делается для их блага.

Скареди выбрался с мечом наперевес. По левую руку от меня легко, как пушинка, приземлилась Виджи. Хоть удавись — а сделает по-своему, непослушная девочка. В ее руке блеснул клинок.

Толпа дрогнула, заволновалась. Угу, мои дорогие конфиденты, я здесь не один такой крутой, нас — много. Надеюсь, все обойдется, и мне, дорогие конфиденты, удастся вас попросту распугать.

— Бросайте! — Голос человека «дал петуха». — Бросайте свое грязное железо и следуйте за нами, подговорщики, подстрекатели!

— Кто сии злыдни? — осведомился Скареди гулко и без малейших признаков страха. — Что им надо от нас?

— Они ошиблись! — сказал я так, чтобы нас слышали и те, кто отирался по сторонам. — Они ошиблись. Они идут другой дорогой.

Черта с два. Предводитель выставил подбородок и крикнул:

— Мы здесь, и мы никуда не уйдем! Мы на своей земле! Сдавайтесь, чтобы предстать перед честным судом Братства!

— Олник, твой выход, — негромко позвал я.

— Ась? Чего ты говоришь? — Гном высунулся из фургона по пояс. На свету его красная ряха и малиново-желтушные бубоны производили незабываемое впечатление. Толпа ахнула и подалась назад.

— Чума! Черный мор! Смерть! Смерть! — эти восклицания райской музыкой отдались в моих ушах.

Но предводитель был не лыком шит. Он прищурился, блеснул глазами и крикнул:

— Актеры! Они актеры, растленные души! Это же грим! Братья, вспомните, что говорили нам *наставники*! Это *загримированные лжецы*! И мечи у них *бутафорские*! Бей их, братья! За нашу свободу!

Толпа двинулась в наступление. Глаза, как искры, сверкали в прорезях мешков.

Не вышло по-хорошему. Что ж...

Я ринулся к предводителю и — вот тебе бутафорский меч! — ударил краем гарды чуть ниже удивленных глаз, добавил ботинком между ног, а когда конфидент согнулся, врезал рукоятью по загривку.

Братья взревели злобно:

— За нашу свободу!

— Скареди, тыл! — гаркнул я, закручивая клинки мельницей.

Братья атаковали незамысловато, и я успел ранить троих, прежде чем сбоку блеснул меч. Виджи читала мои мысли: ее клинок вновь превратился в змейку, как тогда, у ручья, только сейчас эта змейка наносила легкие, поверхностные раны. В четыре меча и одну колотушку мы молниеносно рассеяли толпу. Братья были дилетанты в боевом деле, хотя энергии и энтузиазма им было не занимать. Они отступили, сгрудились в проезде меж утлых стен, поправляя мешки на головах и взрыкивая. Пятеро перед нами елозили ногами по битому кирпичу, зажимая неопасные раны, шестой умудрился упасть на мой меч и готовился стать покойником. Седьмой — предводитель — был погружен мной в долгий, но совсем не сладостный сон.

Я оглянулся: меч старого рыцаря взметнулся за корпусом фургона — и опустился. Следовало предупредить Братьев, что наш паладин шуток не понимает и миндальничать не любит.

Кролик негромко ржал и бил копытом. Кажется, то был боевой конь, привычный к виду крови и смерти. Лошадки, напротив, пытались сорваться с привязи. Я кликнул Имоен, чтобы та попыталась их успокоить.

Антракт. Олник подошел ко мне с колотушкой.

— А быстро тут! А кто они все такие, а?

— Хорошие глупые люди, мыслители без мозгов. Хотят, как водится, справедливости для всех, но плохо понимают, как ее достичь, — сказал я, всучил ему клинки и, нагнувшись, подтащил к фургону предводителя конфиденентов. Он завязал бечеву на макушке простым узлом. Я дернул за него и рывком стащил мешок.

Гритт! Пучеглазый служка из «Трех вдов», тот самый, который ужаснулся вопросу Олника о кахаве. Маленький незаметный человек. Маленькие люди, которых мы никогда не замечаем...

— Шепот, Фатик... — промолвила Виджи. Ее снова закололо, как в лихорадке.

— Э, Фатик! — сказал Олник. — К нам гости еще.

Я посмотрел: толпа в проезде прижалась к стенам; к нам неторопливо направлялись шесть человек с начисто выбритыми головами. Мешков и масок они не носили, а в руках держали сабли. Лица покрыты синими штрихами татуировок — густо на лбу, скулах, чуть меньше на щеках и подбородке. Штрихи резкие, хищные, благодаря им лица похожи на тигриные морды. Не хватает только хищного оскала...

Кверлинги из Одирума. Маги из Талестры частенько нанимают их для охраны.

Взглянув поверх их голов, в глубину проезда, я заметил кое-что еще.

Задник цветастой кибитки, притаившейся невдалеке за обломком стены.

В кибитке, несомненно, был маг.

Вот вам и третья сила, о которой говорил Отли.

41

Конечно, старина Фатик рос среди горных варваров, и вдобавок имел сводного брата-недоумка (успешного брата-недоумка, замечу), но даже ему хватило ума сложить два и два, чтобы кое-что понять.

А понял я вот что.

Талестрианские маги замешаны в делах с Безликим Братством. И я буду не я, если эти маги — один уж точно — не играют роли тех самых наставников, о которых в запале упомянул служба.

Наставников — или кукловодов, а?

Полагаю, дело было так.

Узнав новости, маг отправил Братьев, намереваясь загрести жар чужими руками, а сам спрятался неподалеку, чтобы наблюдать, как будут продвигаться дела, не очень-то доверяя боевому умению местных конфиденстов. Когда артисты показали зубы, чародей послал своих телохранителей, чтобы те разобрались с зубастыми комедиантами.

Стало быть, не все кудесники улепетнули из города, один задержался. Очевидно, ситуация с актерами и фальшивым Амаэроном настолько заострилась, что он пошел на риск засветиться перед Ковенантом, и сам решил принять участие в поимке остатков актерской труппы.

Один маг?

Хорошо, если один.

С одним паршивцем мне поможет совладать моя супруга, эльфийская ведьма, а вот пара магов — это уже серьезная проблема, ибо в Академии Талестры обучают не только наложению противоблошинных заклятий. Если маг подберется к нам поближе...

Что-то слишком много талестрианских магов попадает на моем пути к Оракулу. Поправка: деятельных, шустрых магов. Сначала Фрайтор, теперь Мантиохия — в обоих случаях маги принимали живейшее участие в обустройстве политической жизни поименованных стран... А если завтра я повстречаю их в Дольмире? И что они затеют там, хотелось бы знать?

И — как они узнали, что мы будем на Пикнике Орна?

В глаза снова ударил отблеск со стороны кибитки. Маг, по-моему, рассматривал меня сквозь подзорную трубу.

Безликие теньями застыли среди развалин. Ждали.

Я ждал тоже.

Шестеро кверлингов приближались.

Тридцать ярдов... Двадцать... Они шагали раскованно, неторопливо, склонив сабли к земле. Ни грана показной

воинственности. Люди шли делать дело: убивать. У всех татуированные лица и свободные, неброские одежды. Вот уж под ними наверняка — кольца.

Я отобрал у Олника правый клинок Гхашш и приставил острое к шее служки. Взглянул на неторопливую шестерку. Никакой реакции, как я и думал. Маски, правда, заволновались, но маг и его присные плевали на возможную смерть предводителя Братьев. Он был разменной пешкой в большой игре, правил которой я не знал. Тогда я быстро затолкал несчастного под фургон, выпрямился и забрал у гнома второй клинок.

— Фатик? — Виджи взглянула на меня вопросительно, а я содрогнулся: темнота все еще заполняла ее глаза, темнота ледяная и глубокая. — Очень холодно... Шепот. У нас мало времени...

— Я знаю. Соберись. Вон там за развалинами — маг. Возможно, он готовит нам подлянку.

— Д-да... А что такое... подлянка?

Эльфийка, Великая Торба! Эльфийка!

— Подлянка — боевое заклятие особого рода. — Это я тонко ответил! — Будь начеку и держись позади меня. Имоен, брысь в фургон!

Я утер пот, крутанул мечи, огляделся. Если атаку телохранителей мага поддержат Братья, это будет мне на руку: Братья насядут скопом, мешая друг другу и моим *настоящим* противникам. Но тут я заметил, что Безликие стремительно улепетывают, растворяются среди развалин. Им дали отбой, видимо, решив, что наемные рубаки справятся с нами без посторонней помощи.

Хм...

Шестеро против четверых, а ведь есть еще и маг.

Скверный расклад.

Виджи застыла, глядя прямо перед собой — тонкая, хрупкая. Губы беззвучно начали шевелиться; меч опустился, а затем вывалился из ослабевших пальцев.

Пытается *услышать* мага? Гритт, значит, я могу рассчитывать на Скареди и Олника. В Зеренге мы не раздобыли для Имоен пристойного лука, у нее имелся только охотничий нож, идти с которым против сабель — самоубийство.

Раненые начали отползать в сторону проезда, загребая руками, один полз медленно, в бок, пятная кровью известняковую щебенку; напоревшийся на меч был уже мертв.

Пока я угрюмо соображал, что делать, головорезы обошли раненых и остановились ярдах в десяти от нас, все еще в тени проезда.

Обменялись короткими репликами.

Я расслышал что-то вроде «*кар ми сгер макон*» и мысленно кивнул. Я примерно знал, как звучит боевой язык кверлингов* Злой Роты, даже знал отдельные слова, те, что просочились в свое время за стены казарм этой армии наемников из пограничного с Талестрой Одирума. Увы, но запас моих слов этого языка был слишком ничтожен, чтобы понять, о чем они говорят.

На Южном континенте кверлинги Злой Роты занимались примерно той же работой, что и варвары Джарси, были нашими конкурентами. Они существовали над привычной человеческой моралью, считая себя не людьми, а отдельной расой (расой благородных воинов), а значит, им дозволялось свободно причинять боль и страдания *маленьким людям*... Гритт, у меня нет сейчас времени пояснять. Коротко: это еще те мрази. И, разумеется, кверлинги и Джарси находятся в неприкрытой вражде.

— Олник, *грошта марр!* — быстро сказал я. Вот вам боевой язык, красавцы — язык гномов, который вы не знаете хотя бы потому, что гномы не селятся на Южном континенте дальше Дольмира.

Он нагнулся и сцапал увесистый обломок ракушечника. У Дул-Меркарин Олник запросто раскроил черепа аграбанцам, метая в них камни, но тогда он обстреливал их с развалин башни, а здесь, на площади, у него будет время только на один бросок.

Кверлинги начали расходиться, охватывая нас широкой дугой; с их клинков янтарными каплями соскальзывало солнце.

* О кверлингах будет подробно рассказано в третьей книге этой истории. Там же вы узнаете, с какой радости я вдруг получил титул «Фатик — Губитель магов». Ну и о Прыгающем чародее тоже услышите. Ах да, и конечно же *падающие* заклятья и дракон...

Шесть крайне опытных бойцов. Хорошо, что за нашими спинами фургон, с одной стороны которого привязаны лошади.

— Олник, прибай первого, после держись справа от меня. Скареди, на ту сторону фургона, охраняйте наши спины от Братьев, если еще вздумают высунуться. Вступите в общий бой, когда я прикажу.

Он смерил кверлингов прищуренным взглядом:

— Клянусь полушкой, это злые люди!

Именно так, дорогой мой паладин, именно так. А еще один кверлинг вполне может наладиться в обход. Они ведь за просто бьют в спину.

Я шагнул вперед, распутив губы в плаксивой гримасе:

— Помилуйте нас, умоляю!

Они купились, и молча перешли в атаку, как видно, надеясь разделаться с нами в мгновение ока (большого, слоновьего).

Мимо меня просвистел каменный снаряд. Он с хрустом угодил в лоб кверлингу справа и опрокинул его на спину. Миг замешательства позволил мне прыгнуть вперед и достать одного из братии в плечо. Вторым ударом я намеревался развалить ему череп, но кверлинг успел откатнуться, и лезвие меча Гхашш пропахало борозду поперек его татуированной рожи. Затем мне стало не до ухарства: на меня и Олника надели трое, а четвертый — по стеночке — начал подбираться к моей супруге. Убить безоружного для них — такая же доблесть, как и победить врага.

— Эркешш махандарр!

— Великая... х-х-ха!

Бам! Звяк! Тресь!

Меня взяли в клещи почти мгновенно, и если бы не Олник, который оберегал меня с правого бока, давно бы порубили на кусочки. Засранец ловко отражал удары колотушкой — стальным навершием и рукоятью из дуба, мореной гномами в таком хитроумном растворе, что крепостью она теперь не уступала настоящему железу.

Я вертелся, как уж на сковородке. Будь у меня один меч или топор, по мне давно бы пели отходную. Два клинка

позволяли держать оборону против двух наемников, балансируя на грани гибели.

Веером летели искры. Щербатые стены вокруг маленькой площади отражали звон и скрежет ударов, казалось, прямо мне в уши.

От кверлингов разило табаком и какими-то едкими пряностями. Они бились молча, старались сдвинуться так, чтобы солнце слепило мне глаза.

Улучив миг, я поймал взглядом Виджи. Она застыла, впала в транс с широко раскрытыми глазами. Наемник был почти рядом, еще немного — и нанесет удар под грудину...

Рискуя попасть под сабли, я начал продвигаться к Виджи, пятясь боком, как сухопутный краб. Слишком медленно... не успею... Но и быстрее нельзя: одно неверное движение, и две сабли изрубят меня на кусочки.

Тут я вспомнил, что Братья бежали, а седьмой кверлинг, кажется, не явился, и значит, старый паладин может...

— *Скареди!*

Рыцарь ответил на мой отчаянный вскрик, но еще раньше среагировала Имоен. Она высунулась из фургона и коротким броском, практически в упор всадила охотничий нож в горло наемника.

Через миг справа от меня Скареди взмахнул клинком. На короткое время нас стало трое против троих.

— Кольчуги! — сказал я, давась духотой. — Они в кольчужных жилетах!

Олников первенец наконец-то очухался и вступил в бой, злой, как потревоженный шершень. Кровь из разбитого лба расчертила лицо боевыми узорами северных орков. Жаль, что под рукой Олника оказался ракушечник, а не гранит — тогда бы кверлинг уже странствовал по Небесам.

Раненный мною все еще не мог толком оттереть кровь с лица. Ну а мы топтались, хрипели, шаркали, поднимали волны пыли и обливались потом в отчаянной рубке. Где-то позади лошади ржали и били копытами. Казалось, минула вечность, хотя на самом деле прошло немногим больше минуты.

Я увидел сквозь удушливую пыль, что кибитка мага все еще торчит за углом. Это взгляд дорого мне стоил.

Шершень ужалил меня в левое плечо.

Это было настолько внезапно, что я упал на колено, выпустив меч из раненой руки. Две сабли мелькнули в воздухе, расшвыривая капли кипящего золота. Под одну бросил меч Скареди, под другую прыгнула Олникова колотушка. Удар третьего кверлинга я кое-как отразил, затем — кое-как встал и кое-как вступил в схватку. Мир подернулся серой мутью, в которой вспыхивали искры от ударов. Клинок Гхашш мерзко звякал под ногами. Нагнуться за ним значительно умереть.

Я озлился, хрипя и ругаясь, надел на кверлингов. Даже с одним мечом и раной в плече, один Джарси стоит пятерых из Злой Роты!

А вот наемники поумерили пыл: негодяи верно оценили шансы, и теперь ждали, пока я вымотаюсь, потеряв достаточно крови. Тогда они расправятся со мной, а после — в четыре клинка — с моими соратниками.

Имоен мелькнула сбоку. Окровавленный нож качается в руке. Извини, девочка, но ты лишняя. Прицельно швырнуть нож в такой свалке невозможно: всегда есть шанс угодить в товарища. Она поняла это и рискнула вступить в бой, и тут же отлетела к стене — кверлинг ткнул ее гардой в висок, но не добил — я заслонил ему путь.

В какой-то миг схватка развалилась на поединки. Двое кверлингов против Скареди, двое — против нас с Олником. Пятый, зажимая ладонью рассеченный лоб, чтобы кровь не заливала глаза, ковылял в мою сторону, как пьяный матрос.

— Олник! — крикнул я. — *Трогх вард! Вард!*

Ему не потребовалось лишних пояснений. Он чуть сдвинулся, перекрыв мою линию обороны, так, чтобы наши противники сошлись против него, и кувыркком полетел им в ноги.

Один кверлинг упал, второй пошатнулся, и вот ему-то я стремительным выпадом пронзил горло. Первый за это время узнал, как работает гномья колотушка. Свои впечатления он изложил уже на Небесах, которые Гритт Проклинатель... Ну вы помните, да?

Раненый бросился на нас, издавая пронзительные вопли. Все-таки не такие уж они суровые, эти кверлинги.

Я убил его.

Оглянулся. Понял, что не успею.

Наемники прижали Скареди к стене, вышибли меч и занесли сабли для ударов.

Прощай, старый рыцарь!

Конец тебе, Нижний город!

Из ближайшего к рыцарю проулка метнулась серая тень в остроконечном капюшоне. Блеснул тонкий клинок-змейка... Два косых удара под колени — два человека с подрубленными ногами. Еще два стремительных удара — и головы кверлингов скатились с их плеч.

Неизвестный повернулся ко мне, пока Скареди обессиленно сползал по стенке, отбросил капюшон засаленной морской робы, брюзгливо оттопырил нижнюю губу, и, тряхнув блондинистыми патлами, вздорным голосом изрек:

— Дурня кусок и помойный шут! Боец с перхом! Я же сказал, варвар: черные камешки! Черные камешки!

Не предложил мне сожрать кекс, уже хорошо.

— Спасибо вам, Квинтариминиэль, — произнес я, в первый, пожалуй, раз выговорив его имя без запинки, хотя мое сердце как раз требовало хватать воздух ртом и запинаться.

Здесь бы полагалось дать занавес, но день еще не кончился, а большие дела — только начинались.

Принц смерил меня утрюмым взглядом и кивнул в сторону порта:

— *Чуждое* близится за мной по пятам. Торопись в своих действиях, варвар!

Меня передернуло: как и у Виджи, в его глазницы вставили по куску черной яшмы.

Он сунул клинок под робу, в ножны, что перевесил со спины на пояс, и направился к Виджи. Моя супруга по-прежнему находилась в трансе, более того, мне показалось, что он углубился: она мерно раскачивалась, сомкнув подрагивающие губы и переплетя пальцы обеих рук на стороне сердца. Ветерок бросал золотистые пряди на широко открытые глаза.

Неужели маг настолько занял ее мысли?

Я развернулся к проезду, все еще задыхаясь. Из кибитки выбрался человек. Высокий и тощий, черноволосый,

похожий на сороку острым шнобелем и блестящими глазами. Оранжевый балахон болтался на нем, свисал многочисленными складками.

Не разделяй нас тридцать ярдов, я бы обязательно расспросил его о чудодейственном рационе, благодаря которому он достиг таких успехов в деле умерщвления плоти.

Он чуть заметно кивнул, бросив на меня странный взгляд, точно запоминал на будущее, затем посмотрел в сторону моих эльфов. Вновь кивнул, сложив руки на впалой груди. Я хранил спокойствие: для убийственного удара чарами расстояние слишком велико.

Я просто стоял и смотрел, чувствуя, как наливается тягучей болью проколотый бицепс и слушая охи и вздохи Имоен. Если маг двинется вперед — у меня есть Виджи. Да и сам я не промах, я все еще на ногах и могу драться. Моя эльфийка отведет заклятье, а я тем временем проткну чародея. Кроме того, Олник всегда успеет прибить мага камнем. Камень в руках гнома куда опасней боевого заклятья, стоит признать.

Рядом засопели: бывший напарник склонился над кверлингом и деловито обыскивал его карманы. Гномы, может, туго соображают, но своей выгоды никогда не упустят.

Взгляд мага вернулся ко мне. Станный он был, этот взгляд, вот только я не мог понять, что означает его странность. Вдруг по губам чародея скользнула усмешка: едва заметная, но я ее разглядел. На самом краешке моего сознания забрезжила мысль, что этот чернявый, Гритт его маму за ногу, спокойно отнесся к проигрышу. Он знал, понимаете, знал, что проигрыш партии не означает проигрыша в *игре*.

Он *знал*, что игра не закончена, что новая партия состоится обязательно.

Я выбранился, заковыристо и грязно.

Глаза мага расширились. Он метнулся в кибитку, и та взяла с места, когда ноги чародея еще были снаружи.

Удрал! И вряд ли от моих ругательств.

Я оглянулся.

Виджи, сотрясаясь от судорог, падала на руки принца, а на площадь со стороны порта вкрадчиво, сонно, выстилая дорожки сквозь проулки, вползал светло-белый туман.

Квинтариминиэль плавно опустил Виджи на землю, присел, удерживая ее голову на руках. Лицо моей женщины было искажено болью, губы странно шевелились, будто она пыталась и не могла выговорить какую-то фразу. Сквозь неплотно закрытые веки виднелись белки глаз.

Черт... Я бросился к ней, стряхивая кровь с пальцев, но принц выставил перед собой ладонь.

— *Тион!.. Чуждое* явилось, — молвил он глухо, и показал на туман, уже оплетававший колеса фургона. — Пьет жизнь, магию... Магам плохо, всего хуже... Торопись вскорости, варвар. Торопись, ибо воистину — и ей, и мне, и нам скоро...

Тут он употребил вполне человеческий оборот, который я никак не ожидал услышать от этого утонченного брюзги.

42

Быстрее...

Мы занесли Виджи в фургон. Пока Квинтариминиэль (пускай вечно икают родители, давшие ему такое имя!) что-то чирикал на языке Витриума, я бросил на пол несколько сценических костюмов и уложил на них свою супругу. Ее тело показалось мне легким, просто пушинкой, как тогда, на самоходе карликов, когда она истекала кровью...

Она молча поджала колени к груди, обхватила их тонкими руками, дыша прерывисто, закрыв глаза и плотно стиснув губы. Я коснулся ее щеки и отдернулся — щека обжигала холодом.

— Принц?

Его взгляд окатил меня презрением. Два ведра хорошо выдержанных помоев, не меньше.

— Бог-ужасный! Гибель рядом... Торопись быстро, *крен-тенел друо!*

Крентенелом был, разумеется, я.

Он сбросил робу и, звякая клинком, присел рядом с Виджи. Запустил левую ладонь под ее густые волосы со стороны затылка, правую положил на хрупкое плечо, склонил голову и застыл.

— Что с ней, принц?

— На закате.

Из некоторых эльфов слова надо выдавливать прессом для отжима виноградного сока, а затем фильтровать через три слоя ткани, и все равно ничего не будет понятно.

— Я спрашиваю, что происходит с моей женой?

— *Чуждое...*

— А точнее?

В повозку сунулся Олник: изуродованная гримом рожа — довольная, в руке — глухо звякающие кошельки.

— Эркешш... Фатик, там твой этот, которого ты под фургон запрятал... Вот-вот очухается. Я его пристукну?

— Нет! Скажи, чтобы не рыпался, а то убьют. Что происходит с Виджи, принц?

Принц шевельнул плечами — на полпальца, не больше.

— Ее беспорядок уйдет, если ты поторопишься. *Чуждое* явилось... Прореха в бытийном начале... Прожорливое как гном ничто. Тянет жизнь, магию... Гибель, распад, *рекон рок!*

Да ведь ему тоже худо, внезапно понял я. Вон как побелели лоб и щеки. Но Виджи — хуже. Она эльфийская ведьма, и туман высасывает из нее магическую энергию, что составляет саму суть жизни любого мага.

— Мне повернуть к кораблю, принц?

Его глаза тускло блеснули: два черных провала на алебастровом лице.

— *Крентенел*, варвар... Глупый исход. Она *знала*, как будет. Делай, что начал...

— Она... *знала*?

— Воистину разглядела плетение.

— *Знала* — и не сказала? Яханный фонарь!

— Ради тебя, — обронил принц насуплено. — Ты задумал благородный труд дурака. Ты для нее на видном *насе-сте, человеке*.

Он, очевидно, имел в виду «на видном месте». Я упал на колено, потянулся к Виджи, но принц отбросил мою руку, словно я нес на кончиках пальцев все горести и беды эльфийского народа.

— *Тион!*

Ну, по крайней мере, несколько слов на эльфийском я уже выучил...

— Что с ней теперь будет?

— Ничего, как и всем... Если ловко уйдем до заката. Тебе нужно размотать руки и создать усилия по высшему классу! Оседлать прекрасный драндулет и двинуть на, иначе дело закончится с треском!

Проклятье, о загадочном тумане, напозлшем из прорехи бытия (если я верно понял слова эльфа), богиня не сказала ни слова.

Чужеземный туман, или что-то, *похожее* на туман, что вытягивает жизнь и магию в первую очередь из... эльфов. И магов, Великая Торба, и магов! Вот почему талестрианский колдун удрал, едва на площади появился туман. Вот почему принц был так взбешен на борту «Горгонида». Виджи запретила ему говорить, и он послушался — не мог не послушаться, но увязался за нами, чтобы помочь — не мне, разумеется, ей. Гритт, кем же они приходится друг другу? Вот будет сюрприз для старины Фатика, если окажется, что эльфы практикуют многожизние, или, того хуже, полиаморию, как хламлинги Южного континента.

Ладно, сомнения в сторону, думай над делом, Фатик! Еще недавно ты рисковал жизнью отряда, чтобы выиграть войну и спасти Виджи. А теперь — раз дело зашло так далеко — ты готов рискнуть ее жизнью, чтобы спасти горожан?

Эльф сказал, что с ней все будет хорошо, если мы уйдем до заката...

Значит... Значит, так. Если сейчас — вот сейчас, мне удастся уговорить Скареди на эскападу, я рискну. Но если... Гритт, как мне заставить Скареди, этого чертова морально-го пуриста, сыграть Амаэрона? Проклятый паладин! Я убью его, точно — убью, если он и сейчас заартачится!

Быстрее...

— Олник, наружу. Стереги пленника. И позови Скареди.

— А...

— Просто стой возле него с колотушкой, угрожай, если надо, но не убивай и не калечь! Гритт, я о пленнике говорю! Имоен!.. Перевяжи рану.

Я сбросил куртку и сорочку, и предоставил руку хлопотам лесной нимфы. Та начала делать перевязку из подручных средств, ловкими точными движениями, только раз

удивленно покосившись на мою грудь, больше не украшенную похабенью. Рана не выглядела серьезной, простой укол, не слишком глубокий, но болезненный и кровоточащий. Кверлинг не рискнул потянуть саблю вниз, распарывая мое плечо, и я, можно сказать, легко отделался. Промыть и хорошо перевязать рану можно на борту «Горгонида», сейчас для этого нет времени. Сама Имоен тоже счастливо отделалась — скользящий удар не сломал височную кость, а лишь слегка оглушил.

Скареди забрался в фургон — громадный, еще не остывший от драки. Посмотрел на свой меч, жалкую букашку по сравнению с Малым Аспидом, вздохнул горестно. Увы, в Зеренге гномы не держали клинков больше себя ростом.

— Господин Кви... Кве... — рыцарь запнулся. — Господин эльфийский принц, от всего своего сердца я выношу вам горячую благодарность за свое спасение.

Принц склонился над Виджи с отсутствующим видом. Тут-то меня и осенило.

— Скареди, — произнес я. — С этой минуты вы свободны от слова, которое дали мне в «Полнолунии».

Он озадачился:

— От того самого крепкого заднего слова?

— Именно. Теперь на вас долг крови, долг жизни вот этому эльфу. Вы должны ему. Должны — по числу противников — дважды.

Он кивнул:

— Должен, так! Поганный полуторник — не мое оружие! Ежели б я имел при себе свой добрый верный...

— Да, конечно. А теперь слушайте внимательно. Если вы откажетесь сейчас исполнить просьбу Квинтариминиэля, вы навсегда покроете позором свои седины, а уж я озабочусь, чтобы весть о вашем позоре достигла самых отдаленных уголков Фаленора!

От Скареди накатила волна злого жара:

— Я человек чести, мастер Фатик!

— И согласны отплатить за свое спасение сторицей?

— Так! Я отплачу, как и полагается благородному человеку!

— Квинтариминиэль хочет, чтобы вы немедленно, вот

прямо сейчас, сыграли государя Мантиохии Амаэрона. Верно, принц?

— Шепот, — молвил принц чуть слышно. — Холод внутри моей души... Я хочу игры паладина прямо сейчас! — после чего свернулся калачиком лицом к лицу с моей супругой.

Немая сцена.

Тут в фургон забрался Олник. Выражение лица — будто недавно получил по темечку чем-то тяжелым.

— Фатик, слушай. Я сошел с ума!

Ну что еще...

— Я умею считать деньги, ты знаешь.

— Это да. Считаешь ты отменно.

— Ну вот... я пять раз пересчитал весь барыш... Считаю я бы-ы-быстро.

— Ну?

— Двести двадцать пять монет было. Потом — стало двести двадцать три... Я подумал, может, парочка куда-то закатилась... Посмотрел — нету! Пересчитал. Двести двадцать! — Олник взглянул на свои трясущиеся руки. — Пересчитал еще. Я быстро считаю, Фатик!!! Двести семнадцать... А сейчас стало двести пятнадцать! Ты понимаешь что-нибудь? Слушай, может, это проклятие, или я сошел с ума? Может, того, я куда-то монетки *сталкиваю*?

Мне стоило пояснить ему про Пикник Орна с самого начала.

* * *

Быстрее...

Второму акту своей пьесы я предпослал заголовок «Возвращение короля». Пафосно и красиво, Отли — а он всегда утверждал, что название делает половину сборов пьесы — гордился бы мною.

Обливаясь потом, я наскоро подновил бубоны Олнику, потом занялся Скареди. Несчастный паладин покорился мне полностью, и без запинки отбарабанил свою речь. Я напомнил ему, как действовал Альбо на улицах Таргалы, и попросил быть таким же убедительным и голосистым. Он кивнул,

о чем-то глубоко задумавшись. Я молил Небо и преисподнюю, чтобы старый рыцарь не выкинул коленце. А он мог бы... например, броситься на меч — ибо только смерть могла разрешить его дилемму. А если бы он просто отказался *от роли*, я бы, наверное, его убил.

Царский камзол был маловат, и я, распоров ему бока, накинул шитое золотом одеяние на рубаху Скареди, подвязал поясом. Массивная золотая цепь с блестящим медальоном... Сверкающая полудрагоценными камнями перевязь с мечом... Сапоги с позолоченными шпорами малы, их придется оставить, Гритт, надеюсь, Кролик будет слушаться шенкелей... Рыжеватый парик... Широкий, блестящий поддельными самоцветами обод венца на голову, он удержит парик... Хорошо, что голова Скареди не намного больше головы Отли, хотя оба головастые, мерзавцы... Лазурный плащ с большим и сложным гербом... Отличный реквизит! И последний штрих — окладистая борода.

Предводитель Братства уже валялся под лавкой, спеленатый, с заткнутым ртом, и внимательно наблюдал за моими манипуляциями. Глаза его были полны презрения и ненависти. Ничего, смотри-смотри, болезный, я стараюсь для твоего же блага, для твоих Братьев, для твоих родных, черт тебя дер!

Быстрее...

Виджи и принц... Каждый взгляд, что я кидал на супругу, заставлял меня суетиться еще больше. Эльфы лежали как близнецы, как две статуи из алебастра... Им было холодно и больно.

Она *знала*, что ей будет плохо, что она будет страдать, если мы не отплывем вовремя. Знала — и не сказала, чтобы я сделал то, что задумал. Вот что ей двигало, а? Абстрактный гуманизм? Человеколюбие? Желание вызволить своего мужчину из беды, коли он туда попадет?

Своевольная девчонка! Если еще раз... Еще раз такое будет, я нарежу розог и хорошенько всыплю по ее мягкому и безмерно прекрасному месту! Всыплю так, что мало не покажется!

— Мастер Фатик, — вдруг тихо сказала Имоен. — Вы не слышите, будто кто-то шепчет на самое ухо?

Снова этот шепот...

Я замер. У Скареди бурчал голодный желудок, предводитель Братства злобно сопел в две дырки, фыркали лошади, а на площади у трупов жужжали мухи.

Никакого шепота.

Значит, сначала накатило на эльфов, как на самых тонких натур, теперь — на человеческую женщину, потом, очевидно, наступит черед мужчин и заскорузлых гномов, затем перемены ощутят крупные животные, а тупой варвар так и будет сидеть, обливаясь потом и пытаясь уловить звуки из пустоты.

Черт с ними, пора действовать!

Я заставил Скареди повторить речь, послушал не вполне убедительные вскрики Имоен и Олника, и выгнал всех наружу. Пока рыцарь седлал жеребца, дал последние наставления:

— Идите рядом с фургоном! Орите только то, что веле-но! Размахивайте руками, корчите болезненные рожи, но смотрите только перед собой, чтобы не упасть! Расслабьтесь, никто вас пальцем не тронет. Чумы страшатся все. Помните: не отставать! Для тех, кто вздумает потеряться, ориентир — старый маяк! Под ним моряцкое кладбище. Бежать туда во все лопатки! Фургон будет там.

Туман *небытия* поднялся до осей колес и, гладко бугрясь, полз по проезду к тому месту, где недавно стояла кибитка талестрианского мага. Туман не загустел, во всяком случае, пока, и я свободно видел на десять футов вперед камни мостовой и трупы кверлингов.

Имоен вздрогнула, зябко ухватила себя за плечи.

— Мастер Фатик...

— Холодно?

— Да...

Одному варвару все нипочем! Что с него взять, с тупого и толстокожего? «Слишком прост», так говорила Виджи.

— Ничего, пробежишь, согреешься. Выше нос, девочка! Скареди, что с конем?

Рыцарь уже занял место в седле; солнце дробилось в камнях венца.

— Скареди?

Он осторожно сделал круг по площади, задумчиво хлопая по раззолоченным ножнам парадного меча. Кролик, фыркая, переступал трупы кверлингов.

— Лошадям тревожно... Я готов к деянию.

И никаких тебе «мастер Фатик», ишь ты! Даже не повернул в мою сторону головы. Ох, тяжела ты, ноша спасителя чужих жизней.

Быстрее...

В общем, мы выдвинулись. Я на козлах, Олник пешим ходом — справа, Имоен — слева от фургона, эльфы, разумеется, внутри. Мне показалось, что Имоен накрыл приступ стыда — обращенное ко мне ухо стало малиновым, в точности как бывало с Виджи, когда она испытывала сильные эмоции. Но Имоен держалась, упрямо потряхивая хвостом волос.

Его Грозная Милость ехал в двадцати ярдах позади нас, как и было велено.

Актеры — аматоры, режиссер — аматор, репетиций — не было. Я ерзал, как на иголках, проклиная все на свете, и особенно — Отли, сбавившего на меня эту пьесу.

Лошади и впрямь, начинали волноваться. Гритт, только бы не взбесились и не попытались бежать из города прежде, чем мы отыграем спектакль!

Развалины сменились жилыми домами, затрапезными лавчонками. Мостовую еще не застелил туман. Редкие прохожие при виде нас испытывали что-то вроде шока, прижимались к стенам, округляли глаза. Раздались первые возгласы. Седая старушка выпустила из рук жбан молока, который с треском лопнул на камнях. Краснощекая кормилица в окне до того впечатлилась видом Олника, что отняла от груди младенца.

— Мое почтение, леди, — проронил бывший напарник, забыв свои реплики, и едва не загремел в молочную лужу. Леди проводила его ошеломленным взглядом, отлученный от груди младенец распахнул варежку и разревелся.

А-а-а, Гритт, Небо и Великая Торба!

— Чума! — заорал я, как сумасшедший. — Спасайтесь, в городе — чума-а-а-а! Уходите! Уходите из города! Олник, скотина, кричи!

— Ась? А-а-а! Чума-а-а! — Он сделал вид, что пытается расцарапать грудь, усеянную бубонами. — Я из села, спасайтесь!

Я чуть не прикрыл лицо ладонью от стыда.

— Олник!

— А-а-а! Чума-а-а! Спасайтесь в деревни и села! Я из города!

— Чума-а-а! — тонким неверным голосом вскрикнула Имоен.

Я услышал цоканье копыт Кролика; величественный бас Скареди поддержал скверное начало моей пьесы:

— Государь велит — уходите из Ридондо в предгорья! Предвестия смерти не лгут! В городе смерть, в городе — чума!

— Амаэрон! — завопили с разных сторон простецы. — Государь!

Ну вот, чумная братия не столь впечатлила горожан, как выезд самого короля. В общем-то, так я и думал.

Мы выбрались на проспект, который вел к Торжищу, к городу в городе, огромному, расчерченному нитями улиц. Далеко впереди на покато́м холме виднелись обломки старого маяка... Землетрясение разрушило его, Ковенант не стал отстраивать, вместо старого маяка теперь работал новый — в Верхнем городе, на макушке главного храма Атрея.

Народу на проспекте было не в пример больше, но все же не так много, как обычно. Исход животных и птиц здорово напугал торговцев.

Ну и отлично, тем сильнее по воде разбегутся круги... Двигайся, Фатик, не оглядывайся в глубь фургона, где лежит твоя женщина...

Быстрее...

Я набрал воздуха в грудь:

— Чума-а-а!

Достаточно быстро мои актеры освоились, хм, *раскричались*. От пронзительного голоса Имоен у меня засвербело в левом ухе, от воплей Олника — загудело в правом. Я катил вперед, ощущая себя сеятелем болестей, горестей и большой-пребольшой лжи. Ремесло героя, мать его... Ненавижу.

Мы пересекли один из мостов обводного канала. Захрустел под колесами дробленный камень дороги — наш чумной балаганчик вкатился на Торжище, в царство тысяч лавок, навесов и купеческих дворов. Тут мы навели шороху, да такого, что стон и вопли пошли во все стороны. Я старался выбирать широкие, не запруженные повозками торговые улицы. И кричал. Олник и Имоен вторили мне. Скареди поддерживал, ни на йоту не отступая от сценария.

Торжище мало изменилось с тех пор, как я бывал тут в последний раз. Большой пыльный город, в котором на подхвате у купцов всего света работали простые маленькие люди — жители Нижнего Ридондо. Именно за ними я пришел сюда, именно они были мне дороги.

— Чума-а-а-а!

Ну что, дорогие мои простецы, грамотные и не очень, я напугаю вас до полусмерти, а Скареди придаст вашим страхам верное направление. Вы ринетесь за семьями, и не будете отсиживаться за стенами домов, нет, вы исполните повеление короля уйти из Ридондо. И никакое Безликое Братство не успеет вам помешать.

А Ковенант... Разумеется, хитрые дворяне закроются в Верхнем городе, и...

Если честно, мне было на них наплевать.

Бакалейная улица...

— Чума-а-а-а!

Толстяк в фартуке отпрянул, плюхнулся на мешки с мукой, кто-то выругался, затем к небесам вознеслись вопли ужаса, ахи, охи и бессвязные выкрики.

Я окончательно убедился, что представление удалось, когда пятеро рыночных стражников порскнули от нашего фургона, теряя щиты и копыя, а откормленный патриций, выпав из портшеза, подвывая, устремился в глубь Торжища.

А вы думали, хе! У Фатика Мегарона Джарси не бывает провальных пьес!

Быстрее...

Скотные ряды... Гогот, хрюканье, ржание, мычание... Пыль, пропитанная мускусом, мухи, жара. Под копыта моих лошадей метнулся пятнистый поросенок. Фургон встряхнуло: еще одна жертва моего героизма, чтоб ему пусто...

— Чума-а-а!

Из окон контрактного двора, где скрепляли подписями и печатями оптовые покупки скотины, начали высовывать бородастые физиономии купцы.

— Чума, однако! Спасайтесь! — выл Олник. — Глядите, я помираю!

— Беда, черный мор! — звонко голосила Имоен.

— Уходите из города! — вторил Скареди.

Круги по воде...

Впереди замаячил рабский рынок — множество пестрых навесов, под которыми томились невольники — не только люди, но и огры, и тролли, и гоблины всех расцветок. Я ненавидел это место, эти помосты для торгов, этот звон молотов, которыми заковывали цепи... Привстав на козлах, я пустил лошадей ускоренным шагом. Пыль липла к мокрому лицу. Скареди ухал позади как филин — гулко, проникновенно, в нем, несомненно, пробудился дар актера.

Ковровые ряды, издалека похожие на цветочную поляну... Здесь вышла заминка, ибо повозка какого-то олуха умудрилась потерять колесо, вдобавок став поперек дороги.

Не мешкая, я направил коней в зазор между тылом повозки и лавками.

— Олник, Имоен, за мной!

Они поотстали, освободили мне место для проезда. Я миновал теснину, увидел сбоку Имоен, но не увидел Олника, и оглянулся, натянув поводья. Бывший напарник барахтался в скрученных коврах, обрушив на себя целую груду, а хозяин лавки, отбежав на порядочное расстояние, выл дурным голосом. Я бросил взгляд дальше и обомлел: вопли и суета разбегались от нашей трупы мощными приливными волнами, тут и там к небу взлетала пыль, людской муравейник закипал, и закипал быстро.

Скареди придержал коня в двадцати ярдах от Олника, не зная, бросаться ли на помощь гному. Такой расклад режиссер пьесы не предусмотрел.

Случайности могут похерить даже самый гениальный план.

— Государь! Чума! Чума! Государь! — несло со всех сторон.

Олник освободился от плена в тот миг, когда я решил прийти ему на помощь. Он вскочил и сунул под мышку скрученный коврик, судя по малиновой оторочке — не из дешевых.

А это он, стало быть, самовольно взял плату за представление.

— Я чумной и помираю! А это наш государь Амо... Амамернон! — Он сделал плавный жест в сторону Скареди и, не выпуская коврика, побежал к нашему фургону.

Вот подлец, а! И главное — ничего ему не скажешь, ибо если я прямо тут начну отбирать коврик у чумного, логика представления даст трещину.

Ладно, в наказание заставлю его однажды съесть гуляш из зеленых гоблинов.

Я стегнул коней, и наша пьеса возобновилась. Мы отыграли ее почти без запинки, но в самом конце, когда холм с обломками маяка закрыл полгоризонта, я, ускорив ход лошадей до тихой рыси, задел на повороте грузчика с корзиной каких-то специй.

Взметнулось желтоватое облако, тут же осело на моем лице и мордах коней. В моей груди разверзлось преддверие ада, а из глаз — натурально — выметнулись искры.

Не знаю, сколько я приходил в себя, кашляя и чихая, и слушая фыркание и чихание коней, но когда я оказался способен кое-как дышать, слегка — говорить, и едва-едва — видеть сквозь слезы, то обнаружил, что поводья переключали в руки фигуры с золотистыми локонами... Фигуры тоненькой, хрупкой, бесконечно любимой...

— Виджи, родная моя... — сказал я сквозь слезы и потянулся к ней, чтобы обнять за плечи, привлечь...

Фигура отшатнулась, издав звук, похожий на зубовой скрежет.

— Тьфу, *крентенел*, варвар без спроса! Куда тебе ехать молча?

Принц!

А я его едва не поцеловал, что, несомненно, окончилось бы шоком для нас обоих.

Вот вам и кульминация.

* * *

На старом кладбище, в умиротворяющей тишине, среди могилок и цветущих деревьев, мы наконец обнаружили, что Олник пропал.

Вот тебе и быстрее, яханный фонарь!

43

С гребня холма я смотрел, как туман, выплескиваясь из гавани, неторопливо надвигается на город, вздуваясь гладким перекатом, похожим на спину огромного чудовища. Набережная со всеми своими постройками уже была затянута жемчужно-розовым, в отсветах вечернего солнца, покровом. Из спины «монстра» одиноко торчал шпиль Дозорной башни. Многочисленные отростки тумана, как щупальца, опутали улицы, переулки и речные каналы, неумолимо подтягивая громаду чудовища к центру Нижнего Ридондо. Холмы Верхнего города тоже были в плену щупалец, но по возвышенностям туман поднимался куда медленнее.

Люди в панике покидали Нижний Ридондо, на повозках, верхами, пешком, волоча на спинах домашний скarb и детей. Толчея царила на таможах, блестящие шлемы-луковицы стражи терялись в толпе. Над южными дорогами вихрилась пыль: простецы уходили, убегали, и Ковенант, похоже, не мог противостоять людской стихии. Во всяком случае — пока не мог. К тому времени, как патриции предпримут какие-либо шаги, большинство горожан сбегут.

Отлично. Просто — замечательно. Мысленно я поблагодарил себя и всю труппу. Но где же треклятый гном? Крессинда весьма расстроится, если я не явлю пред ее очи будущего мужа. Весьма — это слабо сказано. Боюсь, она начнет *бушевать*.

Торжище стремительно пустело. Туман заполнил обводной канал и выплескивался оттуда на улицы ярмарки. Я заметил, что туман наползает только из гавани, рассекшей город на две неравные части, точно там... там и была та самая прореха в бытийном начале, о которой толковал принц.

В тридцати-сорока ярдах от пирсов спокойно серебрилась вода, но сами причалы были скрыты надежно, и я не мог разглядеть наш «Горгонид».

Держись, Монго, паршивый ты наследник фаленорского престола! Выше нос, раздуй цыплячью грудь! Спокойней, Крессинда! Судьба не отвернется от Олника, хоть он и выглядит сейчас страшнее смертного греха, если, конечно, уже не смысл мои художества.

Я обратил взгляд к выходу из гавани. Суэта там происходила, вот что. Купеческие корабли отплывали, изрядно запрудив горловину залива. Триремы Его Грозной Милости Амазрона Пепки ушли с рейда и сбились около входа в гавань. Капитаны трирем наверняка совещались. Гритт, только бы они не решили перекрыть выход из гавани триремами или цепью! А ведь, ей-ей, сделают это, чуть только снесутся с начальством из Верхнего города!

Олник, если ты слышишь, тебе самое время появиться, ибо...

Солнце окрасило камни под моими ногами в рыжий цвет. Шесть часов. Закат. Но у меня появилось предчувствие, что город не погибнет, пока туман не накроет его целиком. Значит... Еще час-полтора, и за это время...

Где же ты, маленький проходимец?

Узкая как стрела тень упала сбоку. Принц возник рядом неслышно, блеснули серые глаза. Угу, стало быть, окончательно очухался. Туман-то далече.

— Варвар, моя плешь! — твякнул он, всплеснув руками. — Кончай же ты пялиться на красное и противное! Кончай, ибо время вышло! Волна грядет!

Волна? Хм, если приглядеться, уродливый горб тумана и правда похож на волну. Так вот, значит, что имела в виду богиня!

— Мне нужна еще пара минут.

— Время, варвар! Мы теряем фокус!

— Еще пара минут. Пока дышите целебным воздухом, принц! И... сделайте одолжение, постоит тут, пока я не приведу нашего общего друга. Всего две минуты!

Я бегом спустился к фургону, затерянному среди кладбищенских лип и осокоров.

Имоен отмывалась в низинке у ручья, фыркая, как маленькая лисичка. Скареди, привязав Кролика к ветке, мрачно бродил меж надгробий. Он сорвал облачение короля, бросил грудой на пышную траву и похлопывал себя по старой одежде, словно не веря, что все вернулось на круги своя, и что он — снова он, сэр Джонас Скареди.

Неподалеку слышался гул и слитный топот множества ног, это по Западному тракту, петлей задевавшему край кладбища, уходили горожане.

Я взобрался в фургон. Виджи мирно посапывала, свернувшись калачиком. Ее транс перешел в обычный сон, глубокий и, надеюсь, целительный. Золото волос вновь подернулось серой патиной, у рта обозначились горестные складки.

Я склонился над супругой, и на сей раз никакой принц не помешал мне коснуться ее щеки.

Кожа эльфийки была теплой.

Хорошо...

И прости, что втянул тебя в это. Я не знал, а ты... ты могла бы сказать, что тебе будет плохо.

Предводитель Братства злобно уставился на меня из-под лавки. Я выволок его и рассек веревки на лодыжках. Затем учтивым пинком выпроводил из фургона.

— Наверх!

Он заартачился, тогда я отвесил ему плюху.

— Не собираюсь с тобой церемониться, приятель.

Я повлек его на холм за связанные руки, с трудом удерживаясь от новых пинков и ударов. Предфинальная часть моей пьесы, подзаголовок — «Еще одна побрехушка». Цель — спасение жизни Отли и, возможно, маленький сюрприз для ошметков Ковенанта, которые останутся после гибели Ридондо... И для магов Талестры, которые хотели устроить в Мантиохии небольшой переворот.

Я поставил предводителя в тени обломка маяка и развернул лицом к городу.

— Смотри! Внимательно смотри! Ну, как тебе картинка?

Худощавое лицо пленника исказилось, он начал мусолить кляп из красной ткани в мелкий белый горох, от чего казалось, что он с тоской пережевывает шляпку мухомора. Вид циклопической волны тумана, должен сказать, впечат-

лял. Я ронял слова на голову парня, как капли раскаленно-го олова:

— Смотри! Это дело рук твоих благодетелей, магов Талестры! Да, сынок, я знаю, с кем связалось твое Братство! Твои наставники — подлецы, они провели над Ридондо магический эксперимент, и он — ты только представь! — провалился! Городу крышка, его скоро поглотит магический туман. А в тумане, небось, еще и монстры водятся! Что, свербит спросить, откуда я все это знаю?.. Ах да, ты и спросить-то не можешь... А узнал я об этом от своего друга, он, представь, мелкий эльфийский шаманишко. — Я нелюбезно развернул парня лицом к принцу, который, похоже, слегка ошалел от моей наглости, а еще больше — оттого, что я в трезвом уме назвал его своим другом. Я протянул руку и бесцеремонно отбросил золотистый локон с виска Квинтариминиэля, обнажив маленькое заостренное ухо.

— Бог... ужасный... варвар... — Щеки принца покрылась багровыми пятнами. Он суетливо спрятал ухо под волосы, развернулся и стремительно сбежал к подошве холма.

Я бросил взгляд на парня.

— Во, слышал? Маги воззвали к ужасному богу, богу тьмы, и он их услышал! Город будет разрушен, чуть только туман заполнит его до краев! Но мы, простые путники, спасли жителей вашего города. Гляди! — Я снова развернул парня, как манекен, на сей раз, к северу. — Ты видишь пыль над дорогами? Мы настрашали жителей Нижнего города чумой, и они сбежали, как и повелел им государь Амаэрон. Патриции запрутся в Верхнем городе и, конечно, погибнут. Погибнет и настоящий государь. Завтра твое Братство будет единственной серьезной властью в Мантиохии!

Не дав ему времени осмыслить эту новость, я свел — почти стащил парня вниз и, надавив на плечи, усадил на траву.

— Сиди — и ни гу-гу. А, черт, и не мычи мне! Надумаешь встать — пожалеешь. Собираемся!

Сборы трупы не заняли много времени. Имоен прошмыгнула в фургон чистая, как младенец. Выбрел из-за липы принц, пронзивший меня скверным взглядом. Скареди, отвязав лошадей фургона, вдруг вознамерился дать свободу и Кролику, но я запретил.

— Завтра он понадобится государю. А если его найдут горожане... что ж, пусть им будет подарок.

Он шевельнул вислыми усами:

— Государю? Но он погибнет, как и те... там... *наверху*...

— Завтра в Ридондо будет новый-старый государь.

Мне показалось, что из ушей старого рыцаря показался пар.

— Милостивая Барбарилла, как это?

— Объясню, когда будет время. Надеюсь, туман не доберется до кладбища.

Я завернул одежду лже-Амаэрона, венец, цепь и меч в дерюгу и закинул под корни липы у ручья. Вырезал на коре на уровне своего роста «О» и «М». Если дело выгорит, Отли Меррингер снова примерит королевскую одежду, которая с завтрашнего дня станет для него второй кожей, хочет он того или нет.

— Запомни место, запомни дерево, — сказал я предводителю Братства, который, казалось, впал в ступор. — Тебе пригодится, поверь.

Я бросил парня внутрь фургона, морщась от тягучей боли в плече, вновь спутал ему ноги и занял место возницы. Спины коней лоснились от пота.

Еще пара минут.

Если Олник не изволит явиться...

Он не изволил.

Проклятие!

* * *

— О-о-олник!

А в ответ — раскатистое эхо и чей-то пьяный смех.

Я катил вдоль пустых, местами разоренных лавок, то и дело наезжая на брошенные товары. Там и тут мелькали шkodные тени мародеров. В любом городе, в любой стране мира всегда найдутся люди, способные запросто ободрать даже чумной труп.

— О-о-олник!

Выкликаая имя своего друга, я ехал по Торжищу, возвращаясь тем же путем, каким двигался к погосту. Скареди звал гнома с задника фургона.

Впустую.

— О-о-олник!

Ага, отозвался он, как же.

На рабском рынке из-под колес порскнула стайка зеленых гоблинов. Стальные ободы на шеях с кусками цепей... Хозяева расковали и увели часть рабов, ну а прочие горемыки вот прямо сейчас помогали друг другу освободиться.

Серый тролль с остатками кандалов на руках (каждое звено — шире моей ладони) при виде нас прыгнул с купчего помоста и сграбастал молот:

— Гро-о-о!

Кажется, принял нас за торговцев, что вернулись за брошенным товаром. Я послал коней рысью. Тролль устремился за нами, но вскоре отстал, проревев напоследок что-то непотребное.

Я свернул круто вбок, и чуть придержал лошадей: в проулок уже заглянуло щупальце тумана.

Вот оно... Держись, Виджи!

Лошади заартачились. Я стегнул по их спинам, и они, встряхивая гривами, нехотя двинулись вперед. Вскоре туман сомкнулся над моей головой. Изнутри он был изжелта-розовый, душный, без вкуса и запаха. Странно, ведь должен был пропитаться запахом моря...

Я видел в нем не дальше чем на пятнадцать ярдов. Но не беда. Если помните, варвару Джарси достаточно только раз засечь направление, и он приведет своего нанимателя хоть к вратам ада.

— О-о-олник!

Нет ответа.

Плечо екало, боль потекла вниз, к локтю.

Прости, друг, я больше не могу тебя ждать.

Я погнал фургон к порту, стараясь не думать, каково сейчас Виджи. Чем быстрее я выведу ее из тумана, тем лучше ей и... принцу. Я вдруг обнаружил, что привязался к нему, вернее — притерпелся. Так собака привыкает к настырной блохе.

Ах да, внезапно я обнаружил и кое-что еще. Мое осознание себя как неудачника испарилось начисто. Говоря по совести, оно испарилось еще во Фрайторе, но только здесь, в Ридондо, я осознал, что больше не боюсь неудач, что у меня,

черт подери, *все получается*, и получится вот сейчас, вот прямо сейчас, как надо. И плевать мне на удачливость моего брата Шатци.

Мы выехали на пустынные улицы города; цокот копыт дробился и многократно множился в тумане. Я прибавил рыси, не особенно рискуя наехать на случайного обывателя: улицы Нижнего Ридондо были практически пусты.

Я услышал шепот, когда до набережной оставалось около мили. Нечто вроде далекого шума прибоя, в который вплетаются обрывки неизвестных, нелепо растянутых по слогам слов: *квииии-ииии... квииии-ииии... иииии-моооо-квaaaй...* Зловещий напев творящих волшеббу чародеев звучал прямо в голове, рождался ниоткуда, обдавая холодом.

Тут, чтобы добавить мне седых волос, где-то залился плачем младенец.

О нет, Гритт! Младенец!

Я резко натянул поводья, прыгнул и прислушался. Поминая Великую Торбу, ринулся в желтовато-розовый сумрак.

Младенец! Лучше бы на меня напал тот тролль с башкой, похожей на огромную оливку! Что я буду делать с младенцем на «Горгониде», скажите на милость? Куда я дену его в Дольмире? Неужели придется тащиться с ним до самого Оракула?

Младенец заливался плачем все ближе.

А ведь придется взять, с тоской подумал я. Джарси я, или кто? Взять с собой, утирать сопли и менять пеленки, и затем усыновить, ведь времени искать его родных, даже если они уцелеют после апокалипсиса, не будет. Усыновить ребенка — вот настоящее геройство, к которому я уж никак не был готов. Мой дедушка Трамп — другое дело. Он усыновил нескольких детей из агонизирующего Фаленора, и среди них — меня, Фатика Джарси, и моего брата Шатци (последнего привезли дедушке кочевые эльфы, впрочем, это мелочь несущественная).

Герой не тот, кто сражает чудовищ, а тот — кто берет на воспитание сирот. Только так, мать вашу, только так!

Впереди обозначилась саманная стена. Где-то сбоку от нее плакал младенец. Я помчался туда, отчаянно желая, чтобы на меня напали тролли, демоны, да кто угодно. Я бы отбилс,

я герой даже без фамильного топора, яханный фонарь! Тролли, демоны... но только не рыдающий младенец!

Я выскочил в переулок. Там молодой мужчина усаживал на груженого ослика девушку. Поперек ее груди в цветной косынке висел...

— Уа-а-а-а-а!

Несказанное облегчение!

— Торопитесь! Бегите! — крикнул я. — Чума в городе!

После чего загадочно растворился в тумане.

Крутой варвар... Герой! Дайте мне сотню врагов и мой топор, говорю же!

Ну, на худой конец, дайте мне на попечение гарем.

Но, ради всего святого, избавьте меня от необходимости нянчиться с ребенком!

44

Колокол Дозорной башни, сбиваясь и хрипя, отзвонил половину седьмого. Кто-то из работников порта был настолько фанатичен, что не бросился в бега. Мельком я пожалел его: вот уж кого у меня не было времени спасать.

Квиии-шииии... квиии-шииии... шиии-моооо-кваай...

Потусторонний шепот обдавал холодом. Больше мне не было жарко, хотя пот катился крупными каплями за воротник.

Повозка загрохотала по набережной, мимо кораблей, затянутых светло-розовым мороком. На палубах и мачтах мелькали тени, пронзительно гудели боцманские дудки.

У пристаней толпился народ, доносились возбужденные голоса и бесконечные «хро!» орков. Очевидно, многие обитатели иностранного квартала устремились к кораблям. Эх, кто вас возьмет, ведь в городе — чума.

Стражник едва не угодил под копыта моих лошадей. Ему удалось отскочить, он упал; шлем с лязгом и грохотом запрыгал по мостовой.

Квиии-шииии... квиии-шииии... шиии-моооо-кваай...

Мне почудилось, что шепот стал мощнее, яростней, злобней.

Если «Горгонида» нет на месте...

Его не было на месте. Пустой пирс, сиротливо торчат ржавые кнехты... А туман клочьями поднимается от черномасляной воды.

Я сшиб колесом пустой бочонок и, натянув поводья, спрыгнул на причал.

— Крессинда? Монго? Эй, эй!

Я побежал по пирсу, перемахнул бухту гнилого каната и остановился на противоположном конце. Где же «Горгонид»? Уплыл? Но куда в таком случае девались буксир и гномша? Где наследник престола? И куда пропал мой гарем?

В тумане неподалеку наметились очертания какой-то приземистой посудыны.

— Фа-а-ати-и-ик!

Мне слышалось?

И вновь гулко, со стороны корабля:

— Фа-а-ати-и-ик! О-о-олник!

— Я тут!.. Мы здесь, Крессинда!

— Ядре... вошь! Гребите, не то порассшибаю бошки! И не смей стучать в этот мерзкий барабан!

Раздался плеск множества весел. Через несколько мгновений из сумрака вынырнула весельная барка. На ее носу монолитом высилась Крессинда — кожаная куртка нараспашку. В руках — молот. В глазах — пламя. За кормой барки виднелась натянутая цепь, на другом конце которой был, несомненно «Горгонид»!

— А ну давай, гребь помалу! Я вам сейчас объясню, с какого конца редьку едят!.. Мы вас заждались, мастер Фатик! Где вы изволили так долго валандаться? И где Олник?

Как же я боялся этого вопроса...

«Горгонид» осторожно подвели к оконечности пирса. Моряки мигом свесили за борт плетенные из лозы кранцы, накинули веревки на причальные кнехты, закрепили судно и вынесли трап.

Димеро Бун сошел на причал первым. Улыбка больше не сияла в его дремучей бороде. Он остановился на некотором отдалении от меня, за его плечами возникли двое матросов с тесаками у пояса.

— Монсер Фатик? Горожане сбрендили и ломаются на каждую лохань в этом порту, точно крысы.

Я заметил, что на палубе «Горгонида» как-то слишком много народа. Кроме матросов и несчастного Монго, там были еще пятеро мужчин в серых дерюжных плащах.

— Взяли палубных пассажиров, шкипер?

Он не повел и бровью.

— Небольшой приработок, монсер. Пусть он вас не волнует. Уверяю, эти бедные странники не доставят вам и наименьших хлопот. Я взял их на борт еще до того, как узнал, что в Ридондо... чума?

— Глупые слухи. Не чума. — Я повел рукой, указывая на туман. — Магия.

Внушительное пузо шкипера колыхнулось.

— Чернокнижие? Ведовство? Клянусь Рамшехом и Аркелионом, выглядит похоже!

— Так и есть. Моих эльфов — вы же видели, со мной путешествуют эльфы? — скрючило от этих чар, как от яда. Весь этот туман — разлитая магия самого скверного свойства. Мои эльфы знают на магии, и рассказали мне, что происходит, перед тем, как... уснуть... — Я поманил Димеро пальцем. — Идите за мной, коли не боитесь. Глядите!

Бороду рассекла ухмылка, больше похожая на волчий оскал. Боится? Кто боится?.. Да я!.. На это я и рассчитывал. Димеро отмел доводы благоразумия и тяжело затопал к фургону. Влез. Некоторое время рассматривал моих эльфов, которые лежали лицами друг к другу, слушал дыхание, затем коснулся щеки принца. Хорошо, что выбрал его. Если бы он вздумал коснуться щеки Виджи, я бы...

— Бледные, однако... Холодные... — Он бросил косой взгляд на Имоен и Скареди. Увидел моего пленника, чуть слышно хмыкнул. — Нет, монсер, это не чума...

— И я о том же. Туман... шепчет! Вслушайтесь!

Совиные брови капитана вздернулись на середину лба.

— Клянусь Рамшехом, значит, вы его... тоже? Я думал, мы все сходим с ума!

Квиии-шииии... квиии-шииии... шиии-моооо-квааай...

— Его слышат почти все, капитан. И он нарастает. Есть основания полагать, что городу скоро конец. Нам желательно отплыть до сумерек. Очень желательно.

Бун не казался испуганным, скорее — озабоченным.

— Они... ваши эльфы... смогут ходить, когда очухаются?

Я бросил взгляд на Виджи. Она свернулась клубочком, обхватив себя руками, глаза закрыты, дыхание рваное, судорожное.

— Все будет хорошо, как только мы выйдем из тумана. Я разглядел, что он не занимает и четверти гавани...

Бун покачал головой.

— Не совсем так, монсер. Туман прибывает — медленно, но заполняет гавань... Еще, может быть, полчаса, и он закроет гавань до самого выхода.

Проклятье!

Шкипер взглянул на Виджи, и мне показалось, что под тяжелыми лобными дугами Буна ворочаются какие-то не вполне чистые мысли.

— И кто же тот негодяй... что совершил такое злодеяние? Кого нам проклинать?

— Я видел, как из города улепетывали кибитки магов Талестры.

— Рамшех! Вот оно что! Этих тварей полно и в Дольмире! Сам Каргрим Тулвар, да будет вечно чист и светел его путь, приблизил к себе этих чародеев! Мужика и бабу! — Бун выбранился с такими загибами, что умытые щеки Имоен залил нежный румянец.

Я указал на Квинтариминиэля:

— Есть мнение, что маги что-то напутали с заклятиями. Не знаю, так ли это, но мне неохота проверять. Нам очень желательно отплыть до сумерек. Не откажите в любезности принять нас на борт, капитан.

Снаружи затопотал слон, и в фургон ввалилась Крессинда.

— Олник? — Быстрый взгляд не нашел никаких признаков гнома, кроме кучки его одежды под лавкой.

— Имоен — на корабль! — стремительно приказал я. — Крессинда, ты поможешь мне с эльфами! Скареди — на вас пленник. Его на корабль, будет дергаться — врежьте ему хорошенько. Димеро, это не пассажир. Мы ссадим его на гребную барку, когда выйдем в море. Гритт... Держите доплату.

— Олник? — Густые ресницы Крессинды дрогнули.

Гномша смотрела на меня так, будто я слопал ее суженого, оставив только одежонку.

Сколько раз я сегодня лгал? Даже не хочу считать. Ложью больше...

— Встретил сородичей. Скоро будет, — бодро сказал я. — Он, как бы сказать, загорелся мыслью найти тебе *весомый* подарок.

Весомая грудь Крессинды приподнялась в чувственном вдохе.

— Эркешш махандарр! — Она вложила в этот оборот столько нежности, что я раз и навсегда перестал сочувствовать Олнику по поводу его будущей семейной жизни. Нет, с такой женой он не пропадет и в аду.

Квиии-шииии... квиии-шииии... шиии-моооо-квааай...

В море! К кораблю!

Мы выбрались из фургона и сделали все, что я сказал. Гномша вновь спустилась на барку и навела там шороху. Замечу, что у нее глубокий, скорее всего, врожденный талант запугивать мужчин любой расы. Своей ложью я отсрочил вопли и крики, и собственную возможную гибель. Но что будет дальше? Крессинда нужна мне, чтобы командовать гребцами, которые напуганы слухами. Если она заартачится... Гритт, мне придется скормить ей байку, что Олник улепетнул с сородичами, испугавшись сильных чувств. Уехал, так сказать, дабы разобраться в себе. Ничего, все нормально, ты всегда сможешь отыскать его в Зеренге, Крессинда!

На дальнем краю пирса появились горожане. Пока — немного, пять-шесть человек.

Олник, мерзавец, тебе самое время появиться...

— Монсер? Мы ждем кого-то? — крикнул Бун со шкафута.

Я повернулся, кивнул. Увидел, что в кормовом окошке снова мелькнуло личико Валески. Бледное, как смерть, испуганное.

— Еще немного времени, капитан!

— Монсер сказал, что желательно отплыть до сумерек! И туман...

— Еще немного времени! Он скоро прибудет!

Я почему-то был в этом уверен. Интуиция варвара во мне говорила, что ли. Или новое, доселе незнакомое чувство уверенности в собственных силах, и в том, что мне теперь любое дело по плечу. Если я, скажем, захочу, чтобы Олник явился вовремя... то так оно и будет, яханный фонарь!

Квииии-шиииии...

Зловещий прибой терзал уши, холодом проникал до самого сердца.

Людей у края пирса прибавилось. Я моргнул и понял, что они начали двигаться вперед, обтекая повозку. Молчаливые тени...

Проклятие! Только этого не хватало!

— Мастер Фатик, где же Олник?

Гр-р-р-рит!

— Скоро будет! Выкликай его имя, Крессинда!

Гномша привесила молот к поясу и приложила ладони ко рту:

— О-о-олник!

Ну же, маленький сукин сын! Я не верю, что ты можешь пропасть, не для того богиня дала тебе бороду, чтобы ты сгинул в тумане. Твой удел — жениться на бой-гномше и стать счастливым подкаблучником, отцом десятка детишек.

Спину мою сверлили взгляды с «Горгонида». Я ждал, сцепив зубы. Каждое лишнее мгновение — это боль и страдание Виджи...

Толпа увеличилась и стала надвигаться уже явно — с глухим ропотом, вкрадчиво шурша по камню подметками.

— Монсер?..

— Скареди, — крикнул я, чувствуя, что мое плечо начинает неметь от слишком тугой повязки. — Сюда!

Тяжелые шаги простучали по трапу. Старый рыцарь возник сбоку с мечом наизготовку.

— Невинные, клянусь полушкой... — проронил он. — Агнцы...

— Да-да, невинные, яханный фонарь! Я не требую их убивать!

— А что...

— Попробуем их распугать.

— О-о-олник! Где же ты, эркешш махандарр?

Фигуры начали прорывать кисею тумана, я увидел изуродованные страхом лица. Полтора десятка мужчин, большая часть, если судить по одежде, обитатели иностранного квартала. В толпу затесались два южных орка с короткими мечами, которые легко спрятать под одеждой, и коричневый гоблин с остатками цепей на запястьях.

Квиии-шииии...

Почему-то толпа напомнила мне чирвалов, которые атаковали нас на перевале Дул-Меркарин. Тех тоже гнала вперед неодолимая сила. Правда, магическая. Ну а нынешних противников гнал вперед безумный страх.

— Назад! — гаркнул я, не понимая, в глазах у меня потемнело, или это туман загустел. — Бегите из города, дурни!

— Хро! Хро! — отозвались орки.

— Дайте пройти! — гаркнул из-за их спин какой-то щегол.

— Назад, болваны! Уходите из города посуху!

— Он не пропустит! Он хочет, чтобы мы все тут передохли! — Щегол сбился на визг. — Убийца-а-а!

— Хро! — сказали орки в унисон.

И ринулись на нас.

— Скареди!

Размытая тень старого рыцаря упала мне под ноги. Он взял на себя одного орка, я — другого. Вытянув правый клинок Гхашш, увел в сторону удар короткого меча. Левым клинком шлепнул беднягу-южанина между кривых ног. Это место чувствительно почти у всех разумных двуногих (троллей я не считаю). Орк взвизгнул, я добавил сбоку в челюсть — гардой, и сбил орка в воду.

Вопль Крессинды походил на вой голодной волчицы:

— О-о-олник!

— Клянусь Рамшехом...

— Наза-а-ад!

Действуя мечами как дубинами, я огрел плашмя ретивого крикуна, еще одному наотмашь врезал по щеке. У наших ног (Скареди действовал весьма умело) образовалась стонущая куча-мала.

— О-о-олник!

Если только этот хитрец действительно не улепетнул в Зеренгу к сородичам...

Коричневый гoblin выбрался из вороха тел и намерился укусить меня за ботинок. Я сбил его с пирса и заорал, надсаживаясь и размахивая мечами:

— Вон там повозка, хватайте и уезжайте, вы, болваны! Ну-у-у? Кто первый успеет? Остальным не хватит мест!

Поддействовало. Люди начали выпутываться из кучи. Несколько человек одновременно кинулись к фургону Отли. Пока мы отступали к сходням, за фургон разгорелась настоящая битва: те, кто забрался внутрь, выпихивали лишних, на облучке повисла груда тел. Лошади разразились ржанием и припустили в туман.

— О-о-олник!

Квиии-шииии...

— Клянусь Рамшехом, монсер, я не могу больше ждать!

Шепот нарастал. Озлобленный змеинный прибор... Я и сам понимал, что счет пошел на минуты. Закат — растяжимое понятие, да, вот только прореха бытия об этом не знает.

Морок изрядно потемнел: это солнце уходило за горизонт...

Последние минуты жизни Ридондо...

Квиии-шииии...

— Хорошо, отплываем.

— Отплывае-е-ем! — гаркнул боцман, кажется, возглас его предназначался Крессинде.

— А как же Олник, мастер Фатик?

Мы начали подниматься по сходням. Скареди пыхтел, охал, покачивался. Я чувствовал себя не лучше. Орк в воде панически хрипел, захлебывался. Южные орки плавают так же хорошо, как пропитый мною топор.

— Мастер Фатик?

Прощай, Олник, я не могу больше...

В туманной мгле за спиною раздался drobный топот.

— Оеие ияяя!

Я узнал этот голос.

— Подожди... те-е...

Из тумана выбежало мое проклятие. Оно было в парчовом дорогом кафтане с полами до пят, в малиновой расшитой шапке — явно из иностранного квартала, на шее — тяжелый золотой медальон, под мышками два сундука. Когда

оно — вот это мелкое, ничтожное и по-прежнему расписанное чумными бубонами создание — начало подниматься по сходням, я заметил, что за спиной его болтаются сразу три торбы, набитые, как мне показалось, кирпичами.

— Я... — сквозь одышку проговорил Олник, подняв на меня невиннейший взгляд — Насилу успел... Я того... Я смекнул, что в гриме-то меня вряд ли кто тронет, ну и вот... Я ведь сделал уже все что нужно, верно? И вот уже когда пошли последние ряды базара, я отстал и решил... ну, маленько *сходить за покупками*. Чтобы было что подарить... — он потупился... — Оно же все равно пропадет! Но там и тебе есть! Слушай, я столько всего взял!

Сходил за покупками, маленький гнусный пакостник!
Я не убил его только потому, что рядом была Крессинда.

45

Мелко семена, Олник попытался прошмыгнуть на борт фалькорета, но Бун с гримасой испуга и отвращения загордил ему путь:

— Куда? Он же чумной!

Я шагнул вперед:

— Чумной? Это краски, обычный актерский грим!

Косматую бороду шкипера рассекла свирепая ухмылка:

— Клянусь Рамшехом... *грим*?

— Вот! — С великим трудом подавив желание сграбастать гнома за горло и медленно-медленно удушить, я развернул мелкого паршивца к капитану и начал растирать его физиономию так энергично, что богатая шапка свалилась за борт. Олник тихонько охал, а бубоны на его лице тем временем превращались в большое гротескное пятно.

— Краска, грим!

Зрочки капитана расширились.

— О, монсер... Но... зачем?

— Мы сыграли в городе маленькое представление. Не стоит спрашивать больше, капитан.

Его взгляд — глаза снова стали как щелки — вцепился в сундучки под мышками гнома.

— Рамшех... представление...

Мной овладела досада. Не иначе, шкипер решил, что мы организовали панику в Ридондо, чтобы прибрать к рукам чью-то кубышку.

— Да, прощальное представление актерской труппы.

Бун замедленно кивнул. Оглянулся на затканый туманом город, посмотрел на меня. «Не верю я вам, ребята», — говорил его взгляд.

— Вот оно что...

Квиии-шииии...

Олник вырвался из моих рук и перебежал на борт «Горгонида».

— Дларма, Фатик, мы плывем, или как?

— Молчи, горе!.. Шкипер?

Бун повел рукой в сторону буксира:

— Дайте приказ... вашей женщине.

На миг я представил Крессинду в своей постели и содрогнулся.

— Она не моя женщина, — тут мне следовало бы прибавить: «Слава богу». — Она женщина вот этого гнома.

Олник немедленно приосанился.

— Рамшех... Тогда пусть командует он. Туман густеет, монсер, и этот шепот...

Шепот нарастал. А туман становился плотнее, или просто начинало темнеть.

Счет жизни Ридондо шел на минуты.

Матросы отвязали швартовы, и я передал Крессинде приказ убираться восвояси. Она поддержала меня зычным ревом, от которого лопалась посуда. Гребцы буксира налегали на весла, и «Горгонид» отвалил от причальной стенки. Я мысленно сказал: «Молодчага, Фатик!» Без буксира мы бы нипочем не убрались из гавани раньше срока.

Впрочем, успеем ли сейчас?

Квиии-шииии...

Продвигались мы достаточно медленно, главным образом потому, что видимость в тумане была крайне мала. То справа, то слева, будто призрачные скелеты каких-то чудовищ, скелеты с лохмотьями плоти, из тумана выплывали другие суда. Скрипя костями, они стремились к выходу из

гавани; тускло светили бортовые фонари... Матросы на вантах громкими криками предупреждали соседние корабли.

Я стоял на носу рядом с Буном и смотрел вперед, желая одного — быстрее выбраться из потерянной столицы Мантхохии. Позади робко перешептывались матросы, глухо спорили о чем-то Скареди и Монго. Олник рядом с ними пытался встрять в разговор, спешил похвастаться своими приобретениями. Ничто его не проймет, даже близкий апокалипсис: у засранца все мысли о скорой женитьбе.

А гнусный напев оплетал душу, проникал в мозг, готовясь свить там гнездо безумия...

Квиии-шииии... Шиин-мо-о-о-квааай...

Но мы промедлили, дожидаясь гнома. Туман из прорехи бытия подполз к самому краю гавани. Здесь он был совсем прозрачным, и я увидел сквозь него чистую, спокойную воду пролива. Справа, примерно в полусотне ярдов, находился приземистый форт, стороживший вход в гавань. Наверху его главной башни имелась обширная площадка с тяжелой баллистой. С площадки что-то кричали, но морок глушил звуки. Форт-близнец, стороживший другой край гавани, виднелся ярдах в сорока слева.

— Гляди-ка, — вдруг промолвил Бун. — Ковенант отозвал боевые галеры... Ишь, чешут к пристаням Верхнего города! — Он показал рукой. — Вон уходит последняя, монсер. Не нравится мне это...

Корма последней галеры Ковенанта исчезла в тумане. Тем временем наши гребцы миновали гавань и налегли на весла. Легкий фалькорет волочился за буксиром, постепенно набирая ход.

Еще немного, и — прости-прощай, Ридондо!

Бун внезапно напрягся и подался вперед всей глыбой своего неуклюжего тела. Мне показалось, что он сейчас прыгнет в воду, прямо под нос собственного корабля, но вместо этого он выпрямился, метнул на меня пустой взгляд и издал крик, похожий на вопль раненой мартышки:

— Цепь! Гребите, мерзкие отродья!

Клянусь вам, он вопил на такой высокой ноте, какую ни за что не смогла бы взять его пропитая и прокуренная глотка, но все же — взяла.

Сошел с ума? Как бы не так!

В трех ярдах от носа «Горгонида» вынырнула тяжелая, вся в клубках ракушек и бородах морской травы вороненая цепь. Каждое звено — шире моей ладони. Корабль ударил в цепь форштевнем... и остановился. Наша буксировочная цепь натянулась, «Горгонид» жалобно взвизгнул и начал разворачиваться боком...

— Отставить грести! — крикнул я.

Кто-то из дворян приглушил в себе панику и приказал закрыть выход из порта.

— Ой, батюшки! — вскричал Олник. Не от испуга, как вы могли бы подумать — он всего лишь уронил на ногу один из сундучков.

Над водой разнеслась многоголосая брань: ярдах в тридцати от нас в цепь уперся пузатый торговый корабль и медленно начал разворачиваться к нам кормой. Его шкипер не озаботился тем, чтобы нанять буксирный бот, корабль выводила из гавани всего только шлюпка.

— Пропали, арррааа! — заревел Бун. — Дворянчики решились никого не выпускать!

— Мастер Фатик? — позвала Крессинда.

— Дохлый зяблик, Фатик, и что нам теперь делать? — А это, как вы понимаете, подступил ко мне гном.

На палубе поднялся гомон.

Спокойно, Фатик, глубоко дыши...

У меня ныл позвоночник, немела рука, в голове царил сумбур из мыслей, главной из которых была: «Проиграли». Плескалась и еще одна мыслишка: «Фатик — идиот», но, считайте, я вам ее не говорил.

Торговец развернулся боком к цепи и закачался на легкой волне. Его матросы ругались, как все демоны ада.

Бун сдавленно застонал и посмотрел на меня.

— До заката? — медленно свирепея, процедил он. — Это твое — до заката? Скудоумец! Мы все здесь пропадем!

Верно, шкипер, пропадем, если только старина Фатик немедленно не придумает, что делать... Да вот беда: пока — никак не придумывается!

Я повернулся к Буну и толчком упер палец в его грудь, прямо в солнечное сплетение:

— Молчите, шкипер. Мы отплывем до заката.

— Но... как?

— Мы отплывем до заката, — повторил я спокойно и передернулся от звуков своего голоса: больно сух был мой голос и... страшен, словно говорил человек, уверенный в своей правоте до безумия. Как тогда, в лагере сатрапа, где я прирезал чародея, чтобы взбодрить других кудесников и спасти Фрайтор, а вместе с ним — и свою эльфийку. — Галеры ушли, и море впереди чистое — тем лучше для нас.

— Но как?.. Как ты преодолеешь цепь, дурачина? — Он сбился на визг. — Ее не перепилить и за час!

Я с трудом удержался, чтобы не охладить капитана пощечиной.

— Доверьтесь мне, шкипер. Все будет так, как сказал я.

— Ту... ту... туман во-волнуется! — выкрикнул Монго.

Квиин-шиин...

В тридцати ярдах от нас туман, заслонивший обреченный город, превратился в слоистую исполинскую стену, которая медленно двигалась слева-направо, выбрасывая из себя там и тут тысячи белых завитков, чем-то похожих на щупальца.

Смерч. Только ленивый, едва пробудившийся...

Злобные чудеса!

Димеро Бун разразился бранью.

Олник дернул меня за штанину:

— Фатик?

Монго и Скареди смотрели безмолвно. Из дверей кормовой надстройки выглядывала Имоен, за нею мелькали тени девчонок из гарема. А в каюте, внимая адскому шепоту, лежали мои эльфы...

Как обычно, всех мог спасти только я. Снова я. Всегда я. Я один. Но как быть, если идей...

Тут-то и забрезжила спасительная идея. Некоторых для озарения нужно лупить по башке, мне же хватило чувства ответственности и взглядов.

Фалькорет — легкий корабль. Легкий — и при этом изрядно перегруженный людьми (гномы и эльфы тоже идут в счет, разумеется). А пассажиры — это не груз, который нужно долго перетаскивать. А если... если я смею центр тяже-

сти корабля таким образом, что... Гритт, это же так просто, стоит только согнать всех людей (и паршивого гнома) на ют, на корму, ну а после...

Серый смерч приблизился к «Горгониду» — тихо, вкрадчиво. Его верхушка, кажется, упиралась в темнеющее небо. Мне почудилось, что вода у основания смерча бурлит, да так, верно, оно и было. Если смерч поглотит корабль...

— Весла, капитан? Весла есть?

Тяжелый лоб шкипера избороздили мясистые складки.

— Весла? Рамшех... Пара штук, чтобы отпихиваться от причала... Но зачем?

— Действуйте так, как я скажу, и спасете свою жизнь. Ваш фалькорет перепрыгнет цепь, не пройдет и трех минут!

Он взглянул на меня, как на безумца.

— Пере...

— Слушай сюда, шкипер, и делай, что я прикажу!

Посредством весел мы развернули корабль носом к цепи. Мы действовали быстро. Туманная стена надвигалась, пронзительный шепот начинал жалить мозг раскаленными до багровой красноты иглами.

— Крессинда! — гаркнул я. — Пусть грянут веслами, когда прикажу, но не раньше, чем форштевень навалится на цепь! Расшиби им головы, но пусть гребут так, как никогда еще...

Она высилась на борту буксира — плотная, несокрушимая, хотя, видит Небо, созерцать подступающую стену смерча и не суесться при этом было ох как нелегко.

— Что такое форштевень, мастер Фатик?

— Гритт! Нос! Нос корабля!

Я начал распорядиться, точно «Горгонид» был моей посудинкой:

— Бун, всех матросов на корму живо!

Глаза капитана распахнулись, в них сверкнул бойкий огонек:

— Монсер, да вы... голова!

Угу, а также две пары дрожащих рук, бегающих глаз и немеющих ног.

— На кор-р-рму-у-у!

Над нами пронзительно шелкнул исполинский хлыст. Багровый отсвет превратили лицо шкипера в дьявольскую

маску. Потом сверху обрушился грохот, от которого заломило в висках.

— Ра-а-мше-е-ех! — завопили матросы. Многие упали на колени. Олник с сундучками, как курица-наседка с двумя гнездами цыплят, дернул по направлению к нашим каютам. Видимо, многоумно решил припрятать краденое барахлишко, чтобы... пойти вместе с ним ко дну.

Я даже не стал оборачиваться. Молнии, гром, я уже насмотрелся подобного у подножия мортуария Атрея, да и на поле Хотта тоже. Высшие силы начинали повторяться.

— Живо всем на корму-у-у!

Квиини-шиииии...

К чести Буна стоит сказать, что свой страх он подавил быстро. Вместе мы, бранясь, как последние черти, согнали матросов и палубных пассажиров на корму. Туда же я направил свой отряд и, завывая уж совершенно непотребно, выгнал гарем. По счастью, я неплохо выдрессировал его на пути в Мантиюхию: девчонки слушались меня с полуслова. Только Валеска, зачем-то набросив на голову полупрозрачное покрывало, умудрилась растянуться на палубе. Бранясь, я поднял ее рывком и отвесил направляющий шлепок по мягкому месту. Валеска, рыдая, кинулась на ют, так и не сняв покрывало с головы.

Плеть молнии, во всем великолепии кроваво-красного блеска, выхлестнула из стены смерча ярдах в тридцати над нашими головами. Я еще никогда не видывал, чтобы молнии выхлестывали из туч строго горизонтально. Обычно они зверствовали, скажем так, сверху-вниз.

А завитки тумана все тянулись к корме «Горгонида»

Упрятав трепет в самые потаенные глубины души, я перебежал на корму, оказавшись среди мягких, податливых, обдающих сладкими запахами женщин. Нос фалькорета задрался над цепью, скрыв от нас буксир: я видел лишь песочные волосы гномши.

— Дава-а-а-ай!

— Грести! Быстро грести, эркепш махандарр!

Матросы с торговца завопили в едином порыве, когда форштевень «Горгонида» навалился на цепь и, скрипя, обдирая ракушки с цепи и собственного днища, начал продвигаться вперед.

— Давай же, будь ты проклят! — зарычал я, когда мне показалось, что «Горгонид» замер, застыл. Мой голос тонул в пронзительных рыданиях Валески, вскриках девушек и многоцветной ругани капитана.

Квиии-шииии...

Шепот нарастал, постепенно превращался в прерывистый визг стаи озлобленных демонов.

Я оглянулся. При желании я мог бы дотянуться до стены смерча веслом. Ближайший росток тумана уже лизал корму «Горгонида».

Черт с ним, со смерчем, мы успеем. Еще пара дюймов... Главное — не упusti момент, Фатик, когда... Молния расцветила одежду и лица алым пурпуром. Время!

Мы ринулись на бак: десяток матросов, пятерка палубных пассажиров, шесть пигалиц из гарема, мой отряд и я, Фатик Мегарон Джарси, хренов варвар. Димеро Бун и боцман волочили тяжелое правильное весло: его вынули из креплений, чтобы ничто не помешало кораблю перевалить цепь.

Время смазлось, начало застывать. «Горгонид» вздрогнул, продавив запорную цепь под воду, и... его нос остался задранным! Я едва не завыл: что, как так, почему? Я же сместил центр тяжести, корабль должен соскользнуть с цепи на свободную воду!

Ужасно бранилась Крессинда. Гребцы, блестя мокрыми спинами, налегали на весла, из последних сил удерживая корабль Буна на цепи...

Да что же...

— Фатик! — крикнул Олник. — Там, на корме, твои эльфы!

Нам не хватало веса Виджи и Квинтариминиэля!

Я оглянулся на ют, над которым воздвигся чудовищно огромный столб смерча, и понял: если побегу туда, нам конец. Корабль соскользнет с цепи обратно, а времени, чтобы повторить трюк со смещением живой тяжести, у меня больше нет.

Все пропало. Я даже не успею вытащить Виджи, чтобы отплыть с ней к буксиру. Смерч нагонит быстрее. Это конец.

Олник кашлянул. Взгляд у него был невинный, как у овечки, всю жизнь питавшейся небесными травами.

— В трюме — Альбо.

Проклятье, все как в тот раз, когда мы затрамбовались в круг отрицания, ожидая атаки демона-шаграутта.

Гном еще не успел проговорить имя бесноватого клирика полностью, как я, сорвавшись с места, помчался к трюмному люку. Тот был расположен точнехонько посредине корабля. Ступеньки... Я едва не упал... Альбо ворочался в полутьме среди гор поклажи, звенел кандалами и вонял перегаром. Рядом валялся второй мой пленник. Он испуганно приподнял голову и замычал, когда я схватил Альбо под мышки. Видать, решил, что страшный варвар явился с целью зашвырнуть в море обоих.

— Цыть! — обронил я, и поволок грузного клирика по ступенькам, с трудом преодолевая наклон и пыхтя.

— Крессинда-а-а!

— Грести-и-и-и!

Я растолкал толпу, вломился в нее со своей добычей, устремился к оконечности носа, перевалил клирика брюхом через борт....

«Горгонид» захрипел, как раненый слон, и...

Огненная плеть хлестнула над самой грот-мачтой.

— Арррраааа! — заревел Бун, наваливаясь на планшир.

«Горгонид» качнулся с боку на бок, затем рыскнул вниз и под скрежет ракушек съехал по цепи на воду, пунцово-красную от частых вспышек молний.

— Выгребай, выгребай! — заорал я, прижимая к себе бесноватого митрополита трех епархий. — Вперед, вперед, вперед! Гарем, назад, на корму-у-у!

Фалькорет помчался за буксиром, как колесница за лошадью.

Шепот в один момент превратился в пронзительный и бесконечный визг — страшный, способный разметать душу на кусочки.

Стена смерча начала вдруг производить исполинские красные молнии в количестве, достаточном, чтобы испепелить весь Ридондо.

— Дларма!

— Клянусь полушкой...

— Арррраааа!

Теперь я сообразил поднять голову и увидел, что смерч упирается в серое вечернее небо гигантской слоистой воронкой, настолько огромной, что ее ножка, опутавшая весь город, казалась по сравнению с ней тонкой былинкой, покрытой бесконечными жгутиками тумана.

Молнии били из смерча по всей его длине, особенно густо выстреливали из краев воронки, хлестали небо сотнями раскаленных паутин, точно хотели и никак не могли закрепить на нем свои сети на веки веков.

На «Горгониде» вопили на разные голоса. Мы неслись вперед, набирая скорость.

— Быстро, в каюту! — велел я девчонкам, пересиливая мерзкий визг в своей голове. — Закрывать окна, стать на колени и молиться! Молиться всем, кому можно!

Они послушались беспрекословно.

— Дларма, Фатик...

— Марш в каюту, гном!

И еще одно дело... Удивительно: у старины Фатика дела никогда не заканчиваются. И хотя бы одно принесло мне приличный доход.

Я сволок Альбо обратно в трюм. Клирик протрезвел и пытался оказывать вялое сопротивление. Сожалею, приятель, но... Как и в тот раз, на перевале Дул-Меркарин, я оглушил его ударом по темени. Он обмяк. Я склонился над вторым моим пленником, поднял его и поволочил наверх, как обычно, ругаясь.

Каков сюрприз! У кормовой каюты стоял, покачиваясь, эльфийский принц. Bluзу и волосы треплет ветер... Он смотрел, задрав голову, на смерч, а когда я подволок к нему пленника, устремил на меня взгляд. Глаза его были как две плошки, зрачки во всю радужку.

— Моя плешь!.. Пророчество гибели... — обронил он. — Дисгармоничные вибрации апокалипсиса... Разверзлась злая бездна и частицы нашего бытия засасывает в ничто...

Знаю, знаю, приятель, Хаос высасывает часть моего мира. А ты — шел бы в каюту, не то простудишься.

Он отвернулся, снова начал созерцать воронку апокалипсиса. Я же занялся пленником: сорвал с него кляп и, придвинув к борту, чтобы не упал, развернул в сторону Ридондо.

— Великий... Атрей... — едва проговорил пленник.

— Угу, — сказал я, едва дыша. — Там твой город. Погляди, что с ним сделало черное колдовство твоих наставников — магов Талестры! Они обмишурились, и городу отныне конец! Я спас сколько мог горожан, распространив весть о чуме, и не говори мне спасибо!

Молния угодила в торговый корабль, прострелила насквозь, выйдя наружу огненными лепестками. Мы были уже слишком далеко, чтобы видеть подробности.

Пленник охнул, вздрогнул и обратился ко мне взгляд. В глазах его был страх напополам с безумием.

Старина Фатик был не в лучшем состоянии духа, но продолжал плести свою мелкую интригу. Итак, закрепим пройденный материал:

— Именно я спас жителей Нижнего города, умник! Мой человек переоделся монархом, а прочие разыграли чумных — для блага простецов! Мы призвали бежать их из города — да ты и сам слышал! Сейчас Ридондо погибнет, а вместе с ним — Ковенант в Верхнем городе. Погибнет и сам государь Амаэрон — кретин и полудурок. Больше не нужны заговоры — власть будет в руках Безликого Братства!

Ножка смерча изогнулась на высоте сотен ярдов, а затем, распрямившись, начала... стремительное вращение, выпуская во все стороны плети багровых молний.

Глаза пленника перебегали от воронки ко мне и обратно.

— Как твое имя? — спросил я, довольно искусно скрывая страх. Повторюсь: я видел уже эти молнии и эти воронки, и иные фокусы Высших сил, и мне они порядком надоели. Да, это пугает, но к страху примешивается обыкновенная досада: хватит уже, боги, хватит, наигрались.

— Бе... Берольдо...

— Отли жив?

— К-кто?

— Тот, кто раньше играл короля! А с ним и его труппа!

— Все... все живы, Великий Атрей! — Его начала бить крупная дрожь. — Да что же это...

— Магия самого паршивого свойства. Магия твоих учителей — чародеев Талестры. Где Отли и его труппа?

— Мы упрятали всех... в деревне... рядом... рядом с городом! Дожидаются суда и казни!

Квинтариминиэль издал протяжный стон.

— Печальные изверги! — возвестил он затем и, перегнувшись через борт, начал блевать. Как, однако, по-эльфийски...

Я встряхнул предводителя Братства.

— Слушай сюда и слушай внимательно! Ковентант погиб, но не весь! Еще остались дворяне в вотчинных замках! Ты знаешь, что лучше сплотит население, Берольдо?

Он смотрел на меня безумными глазами. Ну и к лучшему: сейчас я вобью в его голову пару мудрых идей. Я почти кричал, пытаясь пересилить чудовищный визг в голове:

— Простецов сплотит умный, честный и справедливый государь! Молчи! Я знаю, что вы хотели сбросить короля. Молчи и слушай! Простецы уверены, что Амаэрон именно таков, и вы дадите им такого Амаэрона, какого они хотят видеть! За ним пойдут и городские солдаты, и гвардия, и стража! Ты понимаешь, кого я имею в виду?

По его телу прошла судорога, лицо исказилось в болезненной гримасе.

— Актер...

— Да, актер, будь он проклят! Актер, ваша марионетка! Ты знаешь, что такое марионетка, Берольдо?

— Ниточки...

Смерч снова изогнулся... и начал выделять коленца, кипятя воду у своего основания. Форт и горящие обломки корабля давно были поглощены.

— Да, ниточки! Под вашим руководством Отли будет править долго и справедливо, и страна расцветет! Вы убьете оставшихся дворян и проведете нужные Братству реформы! Ты понимаешь меня, Берольдо? Кивни!

Он кивнул. В его глазах кроме страха и безумия забрезжило понимание и фанатичное принятие моей идеи. Я ощутил себя кукловодом, который дергает за те самые ниточки.

— Власть навсегда окажется в руках Безликого Братства. Но только если вы выполните это условие!

Квинтариминиэль отлип от борта и уселся возле ступенек, ведущих на ют. Его взгляд внезапно оказался собранным и строгим.

— Финал, — сказал он.

С пронзительным свистом — теперь уже явным — ножка смерча отделилась от воды и, извиваясь, будто схваченная за глотку змея, медленно начала втягиваться в широкую чашу. Там, где только что был смерч, накрывший город, я увидел гладкие срезы берегов, а ниже — бездонную черную яму, в которую тут же устремились бурлящие потоки воды.

О-о-о, Гритт!

— Быстрее, Крессинда!

— Мастер?

— Еще быстрее-е-е!

Я не мог в точности расслышать, что она кричала гребцам, но воля окончательно покинула их при слове «кастрация». Фалькорет помчался за буксиром, словно ему приделали крылья.

Воды пролива устремились в яму, образуя титанический водоворот. Под пронзительную брань гномши буксир волок утлый фалькорет прочь, по разволновавшейся воде, норовившей увлечь «Горгонид» в круговой бег до самого падения в пропасть...

В какое-то мгновение этого бегства ножка смерча всосалась в воронку, а сама воронка вдруг просто расплзлась по небу грязным серым пятном, которое напоследок раскрыл огненный завиток. Раскрыл — в буквальном смысле. За миг до того, как щель, похожая на уродливую усмешку, сомкнулась, я различил *внутри* черноту космоса, пронизанную искрами звезд.

А из черноты кто-то внимательно посмотрел на меня. Очень холодным, оценивающим взглядом.

Мы вырвались. Прорвались. Успели. Под последними лучами солнца наш буксир выгреб на спокойную воду. За кормой темнела полоса берега — Мантиохия, навсегда утратившая свою столицу. В подзорную трубу было видно, что водоворот почти унялся, клокочущие воды залива уже заполнили пустоту...

Чуть погода я принял на борт гномшу и ссадил на буксир Берольдо. Он смотрел на меня странным взглядом... Пожалуй, захоти я сейчас стать предводителем Братства, я... стал бы им.

Отлично, механизм исполнения интриги запущен. Отли получит наказание за свое предательство и таки станет на-

стоящим королем. Его казнят, если он попытается бежать. Но, я думаю, он не побежит. А истинной королевой постепенно — не сразу, далеко не сразу — станет его рабыня Сенестра. Неплохая рокировка, ибо девушка, безусловно, умна и преисполнена добродетели. Ну а магам Талестры, которые, похоже, вовсю крутят на Северном континенте свои интриги, навсегда будет запрещен въезд в Мантиохию...

Я мог бы гордиться собой, если бы не чувствовал такую смертельную усталость.

Димеро Бун, быстро перешедший от испуганного возбуждения к покою, проводил буксир задумчивым взглядом и посмотрел на меня.

— Хм, да... — проронил он. — Значит, вот так... Нет теперь Ридондо. Жаль, клянусь Аркелионом... Надо бы выпить по этому случаю. — Потом он обратил взгляд на южный горизонт, едва видимый в вечернем сумраке, и, потянув носом воздух, пожал плечами. — Грядет буря, монсер...

— Скоро?

Он кивнул.

— Думаю, часов через пять... Вот некстати...

Я пошевелил онемевшей рукой.

— Фалькорет выдержит? Или нам лучше кликнуть буксир и вернуться к берегам Мантиохии?

Он отмахнулся, будто речь шла о несущественной мелочи.

— Не беспокойтесь, монсер. Моя посудина выдерживала и не такое.

В его бороде расцвела улыбка.

Я ушел в каюту — к Виджи.

* * *

Валеска перехватила меня в коридорчике, который разделял наши каюты. Налетела, ухватила за грудки, прижалась полной грудью, жарко задышала в ухо.

— Ну что тебе, чертовка?

— Фатик, — прошептала она, — капитан этого корабля... Это он вез меня из Дольмира в Мантиохию... Он пират, работороговец и убийца!

Если вы никогда не выносили блевотину своей женщины, впавшей в забытие от морской болезни, значит, вы никогда по-настоящему не любили. Или вам просто попалась женщина с крепким желудком*.

Шторм благоразумно обождal, пока старина Фатик переварит оглушительную новость Валески (наш разговор был коротким, но весьма бурным), он дождался также, пока мои эльфы придут в себя и перекусят, дождался наших с Виджи объятий и моего сбивчивого рассказа всему отряду об истинном лице шкипера — негромко, ибо наверху, у румпеля, стоял человек Буна.

Затем шторм решил больше не миндальничать и грянул. Он раскачал на море волну, от которой «Горгонид» хрустел каждой своей косточкой, а иногда издавал рыдающие звуки. Корабль бросало из стороны в сторону, частенько водяная гора давала крепкого пинка в корму, и тогда в щели плотно запертого окна каюты брызгала вода. Мои эльфы снова рухнули на койки: морская болезнь скрутила обоих, да так сильно, что они почти не могли шевелиться, лишь изредка приподнимались, чтобы выжать из своих желудков то, чего там давно уже не было.

Желчь эльфа (да, Гритт, не эльфа, а околоэльфа) выглядит точно так же, как желчь человека.

Я смотрел за Виджи, Крессинда сама вызвалась смотреть за Квинтариминиэлем. Трогательное единение гномов и эльфов, вы только представьте. Олник крутился у нее под ногами и, как всегда, мешал. На гномов совершенно не действует морская болезнь, если вы успели забыть.

Конечно, я не сделал запас продовольствия в Мантихии. Я спросил у кока сухарей и питьевой воды, и получил то и другое. Воду налили из общей бочки, так что я мог быть уверен, что присные Буна не подсыпали туда снотворного порошка, если он у них был, разумеется. У шкипера я заполучил флягу пристойного бренди — за

*Кроме шторма, в список я внес бы беременность или обычное отравление. Если любишь человека, ты любишь его целиком. И плевать, что этот человек — эльф.

отдельную плату. Вот уж туда Бун ни за что не стал бы сыпать снотворное либо яд.

Безумная качка оставляла мой желудок спокойным, Скареди и Монго тоже держались на ногах. Худо было Имоен — она, как и эльфы, свернулась калачиком на откидной койке, но по крайней мере могла самостоятельно двигаться в случае, если ей требовалось опорожнить желудок. Альбо, которого я снова напоил до бесчувствия, дрых в трюме.

Мой гарем... А, яханный фонарь, не мой, а... Короче говоря, гарем, на мою беду вызволенный из плена Фаерано, в соседней каюте чувствовал себя местами хорошо, а местами — плохо. Кок, ругаясь, отдал в каюту девиц остатки корабельной посуды. Валеска, к счастью, не проболталась девушкам: у нее хватило ума сообщить тайну лишь мне, своему, гм, опекуну.

Сам я устал как собака, меня клонило в сон, раненое плечо ныло. Нужно промыть рану и поесть, и — теперь уж наверняка! — выпить. Черт с ней, с клятвой. Слишком много событий — пугающих и ужасных, случилось одновременно. И слишком много такого же рода событий ждало нас впереди, а спиртное — это та вещь, которая всегда подкрепит силы, пускай и на короткое время.

Я выставил Монго в коридор — в качестве часового. Военный совет проходил под стонущие вокализы принца и жалобные вздохи Виджи. Иногда она открывала глаза (под ними залегли темные круги) и, слепо шаря рукой, находила мои пальцы. Я сжимал ее тонкую холодную кисть, стараясь передать свое тепло, ибо ее колотил озноб. Укрытая двумя одеялами, она тряслась, как в самой скверной лихорадке, и я уже научился предугадывать момент, когда ее скрутит рвотный спазм.

— Значит, пират... — обронил Скареди, подвигав морщинистой шеей. Он присел под свечным фонарем, укрепленным на переборке около входа, поставил между ног меч — тот самый полуторник, что так подвел его в схватке с кверлингами, свесил с крестовины тяжелые, жилистые кисти.

— Так и есть, — сказал я. — Пират и работороговец. Оба бизнеса смердят, как дюжина тухлых крыс, но весьма доходны... Бун перевозил рабов на продажу из Дольмира в Мантиохию и обратно, часто выступая в качестве посред-

ника. Валеска слышала, как он хвалился торговцу рабами, что набирает в Мантиохии проезжих, грабит их по пути, убивает ненужных, а в Дольмире продает на рынке знакомым торговцам крепких мужчин и красивых женщин. Нападать на дворян Мантиохии, что следуют в Дольмир по торговым делам, он, конечно, не решается, но мы-то ни разу не дворяне, мы проезжие, и он об этом знает. Если пропадем — кто нас хватится?

«Горгонид» получил удар в борт и дал заметный крен, но быстро выровнялся. Бун заревел что-то на палубе, кажется, о том, что ветер порвал штормовой парус.

— Нет занятий подлее, чем пиратство и работоторговля! — гневно заявила Крессинда. — Недаром мы, Жрицы Рассудка...

Ее слова утонули в рокоте грома.

Монго, что слушал в коридоре, просунул голову в каюту. Его теперь уже навсегда перекошенное судорожной гримасой лицо было бледно.

— Н-но... м-мастер Ф-фатик... Где ув-веренность, что все так и есть, как рассказала Ва-валеска?

— Димеро Бун решил изнасиловать ее, когда вместе с другими рабами вез из Дольмира в Мантиохию.

— М-мразы!

— И я о том же. Она хорошо запомнила его облик и голос. И его имя. И имя его бодмана. Если бы не торговец рабами, который сопровождал Валеску, Бун вдоволь бы поглумился над ней. К счастью, торговцу удалось уговорить шкипера не портить... товар...

— Кошмарно! — воскликнула Крессинда. — У нас в Шляйфергарде, если женщина изнасиловывает мужчину, или мужчина — женщину... Что случается, конечно, реже, но...

Я поднес палец к губам, другой рукой велел Монго занять пост в коридоре.

— Она запомнила Буна. Я ей верю. Косвенным доказательством ее правоты служит и то, что Бун спешно нанял пятерку странных пассажиров, по всей видимости, опытных головорезов. Он нас опасается. Мы имеем зубы. И деньги — как он уже успел убедиться. Много денег. Деньги и рабы — что может быть слаще для подлого пирата?

Олник посмотрел на меня круглыми глазами.

— А... и меня в рабство? И... и Кри?

Слыхали, уже называет ее «Кри»!

Я вздохнул.

— Он нацелен на эльфов в первую очередь, я полагаю. На Южном континенте остроухих нет, и их всегда можно там выгодно продать. И женщин, и мужчин. Ну а гномов всегда можно выгодно продать в глубине континента, из них получают выносливые рабы для тяжелого труда. Ах да, с нами еще и гаремные девчонки... — Я стянул пропитавшуюся потом рубашку. Кровь из раны спеклась, и перевязка напоминала на ощупь кусок древесной коры. — А теперь давайте посчитаем наши силы. Минус эльфы, минус их магия, минус Имоен... Получается, нас пятеро. Я, Крессинда, Скареди, Монго и Олник.

Гномша взвесила в руке боевой молот и покосилась на приоткрытую дверь, за которой, уткнув в мокрую палубу меч, маячил наследник Фаленорской империи.

— Гшантаракш гхор!.. Их там добрый десяток, да еще капитан с боцманом! — она удивительно ловко сохраняла равновесие, будто всю жизнь проплавала в штормовых морях Юга, впрочем, то же относилось и к Олнику. У гномов, очевидно, имелись скрытые таланты, о которых я не подозревал.

— И палубные пассажиры, — заметил я, надрезая кинжалом перевязку.

Клиники Гхашш звякали под койкой. Не люблю, когда с оружием обращаются, как с садовым инвентарем, но в тесноте каюты мне больше некуда было положить два лишенных ножен клинка так, чтобы можно было выхватить их в любой момент.

— Воистину, он взял еще помощников для совокупного греха! — высказался Скареди и с неодобрением покосился на собственный полуторник. Без верного Аспида (пускай и превращенного в Большой Костыль) он чувствовал себя обнаженным. — Ох, святая Барбарилла, что за качка... Клянусь полушкой, я не смогу рубиться при такой волне!

Я кивнул.

— Буря разыгралась серьезная. Шкипер пока не станет нападать: все его усилия сосредоточены на том, чтобы «Горгонид» не слишком пострадал от урагана.

Эльфийский принц внезапно издал утробный, клокочущий звук, который поглотил рокот грома.

— Я не хочу быть бэ-э-э-э и о-о-о-о! Я могу повернуть это внутри себя! — заявил он, привстав на локте. — Я смогу выдавить решение!

Тут его хорошенько скрутило, и он действительно выдал решение со звуками «бэ-э-э-э» и «о-о-о-о», Крессинда едва успела подставить тазик.

— Всего против нас семнадцать человек, — я вытащил из-под лавки флягу с бренди и протянул Олнику. — Плеснешь на рану, когда скажу. Да не тяни ты ее в рот, как малое дитя! — Я глубоко вздохнул и раздвинул края раны пальцами; струйка крови закапала на палубу. — Лей!

Олник плеснул от души, я едва сдержал стон. От запаха алкоголя почему-то замутило. Крессинда быстро и умело наложила свежие перевязки. Рану заштопаю в Дольмире, надеюсь, там мне не придется размахивать клинками.

Я отобрал у Олника флягу и сделал три щедрых глотка.

В моем животе взорвалась дымовальная машина гномов.

Через миг я, поймав тазик Крессинды и кое-как придвинувшись, изверг из себя выпитое, при этом у меня было такое ощущение, что я извергаю солнечное пламя.

Что за... Я пытался отдышаться, стоя на коленях.

— Фа... ик... — как сквозь туман, донесся голос Олника.

— Свя... я... Б... ла!..

— Мастер?

Я приподнял голову, кое-как проморгался. Олник умудрился спасти фляжку, подхватил из моих ослабших рук и прижал к груди, как младенца.

— Фатик, эркеши махандарр, там что, яд?

Я привстал и сплюнул остатки пламени.

— Ну-ка, отхлебни.

Бывшего напарника не потребовалось просить дважды. Не слушая протестов Крессинды, он приник к фляге, точно это была материнская грудь. На четвертом глотке я отобрал флягу и сам приложился к живительной влаге. Теперь я действовал осмотрительнее — всего один глоток...

Удар. Взрыв. Я очнулся, стоя на коленях перед тазиком.

— О... Олник?

— Мастер Фатик, вы же не будете пробовать это *еще раз*?

— Тихо! Всем молчать, яханный фонарь!

Я взял флягу и попробовал пойло на язык.

Меня окатила волна дикого, ни с чем не сравнимого отвращения, тошноты... Один вид алкоголя, запах, наметившийся во рту вкус...

Гритт, да что же это?

Я сел на койку и поднес флягу к носу. Осторожненько...

Результат был тот же. Отчаянным усилием воли я сдержал рвотный спазм. Так... На гномов не действует, а если заново испробовать на человеке?

— Скареди?

Он молча отпил приличный глоток, причмокнув от удовольствия. Вновь причастился. Издал глубокий вздох наслаждения.

— Хороша...

Я ничего не понимал. Взял флягу, принюхался и чуть не выронил из рук — так замутило.

«Мои дары проявятся не сразу...»

Слова Талаши накатили гулким эхом, смешались с урчанием грома и моей руганью.

Проклятая... богиня!

Все сразу прояснилось. Ну спасибо, удружила! Олнику ты вернула бороду (дело, безусловно, благое) и вылечила его аллергию на эльфов (вообще замечательно), с меня сняла татуировку (тоже неплохо, тем более этот дар — не считается) и — вот так новость! — внушила мне непередаваемое отвращение к спиртному!

Яханный фонарь!

Нет, богиня, я понимаю, что тебе, как существу высшему, наверное, виднее, но мне-то как теперь жить? Какой же я варвар без способности употреблять спиртное в любых количествах? А что скажет на это дедушка? Варвар Фатик, его надежда и предполагаемый наследник глав старейшин клана Мегарон — подлый трезвенник! Да какой — вынужденный! Может быть, он и хочет выпить, да вот поди ж ты — *не может!*

Мне оставалось только лезть на стенку и браниться. Вероятно, богиня возжелала, чтобы я добрался до Оракула

(а затем и до Источника) трезвым и не завис по пути в каком-нибудь кабаке. Гритт, какая насмешка судьбы, какая досада!

Ладно, черт с ним, с проклятием вечной трезвости, как-нибудь перебуду. Возможно — привыкну. Хотя — это вряд ли. Жаль дедушку... Я пропил его топор, а теперь фактически, во искупление греха, стал трезвенником. Но то и другое — ранит его до глубины души, оставит рубец на сердце!

Непутевый варвар, тьфу ты!

К черту, сейчас есть дела поважней.

Я не стал пояснять свои метаморфозы, просто велел закрыть флягу и сунуть под койку, сам же натянул рубаху и набросил куртку. Затем взял сухарь и старательно его сжевал. Не люблю воевать на голодный желудок.

— У пиратов значительное преимущество: они умеют драться на вихляющей палубе. Буря продлится долго. Думаю, не утихнет и до завтрашнего вечера. Димеро Бун нападет сразу же, как волна начнет утихать.

— Завтра? — уточнила Крессинда.

— Он не рискнет нападать, пока море так треплет корабль. Да, завтра. Завтра к вечеру или, может быть, днем.

— А мы...

— А мы, Крессинда, — я понизил голос, — нападём сейчас.

— Святая... — Старый рыцарь прерывисто вздохнул. — Прямо...

— Немедленно, Скареди. Мы нападём первыми. Хитро. Внезапно. Пираты не готовы к схватке и толком не вооружены. Я пойду первым. Прикинусь, что мне плохо, подберусь к капитану и убью его. Крессинда, ты, Скареди и Монго будете ждать у дверей юта с оружием и моими клинками. Олник — пойдешь со мной. Сунь под куртку свою колотушку. Будем изображать, что нам хреново от морской болезни...

— Эркешш... ясно.

— Нагрудники не надевать. Плавать в железе... несподручно.

— Они... без оружия? — уточнил Скареди. Он опустился на колени в молитвенной позе, вновь свесив кисти с крестовины меча.

Старая песня рыцаря прозвучала несколько менее убедительно. Возможно, он все же кое-чему научился за время похода.

— Напасть, убить, спасти отряд. Напасть на подлецов. Спасти праведников. Вы придете на помощь, когда услышите вопли. Или мой крик.

— Крик?

— Вы поймете, когда услышите. Выбирайтесь на палубу и начинайте убивать всех, кроме, разумеется, нас. Вам не потребуется фехтовальное искусство.

Вислые усы старого рыцаря дрогнули.

— Резня, будь я проклят!

— Резня во спасение. Судьба поставила нас в такие условия, когда благородство и милосердие к врагу — гибельно, ясно? Меня наняли, чтобы я привел нас к Оракулу, — на этих словах гномша и рыцарь обменялись странными взглядами, — и я это сделаю. Любой ценой. Мы убьем капитана, боцмана и столько матросов, сколько сумеем. Главное — прикончить Димеро Буна. Без него пираты быстро сдадутся.

Я думал, что Скареди снова начнет мне перечить, но меж бровей рыцаря наметилась глубокая морщина. Он встал, сгорбился и замедленно кивнул.

— Я... исполню.

— Крессинда, ты готова?

— Да, мастер Фатик. Я выйду на палубу и начну убивать.

— Держись рядом с дверями юта все время, кто-то должен следить, чтобы матросы не причинили вреда эльфам и гарему.

— Брутально, яханный фонарь! А корабль?

— Что корабль?

— Кто поведет корабль, если мы вырежем весь экипаж?

Я вздохнул. Нашарил ладонь Виджи и погладил... Она ответила едва ощутимым пожатием. Не думаю, что она слышала разговор... Я не хотел знать, что она скажет, когда узнает, как мы расправились с экипажем...

— Вместо капитана буду я.

Сказал и не соврал: я действительно кое-что смыслил в морском деле.

Я сбросил ботинки, знаком велел Олнику сделать то же.

— Старайтесь держаться середины палубы. Бойтесь волн. И разуйтесь. Босиком на мокрой палубе легче. Скареды, вы передадите мне клинок Гхашш, когда... начнется. Один клинок. С двумя я на такой палубе не управлюсь.

Он кивнул. Когда я выходил, хриплый голос, проникнутый болью, сказал мне в спину:

— Фатик... *Аллин тир аммен...*

Угу, высшая справедливость для подлецов — смерть.

Говорил, вы не поверите, — принц.

47

— Если Валеска ошиблась...

— Чего-чего, Фатик?

— Пошли, Ол.

Я поднялся по мокрым ступенькам и, толкнув дверь, переступил комингс. Ветер тут же швырнул мне в лицо горсть водяной пыли.

Ну и ноченька выдалась!

Море и гроза... Эта парочка ладно спелась и была намерена продолжать в том же духе еще долго. Тучи метали молнии, волны порой перехлестывали через фальшборт. Мокрые доски палубы отливали стальным блеском. Перед бурей матросы успели натянуть над палубой несколько штормовых лееров, так что, когда набегала волна, мне было за что хвататься.

Олник следовал позади, держась за мой пояс.

Прохладный дождь барабанил по плечам. Едва не запнувшись о спущенный на палубу грота-гик, я обхватил мачту и осмотрелся.

У фок-мачты маячили трое матросов, еще трое на юте удерживали правильное весло. Кормило рвалось из рук, и «Горгонид» с трудом направляли носом против волн. Я оглянулся. Дверь на ют была полуоткрыта. Тусклый свет фонаря позволял разглядеть чугунный подбородок и нос-пуговицу Крессинды. Черт возьми, я был рад, что неколебимая гномша со мной!

Молния высветила громадную фигуру Буна рядом с фок-мачтой. Капитан стоял, уцепившись за ванты, и крыл отборной бранью матросов, которые едва ползали по реям, пытаясь поставить новый штормовой парус: молнии сверкали столь часто, что им не нужны были фонари. Один, два... четверо. Все десять здесь. Не хватает лишь боцмана и... тех самых пассажиров, нанятых Буном в последний момент! Они, эти пассажиры, наверное, отирались в матросском кубрике. И оружие у них, наверное, рядышком...

Волна накрыла нас с головой. Я успел обхватить грот-мачту руками.

— Я мокрый, караул! — заявил Олник, фыркнув, как большой пес.

— Надеюсь, не от страха?

— Скажешь тоже... волна!

— Отцепись от меня и стой у мачты. Начнешь сразу, как я прирежу капитана.

— Ясно, Фатик.

Одержимый зловещим намерением, старина Фатик заковылял к капитану с кинжалом в рукаве куртки. Раз за разом судьба направляла меня на путь, не свойственный герою. Начиная с момента, как я отобрал у коротышек посылный фургон.

— Чего надо? — нелюбезно спросил Бун, когда я приблизился. Его борода, похожая сейчас на огромную черную сосульку, грозно встопорщилась. Штормовой плащ казался сплошным вороненым доспехом.

Пираты... Политики внушали мне меньшее отвращение, чем пираты. Мой кружной путь с отрядом начался с того, что пираты Кроубского архипелага под водительством Хартмера Ренго блокировали Харашту, положив, таким образом, конец водным сообщениям между талассократией синдигов и Южным континентом. Да и раньше мне доводилось встречаться с пиратами нос к носу.

При мысли о том, что мой план может не сработать, и Димеро Бун хотя бы пальцем притронется к Виджи, я чувствовал ужас и — ярость. Неукротимую, но вместе с тем холодную ярость, нисколько не похожую на амок. Это странное чувство, когда твое «я» отходит на задний план, а вне-

ред проталкивается желание уберечь, защитить любимого человека даже ценой большой крови, проснулось во мне после ранения Виджи, укрепилось на поле Хотта, а сейчас... черт, оно было тверже алмаза. Я был готов на всё.

Я увидел, что из окна капитанской каюты пробивается свет. Приблизился к Буну, скроив плаксивую физиономию. Боги, как же он был громаден! В два раза шире меня и выше на полголовы.

— Мне... дурно... капитан! — Я наклонился к нему и опустил руку: рукоять кинжала скользнула в ладонь, мокрая и холодная, как только что пойманный окунь. — Нужно... еще... выпить...

Он раскрыл рот, чтобы ответить гневной тирадой. Я наклонился и без размаха воткнул нож в сердце Димеро Буна.

Гм.

Вы, наверное, уже привыкли, что большинство моих дел и хитроумных уловок с самого начала этой истории частенько шли наперекосьяк.

Так случилось и в этот раз.

Волна двинула «Горгонид» в скулу, со спины Буна, едва не положив корабль на бок. Меня отбросило назад, и кинжал впустую скользнул по жесткой ткани штормовки. Чтобы удержаться на ногах, я взмахнул руками, и лезвие кинжала сверкнуло у самых глаз капитана.

— Рамшех!

Его мясистый кулак врезался в мою челюсть. Я воспарил над «Горгонидом», созерцая грозовые небеса, затем приложился лопатками о мокрую палубу и, проехав на спине, стукнулся затылком о фальшборт.

Бун страшно завопил, его сапоги загрохотали по палубе. Он был как тролль — столь же огромен и на удивление подвижен. Молния сверкнула дважды — а он уже навис надо мной, его короткие рубленые пальцы тянулись к моему горлу.

Я отпихнул его ногами, затем вскочил, слыша сбоку отчаянные вопли и звон оружия.

Палуба накренилась, и мой кинжал запрыгал к ногам Буна. Я ринулся следом, несмотря на то что от двух ударов в моей голове гудели шмели, а ноги — заплетались.

Бун потрянул головой, приходя в себя. Кинжал допрыгал до его сапог. Я понял, что Бун схватит его раньше, но капитан, завопив что-то, вдруг устремился к дверям своей каюты.

Инстинкт Джарси заставил оглянуться. Один из матросов уже примерился разбить мне голову какой-то деревяшкой. Я перехватил его запястье, вывернул, другой рукой резко выбил локоть из сустава. Вопль боли потонул в каскадах грома. Я облапил пирата поперек туловища и швырнул за борт.

Раз...

Олник тем временем запросто управился с двумя. Молнии, сверкая, чеканили черно-белую картинку: плечистый карлик с колотушкой и упавшие, уже неподвижные матросы.

Два... три...

Монго буйствовал у румпеля: его меч, взметнувшись, поразил одного из рулевых.

Четыре... Пя...

К несчастью, наследник трона скверно держался на штормовой палубе. Когда «Горгонид» дал крен на нос, Монго кубарем скатился с юта по ступенькам, а затем намерился искупаться в волнах пролива, для каковой цели начал переваливаться через планшир. Но Крессинда была рядом: она успела схватить его за сорочку и вытащила на палубу, мокрого и взлохмаченного, потерявшего меч. Тем временем один из уцелевших рулевых оставил румпель и попытался атаковать Жрицу Рассудка. На свою беду.

Пять...

Все происходило очень быстро, отпечатываясь в моем мозгу черно-белыми картинками.

Скареди добрался до меня почти ползком и протянул клинок Гхашш.

— Мастер Фатик, вы кричали...

— Не я. Нет. Не важно. Пассажиры...

Двери шкиперской каюты распахнулись от мощного пинка, Бун перепрыгнул через комингс и устремился к нам, держа на отлете тяжелую, хищно изогнутую саблю. Из ярко-освещенного проема начали выбегать люди в блузах и коротких матросских штанах. На ногах эта публика держалась уверенно, вооружена была короткими тесаками.

Здорово, братцы... Матросская шваль, головорезы, срочно нанятые шкипером в Ридондо. Вы, несомненно, собрались в каюте Буна, чтобы сделать друг другу маникюр!

На плечи Скареди прыгнули две тени — палубные матросы опомнились и вступили в схватку. Третья тень материализовалась прямо передо мной — чтобы получить гардой в нос. Тем временем четвертая тень сбила Скареди с ног, и образовавшийся клубок покатился к борту.

— Олник! — гаркнул я. — Скареди! Помощь!

— Гномья кур-р-ва! Иду!

Шкипер был уже рядом. Он не стал держать торжественную речь и сразу перешел к делу.

— Ты... ты... ты! — заревел он, нанося удар за ударом. Я парировал, видя бреши в его яростных атаках. Я мог бы убить его очень быстро, но в этом случае пятеро наемников пустили бы меня на рубленные котлеты. Они теснили меня к борту, но пока не нападали всерьез. Бун хотел разделаться со мной сам.

Я отступал, пятился мелким шагом, я тянул время, подавался капитану и уповал на своих друзей.

Наш поединок длился меньше минуты, как вдруг я ощутил, что корабль потерял управление: он содрогнулся, получил удар в корму и начал рыскать, а потом решил улечься на борт, тот самый, к которому был прижат я. Головорезы и шкипер стремительно соскользнули к фальшборту и погребли меня под своими телами.

Кажется, мелькнула мысль, Крессинда или Монго расправились с последним рулевым. Корабль, оставшийся в шторм без управления — пропащий корабль. Об этом я должен был подумать перед тем, как напасть на Буна.

Когда «Горгонид» выровнялся, я выскользнул ужом из-под горы тел, потеряв, правда, меч. Я встал на ноги первым из всех, и, схватив за пояс одного из наемников, спровадил его в морскую пучину. Затем увидел тускло блеснувший тесак, схватил и обрушил на загривок другого наемника.

Шесть и семь.

Сбоку неслась хрипая ругань: судя по голосам, Скареди и Олник схватились с остальными матросами.

Я успел убить еще одного наемника, прежде чем из груди тел поднялся скипер.

— Ты... я... о-о-о! — ревел он сквозь заросли разлохматившейся бороды.

Один из самых галантных и красноречивых людей, что я встречал.

Я крутанул тесак и вогнал лезвие под солнечное сплетение пирата по самую рукоять.

Восемь и девять.

Сверкнули белизной зубы... Бун попытался ударить меня саблей, но я перехватил запястье и вырвал саблю из слабеющих пальцев. Тогда он дернул свободной рукой за пояс с Богом-в-Себе, но — слабо, жизнь покидала его тело.

— Хи... трый... — прокрипел капитан. — Как... узнал?..

— Твои грехи идут впереди тебя, — сказал я и пихнул его в грудь. Он осел на палубу — мертвый.

Рядом вдруг оказалась Крессинда. Она что-то кричала, размахивая молотом, и наемники — те, что остались, а с ними и боцман, и матросы, уцелевшие в драке с Олником и Скареди, испуганно вжали головы в плечи. Я передал командование гномше и поднялся на ют, где укротил рулевое весло, направил «Горгонид» носом против волн и тем самым спас корабль, и нас, его пассажиров.

А если вы думаете, что настоящий героический поступок, это перебить пиратов — или, скажем, вызвать предводителя пиратов на бой и умертвить в честном поединке, вы ошибаетесь. Истинно героический поступок мы со Скареди совершили этой ночью, стоя у кормила до тех пор, пока волна не пошла на убыль. Не могу сказать, что это далось мне легко. Я бы наверняка упал, да и Скареди не был сделан из железа, в общем, мы не удержались бы на ногах, если бы я заранее не велел привязать нас к веслу.

48

Берега Дольмира еще кутались в утренний туман. Из-за него сочная зелень на скалистых террасах казалась покрытой серебристой паутиной. Ее изрядно присыпало брил-

лиантами росы, которые, разумеется, искрились на солнце, в общем, картина была величавая, особенно для тех поэтов, что впадают в экстаз от любых красот природы.

Не могу сказать, что после двух беспокойных суток на море красоты берегов Дольмира так уж радовали мои воспаленные глаза, но то, что меня обрадовала картина пустынной бухты неподалеку, это было несомненно.

Бун не держал у себя толковых карт побережья Дольмира, вероятно, для капитана, избородившего прибрежные воды вдоль и поперек, подобные карты не представляли никакого интереса. Я шел по компасу, стараясь направлять «Горгонид» к юго-востоку, чтобы ненароком не приплыть напрямик в Семеринду.

Мне была нужна безлюдная бухта или, на худой конец, небольшой поселок без докучливой администрации. Захватив корабль, убив его капитана, мы сами стали пиратами, и поэтому нам нужно было причалить тихо, незаметно, и молиться, чтобы, пока мы причаливаем, нас не заметили крейсирующие вдоль побережья военные галеры владыки Тулвара.

Я позвал Скареди и велел привести на ют боцмана — самого буйного из уцелевших пиратов. Впрочем, под надзором Крессинды он, как и все пленники, выказал чудеса рабочего энтузиазма.

Боцмана привели, и я спросил, узнает ли он очертания берегов.

Он молча и продолжительно осмотрел береговую линию, и, едва ворочая распухшей челюстью, изрек:

— Провинция Тарка, бухта Гнилых Русалок...

Я показал на скалистые террасы, над которыми виселись чайки:

— Есть тропа наверх?

Боцман перевел взгляд на меня и, положив связанные руки на планшир, сперва кивнул, затем сказал тихо:

— У берега скалы. Сам проведу к бухте.

Я согласился. Он помолчал, затем вымолвил еще тише:

— Вольное Общество тебя не забудет, Фатик Джарси!

Это он, стало быть, уверился, что я не буду его топить или каким-то иным образом лишать жизни (я обещал пленникам помиловать их, а слово варвара Джарси стоит дорого

даже среди Вольного Общества), и угрожал мне теперь местию пиратской вольницы, которая, как и всякая прочая разбойничья шваль, дала себе благородное название.

— Сердечно благодарен, — произнес я, глядя на бак, на каюту Буна, где теперь коротали дни мои эльфы. Там было тихо. — Передавайте Обществу привет, пусть растет большим и крепнет. Ну и почаще меняйте ему подгузник. А я с друзьями пока прокачусь в Талестру, там, знаете, скоро грянет урожай сбора бешеных огурцов.

Маневрируя при слабом ветре, мы подвели корабль к бухте и загнали его носом в песок.

Готово, мастер Фатик, — похвалил я себя. Кажется, неплохо, мастер Фатик, верно?

Угу, неплохо, мы все же прорвались на Южный континент, и, надеюсь, будем у Оракула раньше гончей Вортигена. Я, черт возьми, умница!

Мы сбросили веревочный трап с носа корабля и выгрузились, почти не замочив ног.

Альбо спустили последним. Бесноватый пророк Гритта был, как обычно, пьян, я извел на него половину запасов выпивки Димеро Буна. Мне, признаюсь, было страшно оставлять священника трезвым даже на час (пока я отдыхал, беднягу накачивала пойлом Крессинда): пророк, если вы не забыли, способен божьей волей творить самые разнообразные чудеса. Добрые чудеса. И злые чудеса. И чудеса такие, которые могут открутить Фатику М. Джарси буйную голову, лишь бы только этот варвар не явился к Облачному Храму.

Поэтому я держал его пьяным, здраво рассуждая, что толковое чудо в пьяном виде он вряд ли сотворит. Напоил я вусмерть и оставшихся пиратов. Пока они очнутся — пройдет не менее шести часов. Пробив в трюме несколько здоровенных дыр, я обеспечил их ремонтом на долгое время.

Дольмир... Нагруженные поклажей, с несчастным Альбо, которого волочили на парусе Скареди и Монго, мы начали подниматься вверх по чуть заметной тропке. Я подгонял гурт дамочек, используя не вполне приличные обороты.

А Виджи снова меня избегала.

Как только она пришла в себя, то сразу покинула общую каюту, и те два дня, что мы плыли к Дольмиру, стара-

лась держаться от меня подальше, словно я где-то подхватил ветряную оспу. Думаю, дело было в резне, которую я в очередной раз учинил. Вы же помните, эльфы такие гуманисты... Говоря откровенно, это начинало здорово бесить. Рано или поздно эта остроухая доиграется, я стяну с нее штаны и панталоны и вобью в упругие половинки ума столько, сколько потребуется, чтобы она, наконец, поняла: *дабы достичь благородной цели, иногда приходится жертвовать собственным благом.*

А возможно, не иногда. Возможно, часто.

Так, как регулярно поступал я, вызволяя отряд из беды.

Так, как однажды поступили сами эльфы, обманув простодушного варвара.

Может быть, ей было стыдно видеть во мне свое отражение?

Мы взобрались по обрыву (не могу сказать, что это далось нам легко) и остановились передохнуть, выбрав место среди зарослей самшита. После завтрака я прихватил Олника и Скареди и отправился на поиски ближайшего селения, велел отряду и девицам сидеть тихо и слушать, как воркуют птички.

Вдыхая сухой воздух с привкусом пыли, мы отмерили по каменистой дороге миль пять в глубь материка, прежде чем встретили деревушку. Там я купил три крытые двуосные повозки с большими колесами, сбитыми из толстых досок, и к ним шестерых лошадей, кляч, усыпанных язвами от слепней. Вдобавок я купил еды и несколько матрацев, а себе — плетенный из соломы брыль, который надежно затенил мое лицо. Покупки обошлись мне в цену маленького королевства.

К полудню я загнал народ в повозки, и мы тронулись в путь — на Семеринду, благо что она лежала как раз по пути следования к Оракулу. В Семеринду, к Самантию Великолепному.

* * *

Все было так или почти так, как в самом начале пути — из «Полнолуния» к Дальнему перевалу через Огровы Пус-

тоши. Неторопливое, сонное движение под топазово-желтым солнцем под заунывный скрип колес.

Все — как тогда. Только повозок под моим началом теперь три. Ну, и личный гарем. Только заимев гарем, я понял, какое это счастье — не иметь гарема!

Я ехал на головной повозке с девочками, взяв их к себе теперь уже сознательно, назло остроухой недотроге. За мной двигалась повозка с гномами (без трех минут семейная пара), Скареди и Альбо. Эльфы, Имоен и наследник престола были в третьей повозке. Я велел перворожденным повязать головы платками, чтобы их светлые волосы не бросались в глаза. Здесь, в краю чернявых и смуглых, эльфы были редкой... добычей. Остроухие послушались — молча. Но, зная вздорный характер обоих, я решил: в Семеринде перекрашу их золотые локоны хной и басмой. Маленькая предосторожность, чтобы не привлекать внимания работоторговцев, когда мы двинемся с караваном через пустыню.

Дороги тянулись по гористой местности, скверные, разбитые, изредка попадались мощеные участки — следы царств, занимавших территорию Дольмира в давние времена. Подскакивая на ухабах, я то и дело вспоминал рессорные фургоны гномов.

Я ехал навстречу новым призракам прошлого с недобрим чувством. Наследить на Южном континенте Фатик М. Джарси успел изрядно. Даже царь Дольмира, Каргрим Тулвар, имел на меня зуб. Что случится, если прошлое снова возьмет меня в оборот? С того момента, как Виджи спасла мою жизнь, меня преследовал ряд странных совпадений, связанных с политикой и властью и, разумеется, с моими давними знакомыми — врагами, друзьями и друзьями, которые могли легко обернуться противниками. Я помог бутгурт моару упрочить свою власть, положил начало победной поступи Рондины и спас жителей Ридондо, вдобавок подарив им нового-старого монарха, моего наставника в актерском мастерстве и некогда — друга. И все это я проделал меньше чем за месяц. Все эти дела, делишки и делищи стоили мне массу душевных и физических сил.

Ну и, конечно, богиня... Я чувствовал, что взвалил на себя непосильный груз, ввязавшись в дело о небесном престоло-

наследии. Вопрос, что — или кого я везу в своем поясе, не давал мне покоя. Что там — частица души Пожирательницы миров или все же — новый бог моего мира, мой сын? Смерть — или спасение целого мира? Кто бы подсказал...

Затем я подумал вот о чем: как далеко успел продвигаться мой сводный брат? Он наверняка уже посетил Облачный Храм и пустился обратно. Было бы неплохо встретить его в Семеринде у Самантия... Я бы придушил свою гордость и позвал Шатци на помощь. Каждый лишний меч пригодится, когда против тебя выступают посланцы Вортигена.

Если мы не сумеем их обогнать, они будут ждать нас в Селибрии, городке у подножия храмовой горы, или внутри — у Оракула...

Да только богиня сказала, что я опоздаю.

Гродар — тварь в маске, изображающей равнодушный лик. Смертоносец Внутреннего Круга Адвариса. Полудемон. Противник куда более страшный, чем убитый мною на мосту через Дул-Меркарин Сколдинг Фрей. А с ним — два простых смертоносца и неизвестное количество гвардейцев Вортигена. И еще Охотник Борк, который отправлен вслед за Гродаром. Чертовски хреновый расклад...

Смертоносцы будут нас поджидать... Или мы все же успеем к Храму раньше? Нужно успеть.

Однако богиня сказала, что я опоздаю.

Я катал эту мысль в голове и так и сяк, и еще много иных, не очень-то радужных мыслей, и не заметил, как багровое солнце повисло над ломаной линией горизонта. Я выискал ропицу, в которой протекал родник (кажется, я говорил, что у варваров Джарси чутье на воду? Не помню...), и спрятал повозки за частоколом деревьев.

Мы расселись на корягах и камнях и поели, перебрасываясь скудными репликами. После морской качки и тряской дороги всем хотелось одного — вытянуться и по возможности уснуть.

Я украдкой поглядывал на лица своего отряда. Все-таки я доставил их на Южный континент почти в целости. Альбо сошел с ума — но это не моя вина. Ну а наследник престола, ради которого мы и претерпели столько мучений, попался

горным шершням, когда я лежал без сознания. Ничего, править Фаленором можно и с перекошенной рожей. Мантиохией вообще до недавнего времени правил кретин.

— Завтра к закату прикатим в Семеринду, — сообщил я, запив ужин обычной водой (чтоб икалось этой богине!). — Там передохнем и на следующий день выдвинемся к Оракулу, до него часов десять пути.

Принц всех меланхоликов, сидящий рука об руку с Виджи напротив меня, попытался что-то сказать, но я оборвал его резким жестом:

— Завтра. Все — завтра. Давайте укладываться. Монго, ты дежуришь первым... Нет здесь опасных змей и пауков, они дальше, в пустыне... За тобой — Скареди. После — Крессинда. — И Олник, мог бы я добавить, они же теперь неразлучная пара.

Никто не протестовал. Люди и нелюди разбрелись по палаткам. Я прозевал момент, когда Виджи оказалась рядом. Колыхание легкой тени, невесомый дразнящий аромат, и вот она на расстоянии вытянутой руки.

— Фатик... Нам нужно поговорить.

Ее голос был просящим.

— Хорошо, лисьи ушки. Прямо здесь?

— Там, — она показала в сторону ручья.

Мы расположились на берегу среди камней. Виджи молчала. Это так характерно для эльфов — сказать, что хотят поговорить, и молчать! Я смотрел на ее тонкую фигурку в охотничьем костюме и тоже помалкивал. В конце концов, на разговор меня вызвала она, ну и пусть начинает первой!

Взошла луна. Вместе с нею взошли комары. Я начал выплясывать вздорный танец, переступая с ноги на ногу и хлопая себя по щекам и шее.

Виджи молчала, обняв плечи руками, и смотрела в воду.

Тут я, наконец, заметил то, что давно уже должен был заметить, да только присутствие дерзкой девчонки уничтожало мое здравомыслие и внимательность на корню: *комары избегали эльфийку!!!* Гритт, вы только представьте эту картину! Кажется, для определения подобного факта у просвещенных людей (таких, как Академики Харашты и некоторые видные работоторговцы Дольмира) есть слово: расизм.

Комары то ли презирали, то ли боялись приблизиться к существу с эльфийской кровью! Зато с удвоенной яростью набрасывались на меня, словно я был...

Виджи молчала. В ручье полоскалась серебряная монета луны, эльфийка смотрела на нее и молчала.

Со стороны лагеря раздались голоса: Донни и Валеска что-то не поделили. Но они быстро пришли к взаимному согласию, когда на них обрушилась с хриплой матросской бранью Крессинда. «Якорь мне в бок, а ну заткнулись!» — вот как она выразилась. За считанные дни плавания сухопутная гномша превратилась в настоящую морскую волчицу.

— Фатик...— вдруг обронила эльфийка.

От неожиданности я проглотил комара.

— Да, добрая фея?

Она не смотрела на меня.

— Мне холодно, Фатик... С тех пор как я оставила дом, мне очень холодно и страшно... Я очень запуталась, Фатик. Я ужасно запуталась...

Я присел на соседний камень, положил руку на ее плечо. Она вздрогнула и вдруг накрыла мою ладонь своей — холодной, будто сделанной из алебаstra.

— Я хочу тебе помочь, Виджи.

— Я... знаю... Мне страшно за нас, за себя, за весь мир... Но больше всего, Фатик, я боюсь за тебя...

Яханный фонарь!

— Ты спасла меня, я жив и намерен оставаться живым еще лет пятьдесят-семьдесят. Или? Виджи, ты сама запретила мне спрашивать!

Ладонь дрогнула.

— Нет, Фатик, дело не в этом... Ты... мне страшно... Ты начал меняться. Ради нас, ради меня, ты готов превратиться... в чудовище. Ты убивал на поле Хотта, в Ридондо и на этом корабле... И я знаю — убивал без жалости. Ради нас... ради меня!

Все-то ты понимаешь, добрая фея...

— Я не чудовище, Виджи, и я не стану чудовищем — ты ошибаешься.

Комар впился мне в шею, и я чуть не взорвался *чудовищными* ругательствами.

— Мне страшно, что я делаю тебя таким... — Она вздрогнула, профиль со смешным утиным носиком качнулся к воде. — Это мерзко и подло, то, что я делаю с тобой... Ведь когда я уйду...

О-о, Гритт и все демоны ада!

— Чушь и ерунда! И куда это ты уйдешь, хотелось бы знать?

Она вздрогнула, спрятала взгляд.

— Я... Неверно сказала. Не уйду... Я уйду, если ты... Я не хочу принимать тебя таким, Фатик... Мне кажется, Фатик, что я создаю личного палача...

Яханный фонарь огру через троллево колено! А я думал, она перестала терзаться абстрактным милосердием!

Комар укусил меня за щеку и был безжалостно казнен шлепком ладони.

Ох, праведники вы мои праведники, как же я намаялся со всеми вами за время похода! Скареди с его закидонами, Альбо, и ты, Виджи, вместе с принцем, да и Крессинда тоже хороша!

Я рывком развернул добрую фею к себе, сграбастал за тонкие запястья и заставил встать. Посмотрел в лицо — бледно-серебряное в лунном свете, беззащитное, с тонким подбородком, большим ртом, милым утиным носом.

— Чушь и ерунда! Ты запуталась и говоришь глупости! Виджи, я человек в мире человеков! Гритт, это ты понимаешь? Кивни, если понимаешь! Вот так... Если я начну вести себя иначе — я проиграю. Мы проиграем. Я не палач. Я — человек, который отвечает ударом на удар. Или предвидит — и наносит удар первым.

Она тяжело дышала, не пыталась вырваться, мне показалось, что ее запястья потептели.

— Я не стану чудовищем, Виджи. — В момент произнесения этой фразы комар заполз мне в нос, и я чуть не заревел. — Я человек, обученный *выручать*. И убивать подлецов, если потребуется выручить праведников. Да — без жалости, ибо только дураки считают, что подлец может исправиться. Нанимая меня, вы знали, на что идете. Варвары Джарси — не палачи. Мы — люди, лишённые подлости люди в мире подлых людей и победившего зла, как-то так. Да, я изменился с тех пор, как ты меня встретила. Помнишь, ты мне это обеща-

ла? Я почти *нашел себя*, лисьи ушки. И тебя. И я буду тебя выручать, пока ты здесь, рядом со мной, в мире победившего зла. Так — ясно? Я буду делать то, что считаю нужным. Пускай ты и твой... принц считаете меня олухом, которого умело водите за нос, я все равно буду тебя выручать. А если ты вздумаешь от меня уйти... Черта с два я тебя отпущу, ясно?

Стрела попала в цель: даже в лунном свете я увидел, что ее щеки залил румянец. Но она не сделала попытки высвободиться. А я еле стоял, ибо комары лезли в глаза и нос.

— На «Горгониде» я помиловал остаток пиратов. — Я сдержал чих. — Нет, я не стану чудовищем, но я буду делать все, чтобы выручить тебя из беды. Больше не оспаривай мое поведение.

Она обмякла, опустила взгляд. Затем кротко, даже застенчиво как-то, сказала:

— Согрей меня, Фатик...

Эту ночь она провела в моей палатке, и все было настолько хорошо и сладко, что я едва не спел ей серенаду. Она... изменилась: теплая ласковая кошка... Даже пояс с Богом-в-Себе больше не лежал между нами тяжким грузом.

Она приняла меня таким, какой я есть.

* * *

На рассвете, когда я умывался в ручье, ко мне несмело, двигаясь боком, приблизился Олник. Бывший напарник зарос черной, как смола, трехнедельной бородой, в которой уже запутались какие-то сорные травы и ночная бабочка.

— Фатик, а я это...

— Ну?

— Мне приснился сон, будто я ловлю рыбу руками. Полночи ловил, ты и представить не можешь, как умаялся, эркешш махандарр! А рыба была хорошая, горная форель, она вкусная, когда ее поджарить...

Я внимательно на него посмотрел.

— О, это пророческий сон. Для женщин он означает скорую беременность.

— А для мужчин? Для гномов? Что он означает для мужчин-гномов, Фатик?

Я подумал, стряхивая капли с бровей.

— Да пожалуй, то же, Ол. При посредстве твоей бойкой супруги ты забеременеешь самым лучшим образом.

Я ушел, а он остался стоять, открыв рот.

50

Утром я выказал свои диктаторские замашки и произвел рокировку: девять говорливых принцесс на одну королеву и пару дворян из ее свиты. Таким образом, Виджи, Имоен и косорожий наследник престола перешли в мой фургон, а гарем направился к эльфийскому владыке. Квакни-как-там-его смолчал, только дрогнул острым подбородком.

А я расправил плечи: как все-таки приятно помыкать подчиненными, вы не представляете, особенно когда *некоторые* из этих подчиненных не вызывают у тебя ни малейшей симпатии.

Я плюхнулся на лавочку возницы и дал сигнал к отправке. Мы выкатили на дорогу. Чуть погода на место рядом со мной скользнула точеная фигурка... Все как тогда, на Огровой Пустоши, но теперь между нами не было меча, и Виджи устроилась так, чтобы мы плотно соприкасались. Умница-красавица, покладистая, ласковая... Хотя бы на час-два-три, а большего мне и не надо. Нет, мне, конечно, нужно больше, но ведь я реалист, и понимаю, что ее не хватит надолго. Рано или поздно она взбрыкнет, и бедный старина Фатик снова огребет по самые... Не буду уточнять, по что именно.

А сейчас мне было хорошо... И вот что я вам скажу: если вы никогда не правили повозкой совместно, накрыв своими ладонями маленькие ладошки своей женщины, вы многое потеряли.

Спустя полчаса я поймал себя на том, что заливаюсь соловушкой, точно как Олник при Крессинде. Ах, женщины, что же вы делаете с мужчинами!.. Да, эта вздорная мужская особенность — говорить, говорить и говорить, когда женщина тебя слушает, и ты понимаешь, что ее интерес к твоим словам неподделен, даже если ты лепишь всякую ерунду. Ты говоришь, ибо тебя слушают, потому что ты не-

безразличен этой женщине, и каждое твое слово имеет для нее несомненный вес.

Меня слушали именно так. Но я не лепил чушь, а рассказывал о Дольмире:

— Самое крупное и могучее государство на Южном континенте. Жестокая монархическая деспотия на протяжении трех веков. Каргрим Тулвар, нынешний царь и мой давний знакомец, владеет жизнями всех подданных, будь то раб, купец или даже первый министр царства. К тому же царь — первосвященник Рамшеха, а значит, в его распоряжении сразу две кубышки, сиречь казны: церковная и государственная. Очень мудро придумано, должен признаться. Царь от сытой жизни разжирел. Десять лет назад он уже был до того толст, что мог возить свое брюхо перед собой на тачке. Помешан на плотских утехах, днюет и ночует в гареме. У него, слышал я, в прошлом году был юбилей — четыреста жен. Э-э-э, гм, да! Что до рабства, то здесь оно повсеместно. Родители запросто продают своих детей, чтобы рассчитаться с долгами. Сам же Дольмир — главный центр работорговли на Южном континенте. Если увидишь существо в ошейнике — не важно, какой расы, мужчину, женщину, ребенка, знай — это невольник.

Добрая фея вздохнула:

— Рабство...

Я промолчал. Хотя на языке вертелось глупое выражение: «Такова жизнь». По размышлении мне следовало дополнить его таким образом: «Такова жизнь, какой ее захотели сделать люди».

— Сам Оракул посвящен Рамшеху Дольмирскому, и является одной из святынь этого культа. Внутри Облачного Храма проживают до сотни аколитов с монахами во главе с настоятелем... Говорят, это по-прежнему Чедаак. Девчонки, которых я вывел из Храма, здорово его *пощипали*, но он выжил, поскольку люди его сорта обладают исключительной плавучестью.

— Фатик...

— Да, Виджи?

— Ты сказал, что знаешь Тулвара?

Ты? Слыхали, наконец-то, без обиняков и околичностей, она назвала меня «ты»!

— Кгм... м-да... Знаю несколько больше, чем мне бы того хотелось. А царь знает меня — не с лучшей стороны. Скажем так, он навсегда запомнил мое имя благодаря одному делу.

— Фатик?

— Да, моя красавица?

— Расскажи мне о знакомстве с Тулваром... Что ты должен был сделать, что сделал и почему он знает тебя с плохой стороны?

Сделал? Гм. Лучше тебе не знать, чего я *не* сделал, и правильно сделал, что не сделал, хотя мне очень хотелось это сделать, да простится мне такой каламбур. Я все же честный Джарси, а не подлый отступник типа Кругеля.

Я покосился на Виджи: сидит расслабленно, не так, как обычно, волосы надежно скрыты под цветастым платком. Нос и лоб успели немного загореть — ровный оттенок светлой бронзы. Выражение лица — спокойное, умиротворенное, черт подери — *счастливое*! Такое лицо у нее было, когда она спала рядом со мной, мурлыча, как кошка. Бодрствуя, она редко позволяла себе расслабиться, частенько напоминающая оголенный комок нервов.

И вот теперь... Если я расскажу эту историю... Мои акции, боюсь, снова упадут в ее глазах.

— Гм. Яхан... Виджи, позволь, я не стану трясти свое прошлое?

Тут же ее спина одеревенела, и она мгновенно *закрылась*, как делала это раньше много раз, стоило мне допустить *ошибку* — сказать что-то не то, или совершить скверный, по ее мнению, поступок.

Я прикусил язык и выбралил себя в уме примерно двадцать раз.

— Прости, Виджи, я не могу сейчас рассказать!

Зря не рассказал. Ох, зря! Призраки прошлого не дремали, и мне аукнулась эта история.

Далее я вел беседу с самим собой. Виджи отгородилась незримым палисадом. В ее ровной спине я мог бы увидеть лишь собственное отражение, как в гладком мертвом зеркале. Она не уделяла и толики внимания рощам олив, деревьям и храмам Рамшеха, украшенным изумительными панно из цветной мозаики. Тысячные стада одногорбых вер-

блюдов, что выпасали орки на пустошах неподалеку Семеринды для нужд караванов, также не привлекли ее внимания. Она смотрела перед собой, как истукан.

Окружающий мир для нее исчез, равно и как малая его часть — некий Фатик М. Джарси.

Меня бесило то, что, отказываясь откровенничать со мной по многим вопросам, сама Виджи требовала от меня рассказывать все без утайки. Если отказался — виноват! Женская логика сродни эльфийской логике — темно, путано, для мужчины — вовсе не понятно, и грозит мозговым подвывихом, если вздумаешь ее постичь.

Когда я научусь понимать женщин, я стану владыкой мира. А когда научусь понимать логику девушек-эльфов, то, видимо, превращусь в божество.

Незадолго до полудня мы выехали на мощный тракт. Щербин на нем было больше, чем булыжника. Часам к двум тракт изрядно запрудили путники: верховые, пешие, на подводах и фургонах. Из всех из них составила огромная пестрая змея. Извиваясь, она бесконечно втягивалась в марево поднятой ею же пыли, двигаясь, разумеется, к Семеринде. Ехать к городу можно было только шагом, пробиваясь сквозь плотный вал из пыли, воня, ржания и людских голосов.

Терпкие запахи, наконец, пробрали и мою эльфийку — она скрылась в повозке.

Тут я решил проявить милосердие и повернул караван в сторону какой-то речушки. На ее берегу устроили привал работорговцы вместе со своим товаром. Подле нас уныло отдыхала в тени старых ветел группа рабов — парней и девушек лет восемнадцати, с одинаково выбритыми от лба до затылка головами. Рабы были скованы ржавой цепью, к концу которой прикрепили гроздь зеленых гоблинов. Этим забрить лбы не представлялось возможным, ибо волосы на теле зеленых гоблинов не растут, только многочисленные бородавки пробиваются с возрастом. Владельцы рабов — два купца-человека средних лет, о чем-то спорили, сидя в повозке-шарабане. Три кражистых орка-охранника поили своих лошадей у реки.

Я велел девицам сбегать в кусты по одной и спрятать-

ся в повозке. Потом собрал свой отряд в кружок, поправил хитрый пояс с Богом-в-Себе и сказал:

— К вечеру — Семеринда. Там во всем слушать меня. Сидеть тише воды. Не высовываться. Ничего не трогать без спроса. Ни с кем не говорить. Я все устрою *как надо*.

— А поесть нам дадут? — спросил Олник, выставя изрядно заросший подбородок. Подлец начинал топорщить бороду при каждом удобном случае. Меня это бесило. Честное слово, когда этот гном разгуливал без бороды, он был намного умнее и терпимее.

— Дадут. А лично я отсыплю тебе березовой каши, если продолжишь хорохориться.

Крессинда фыркнула и заслонила Олника могучим телом. Я невольно отшагнул назад: иногда бедовой гномши становилось чересчур *много*.

— Мастер Фатик, мы, конечно, во всем слушаемся вас, но почему в городе мы должны вести себя так, как вы сказали?

— Потому что это — мой приказ, ясно? — Я оглядел лица отряда. Имоен и Монго стоят рядышком и не особенно скрывают, что держатся за руки; мои эльфы снова срослись плечами; Скареди тяжело дышит, утирая красную шею платком. Пр-р-раведники!.. Ничего, скоро конец нашего пути. — Оракул близко. И мы не знаем, где сейчас Гродар... и еще один смертоносец. Лучше — не светиться. Компания у нас странная, гномы, люди, эльфы... они редко путешествуют скопом, бросаться в глаза — не стоит. Мы тихо и мирно приедем и таким же образом покинем город с караваном. С меня довольно эскапад в Хараште, Сэлиджии и Ридондо. Кстати, жители Ридондо известны религиозным фанатизмом. Не дай Небо затеять с ними религиозный диспут. И лично для тебя, Крессинда... В столице Дольмира есть две общины Свободных гномов... Свободных от ваших Жриц Рассудка. Не стоит попадаться им на пути.

Крессинда фыркнула и выпятила грудь.

— Когда я их боялась?

— Следует бояться. В общинах царит старый добрый патриархат. Женщины гномов носят юбки.

Щекастое лицо гномши налилось багрянцем.

— Юб... ик!.. ки?

— Воистину так. До такого вольнодумства не дошла ни одна из общин Свободных гномов Северного континента.

— Юбки... — задумчиво протянул Олник. Крессинда на него шикнула.

— Юбки, Крессинда, юбки. Если Свободные узнают в тебе Жрицу Рассудка, — побьют. Причем не мужчины, женщины.

— Же...

— Угу. Они почему-то считают, что уложения Жриц Рассудка навроде *мужатизма* и прочей вашей дребедени подрывают вековые традиции брака, способствуют размягчению мужчин, превращению их в пьяниц и мямлей, неспособных заработать деньги для семьи. И, знаешь, я считаю, что они правы.

— Юбки... — повторила гномша ошеломленно.

— Здесь чужая земля, — сказал я строго. — Чужие обычаи. Совать в них нос — чревато. Нет! Помолчи, Крессинда! Сейчас говорю я!

Мне вдруг бросилось в глаза, что губы Монго шевелятся. Нас-с-следник обездоленный! Даже сейчас сочиняет стихи! При этом смотрит не на Имоен, которой мог бы адресовать свой сонет, а преданным взглядом уставился на меня, представляете? Все-таки хорошо, что шаграутт вместе с иными вещами отправил в пропасть и его лютию.

— Итак... Молчи, Крессинда!.. Мы разведем костер, перекусим и тронемся дальше. Ума не приложу, отчего так много народу спешит в город... У въезда наверняка толкотня. Какое там сегодня число?

— Пятнадцатое июля, — подсказала неугомонная гномша.

— Угу, пятна... Яханный фонарь! Так вот почему к городу стекаются толпы! Праздник Аркелиона, — пояснил я, оставив упреки в собственной забывчивости для другого раза. — Это великий пророк, что принес в Дольмир веру в Рамшеха... И умер в преклонных годах, утопая в роскоши и доступных женщинах. Празднества будут длиться трое суток, начиная с сегодняшнего вечера. Нынче в полночь сам Каргрим Тулвар вознесет молебен с балкона главного храма Рамшеха. Что ж, тем лучше. Мы легко затеряемся в толпе. Надеюсь, Самантий освободит для нас достаточное количество комнат...

И вновь мне померещилось, что я ловлю во взглядах некоторых... не буду указывать точно, кого — красноречивые намеки. Паранойя. Или, как говорил поднаторевший в науке мозгоправства Олник — *барановая ойя*. Всякий раз, когда на нашем пути выпадала пауза для отдыха, моя паранойя обострялась, и я начинал задумываться о тайне, которую хранят мои подопечные. Что-то, связанное со стариной Фатиком. Но что, что?

Я взглянул на Виджи. Она меня игнорировала. Смотрела она на рабов, и взгляд ее был исполнен жалости.

— Затем мы выдвинемся к Оракулу. Езды туда не больше десяти часов. Путь к вратам Храма лежит через Селибрию, это местечко под горой. Там мне придется как-нибудь заgrimироваться, ибо аколиты Оракула и сам настоятель Чедаак — если он еще жив — неплохо знают меня в лицо. Припремся мы к Оракулу, вы зададите свой дурацкий вопрос, ну а затем я туда сигану, и поминай как звали... — Я изобразил кривую ухмылку. — На этом — всё. Имоен, Крессинда, на вас костер и еда. Монго, напои лошадей.

Наследник кивнул.

— М-мастер Фатик, а как называется это место?

Опять спрашивает, как перед Ридондо, как в порту. Небось, слагает сагу о нашем походе.

— Конкретно сейчас? Где-то посредине между «какое тебе дело» и «знать тебе не нужно». Так какое тебе дело и зачем тебе нужно это знать?

Его сдвинутое набок лицо слегка порозовело. Губы вновь немо шевельнулись.

— Я... составляю подробную хронологию нашего похода...

Никакой напористости. Хреновый из тебя наследник, паренек, вялый, скучный, ну куда тебе, вот такому, объединить Альянс, а?

— Ладно. Мы в провинции Саргол, на Северо-Западном торговом тракте. Прибудем в город буквально через три часа. Город называется Семеринда и расположен во-о-он в той стороне. Семеринда известна своими прекрасными храмами, огромным рынком рабов, великолепной канализацией и шляхами высокого класса. А теперь — быстро за ведро, и поить лошадей!

Так он и сделал. Я допустил ошибку, не предупредив наследника престола о том, что к южным оркам лучше не подходить близко, даже если они выглядят мирно настроенными. Ума у них на грош, зато агрессии — на полновесный реал золотом, особенно когда они собираются в стаи.

Когда за ветлами раздалось грозное «хроооо!» и пронзительный вопль Монго, я огромными скачками ринулся к берегу.

Успел вовремя.

Наш самый никчемный участник похода чем-то не угодил орку. Удар кулака превратил лицо Монго в кровавый блин. Орки бьют жестко, и они сильнее обычного человека. Но я не обычный человек, помните, я говорил?

Монго валялся на спине у кромки воды. Орк пнул ведро и занес ногу в тяжелом сапоге, чтобы обрушить кованый каблук на лицо моего подопечного. У орков чувство жалости отсутствует. Оно выжжено южным солнцем. Равно как и ум.

Два его собрата стояли рядом, держа лошадей в поводу, и довольно похрюкивали, растянув скуластые красные рожи в улыбках. Островерхие шапки напоззали им на глаза.

Я закричал. Орк покосился на меня, потом хрюкнул и снова занес сапог.

Гритт и все демоны ада, он же его убьет!

Я совершил гигантский прыжок и толчком обеих рук сбил орка в воду. Он плюхнулся на мелководе мордой вниз, перевернулся на спину и заорал как резаная свинья.

Его собратья взревели. Я поднял руки вверх и крикнул, с трудом припоминая слова на южноорочьем:

— *Айр комр аннр-таа!* Я не хочу боя!

Представьте, что этот возглас адресован бешеным тиграм, которых вы сами выпустили из клетки. Орки ринулись на меня с кулаками. Поскольку я не достал мечей, они также не извлекли оружия. Этот обычай они блюдут свято.

Меня захлестнула круговерть драки. Орки воняли лошадиным потом, дымом и застарелым салом. Варвары Джарси умело дерутся врукопашную, а орки больше полагаются на слепую ярость и силу, так что какое-то время вокруг слышались только сочные «хряп-хряп-хряп!» моих кулаков. Я выбил из хлебальника орка недожеванный кусок сухаря

вместе с клыком, другому своротил на бок нос. Тут к нам присоединился орк-купальщик, и мне стало не до шуток. Он облапил меня за талию, экий бесстыдник, а я зажал его шершавую выю локтем. Орк выпучил черные, как угли, глаза, и захрипел, а я начал крутиться, избегая кулаков его собратьев. Они хрюкали, пыхтели, топтались, воняли, звенели бляхами на кафтанах, задевали друг друга. В целом я, конечно, мог избить всех троих в честной драке, но лучше бы мне помогли Скареды и Олник.

Тут под моим локтем хрустнуло... и тело орка, отяжелев, упало на истоптанный песок.

Яханный фонарь!

Орки ошалело уставились на мертвеца. А я мгновенно огляделся. Тот берег зарос деревьями, поселков, дороги там нет, а наш пятачок не виден с дороги, закрыт скосом берега и буйно растущими кустами. Гритт... хоть в чем-то удача.

Выхватив клинки Гхашш, я убил ближайшего орка ударом в сердце. Второй кинулся в бегство, к лошадям, но я настиг его прыжком и рубанул поперек спины.

Замечательное приключение, будет что рассказать внукам в старости!

— Фатик!

Она стояла наверху, у начала спуска, меч в руке казался сверкающей лентой. Ее лицо выражало смесь гнева, отвращения и ярости. За доброй феей (я настаиваю на таком определении!) маячили Олник, Крессинда и Скареды.

Я тяжело вздохнул и присел над Монго. Наследник империи и будущий объединитель сил Альянса что-то мямлил, не открывая глаз. Лицо его отекло, из носа продолжала сочиться кровь.

Я просидел так, слушая ржание лошадей и удары собственного сердца. Затем рядом проскрипели шаги по песку, и надо мной вновь прозвучало мое же имя. Тогда я поднял голову, сфокусировал взгляд на милом утином носе и сказал, как мог проникновенно:

— Я не чудовище, Виджи, я просто делаю свою работу.

— Убили... в спину!

И снова она называет меня на «вы». Акции, Фатик, акции!

— Да, я убил его в спину. Так было надо.

Ее губы сжались в тонкую упрямую линию, тонкие крылья носа трепетали, глаза... Пожалуй, я больше не стану упоминать про грозовые тучи.

Я встал, отыскал и поднял орочью шапку с меховой оторочкой.

— Взгляни сюда. *Посмотри, Виджи!*

Она гневно отвернулась.

Ах ты, маленькая за... Чтобы я еще когда-нибудь связался с эльфами! Чтобы я еще раз когда-нибудь взял в жены эльфийку!!!

Впрочем, я не прав: когда женщину — любой расы — переполняют эмоции, она становится глуха к словам объяснений. А потом они удивляются — искренне удивляются! — откуда у их мужчин ранняя седина, нервный тик в углу рта и воспаленные от ярости глаза!

Я встал так, чтобы маячить перед лицом доброй феи. Она вновь отвернулась. Я перевернул орочью шапку тульей вниз, словно просил подаяния, и снова предстал перед Виджи — носом к носу.

— Да посмотри ты!

Имоен сбежала с обрыва, метнулась к Монго, задев меня плечом. За ней, придерживая молот на боку, спустилась Крессинда. Олник что-то важно объяснял Скареди. Я услышал:

— ...цветочки... еще пьяным не видали!..

Взгляд Виджи был исполнен презрения.

— Убили в спину!

Перешла на «вы», ну-ну.

— Некоторые любят погорячее... А теперь — посмотри сюда! — Я поднес к ее лицу шапку, оттопырив пальцем плетенный из конского волоса шнурок, на котором висела бронзовая овальная бляха, покрытая затейливым ажурным узором. — Это знак клана, добрая фея. Кажется, Боргез-арн... Не важно. Кулачный бой орки ценят и грубую силу уважают, и если бы я избил всех троих — все было бы отлично. Но я случайно убил одного — и стал кровным врагом всего клана. Я иностранец, местные законы не защитят меня от кровной мести орков. А поскольку я путешествую не один,

а в компании, то Боргез-арн имеет право вырезать всех нас подчистую. Такие тут расклады.

— Но в спину...

— Орк драпал к лошадям. Мне что, нужно было окликнуть его и попросить задержаться для честного поединка? Клань обретаются рядом, вокруг Семеринды. Мы бы просто не успели добраться до города...

Она смотрела на меня, и огонек понимания разгорался в ее глазах.

— Фатик...

— Это чужая земля, Виджи. Чужие обычаи.

Олник поднял с песка орочью шапку, с интересом ощущал, напялил на голову и стал похож на бородатый гриб-переросток.

Виджи встrepенулась:

— Рабы, Фатик! Мы освободим их!

Я покачал головой:

— Нет. Нет, добрая фея, рабы останутся при своих владельцев.

В ее глазах была бездна непонимания и — испуга. Фатик М. Джарси снова превратился в чудовище.

Наверху раздался голос — громкие, возмущенные. Я поднял взгляд: к нам спешили оба работоторговца — не в меру краснощекые, не в меру крикливые. Шли они не по своей воле: позади бледной тенью топал Квакни-как-там-его; полуопущенный меч красноречиво покачивался в руке.

— Грабите мирных коммерсантов! — крикнул правый работоторговец, когда компания приблизилась.

Квинтариминиэль, оглядев побоище, ужалил меня откровением:

— Полная, большая и глубокая.

Он был прав — отчасти.

Я бросил шапку и поманил мирных коммерсантов.

— Сколько за троих?

— Ужасное разорение, подлое смертоубийство! — крикнул торговец слева. Но уже тише: — Нет и не может быть прощения! Нет ничего ценнее человеческой... орочьей жизни!

— Угу, — сказал я.

Мы забрались в шарабан и столковались об оплате. Три мертвых орка влетели мне в стоимость пяти взрослых рабов-людей. Золото Фаерано таяло на глазах.

Затем мы вернулись к реке, все трое, набили одежды орков камнями и зашвырнули тела в реку. Так у меня была гарантия, что купцы никому ничего не расскажут.

После этого я загрузил свой отряд и гарем в фургоны и мы укатили.

Виджи сидела рядом со мной, и я порадовался этому прогрессу. Она казалась такой же отстраненной, но спустя полчаса, когда мы уже двигались в диком столпотворении, внезапно повернула ко мне голову и, закрыв лицо платком (пыль стояла — не продохнешь), спросила:

— Почему ты не освободил их?

— На то есть три причины, — отозвался я. — Первая. Насильственное освобождение раба в Дольмире — государственное преступление. Это расценивается как посягательство на устои государства и карается исключительно казнью. Смерть орков — это мелочь, торговцы будут молчать, а Боргез-арн даже не почешется — орки фаталисты по природе. Ну и потом, куда рабам возвращаться, скажи? Положим, я мог бы их выкупить на деньги Фаерано. Но. Их продали их же соплеменники, чтобы покрыть долги деревни. В Дольмире так всегда и бывает. Вот ты бы смогла смотреть в глаза тем, кто тебя продал? Я мог бы дать им и денег — но куда они пойдут? Они неграмотные крестьяне, они промотают деньги и сами продадут себя в рабство, чтобы выжить.

Добрая фея молчала.

— И третья причина, Виджи. Главная причина. То, что тут происходит — это внутренняя жизнь Дольмира. Здесь нет места милосердию пришлых. Либо ломать все и сразу, что здесь и сейчас нам не под силу, либо — *по возможности* не вмешиваться, если мы хотим сладить наше дело. Мы *просто* едем через страну. Всё.

Виджи молча скрылась в фургоне.

Я вздохнул.

Тяжело быть варваром...

Тяжело быть варваром, вашу мать!

Вечернее солнце багрово полыхало на плоских крышах Семеринды. Столица Дольмира вытянулась на прибрежных взгорьях на добрый десяток лиг — грандиозный муравейник, равнодушный к своим обитателям...

Тени прошлого ожидали меня за белой защитной стеной, так похожей на гигантского змея, что взял город в осаду. Но, как вы помните, я надеялся разминуться с ними вполне благополучно.

Надежды, надежды...

Съехав с холма, я пристроил караван в хвост длинной очереди у ворот Медной Короны, покосился на пустое место рядом с собой и вздохнул.

Итак, с помощью сноровки и известной матери, я все же привел отряд к последнему этапу нашего отнюдь не славного пути. Сегодня мы отдохнем у Самантия, а завтра выдвинемся к Оракулу. Ну а там... *там* все будет ой как сложно.

Ну а самое сложное заключалось в том, что я пока так и не придумал, *как именно* мы проникнем в зал Оракула. Просто войдем — или как-нибудь замаскируемся, прикинемся какими-нибудь странниками?

— Фатик!

Олник бойко взобрался на козлы.

— Чего тебе?

Мой бывший напарник, а ныне вполне состоявшийся подкаблучник, смахнул пот с румяной физиономии и изрек:

— Крессинда спрашивает, где мы устроимся на ночевку?

«Крессинда спрашивает...» Нет, вы слышали?

— В кустах при дороге. Хочешь, прямо сейчас тебя туда закину? Твою женщину я вряд ли осилю поднять, но, уверен, она пойдет за тобой в кусты сама.

— Ай, Фатик, я ж серьезно! И это... когда будет ужин?

— Примерно тогда же, когда ночевка. И в том же месте. — За пологом фургона мне померещился шорох. Я готов был заложить свою голову: Виджи Риэль Альтеро навестила уши. Я сказал громко, так, чтобы мой голос вознесся над гвалтом толпы и ревом животных: — Знаешь, мой друг, заполучить такое сокровище, как Крессинда, не каждому

дано. Всегда с тобой, всегда рядом со своим мужчиной, не давая воли эмоциям, даже если ты ошибаешься, даже если ты *очень ошибаешься* в жизненных шагах, так, что тебя хочется убить на месте... А ведь тебя частенько хочется убить на месте, Олник!

Мой товарищ изумленно раскрыл рот.

— Но твоя Крессинда всепрощающая и мудрая... Она — эталон истинной женщины! Она поддержит и поймет, и не станет сразу распускать руки. Усадит на колени, приложит к груди, накормит... Вот за что я ее ценю, так и передай. И еще передай, что я вижу в ней тонкую ранимую натуру, и...

Полог за моим плечом дрогнул. Добрая фея буквально втиснулась между нами, сдвинув гнома на самый краешек сиденья. Взгляд моей эльфийки мог бы запросто поджечь стог отсыревшего сена, а бедро, которым она со мной соприкоснулась, обжигало сильнее раскаленной цепи.

Олник спрыгнул в дорожную пыль и чихнул — обычным, не антиэльфийским чихом.

— Фатик, я, пожалуй, пойду...

— Ступай. И сообщи Крессинде, что нас ждет обильный ужин, купальня и ночевка на недурном постоялом дворе. Скажи, Фатик мудр, как тысячелетний сокол, хотя и не бородат, и приведет отряд в нужное место, не пройдет и сорока... минут.

Олник умчался, и вид у него был недоуменный, как у ребенка, которому на уроке попалась сложная задачка.

— Фатик, — сказала Виджи, и голос ее был непривычно спокоен.

— Да, фея?

— Я учусь... учусь жить с тобой... *С человеком*. Не надо больше таких упреков.

Виджи Риэль Альтеро пахла пылью и дорогой, и еще тем пряным и сладким, что окутывает близкую тебе женщину, сколько бы она ни пробыла в пути, тем ароматом, по которому ты распознаешь ее с закрытыми глазами...

Я поймал ее руку и поднес ладонь к губам.

— Не буду. Больше не буду, Виджи. Прости. Я тоже учусь... вместе с тобой... *рядом с тобой*...

Она ткнулась носом мне в шею. Затем подняла голову, и впервые за все время нашего знакомства я увидел в ее глазах лукавые искорки:

— Фатик, а ты расскажешь, как познакомился с Тулваром?

Яханный фонарь!

Женщина всегда добьется своего от мужчины! Не мытьем так катаньем, не нытьем так лаской! Чем угодно, ведь арсенал для боя с мужчиной у женщины так велик... Наш же, мужской арсенал, весьма скуден... Ай, иногда лучше капитулировать, честное слово.

Моя крепость вывесила белый флаг.

— Так и быть, лисьи ушки. Сегодня вечером, в трактире... Но обещай, что, если я снова буду выглядеть в этой истории... как *не вполне* благородный человек, ты не станешь меня осуждать!

— Я обещаю, Фатик.

Потом мы молчали, и я держал ее ладонь. Иногда молчание красноречивей всяких слов.

Затем, не прошло и пяти минут, я увидел, как мимо нас чинно следуют к воротам пять кибиток талестрианских магов, и, подавившись пылью, сказал:

— Екр!

Это краткое и емкое ругательство южных орков, перевод которого я не стану озвучивать.

Кибитки сопровождал конный отряд гвардии Тулвара. Красные плащи, окантованные серебряным шитьем, мельтешили по бокам и спереди кибиток. В хвосте процессии ехал десяток кверлингов, их татуированные звериные лица были словно вытесаны из желтоватого, с массой синих, переплетающихся прожилок мрамора.

Я вжался в скамью, прикрыв лицо шляпой.

Вот еще неожиданная радость... и здесь маги Талестры со своим охвостом. Нет, я знаю, что двор Тулвара и сам монарх пользуются услугами резидентов Академии. Но почему их так много, целых пять, в одном месте? К чему они тут шастают? И кто даст гарантию, что среди них нет того мага, который улепетнул от меня в Ридондо, или моего давнего знакомого Кваруса Фальтедро?

Виджи поняла без слов. Она подалась вперед, прикрывая меня телом.

— Солдаты оттеснили всех... дают проехать чародеям... Проехали, Фатик.

Я глянул сквозь пальцы. Чутье варвара вдруг проснулось и буквально завопило о том, чтобы я не въезжал сегодня в город. Оно требовало, чтобы я рванул напрямик к Оракулу.

«Нишкни! — сказал я. — К Оракулу меньше суток пути. В Семеринде будет отдых, и не смей возникать по этому поводу! В городе я запасусь провизией, разузнаю новости о своем братце и, если повезет, прихвачу с собой нескольких Джарси, так сказать, для боевой поддержки. Да еще надо привести в порядок разбитую физиономию Монго и определиться с судьбой девиц из гарема. Как ни крути, в город надо заехать».

А еще я хотел провести ночь со своей *четвертушкой*. В постели, на *чистых* простынях.

Надежды, надежды...

По случаю праздника Аркелиона въезд в город был без досмотра и пошлин. Очередь продвигалась быстро, но, правда, слишком шумно — визгливое икание ослов, рев и фыркание верблюдов, людская ругань становились тем звучнее, чем ближе мы подъезжали к воротам. Это было нелегкое испытание для ушей эльфов. Виджи ушла в фургон, на прощание чмокнув меня в щеку, как *обычная*, земная женщина. Я едва сдержался, чтобы не запеть.

Вскоре наш караван очутился за стенами Семеринды.

В городе было мало деревьев и много пыли. Атмосфера религиозного безумия уже начинала растекаться по улицам. После полуночного служения Рамшеху грянет народное гулянье, которое продлится трое суток. Желанными гостями в Семеринде были циркачи, фокусники, дрессировщики, фигляры, проститутки и торговцы вином. Орки, гномы и прочие *создания* сидели по домам или постарались убраться за город: Аркелион был *человеческим* праздником.

Со стороны храмов Рамшеха звучали надрывные песнопения и совсем немзыкальный, слоновий рев фанфар. Жрецы в алых мантиях дудели в них каждые десять минут

с храмовых крыш, видимо, надеясь обрушить на наши головы свод небес.

Спустя полчаса, охрипнув от постоянных криков «Дорогу! Дорогу!» я подкатил к приземистому и длинному строению, обнесенному каменной стеной. Площадь с главным храмом, с вершины которого Тулвар должен вознести молебен, была всего ярдах в пятистах, я видел поверх крыш громаду самого храма — белую, с двумя массивными куполами, между которыми располагался балкон для торжественных молебнов. Шум вроде рокота прибоя наплывал от храма: народ уже занимал места, хотя до полуночи оставалось еще много времени.

Трактирщики и содержатели постоянных дворов со всего мира кажутся вечными, вот почему я ни капли не удивился, увидев, что на бронзовой доске у запертых ворот по-прежнему начертано: «У Самантия Великолепного! Самые полные винные погреба по эту сторону пролива!» Я спрыгнул с козел и заколотил в створки, хотя их пересекала меловая надпись «Мест нет!».

Для варваров Джарси и тех, кого они сопровождают, места у Самантия всегда были — только плати.

Крутолобые охранники отворили мне. Я назвал пароль, который полагается знать варварам Джарси. Наспустили во двор, загроможденный повозками. Те из пришлых, у кого нет денег на комнату, могут переночевать во дворе или праздновать на улицах, оставив свое имущество за стенами под охраной. Однако для нас комнаты будут. Самантий был обязан Джарси, спасшим его в свое время от рабства. Позднее, став владельцем постоянного двора, он устроил для нас что-то вроде перевалочного пункта.

У Самантия была физиономия продувной бестии — широкая, лоснящаяся, с маленькими глазами и носом, в чьи мясистые ноздри можно всунуть по черенку от лопаты.

Редкий случай, когда внешность не соответствует внутреннему содержанию. Самантий имел острый ум, не терпел рабства и, хотя был по жизни плутом, придерживался своего, выстраданного им кодекса чести.

Трактирщики грузнеют от сытой жизни. Самантий не был исключением. Когда я видел его восемь лет назад, он весил пудов сто. С тех пор он немного прибавил.

Он близоруко сощурился. Узнав, одарил широкой улыбкой, возвышаясь за стойкой, точно огромная сахарная голова, на которую по недоразумению напялили черный фартук. Я прошел мимо столов, впитывая густые запахи харчевни.

— Приветствую, Самантий!

Он копнул из бочки за стойкой квашеной капусты, кинул в рот, растеряв половину, прожевал и начал вставлять, чтобы заключить меня в дружеские объятия, но на середине пути понял, что это будет *слишком большое* усилие. Поэтому он плюхнулся обратно в кресло из красной кожи, сделанное по особому заказу, и осклабился, подав заляпанную капустой руку:

— Мой дорогой и любезный друг Фатик! Да-а-а, восемь лет как один миг! Капустки?

А привычки у него все те же. Я пожал ему запястье и оперся на стойку, обитую полированной багряной медью.

— Я, знаешь, воздержусь.

Он хмыкнул, подтянул нарукавник и обрушил на присыпанный опилками пол глиняную кружку.

Блямс!

— Какой же я неловкий... Ма-а-ар!.. Чего тебе налить?

— Воды, будь добр. Только воды.

— Екр!

Я покосился на шеренги бутылок за его плечами. «Лучшие вина и крепкие настойки! Бери да пей!» — гласила надпись над винным шкафом.

Бери да пей? Охо-хо...

— Я... гм, связал себя клятвой на время похода.

— Екр же ты это сделал? Как жить-то теперь, скажи, а?

— Не будем об этом. Вот что, Самантий, мне нужны четыре комнаты.

Он присвистнул:

— До екра...

— На сутки. Завтра мы уедем. Со мной много народу.

— Ага...

— Шесть свежих лошадей для фургонных упряжек...

— Сейчас это нелегко устроить, но я сделаю. Э-эй, Ма-а-ар!

— Нужен лекарь. Один из моих подопечных поскользнулся и упал... на лицо... два раза. Кроме того, всему отряду потребны свежая одежда и исподнее, баня, мыло, полотенца, бритвы. Комната для меня и моей женщины. Чистые простыни...

— Ага... *Хрум-хрум!* Капустки не?

— Капустки не. Далее. Хороший ужин. Отдельный кабинет для меня...

— И твоей, *хрум*, женщины...

— Да. И свечи... те, красные, с ароматами пряных трав...

— Как насчет гномьей халвы из ослиного гороха? Накидывает бодрости при известном деле! Ставит и укрепляет только так!

— Спасибо, с известным делом у меня все в порядке.

Он кивнул, задумчиво и несколько обескураженно теряя гладко выбритый подбородок-булочку измаранной в рассоле пятерней.

— Еще со мной шесть рабынь — куплены они здесь, в Семеринде, от трех до пяти лет назад, я оставляю их на тебя, дам золота сколько потребуется — ты сделаешь им вольные и отпустишь по домам.

— Сколько же на тебе забот, мой дорогой Фатик... Сделаю, коли ты заплатишь.

— Фатик нынче действительно дорог, Самантий. Он, я бы сказал, золотой.

— Золотой, да? Ну, быть посему... Эй, Ма-а-а-а! — Он посмотрел на меня, прищурив левый глаз. — А ведь жесткие складки у тебя на лице... Не замечал их раньше.

— Просто стал взрослым.

— Ну-ну... *Хрум-хрум!*.. А где же твой знаменитый топор? Уголок моего рта дернулся помимо воли.

— Я его пропил.

— Екр же на!

— О топоре больше ни слова!

— Я понимаю, да... — Его физиономия внезапно расцвела: — Ах, какая очаровательная у тебя спутница!

В обеденный зал широким солдатским шагом ступила Крессинда. Олник семенил за ней, согнувшись под грузом вещей.

— Это боевая невеста во-о-он того гнома. Да, тот, мелкий, у нее под мышкой.

— А я думал, это ее сын...

Взгляд трактирщика стал соловым. Этот толстяк любил женщин *своих* габаритов, пускай даже это были гномши. Жениться он не планировал, ибо не хотел лишать еще не познанных им женщин радостей *возможного* познания. Я тактично не стал спрашивать, кого именно из горожанок он познает сейчас.

Явился Мар — помощник из расы коротышек, левая и правая рука Самантия, отчасти голова и немного — шея, весь иссушенный от забот и круговорота дел. Трактирщик дал ему наставления («Хрум-хрум! Хрум... Капустки?»), затем отдулся и взглянул на меня:

— Я все устрою, Фатик, придется турнуть кое-кого, но это как обычно... Капустки не?

— Не, Самантий.

В трактир — плечо к плечу — вошли эльфы.

Я показал глазами:

— Моя очаровательная — вон та девушка с носиком. Она моя жена, говоря точнее.

Я не стал прибавлять, что жена она мне только *на четверть*.

Трактирщик издал звук, похожий на фыркание большого мокрого пса.

«Не пьет, женился, пропал человек!» — вот что сказал мне взгляд Самантия.

— Напротив, я, похоже, только начал жить, — промолвил я вслух.

А Самантий уже смотрел вслед Крессинде.

— Я, пожалуй, предложу ей капустки.

Капустки... Ну что ты с ним будешь делать!

52

Постояльцы при выселении подняли бучу, но деньги (я сменял у Самантия золото Фаерано на дольмирские короны) в очередной раз подействовали магическим образом. Как говорил мой приятель вор Джабар — деньги творят

чудеса, а большие деньги творят чудеса еще большие. Вот он, материал для истинных чудес — добрых и злых, благородных и подлых. И никакое религиозное диво не сравнится по силе воздействия с тем волшебством, которое творят кружочки презренного металла.

Виджи не понравилось то, что я сделал, но она не сказала ни слова. Я обнаружил, что запросто могу улавливать колебания ее настроения, так вот, сейчас вспышка ее гнева по поводу выселения людей улеглась быстро. Она действительно *училась* жить рядом с человеком. И я очень надеялся, что не научу ее плохому, вернее сказать: научу только тому, что помогает нормальным людям выживать в мире победившего зла и оставаться при этом людьми, человеками.

Бизнес есть бизнес, и даже в глухой полночный час при наличии денег ты можешь разжиться свежим бельем и рубашками. Особенно если в твоём распоряжении оборотистый, хотя и не шибко подвижный трактирщик, знающий в городе всех и вся. Вскоре нам доставили свежую одежду. Наконец-то можно было почувствовать себя не бродягой, а человеком (про гномов и эльфов, я думаю, уточнять не стоит).

Чуть позже нашли сменных коней.

Монго пришел в себя после тряской дороги, и даже попытался говорить. Первым делом почему-то он потребовал от меня название постоянного двора.

— «Лежи да отдыхай», — сказал я. — Известное и недешевое место рядом с «Пей да жри, пока не треснешь».

— А...

— «Молчи и не свисти», — еще одно чудесное место. — Лежи, я сказал! Не надо вставать, не нужно говорить. Сейчас тебя осмотрит лекарь.

Ад и пламя, я так и не сумел проникнуться к этому аристократу хотя бы минимальной симпатией!

Медик, вызванный трактирщиком, осмотрел преемника трона, напоил успокоительной микстурой и дал мазь, которую следовало втирать в синюшно-желтый отек, расплзшийся на половину лица. Монго уснул, а Имоен осталась при нем, и по излишней вкрадчивости ее жестов я понял, что бедняге не отвертеться от свадьбы. Когда-нибудь. Может, сразу после победы Альянса.

Альбо, по доброй памяти, так сказать, мы напоили и оставили в повозке. Он спал, скованный цепями, и сотрясал пьяным храпом тент. Я поверил его пульс: сердце святого отца и новоявленного пророка Гритта билось достаточно ровно. Надеюсь, оно продержится еще сутки, а там... а Гритт его знает, что будет со всеми нами *после* Оракула и вероятного рождения нового бога.

Остальной мой отряд был бодр и весел, в особенности это касалось гномов, которым я пообещал купальню сразу же, как там побываем мы с Виджи. Квинтариминиэль попытался увязаться за нами.

— Там мой участок для мирового господства тоже! — заявил этот вздорный эльф, пытаясь протиснуться в предбанник.

— Твой будет, когда мы закончим, — сказал я нелюбезно и начал закрывать дверь. — Сейчас это *мой* участок.

— Безблагодатность! — крикнул эльф в смыкающуюся щель отчаянно и зло. — Вы пойдете плохо!!!

— Напротив, — сказал я, ощущая за спиной молчаливое присутствие Виджи. — Смирись, принц. Мы пойдем хорошо.

И мы пошли хорошо. И я вымыл свою жещину, а моя женщина вымыла меня. А после мы предались страсти, от которой в унисон пели наши сердца.

Иногда героям нужен отдых. Мой отдых был сладким.

Увы, он оказался короче, чем я думал.

Затем Виджи удалилась к себе, чтобы одеться для свидания соответствующим образом (и остудить гнев принца, разумеется). Я же спросил Самантия о местных новостях («...Ничего интересного, мой любезный и дорогой Фатик. Людишки торгуют людишками да праздно режут друг друга, генерал Мортиц, говорят, ведет себя в последнее время *странно*, а Каргрим Тулвар пополнил свой гарем. Пива?»), а затем постарался разузнать о Шатци и о том, есть ли еще в Семеринде варвары Джарси.

— А нету никого, — сказал Самантий, смочив губы в пиве. — Неделью назад был твой брат. Устроил тут бузу с битьем посуды и криками, голубчик. Приревновал свою бабенку из ваших, Джальтану, — к моему охраннику...

— Гритт...

— Чуть не сломал ему хилую ручонку. Джальтана кричала, что у твоего Шатци мозги быка и коровьи моргала, а он — что у нее на голове прическа в виде куриного насеста, чтобы привлекать всякую птицу мужского пола. Он дал ей пощечину, она — врезала ему между ног. Потом они все помирились и заказали баранину с чесноком на троих.

— Ненавижу чеснок...

— Ага, уж это я знаю. — Он рассеянно поставил глиняную кружку на край стойки. Кружка упала и разбилась.

— Ай-ай-ай, какой же я неловкий... Ма-а-ар!

Значит, неделя. Немного времени прошло... Шатци, несомненно, уже побывал у Оракула. Но, Гритт, почему он не вернулся назад? Обратный его путь всяко пролегал бы через Семеринду. Возможно, я встречу его по дороге? Или он все еще бражничает в Селибрии?

— Сколько спутников было с Шатци?

— Спутников — или тех, кого эти спутники сопровождали?

— И тех, и других.

— Шатци, Джальтана, — это все Джарси, которых я видел за последние два месяца. С ними трое из Харашты — двое молодых мужчин и девушка. Это — спутники.

Так... Шатци еще в Хараште говорил, что собрал команду для похода...

— А кого они сопровождали?

Самантий покосился на темное окно, в котором поблескивали огоньки многочисленных светильников.

— Держись за стойку крепче.

— Говори же!

— Семерых лиц. Из них четверо — люди, один гном, маленький, на карлика смахивает, и эльфы. Двое эльфов.

У меня пересохло во рту.

— Екр!.. Гном... люди... и эльфы?

Самантий кивнул.

— В точности как у тебя, мой дорогой и любезный друг Фатик. Четыре человека, гном, двое эльфов. Только у тебя в наличии *лишний* гном. Своего-то они, полагаю, выкинули за ненужностью. Ма-а-ар!

Та-а-а-к...

Совпадение? Да черта с два, совпадение! Романтический ужин отменяется. Я устрою Виджи допрос, и плевать мне на слово Джарси, и если она снова начнет юлить... Если она будет, как Квинтариминиэль в «Полнолунии», отрицать, что ничего не знает о тех, кого ведет к Оракулу мой брат, что эльфы не лгут, я... Гритт, я ничего не смогу сделать. Я люблю ее и пойду с ней до конца, до пропасти, до ворот в ад и в рай, — я пойду куда угодно, чтобы быть с нею рядом, даже если она будет врать мне в глаза.

— А скажи-ка, Фатик, твоя гномша...

— Не моя.

— Просто гномша, она как, любит только мужчин своей расы?

Я рассеянно взглянул на него:

— Даже и не вздумай. С ней гном бешеного нрава, не смотри, что клоп. Увидит, что клеишься — прибьет.

В трактире почти не осталось народа. Близилось время молебна Тулвара, и все постояльцы устремились на площадь к храму. Самантий, к счастью, был лишен религиозного рвения, как и все трактирщики, он крепко врос ногами в землю и не стремился витать в облаках.

Я молчал и думал, барабана пальцами по стойке. Трактирщик поглядывал на меня, прихлебывал пиво и не мешал.

Явился Мар, его семенящие шаги гулко разносились по опустевшему залу:

— Монсер Фатик, *эти самые* в купальне, а ваш кабинет готов.

Под «этими самыми» коротышка разумел моих гномов. Между расами карликов и гномов пролегла давняя вражда.

Самантий улыбнулся, полные щеки взялись складками:

— Счастливцев, Фатик!

Я бы так не сказал.

В кабинете плыл легкий аромат зажженных свечей. Мягкие сиденья, убранный скатертью стол с дымящимися блюдами... Виджи появилась за спиной — вкрадчиво, неслышно, но я все равно ощутил ее присутствие; я научился это делать так же, как определять ее настроение с полувзгляда.

Хитон персикового цвета из тех нарядов, что доставил нам портной, рискованного кроя, открывал моему взгляду самые милые и любимые ножки на свете...

Виджи была расслабленной, счастливой. Она почти мурлыкала.

Черт, я должен, обязан с ней поговорить!

— Виджи?

Губы ее полуоткрылись, она запрокинула голову, словно во сне. На лице ни грама косметики, но, боги, до чего же оно прекрасно в своем естестве...

— Да?.. Да, Фатик?

— Мне... нужно поговорить с тобой *серьезно*.

Взгляд доброй феи затвердел, шея выпрямилась, тело напряглось, как у пантеры перед прыжком.

Ох...

— О чем именно? — Голос эльфийки высыпал на мою голову ведро льда.

Я не успел сказать, о чем именно. В зале послышался стук и грохот, а следом — взвизг, точно Самантий наладился резать поросенка.

Нет покоя Фатику Джарси...

Я выметнулся наружу.

У входных дверей шла борьба: охранник Самантия пытался повязать какого-то взлохмаченного тощего типа, катая его между столов и стульев. Тип был верткий, как угорь. Он извернулся, цапнул охранника за кисть, вскочил и устремился к стойке, откуда с живым интересом взирал на схватку Самантий.

На полдороге тип увидел меня и застыл. Ресницы типа были накрашены, и тушь протекла от слез, расчертив впалые щеки темными дорожками. Штаны до колен, рваные бархатные туфли, потемневшие от грязи... Я пригляделся к вырезу сорочки и задрал брови. Хилый тип был женщиной, если только не сунул под сорочку пару яблок.

Она казалась единокровной сестрой нашего Монго — только еще худосочнее, как и полагается женщине благородных кровей и, пожалуй, старше года на три. В лице проглядывало что-то хищное, злое. Песочные волосы сбились, в них чернели репы.

Прежде чем ее сшиб с ног покусанный охранник, девушка шмыгнула крючковатым носом и, набрав воздуха в грудь, выкрикнула:

— Фатик Мегарон Джарси! Это мы, Каргрим Тулвар, властелин Дольмира попущением Рамшеха!.. Кверлинги идут за нашей милостью, чтобы убить! Требуем помощи! Сто тысяч золотом!.. Двести тысяч!

53

Я скажу вам просто: я не удивился. Я исчерпал свой лимит удивлений на сегодня. Девушка, разумеется, была сумасшедшей. С другой стороны, она откуда-то знала мое имя, да и упоминание кверлингов настораживало.

Самантий крикнул:

— А ну не гони обкуренного беса, пьянь! Выставь ее, Аленсий! Выбрось за шкуру!

— Казню всех! — взвизгнула девушка, когда дюжий охранник поднял ее над полом. — Мы... Фатику... требуем повиновения!

Добрая фея возникла сбоку от меня, и взгляд у нее был очень недобрый.

— Постой-ка, приятель! — сказал я, нутром чуя приближение беды. — Дай ему... ей, сказать, чего хочет.

Аленсий поставил девушку на ноги и встряхнул.

— Тысяча чумных верблюдов! — завывала та. — Мы — Тулвар, владыка Дольмира и всех его окрестностей! Мы пали жертвой низкой интриги! Требуем защиты у варвара Джарси, иначе нашу милость убьют! А если это случится, мы вас всех предадим лютой смерти! Повесим, колесуе-е-ем!

— Добро, — сказал я. — Положим, ты Тулвар, павший жертвой низкой интриги. Ты сбросил тридцать годков и десять пудов веса, а вдобавок стал женщиной. Охотно верю, что у тебя это все получилось. Но, сделав так, ты перестал быть на себя похожим, и в этом корень нашей проблемы.

Глаза девушки налились бешенством:

— Фати-и-ик, тысяча красных скорпионов! Это мы, Тулвар! В гаремном алькове подле Фонтана Розовых Снов ты ждал, пока наши евнухи проверят доставленный тобою товар! Мы пришли взбешенными и посулили повесить тебя за то место, коим ты подло испортил три наших самых сочных,

самых спелых персика! Ты испугался, стукнул нашу милость в челюсть и сбежал из Семеринды наглейшим образом!

Струйка пота стекла по моему виску.

А ведь я это сделал, друзья! Я это сделал, истинная правда! И я не о персиках, как вы могли бы подумать, я об ударе! И никто кроме Тулвара не знал об этом. Он даже не охотился за мной и никаким образом не пытался притеснять иных Джарси и Самантия, чтобы никто и никогда не смог проведать о его позоре: великий властитель Дольмира избит каким-то дикарем, который вдобавок обесчестил целых три его персика!

Короче, об этом знали только мы двое и никто больше, даже главный визирь Автолик, я уверен, не знал о том, что произошло. Назовите меня полоумным, но эта визгливая бабенка была не кем иным, как монархом Дольмира и, мать его, всех окрестностей!

Провались оно все! Призраки прошлого снова меня настигли!

— Виджи, Самантий, — сказал я. — Я вынужден, хотя, видит бог, мне этого совсем не хочется, представить вам Каргрима Тулвара, местного владыку, некогда — мужчину.

На этих словах чувствительный и не больно башковитый Аленсий хлопнулся в обморок. Сами понимаете, подражаться с монархом, который владеет жизнями всех своих подданных, чревато неприятностями.

— А-а-а... э-э-э... — выдавил Самантий и посмотрел на Тулвара. — Капустки?

— Персики? — тихо выговорила Виджи, наградив меня уничижающим взглядом.

Да не портил я его персики, слышишь? НЕ ПОРТИЛ!!!

Едва я наладился объяснять насчет персиков, винограда и иных фруктов, сезон которых еще не наступил, как в зал ввалилось трио кверлингов в черных, как смоль, бурнусах. Три сабли, вкрадчиво шепча, покинули ножны.

А вот сезон охоты на монархов уже открылся.

Мечи Гхашш я оставил в комнате. Мало романтики в том, чтобы цеплять на себя хищные железки, когда идешь на свидание с любимой. Из доспехов на мне — легкая рубаша да летние штаны из небеленого льна, а что до оружия, то

я располагал только тем, которое Самантий предлагал укреплять халвой из гномьего гороха. Для боя с кверлингами оно не годилось.

— Кверлинги, екра шадрам!* — вскричал Самантий, предчувствуя великие горести и беды для своего бизнеса, и даже оторвал седалище от кресла. Девица-Тулвар противно завизжала, бросилась ко мне и совсем уж по-женски начала стучать кулачками в мою грудь.

— Помоги же, Фати-и-ик!

Да яханный фонарь троллю через огрово колено! Нет мне покоя ни ночью, ни днем!

Виджи шикнула на Тулвара, рванула за запястье и вцепилась смачную оплеуху.

— Фатик! — придушенно пискнул монарх, держась за щеку. — Помоги нам, мы — царь! Это маска, золотая маска так изменила нашу милость! Маска, похожая на лик бога!

Маска с ликом бога? У меня похолодело внутри.

Посмертная маска Атрея, которую увел у меня Кварус Фальтедро, трижды неладный декан с факультета духовного просвещения Тавматург-Академии Талестры!

Кверлинги не двигались с места. Ждали. Бритые головы и одинаковые плетения татуировок на лицах, внимательный блеск глаз...

— Ась? — крикнул Самантий, глядя на меня. — Фатик, не вздумай...

Но Фатик уже вздумал.

В зал, одышливо хрипя и держась за бок, вломился еще один человек. Грузный, с кучерявой полуседой бородой и мохнатыми бровями, в синей мантии. Маг Талестры собственной персоной. На груди его висела золотая восьмиконечная звезда распорядителя царской фамилии Дольмира.

— Рандовал!

Тулвар заверещал, узнав чародея, и, пав на четвереньки, драпанул за стойку, виляя костлявым задом. Маг отдулся и сделал шаг вперед, освобождая дверной проем для нового отряда кверлингов. Они начали расходиться между столов, поскрипывая половицами. Десятеро. И трое впереди.

*Шадрам — на языке южных орков, верблюдов. Ну а екра... повторюсь, я не буду переводить это слово!

С прошлой нашей встречи число кверлингов малость увеличилось. Чертова судьба, играя против меня, все время повышала ставки. Сколько их будет при новой встрече? Сто? Двести?

— Тревога! — гаркнул я на весь опустевший двор. — Имоен, Скареди, к оружию!

Какой-то выпивоха, что еще оставался в трактире, бросился к дверям на кухню, раскидывая стулья. Кверлинг убил его в спину молниеносным ударом. Миг спустя та же участь постигла Мара, который заскочил со двора.

Устраняют свидетелей?

Из кухни высунулся повар, но, увидев блеск клинков, убежал; на кухне раздался грохот и звон посуды.

Мне следовало плюнуть на Тулвара, сграбастать Виджи и отступить в коридор, который вел в жилую часть здания. Но я промедлил, надеясь вытащить монарха из-под стойки — подскочил, рванул на себя. Тулвар уперся, схватился за край стойки, воя дурным голосом так, что задребезжали бутылки.

Рандовал обратил внимание на меня. В его темных глазах зажегся огонь узнавания. Короткий приказ на боевом языке кверлингов, резкий, быстрый, как удар плети, — и один из головорезов выскользнул на улицу, а еще трое перекрыли нам отступление через двери коридора.

Великая Торба, попали!

Чароплет услап за подмогой. Теперь я не сомневался, что в силу неких обстоятельств нахожусь в списке жертв магов Талестры, и что меня расценивают как серьезного, по-настоящему серьезного противника. Стычка в Ридондо, конечно, не была случайностью. И Рандовал, похоже, знал, что я сопровождаю довольно большой — и, что важнее — *зубастый* отряд.

Новый приказ на боевом языке. Кверлинги двинулись на нас.

Миг растянулся в вечность, пока старина Фатик тцил-ся сочинить план к спасению.

Сейчас нас приколют, быстро и качественно, как умеют только кверлинги. Мы прижаты к стене, пути к отступлению через кухню или коридор закрыты. Виджи, конечно, не успеет связать заклятие, да и что она сможет использовать про-

тив двенадцати человек, рассыпанных по залу? Гномы в парной, Имоен, Скареди и принц попросту не успеют добежать...

В глаза мне плеснул ответ, игравший на пузатых бутылках в шкафу позади стойки. Бутылок было много, около сотни...

Время с противным свистом вернуло себе прежний бег. Я схватил бутылку из густо-зеленого стекла и метнул в ближайшего противника. Звон, плеск, грохот упавшего тела...

— Виджи, Самантий, бутылки! Виджи, в центр!

Локтем я забил непрерывно орущего Тулвара под стойку, схватил за локоть и определил на свое место Виджи, и метнул еще два сосуда, целя в дубовые лбы кверлингов. *Бамс! Тресь!* Обе ушли по адресу, но кверлинги устояли на ногах. Третья бутылка была рассечена саблей, вино плеснуло кровавой полосой.

Самантий завыл как голодный волк:

— Мое-е-е... винишко-о-о!

— Оплачу-у-у! Левый фланг, старый мерзавец! Держа-а-ать!

Стойка, обитая багряной медью, превратилась в рубеж обороны. Я стоял на правом, а Самантий, вскочивший со своего места (*«пых-пых, ох-ох... винишко!»*), — левом фланге. Виджи трудилась по центру. «Вина и спиртовые настойки наилучшего качества» падали на кверлингов с похвальной быстротой и меткостью. Кровавые лужи вина залили пол, в них блестели осколки.

— Екра... пых... ох... шадрам! — Из двух десятков бутылок, что метнул Самантий, в цель попали, дай Небо, штук пять.

— Яханный фонарь, держа-а-ать!

Тулвар орал под стойкой, будто его режут.

Кверлинги опомнились быстро. Оттащили раненых (мы вырубили троих), подняли два стола и, держа их перед собой как осадные щиты, двинулись в новую атаку. Самантий выбрался и взял из-под стойки короткий тесак.

— Чем богат, Фатик... *пых-пых...*

Сам он вооружился дубинкой.

От пряных запахов красного, белого и спиртовых настоек высшего качества меня начало подташнивать. Спасибо,

богиня, за подарочек! То, что меня мутит от вина, прямо скажем, твоя вина! Э-э-эх!

Я быстро изваял для Виджи «розочку» из бутылки, стряхнул с руки кровавые капли.

— Цель в горло или глаз.

Она кивнула молча, собранно, жестко. Никаких сантиментов, когда речь идет о жизни и смерти. Она *повзрослела*, я отметил это четко.

Я вскочил на стойку, в одной руке тесак, в другой — бутылка. Кверлинги приподняли столы, так, чтобы я не мог угодить своим снарядом в чей-нибудь бритый затылок. Тогда я метнул бутылку через весь зал, целясь в Рандовала. Бородатый прохиндей присел с резвостью, не свойственной его годам и комплекции, и что-то крикнул, грозя мне мохнатым кулаком.

Тут-то из парной подоспел Олник. Он был вооружен огненно-рыжими панталонами и колотушкой (это если не считать волосатой груди, и, разумеется, черной как безлунная ночь, и такой же страшной бороды). Гном сделал три шага по залу и тут же начал выплясывать моряцкую джигу, высоко подбрасывая колени.

— Я забыл та-а-апки-и-и!

Босиком по битому стеклу!

Следом за Олником явилась Крессинда, задрапированная в белую простынь, плечистая и распаренная, с тюрбаном из полотенца на голове. Она с ходу метнула свой молот в ближайшего врага и стол, при помощи коего кверлинги вели атаку на наш правый фланг, упал ножками вверх. Удар гномьего молота вблизи... я уже как-то говорил, и не стану повторяться. Кверлинг повалился в лужу вина, его напарник замахнулся на Крессинду саблей. Олник позабыл о танцах и бросился на негодея сбоку. Он вломил ему колотушкой, и кверлинг рухнул к ногам гномши, зацепив скрюченными пальцами драпировки Крессинды...

Я в первый и, клянусь, в последний раз увидел голую гномшу, друзья!

Визг Крессинды продолжал гулять в моих ушах, когда в зал со двора вторглись Квинтариминиэль и Скареди. Без лишних рассуждений они атаковали кверлингов со спины

и убили двоих, прежде чем я вступил в игру. Хо! Выйти через черный ход и атаковать сзади, неужто и эти моралисты повзрослели? Усвоили, что с подлецами надо играть по их правилам, если хочешь победить.

Я прыгнул в зал, хрустя стеклом, и убил ближайшего кверлинга, вогнав тесак ему в спину. Подлец Фатик, ай-ай-ай! Еще один упал с ножом в горле, это сработала Имоен

— Эркешш... махандарр! — Олник занавесил свою дражайшую половину простыней до самого подбородка.

Кверлингов осталось трое. Они отступили к магу, закрыли его телами, все такие же невозмутимые, похожие, скорее, на големов, нежели на людей. Лоснящееся лицо Рандовала перекроила гримаса досады. Вместе с кверлингами он был зажат в простенке между кухонной и входной дверями: не рыпнешься. Вдобавок к нам подоспели вооруженные и *очень злые повара*.

Стекло похрустывало под нашими шагами. Теперь *мы* наступали, и было нас — много.

— Убей его, Фатик, убей! — завизжал Тулвар. — Нет, не-е-ет! Пусть сначала отдаст *мое лицо, мое тело*! — Монарх подбежал ко мне, вцепился в рукав. — Это Рандовал, предатель! Пусть его пытаются, пока не скажет... — Тулвар зарыдал.

Убить? Выяснить? Да нет времени ни на то, ни на другое — Рандовал усрал за подмогой, нам остается только бежать. Однако в этом случае пострадает Самантий... Новая власть растопчет его, к шаману не ходи.

Пат... Я ощутил на себе вопросительный взгляд Виджи.

Кудесник сам разрешил мои тревоги. Я не успел опомниться, как его волосатые лапы раздвинули кверлингов. В большущей красной ладони мелькнуло что-то серое и круглое. Раздался сухой щелчок. Брошенный с силой, круглый предмет устремился в мою сторону, рассыпая золотистые искры.

О, Гритт, он летел не в мою сторону! Рандовал запустил его в голову Тулвара!

Время, кажется, снова замедлилось. Я дернул Тулвара на себя, монарх взвизгнул. Круглое и серое, искря, пролетело там, где только что была голова царя.

Я сопровождал предмет взглядом. Он летел к стойке, где уже хозяйничал Олник. Мой бывший напарник, как видно,

решив, что драка закончилась в нашу пользу, деловито откупоривал одну из бутылок. Может, он хотел угостить Крессинду, может — хлебнуть сам, все это было неважно.

Ибо предмет ударился о лоб гнома, срикошетил от него в сторону винного шкафа и взорвался клубком яростного оранжевого пламени.

Самым краем оно поглотило голову моего напарника. Он так и запечатлелся навечно в моей памяти: гном, чьи голые плечи едва выступают из-за стойки, с головой, утонувшей в шаре безумного клокочущего огня!

Крессинда взвыла, как волчица. Имоен взвизгнула.

Я распахнул рот, чтобы вскрикнуть, и не смог: жаркая волна ударила мне в лицо, и жар этот вонял болотом, топью, трясинной, которая может засосать в самую преисподнюю, и плевать мне, существует эта самая преисподняя или нет.

Пиробласт? Быть того не может. Кто как не я недавно говорил вам, что маг не способен создать толковый огненный шар!!!

Я опомнился и закрыл Виджи своим телом. Олник упал. Крессинда рванулась к нему. Повара заорали в панике, Самантий издал рев, похожий на стон рожающей слонихи.

— Бог... ужасный! — вскрикнул Квинтариминиэль.

Я оглянулся. Выставив клинки, кверлинги сопроводили своего патрона к выходу во двор. Скареди и принц не успели им помешать. Хитрозадый чародей провел удачный отвлекающий маневр!

Огненный шар стремительно угас, но дело свое он сделал: одна за другой начали взрываться «Вина и спиртовые настойки высшего качества». И если винные бутылки лопались от того, что вино стремительно вскипело, то спиртовые настойки начали взрываться самым натуральным образом — они взрывались, выбрасывая длинные крученые языки огня, разметывали мелкие горячие осколки. Я заметил, что по бутылкам стекает какая-то зеленоватая кипящая дрянь, сграбастал Виджи, и мы под прикрытием опрокинутого стола начал подбираться к выходу в коридор, где уже маячила Имоен. Забрать вещи — и драпать. Увы, больше мы ничем...

Я оглянулся и увидел, как подол синей мантии исчезает в дверях...

Девушка-Тулвар, противно визжа, оказалась рядом. Все-таки инстинкт самосохранения работал у нее как надо. Втроем мы, налегая на ножки стола и елозя коленками в опилках, подобралась к свирепой воющей Крессинде. Она склонилась над Олником. Голова моего бывшего напарника представляла собой тлеющую головешку. Пальцы покойного так и не выпустили еще не откупоренную бутылку вина...

Гномше не потребовалось разъяснений. Она обхватила Олника поперек туловища (я отметил мимоходом, что огненно-рыжие панталоны на Олнике ничуть не обгорели) и принялась толкать стол свободным плечом. Мы быстро дотолкали наш импровизированный щит к коридору.

— Разорители-и-и! — прогрехотал в зале смертный вопль трактирщика.

Я оглянулся. Огонь уже метался под потолком. Бутылки, на которые попала зеленая дрянь, взрывались одна за другой. Самантий стоял посреди зала, вскинув к небесам кулаки, и орал. Лицо его было посечено осколками, одежда тлела, а в руке матово сверкала большая сковородка. Я вспомнил, что у Самантия имеются еще прекрасные и очень вместительные винные погреба и выругался.

— Крессинда!

Она снова поняла без слов. Только в этот раз мы вдвоем, поднапрягшись, просто подняли стол и под его прикрытием выручили несчастного трактирщика.

Мы успели. Мы вынесли вещи, запрягли свежих коней и драпанули из заведения Самантия Великолепного прежде, чем огонь подобрался к «Самым полным винным погребам по эту сторону пролива!», и даже раньше, чем по наши души явился новый отряд кверлингов. Я орал и непотребно ругался, загоняя на место постылый гарем, которым, если вы не забыли, нынче заведовал принц. В свой фургон я загнал Тулвара и Самантия. Бедняга впал в прострацию, и только молчаливые слезы стекали по его оплывшим щекам на тяжелую сковородку, которую он прижимал к груди, как младенца. Слезы, в которых полыхали отсветы пожара... Со мной же были Виджи, Крессинда и... тело Олника, который так и не выпустил бутылку.

Я стегнул коней, и мы выехали со двора. Колеса загрохотали по брусчатке.

Я погнал к воротам Серебряной Звезды, к которым примыкал гномий квартал. К счастью, на улицах не было стражи. Все или почти все население Семеринды собралось на площади, где внимало молебну ложного Каргрима Тулвара, а вход и тем паче выход из города были беспошлинные.

Мы выбрались из города вполне благополучно, и я не знал, каких богов за это благодарить.

Дорогу к Облачному Храму устилала серебристая лунная пыль... Я вздохнул, и тут... за стенами Семеринды раздался приглушенный взрыв. А потом еще один. И еще... Ох-х... Или ах-х... Смешно надеяться, что маги Талестры посчитают, будто все мы погибли от взрыва винных погребов, но ведь чудеса иногда случаются... Тем не менее я повернул караван к юго-западу. Сначала хотя бы немного запутаю следы.

* * *

Мы сделали изрядный крюк, прежде чем снова выехали на дорогу, усыпанную искрящейся лунной пылью. Прошло, наверное, больше трех часов. Виджи была рядом, мы правили фургоном совместно, нам было не до разговоров.

Тут-то за пологом фургона прозвучало громкое «шпок!». Кто-то вытащил пробку из бутылки с вином. Приглушенно ахнула Крессинда. Затем донеслось продолжительное бульканье, после которого голос — очень знакомый мне голос, правда, обзаведшийся изрядной хрипотцой — с удивлением сказал:

— Дохлый зяблик... А че случилось-то, а?

54

Вот и представьте: за одну ночь я потерял и вновь обрел друга, а Крессинда — своего бесценного жениха.

Да только радость наша оказалась недолгой. Гномша, конечно, была умна и позволила Олнику побулькать в свое

удовольствие, затем — я внимал, полуобернувшись к полу — заключила моего товарища в объятия.

Последовал шум борьбы и звучное «Шмяк!», с каким кулак обычно прикладывается к чьему-то лицу.

Олник завопил:

— Фатик? Где ты? Кто все эти люди? Уйди, гномша, и не смей меня обнимать, а то снова вмажу! Мама дорогая, папочка родной, что тут происходит? Меня похитили? Лишили штанов? Граби-и-ители! Откуда на мне эти оранжевые... Меня что, везут в рабство? Фа-ати-и-и-ик!!!

Полог вздулся — это Олник ударил в него головой. Миг — и он вывалился мне на руки (Виджи благоразумно отодвинулась в сторону).

— Тормози, Виджи! Олник! Эй! Я здесь!

Фургон качнулся — это моя *четвертушка* натянула поводья.

Олник перестал вырываться и уставился на меня, испуганно моргая. Удерживая гнома на руках, как дитя (весом дитятко было со взрослого человеческого мужчину, ибо гномы куда плотней, к тому же у них тяжелее кости), я подставил его физиономию взгляду луны. Пламя начисто слизнуло растительность с его лица и буйной головушки. Ни ресниц, ни бровей, ни, черт подери, бороды! Лицо моего приятеля напоминало блинчик, не очень-то хорошо запеченный.

— Фатик здесь, никто тебя не тронет!

— Эркешш... дларма... О-о-й...

— Никто тебя не похищал... Едрическая сила... Ты нормально меня видишь?

Он заморгал и обдал меня запахом вина.

— А... ага!

Значит, с глазами все в порядке, или *почти* в порядке. Видимо, гном зажмурился раньше, чем его голову объяло пламя.

— А чего... ночь? Куда мы едем, Фатик?

В фургоне что-то залопотал Самантий, ему ответил визгливый голос Тулвара.

Взметнулся полог, наружу высунулась Крессинда. Одну руку она прижимала к лицу.

Олник начал извиваться в моих объятьях, как угорь.

— А-а-а-а, убери от меня эту мордуленцию, Фатик!!! Она хотела меня задуши-и-ить!

Он вывернулся из моих рук, оставив на память оранжевые панталоны, и рухнул в искрящуюся лунной пылью дорогу.

— Олник! — взвыла гномша.

Ее зычный глас произвел чарующее действие.

Олник вскочил, бросил испуганный взгляд через плечо, заорал и припустил к ближайшей роще. Там он и пропал, издавая нечленораздельные вопли, и я больше никогда его не видел.

Ладно, вру. Мы остановили караван и отправились на поиски. Битый час мы рыскали в диких зарослях, выкликая имя паршивца. Думаете, он отозвался? Да вы оптимисты, честное слово!

Крессинда звала Олника и ревела. Звала — и ревела, утирая слезы тяжелым кулаком. Чувство собственной значимости, впитанное с молоком матери — такой же Жрицы Рассудка, начисто покинуло ее. Она не понимала, что случилось с ее любимым и за какие такие грехи он стукнул ее в глаз.

Наконец я велел ей умолкнуть. Я велел умолкнуть всем. Умолкнуть — и слушать. Поверх занудного стрекота цикад и шелеста листьев мы различили храп. Знакомый мне храп с посвистом. Олник дрых в неглубокой ложбине, свернувшись калачиком среди сухих листьев, ни дать ни взять — младенец-переросток. Мы отнесли его к фургонам. Затем я велел завести фургоны в ту самую придорожную рощу, составив их полукругом, замел следы колес и велел раскладывать костры.

Привал. Фатик снова разгребает ворох проблем. Надеюсь, это последний ворох перед Оракулом.

Олник пробудился через час — ровно к тому моменту был готов ужин. Я поговорил с ним, уберегая гнома от Крессинды. Поговорил и схватился за голову.

От взрыва, и я не думаю, что была какая-то иная причина, Олник начисто забыл все, что случилось с нами после того, как мы повстречали в нашей конторе эльфийку с милым утиным носом.

* * *

— Мы настоятельно требуем положить нам еще порцию этой отвратительной каши!

— Встань, и положи себе сам.

— Мы... вы все жалкие, нич... Мы требуем!!!

— Терпи, низложенец. Ты теперь равный среди равных, усек?

Взвизг.

— Это двадцать пятое оскорбление, Фатик!

— Считай-считай...

— Фатик, ты грубиян! И мы будем...

— Будь, Тулвар. Кстати, прикрой свои груди.

— О горе, о несчастье! Откуда у нашей милости груди?

— Оттуда же, откуда все остальное — ты поменялся телами с женщиной, забыл?

— Гнусная паразитка и стерва! Магичка из Талестры по имени Дегеста! Мы приблизили магов... Когда наша милость вернет себе трон...

Мы собрались на полянке, и вкушали пищу. Поздний ужин или ранний завтрак — называйте как хотите. Овсяная каша и сухари — запасы еще с «Горгонида», это все, что у нас оставалось. Разжиться провизией у Самантия, я, естественно, не успел, а кое-какую снедь, купленную у селян перед Семериндой, мы давненько слопали. Ах да, у нас была в наличии таинственная «огненная смесь» гномов — та, в которой в свое время растворилась поварская ложка Олника. Жрицы Зеренги снабдили нас этой смесью в достатке. Хочешь — сыпь в кашу, только это не добавит каше вкуса и сытности, хочешь — сыпь на глаз, это надолго прогонит сонливость.

С некоторых пор я невзлюбил острую пищу. Реальная жизнь давала мне остроты больше, чем мне бы того хотелось.

Впрочем, она же давала и сладость. Пряную и горячую, золотоволосую и нестерпимую, с очевидной горчинкой... Сейчас моя сладость, как было уже не раз, сидела по другую сторону костра в обществе надутого принца, Имоен и Скареды и избегала моего взгляда. Справа от меня на тюфяках из фургона сидели Тулвар и Самантий. Царь был истеричен, Самантий впал в прострацию и бесконечно баюкал свою

сковородку. Слева ко мне жался Олник, красный, будто его только что вынули из печки. Гномша отиралась у другого костра, возле квохчущего гарема и время от времени делала попытки приблизиться к Олнику. От каждой такой попытки моего товарища начинала бить дрожь. Курносый шнобель Крессинды покраснел, она тайком смахивала слезы; правый ее глаз капитально заплыл. Олник смотрел на Жрицу Рассудка букой и на всякий случай держал возле себя колотушку. «Мымра, мордуленция, захватчица!» — вот такие эпитеты он на нее обрушивал. Слова о том, что Крессинда и он без пяти минут супруги, ввели гнома в прострацию.

— За что, Фатик? — этот вопрос был адресован мне, едва он очухался, как будто это я, весь из себя интриган, тайком и подло устроил против Олника заговор.

Пока готовилась снедь, я коротко посвятил его в обстоятельства наших дел.

— Жених... — проронил гном, втирая в лицо целебную мазь из Зеренги (мазь пахла не слишком целебно). — Духлый зяблик... Вот меня угораздило...

— И ты говорил, что готов носить килт и нянчить ваших совместных детей, что тебе плевать на личную свободу.

— Ик!.. Дларма тогхирр!

— А на поле Хотта представил Крессинду Джоку и Олнику-первому, и еще десятку гномов... представил как свою невесту.

— Эркешш махандарр! Не помню... Ничего не помню! Ой, батюшки-и-и...

— У вас, знаешь, взаимные чувства.

— Нет, дларма, нет! Не верю! Не может быть!!! Фатик, вы все точно меня не разыгрываете?

И так далее. Прибавьте к этому горестные вопли Самантия (он наконец осознал, что разорен), визгливые требования Тулвара, поползновения Крессинды и отчужденный взгляд Виджи, и вы поймете, почему старина Фатик ощущал свою голову на плечах в виде свинцового шара. Но профессионал на то и профессионал, он не впадет в истерику и не сойдет с ума. Он уладит все дела, если ему предоставят достаточно времени, и уже после подвинется рассудком. А время — время у меня пока еще было.

Итак, прикинем. На моих ногах повисли три новые гири. Самантий, Тулвар и обеспамятовавший Олник. Не слишком ли много для одного варвара Джарси? Где та последняя соломинка, что переломит мою спину?

После еды я загнал гарем в палатки и объявил общий совет. Отряд расселся перед костром на корягах. Вместе с нами были Тулвар и Самантий (последний все баюкал свою огромную сковородку). Я обвел всех взглядом, скрестив руки на груди (поза вставшего орла — гордая поза!). Эльфы. Гномы. Люди. Но начну с Тулвара.

* * *

— Маска, Фатик!

— Да, маска... Расскажи подробней.

— Тысяча шелудивых псов, меня предали!!!

— Расскажи подробней, Тулвар.

Девушка-Тулвар зябко повела худой шеей.

— Некрасивая женщина-эльф с носом, как уродливый утиный клюв, мы продрогли! Поддай нам теплые одежды!

Глаза Виджи стали больше, чем в тот, первый раз, когда я сморозил глупость в конторе. Она вскочила и зашипела сквозь зубы, глядя на Тулвара поверх костра, вот только злости в ее взгляде не было, скорее, смертельная обида маленькой девочки.

Я чуть не отвесил Тулвару подзатыльник. Едва — ибо царь заперт в женском теле, а на женщину я не могу поднять руку.

Вместо этого я встал, сграбастал девушку-Тулвара за ворот и приподнял.

— Будь... вежлив... с моей... женой. Иначе я просто оставлю тебя здесь. Если понял — кивни.

Тулвар, багровея лицом, нашел в себе силы кивнуть.

Я опустил его на землю и лично сходил за теплым пледом, заодно проведаль Альбо и Монго. Пророк Гритта спал, наполняя фургон винными парами. Монго, которому врач дал снотворное еще у Самантия, тоже дрых, и физиономия его выглядела не такой оплывшей. Отлично, сегодня днем, когда мы будем у Оракула, он уже сможет ходить. Я выб-

рался из фургона. Виджи не было у костра. Обиделась. Ушла. Моя маленькая красивая кошка...

Тулвар соизволил кивнуть, когда я подал ему плед.

— Мы заметили, ты путешествуешь с личным гаремом, дорогой Фатик. Добрый знак. Ты стал вести себя как настоящий мужчина. А эта тучная уродливая гномша, она тоже... твоя птичка?

Крессинда ахнула и попыталась разразиться гневной тирадой, но я прервал ее повелительным взмахом руки.

— Тулвар!

— Да, негодный Фатик?

— В своих речах... оценках тех, кто со мной... постарайся быть вежлив.

Он устремил на меня невинный взор. Он *не понимал*.

— Но я и так...

Я поднес палец к губам.

— Просто — отвечай на вопросы. На *мои* вопросы.

Я навис над Тулваром, глядя прямо в его — ее — блекло-серые, водянистые глаза. Даже фунт косметики не прибавил бы этой девице привлекательности.

— Просто отвечай на вопросы, так будет проще и быстрее. Ты давно приблизил к себе магов Талестры? Почему Рандовал носит на груди знак распорядителя царского дома?

Вместо ответа он повел странным взглядом по сторонам и изрек:

— Здесь отвратительная местность!

— Перетерпишь.

— То ли дело наш дворец и гарем с внутренним садом. Там... Я хочу туда, к своим девочкам! Я сейчас зарыдаю!

— Заревешь — выгоню. Будешь отвечать — оставлю.

Он с трудом перевел дыхание.

— И сделаешь так, чтобы к нашей милости вернулось прежнее тело?

— Посмотрим, — сказал я уклончиво.

— Мы знаем про ваш кодекс и клятвы...

— Тулвар! Про клятвы и кодекс — потом! Сначала ответь на вопросы! Ты давно приблизил к себе магов?

— Видишь ли, Фатик... — Он передернул плечами и покосился на свои груди. — Никак не могу к ним привык-

нуть... Как женщины их носят? Даже такие мелкие, они доставляют нам очевидные неудобства!

— Тулвар!

— О... Рамшех... Давно, как только у нашей милости начались проблемы... Но мои слова не для ушей черни!

— Отвечай, Тулвар!

Именно этот момент Крессинда избрала, чтобы пойти на очередное сближение с Олником. Бывший напарник издал вопль звериного страха и спрятался за моей спиной.

— Фатик, не подпускай ко мне мордуленцию!

Эти слова переполнили чашу терпения Крессинды. Лицо ее стало пунцовым, пуговичный нос задергался, маленькие глаза наполнились слезами. Она развернулась и кинулась в фургон со стонущим плачем.

Я медленно выпустил воздух сквозь сжатые зубы, прихватил горсть волос на темени и как следует дернул. Спокойно, Фатик. Ты во всем разберешься. Если до того не подвинешься рассудком.

— Олник!

— Ась?

— Не смей. Больше. Оскорблять. Крессинду.

— Да ведь я...

— Дай слово.

— О... Значит, тебе дороже эта... эта... Слушай, я пойду погуляю! — Он вскочил и исчез среди кустов лавра.

Самантий проводил его взглядом и потер свежие царапины на лице.

— Ага-а-а... — глубокомысленно протянул он.

Великая Торба, и еще этот развратник! Натер царапины гномской мазью, поел и ожил, ишь ты!

— Тулвар, тут — нет чужих ушей. Здесь все свои. Отвечай так, будто говоришь одному мне. Если хочешь, чтобы я тебе помог, конечно!

Он скукожился, взгляд его стал затравленным.

— Ла... ладно. Маги Талестры... они давно... Как только у нас начались проблемы с известным делом... Наши придворные маги... не справились, а из Талестры... смогли укрепить корень нашей милости. И давали мудрые советы по управлению государством...

— Говоря иначе, втерлись в доверие.

— О, Фатик... Мы только сейчас поняли, какие же они подлецы! И не было нам забот, пока... О, низкие негодяи! Мы даже позволили им повсюду ходить со своей личной охраной из кверлингов! Сегодня... уже вчера ночью, наша милость готовилась к обряду в Храме Рамшеха...

Приближенных к Тулвару талестрианцев было двое — Рандовал и Дагеста, магичка, та, что заняла тело Тулвара. Четыре года они вели себя тише воды и ниже травы, и до того выслужились, что Тулвар сделал Рандовала одним из распорядителей царского дома. Гром ударил внезапно. Сегодня в уединенном покое в Храме Рамшеха Тулвар готовился к служению, когда туда внезапно ввалились кверлинги — и маги. И не только они.

— Не только они, Фатик! Но и главный визирь Автолик, и начальник дворцовой стражи генерал Мортиц... Ты понимаешь, маги уже успели их *обратить*!

Я вспомнил, как встретил на въезде в Семеринду пять кибиток. Значит, можно ожидать, что обращены не только Автолик и Мортиц, но кто-то еще из приближенных Тулвара. Неплохо задумано. Власть в одночасье перешла в руки чародеев. Однако... Слишком много магов на моем пути. Магов Талестры.

Экие они шустряки. Аркония, Фрайтор, Мантиохия, а теперь, оказывается, и Дольмир — объекты их пристального и отнюдь не праздного интереса. М-да... Маги Талестры, похоже, решили всерьез прибрать к рукам власть над самыми разными странами. Стоит поймать мага, подвесить и выцедить из него все тайны... Жаль, нет возможностей — и времени.

— Фатик, маска... Кверлинги схватили нашу милость, а Дагеста, глумливо кривляясь, объясняла! Эта проклятая маска меняет души! Если, держа ее в руках, приложить к чужому лицу... Вы обменяетесь душами, клянусь Аркелионом! Маги Талестры лишь недавно открыли это ее свойство! И Дагеста... сделала это с нами! Мы... вспышка золотого света... И наша милость оказалась в этом вот проклятом, трижды премерзком теле!

Он упал на колени перед костром, отставил мосластый зад и визгливо зарыдал.

Черт... Душа душой, но эмоции в теле Тулвара остались прежние, женские.

Тулвар прогугнул сквозь слезы:

— Я знаю, зачем они это подстроили! Чтобы самим поселиться в моем гареме!

Идиот.

— А потом они связали нашу милость и бросили в угол, и стали переговариваться вчетвером в ожидании часа слушания, словно нас в комнате не было!

— О чем они говорили?

— О тебе, Фатик!

Я обмер. Принц и Имоен что-то пробормотали. Скареди ахнул.

— Поясни.

— О-о-о, варвар, тысяча кастрированных орков! Они знали, что ты уже в Семеринде, но не знали, где точно. Эй ты, усатый старик с тусклым взглядом хворой лошади, поддай нам носовой платок!

— Святая Барб...

— Тш-ш, Скареди! Сморкайся в плед, Тулвар. Делай, что я сказал, и продолжай рассказ!

— А... ага... *Пффффрррр!* И вот... Каким-то образом они могут следить за движением твоего отряда, Фатик! Но вот вчера не получилось. Мерзкий Рандовал сказал: «Наши глаза ослепли». И еще они говорили о тебе... много... ругали! Ты что-то натворил во Фрайторе, они сказали, и в Ридондо... Сорвал их планы... А это правда, что Ридондо был уничтожен смерчем?

— Правда.

— О, беда, беда, разорение! Куда же наша милость будет направлять товары и рабов?

— Не отвлекайся, Тулвар!

— А? Ага!.. Они... Им что-то нужно от тебя, Фатик, но мы не поняли, что! Мы слушали и перетирали веревки об угол стены... В великом страхе, ибо не знали, что с нашей милостью намерены сделать чародеи!

Хм. Действительно — что? Чего хотяя от меня — этого я не выясню, пока не поймаю чародея. А вот что намеревались сделать с Тулваром? Убить — или заточить в темницу?

Тулвар кричал, что его хотят убить, но у страха глаза велики. Рандовал швырнул в подмененного царя огненным шаром, когда убедился, что игра проиграна. Но вот что он был намерен делать *до того*, как проиграл? Пленить или убить? И что сделали с носителями сознания визиря и генерала, и прочих приближенных? И как, мать вашу, кудесники проведали, что я натворил во Фрайторе?

Слишком много вопросов — и ни одного ответа. При случае изловлю мага Талестры и постараюсь все выпытать.

— Рандовал дерзновенно поглядывал на нашу милость иногда! А мы... мы слушали! И думали... Гнусная Дагеста сказала, что в такой толчее, в таком столпотворении на праздник Аркелиона тебя нельзя или крайне сложно будет найти без наводки шпиона, что они ошиблись, полагаясь только на шпиона, и подготовили слишком мало людей для того, чтобы тебя выследить. Вот, Фатик! Вот! Ты хотел, чтобы все слышали? Так вот пускай слышат — у тебя тут шпион!

Ад и пламя!

Мои спутники начали переглядываться. Гарем встревоженно закурлыкал в палатках. Донни высунулась наружу, но я загнал ее обратно, мол, спи давай! Гритт, а ведь все девчонки — с Южного континента... А не может ли так быть, что одна из них... Но кто, яханный фонарь, кто?

— Досказывай, Тулвар.

— О-о, святой Аркелион! А потом они сказали, что тебя, видимо, стоит ловить в том самом месте, куда ты движешься. Мы лежали и думали, мы ведь знаем, где обретаются гнусные прощелыги из Джарси! Вот у этого неприглядного толстяка! Наша милость рассудила так: если нам удастся сбежать, мы помчимся к этому подлому и грязному Самантию и отыщем там тебя! И попросим твоей помощи! Когда настал миг служения и маги обернулись выходить, мы вскочили и ринулись к потайной двери, замаскированной под стену. И сквозь тайный коридор выбрались наружу! А дальше... Ты и так все знаешь.

— Фатик, — ласкового молвил Самантий. — Можно, я ее выпорю?

Место... неужели маги намерены ждать меня у Оракула? Гритт, да что же это: всем нужен Фатик Джарси? И ма-

гам, и Вортигену, и эльфам! Каждый хочет оторвать от меня кусочек на память.

Вместо ответа я бросил взгляд на Тулвара.

— Рандовал швырнул в тебя огненным шаром. Маги Талестры что, научились творить пиробласты?

Тулвар потер крючковатый нос.

— Тысяча бородавчатых жаб, то был *пузырик*. Рандовал развлекал нашу милость иногда огненными чудесами, мы не знали, что он припрятан под его мантией!

— Пузы... что?

— Ошметок бычьего пузыря, наполненный взрывчатым алхимическим газом, любезный Фатик. К нему крепится короткий фитиль, поджигаемый магом о ноготь большого пальца...

И тут обман, хитрый трюк, о-о, Гритт!

Я прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Глянул в небо: луна поблекла, звезды были едва видны. Скоро... уже скоро...

— Мы едем к Оракулу. Есть основания полагать, что возле него либо внутри будут подстергать злодеи. Знаешь ли ты возможность проникнуть внутрь Облачного Храма незаметно или, по крайней мере, *не очень* заметно? Если знаешь — ты нам поможешь, а мы — поможем тебе. Все просто.

Девушка-Тулвар думала недолго.

— Наша милость поможет, но ты — дашь слово Джарси, что приложишь все силы, чтобы вернуть нам тело... и трон!

— Только тело.

— О-о, низкий и подлый гад! Хорошо, пускай только тело, лишь бы выбраться из этого... этой... Этой... с грудями и кривым носом! О-о, мы бы, уверен, немного смирились, будь у нее впереди два спелых персика, и сзади...

— Тулвар!

— Любезный Фатик, будь ты трижды проклят, кроме центрального подъезда к Оракулу имеется боковой, с восточной стороны горы, коим пользуются привилегированные особы, приближенные к царскому дому, когда хотя испросить совета Оракула инкогнито, незаметно... А наша милость — первосвященник Рамшеха, а Оракул — одна из наших святынь... Мы знаем расположение галерей и покоев... Итак, тайный вход в галерею, что ведет в Зал Оракула...

— Слушайте все, — сказал я. — И запоминайте.

Члены альянса слушали и запоминали. И даже Монго, выползший к тому времени на свежий воздух, внимал рассказу Тулвара.

* * *

Остаток ночи я провел рядом с Виджи. Мы просто спали, обнявшись. Мы молчали.

55

— Чума! В Селибрии чума, спасайтесь!

— Эй, эй, повторите?

Они не остановились, целое семейство, тянущее большую двусосную тачку, набитую поклажей.

Вскоре нам попались еще беглецы, затем пришлось съехать с дороги, пропуская вереницу беженцев — конных, пеших, на подводах и фургонах. Жители Селибрии волочили домашний скarb и были смертельно напуганы, и было их — много сотен.

Чума? Не значит ли это, что кто-то прибег к моей уловке, чтобы очистить местность под горой Оракула для каких-то своих целей? Или в Селибрии и правда — чума?

Я не медлил. Едва поток беженцев обмелел, вновь двинул караван по дороге. Янтарное солнце потихоньку клонилось к закату.

Мы ехали по горной дороге вдоль холмов, которые заслоняли нам вид на гору Оракула. Сама гора стояла уединенно, особняком. Мы ехали молча, в густом спертom воздухе, в пыли, слушая жужжание слепней и мух.

Предчувствие беды? Угу, оно самое. Как сказал бы Отли в одной из своих пьес: предчувствие беды сжимало наши сердца.

Виджи тихонько сидела рядом. Лицо бледное, голова повязана цветной косынкой, клинок у плеча. За пологом кряхтел Самантий, что-то бормотал Тулвар — похоже, ругал весь белый свет и лично Фатика М. Джарси. Олник тоже

был в моем фургоне — прятался от Крессинды, утрюмо хрустел сухарем.

— Виджи, я давно хотел спросить...

— Да, Фатик? — Ее голос оказался мягок.

— Этот вопрос не дает мне покоя... Ты можешь смеяться, но вопрос для меня очень важен. И в этот час, когда над нашими головами, возможно, простерлись...

— Фатик!

— Гритт... Я давал слово не спрашивать о походе, но этот вопрос — он не о походе...

— Фатик!!!

— Виджи, Квинтариминиэль... он твой брат или муж?

Серые глаза взглянули на меня... Я даже не могу в точности описать их выражение. Тут была и жалость к тупому варвару, и затаенный смех — боги, я впервые видел, чтобы глаза Виджи смеялись! — и что-то... Во взгляде было душевное тепло, именно с таким теплом женщина смотрит на близкого ей мужчину. И именно за такой взгляд мы готовы положить весь мир к ногам любимой.

— Фатик, Квинтариминиэль Альтеро — мой отец.

Немая сцена. Олник поперхнулся и закашлялся. А старина Фатик вдруг ощутил, как с его усталых (а местами и раненых) плеч сползла немалая часть груза.

— Скажи... а почему... он говорит так странно, Виджи?

Добрая фея грустно улыбнулась:

— Даже в магии эльфов, позволяющей изучить Общий язык быстро, случаются... фатальные ошибки.

Тут дорога поднялась на гребень холма, и мы увидели гору Оракула. Солнце танцевало на ее выпуклой макушке из лилового гранита, внутри которой располагался Облачный Храм. Правда, чтобы дотянуться до облаков, горе нужно было подрасти еще ярдов на двести.

Виджи стиснула мое запястье.

Отсюда я не видел гирлянд висячих мостов, и многочисленных, пробитых в камне окон. Весь храм скрывался в горе, она была пронизана галереями, часть из которых имела природное происхождение. Ни одной внешней постройки кроме мостов, соединявших снаружи отдельные части храма. Познизу гора, вытянутая, чем-то похожая на туловище зверя,

поросла лесом. У западной ее стороны виднелась опустевшая Селибрия. Кто-то очистил город, чтобы мы спокойно... въехали в ловушку? Или, напротив, держались от города и храма подальше? Но мы не поедем через город. Мы пойдем в обход, как и надлежит героям. Я вытащил подозрную трубу.

Стали видны отдушины, смотровые окна и двери, что выводят на висячие мостики. И широкий проезд, выдолбленный в скале руками рабов. Центральные ворота, сделанные из почерневших дубовых бревен заперты... Хм... Несколько дымовых кухонных труб и обычных труб торчат из макушки, точно указующие в небо персты. Ни одна не дымит... И это странно. Монахов в горе — больше сотни, а сейчас — самое время готовить ужин.

Городок тоже пуст. Беленые дома с плоскими крышами... А вон знаменитый бордель Варто, знакомое многим путникам заведение, гм, гм... Тут и там видны дымки очагов — значит, жители пустились в бегство недавно.

Странно, все очень странно.

Я суетливо поправил перевязь с мечами, вынул уголек, растер между пальцами и провел пятерней по лицу. Так, излишняя предосторожность, чтобы монахи и аколиты, и сам настоятель Чедаак, меня не узнали. Соломенный брыль сдвинем на лоб. Отлично.

Я стегнул лошадей и двинулся вниз, а затем в объезд городка, к восточной стороне горы. Хорошо, что между лопаток не чешется, а ведь это верный признак смертоносцев и их *призванных* — гпшаанов.

Самантий просунул седую голову и часть огромного плеча между мною и Виджи.

— Фатик, я сказал, что поеду с тобой?

— Ага.

— Сказал, что маги Талестры и кверлинги отныне — мои кровные враги, и я не успокоюсь, пока не воздам им сторицей?

— Ага.

— Сказал, что буду помогать тебе в бою, чем смогу?

— Ага.

— А то, что ты сукин сын без екра, из-за которого погорела моя таверна, я уже говорил?

— Вчера. Ровно четыре раза.

— Кгм... ага... Ну, считай, повторил и в пятый.

— Ага.

— Ты вчера жалился, что против твоих... как их там... смертоносцев, нет у тебя толкового оружия.

— Было дело.

Он пошлепал губами и сплюнул.

— Так вот, есть такое оружие!

— Поясни?

Он пояснил и показал. Я чихнул и удивился: до чего просто! А ведь и правда... поможет!

— Делай, Самантий. Напряги Олника. Хотя бы пять штук!

Самантий убрался. Виджи накрыла мои ладони своими. Однако тут из-за полога высунулся Тулвар.

— Фатик, ты ужасный человек, но мы должны поведать тебе жгучую тайну!

Ох...

— Валяй.

— Знаешь что, Фатик?

— Нет, не знаю. Что же?

— Нам кажется, что наша милость — девственница!

Яханный фонарь!

— Успокойся. В нашем мире девственность — это ненадолго.

— Но мы любим женщин, Фатик!

— Тогда ступай в гарем. — Хорошо, что я не прибавил при этом — «мой».

Селибрия открылась по левую руку. Там заливались бешеным лаем псы.

Напуганы, или?..

Со стороны городка ветер принес запах чеснока... Так, едва различимую прядку... Однако мне хватило и ее, чтобы передернуться от отвращения.

Гора нависла. Многочисленные окна слепо глядели на нас. Я надвинул брыль на самое лицо. Если кто-то *оттуда* будет разглядывать передовой фургон, он не узнает возницу.

Ладонь Виджи вновь схватила меня за запястье.

— Фатик!

Самый нижний из висячих мостов (до земли от него было около двухсот ярдов) закачался, и немудрено — на нем

появились две человеческие фигуры. Блеснуло оружие. Я не успел вскинуть подзорную трубу, как одна из фигур сорвалась в полет. Нелепо кувыркаясь, мертвая кукла рухнула к подошве горы, затерялась среди деревьев.

Гритт и яханный фонарь!

В храме, похоже, жарко и без всякого Фатика. Не глядя на победителя, что застыл на мосту, я перевел лошадей в галоп. Инстинкт проснулся и завопил свою обычную песню о том, что надо торопиться.

— Фа...

Вдоль скальной стены пролетел еще один обреченный. Я успел разглядеть, что обряжен он в красноватую рясу монаха.

Обитатели храма, видимо, решили устроить конкурс на самый дурацкий прыжок в пропасть.

Вдруг я понял, что на нас смотрят. Один взгляд... А вот и другой. И третий... Из разных окон храма. Взгляды кололи кисти рук и шею. Мне почудилось, хотя это была, безусловно, иллюзия, что сверху доносятся крики, звон мечей.

Я успел поймать взглядом тень третьей жертвы... Она мелькнула вдоль стены, вытянувшись гротескным пятном. Когда рискнул бросить взгляд открыто, край нижнего моста чадающе пылал оранжевым пламенем, так бывает, когда поджигают масло из светильников. Человеческая фигура стремительно улепетывала на другой край...

Жарковато...

Есть ли теперь смысл забираться в Храм тайно? Пожалуй, все-таки есть, хотя бы потому, что центральные ворота кто-то запер.

Нас увидели, более того — нас рассмотрели подробно. Но что сделают наблюдатели, если решат, что мой караван движется к тайному входу?

В любом случае скрытно пробраться не вышло. Ладно. Попробуем — полускрытно. Если у тайной двери все еще дежурит послушник — он откроет. А пароль царского дома, который ведом Тулвару, заставит служителей нас слушаться. Мы доберемся до зала Оракула. А там... а там видно будет.

А что происходит внутри? Смертоносцы и их шатия убивают служителей? Или маги Талестры спешно наводят свои порядки? Да нет, эти вряд ли могут... Весть о перево-

роте не могла добраться так быстро, разве что... маги общаются с помощью телепатии.

Гродар в храме.

Я вдруг осознал это, понял. Ладно, черт с ним. Значит, будет встреча...

— Риэль... Свяжи заклятие.

— Фатик?

— Боевое заклятие. Ударное заклятие. Что-нибудь, что размажет противника, но... не полностью тебя усыпит. Ты способна на такое?

Ее пальцы начали ткать в воздухе быструю вязь.

— Воздушный кулак, Фатик, да...

— Хорошо. Ты спустишь заклятие по моему приказу.

Вдоль северной оконечности горы... мимо погоста... Мелькают надгробные камни — грубо отесанные, вросшие в землю... Меж ними мне почудилось шевеление — но это была лишь трава, которую колыхал ветер.

Под колесами повозки раздался хруст. Мы выехали на дорогу, усыпанную битым камнем. Она заканчивалась у восточного подножия горы, у сплошной полосы деревьев.. Восточная сторона горы — глухая. Без окон, мостиков и подобного. Только дверь скрыта в горе... О ней говорил вчера Тулвар Царь высунулся наружу.

— Туда, в самый конец, Фатик! Тропа за деревьями!..

Я подогнал караван к черте деревьев, и мы выбрались. Здесь было тихо, пыльно и жарко. Я напялил на рубаху гномскую кольчугу, накинул куртку. Нет поддоспешника, да и плевать — от скользящих ударов кольчуга обережет, а если меня заденет клинок Гродара — мне в любом случае конец.

Я подошел к девицам из гарема и раздал каждой остатки золота из мешка Фаерано.

— Свободны. Отсюда — и в вечность. Но самые смелые могут ждать меня у подножия до... — Я посмотрел на небо. — До завтрашнего утра. Если увидите, что к вам от деревьев шествует кто-то не из отряда — бегите. Уезжайте, вернее.

Девицы заахали и заохали.

— Фатик, ты обещал доставить нас в Талестру и в Одирум! — наперебой заверещали Донни и Валеска.

Гритт...

— Если выберусь живым — доставлю. Даю слово Джарси.

На этом я закрыл тему с гаремом. Оракул ждет. Мне нужно торопиться. Нет времени даже распрягать и стреноживать коней... Или все же пересидеть, переждать, пока буча уляжется? Нет, что-то говорит мне, что медлить — опаснее всего.

У дороги среди полынных кустов я заметил опаленное пятно... Ветерок донес серную вонь. Я приблизился, преодолевая отвращение. Посреди пятна лежала стрела — целая, но заляпанная дегтярно-черными пятнами от острия до самой середины.

Стрела в куче пепла. Знакомый запах... Кто-то подстрелил здесь гшаана, и тот, как водится, распался в прах и пепел!

Значит, мой инстинкт не соврал и смертоносцы — рядом. Нам нужно только постучаться и они нас впустят. К людоедам на обед, так сказать, всем гуртом, всем стадом...

Что ж, у нас есть зубы. Мы зайдем. А там... Только бы эти твари не призвали вновь чирвалов или шаграутта!

Мой отряд уже выбрался на дорогу и стоял плечом к плечу, надев гномскую броню и вооружившись. Кое-кто нуждается в бритве и расческе, и почти все — в отдыхе... Мои эльфы с застывшими лицами... Пятно они увидели, что это — поняли, но — ни гу-гу. Имоен и Монго плечом к плечу. Наследник Империи Фаленор вполне уверенно держится на ногах, похоже, закалился за время пути, теперь все будет заживать как на собаке... Скареди маячит за их спинами, будто отец семейства. Крессинда, злая, как мегера... Все смотрят на меня. Во взглядах... Эх, дорогие мои праведники, скрывайте, скрывайте вы свои тайны от старины Фатика, недолго уже осталось!

Сколько я пропутешествовал с вами, но так толком ничего о вас и не узнал. Да вы и не стремились рассказывать, вы *скрывали*.

М-да, невелико воинство. И кто-то из них шпион, по словам Тулвара. И — если верить богине — есть еще какой-то *не предатель*. Тот, что отравил коней в «Полнолунии», чтобы — я в этом уверен! — задержать нас в пути. Вот только для чего?

Тулвар и Самантий стоят рядышком. Тощая девица в серой от грязи сорочке дрожит от страха, Самантий — вновь напяливший фартук и нарукавники, горькие свидетельства

его сладкого прошлого — баюкает в руках сковородку и тяжело отдувается.

Я подошел к нему и забрал оружие, которое он сделал. Две штуки отдал Олнику. Гномы мастера метать камни, и узелки с кое-чем опасным — тоже. Я отобрал у Олника сухарь и сжевал, яростно дробя его зубами.

Торопиться...

Сердце вдруг начало пульсировать под самое горло.

— Ну, — сказал я. — Я ведь говорил, что дотащу вас всех до Оракула? Говорил, а? Сейчас войдем, и задавайте свой вопрос: «Да или нет?».

Крессинда свирепо вытаращилась, кажется, она ревновала меня к бывшему напарнику, вы только представьте! Олник мялся рядом со мной, со значением держа в руках колотушку. На плечи он навесил две торбы с сокровищами, добытыми на Торжище Ридондо. Лицо красное, а голова покрылась волдырями. Вблизи лучше не смотреть — можно остаться зайкой.

Я наклонился к Самантию и сказал:

— Слыхал? Среди нас соглядатай. Пойдешь позади всех. Если заметишь что-то... ну ты понял... Прибей гада.

— Екр! Даже твою эльфийку?

— Моя эльфийка — не предатель. Но даже... если так... я сам ее убью.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ясно, Фатик.

— Пошли, — сказал я всем громко. Некстати разболелось плечо.

Олник дернул меня за рукав.

— Фатик, там, в фургоне, Альбо.

Ах ты ж яханный фонарь!

* * *

Это была не тропа, а дорожка, выстеленная каменными отлогими ступенями под сенью деревьев. Я шел первым, ощущая на спине вес клинков Гхашш, за мной двигалась Виджи, дальше — цепочкой — остальной отряд. Крессинда и Скареди волочили на плаще Альбо. Я влил в его глотку остатки бренди с «Горгонида»... Если бы бренди еще оста-

валось, я смастерил бы что-то вроде зажигательной бутылки по типу гномского оружия. Самое то для смертоносца. Но бренди было немного. Я решил, что Альбо посетит зал Оракула пьяным в стельку. И закованным в цепи. Так будет спокойнее и легче для меня. Отряд... не протестовал.

Прохладная ладонь Виджи вдруг нашла мою руку, сжала.

— Фатик... — Она сказала это тихо, обдав дыханием мою щеку.

— Да?

— У Оракула ты, возможно, узнаешь о себе нечто такое, что заставит тебя... Но поверь, мы не могли сказать тебе раньше, никто не мог... Мы принесли суровую клятву.

— Скажи просто: мы идем к Оракулу, чтобы спросить, взаправду ли Монго Крейвен — наследник престола Гордфаэлей. Люди Фаленора, посланница друидов Тоссара, эльфы, гномша Шляйфергарда — вы все из разных лагерей Альянса. Вам нужен положительный ответ, ибо нет прямых доказательств, что Монго — наследник. А затем вы расскажете ответ своим, убедите их, и Альянс объединится вокруг лидера. И уничтожит правление Императора.

— Нет, Фатик... Тут я честна. Мы идем не для этого.

Я слишком устал, чтобы удивляться.

— Тогда забудь, Виджи.

— Нет, Фатик... Дай мне слово, что когда узнаешь правду, ты меня... простишь.

Где-то запела птица. Одинокий посвист среди всеобщей жаркой тишины.

— Даю слово Джарси. Я прощу тебя.

Она стиснула пальцы.

— Спасибо, Фатик... Скажи, у меня и правда некрасивый, уродливый нос?

О-о-ох...

— У тебя самый замечательный, самый чудесный носик на свете, Виджи...

* * *

Дверь была утоплена в каменной нише. Дверь не простая — железная. Во всяком случае, снаружи она была за-

пищена железной пластиной, под ржавчиной которой угадывалась узорная резьба.

Ни малейших следов замочной скважины. Никакой ручки. Дверь отпиралась только изнутри.

Мы столпились на неширокой каменной площадке. Ветер трепал листья деревьев. Из-за густого подлеска я не видел, насколько высоко мы поднялись, не видел оставленных нами фургонов и несчастных девиц, брошенных на произвол судьбы. По моим ощущениям, мы поднялись примерно на сотню ярдов. Значит, галерея, идущая к Залу Оракула, тянется ярдов на двести. Долгий путь, если его заслонят враги... Мы держали в руках жерди, обмотанные тряпками и окунутые в деготь для смазки колес. Излишняя предосторожность, ибо, по словам Тулвара, внутри галерея освещена. Но я всегда привык рассчитывать на внезапное изменение обстоятельств, поэтому факелы мы изготовили еще вчера.

Девицу-Тулвара била крупная дрожь.

— Стучи! Условный стук и пароль, верно?

— Мерзкий условный стук и гнусный пароль!

— Стучи.

— Фатик, ты ужасный человек!

— Стучи!

Тулвар обрушил на дверь хилый кулачишко: *тук-туки-ти-тук-тук!* Но дверь вдруг открылась сама, без малейшего скрипа (Тулвар отпрыгнул с визгом) — в щель вывалился монах Рамшеха, упал вниз лицом. По его красной рясе разошлось от спины вниз, до самого подола, темно-вишневое пятно.

Мечи Гхашш оказались в моих руках.

Но больше ничего не случилось. Монах был мертв — неизвестно, сколько сил он положил на то, чтобы добраться до двери и открыть ее. У меня сложилось впечатление, что бежал он сюда именно для того, чтобы впустить нас.

Квинтариминиэль вдруг пробился вперед и толкнул тяжелую створку. Повернулся, взглянул на меня — молча. У него был взгляд старика.

— Бог... ужасный... Варвар... Медлить нет причины.

Мы зажгли факелы и вошли — узкий туннель привел

нас в галерею. Воздух здесь пах кровью и плесенью. По галерее трое в ряд могли ехать конники. Светильники на стенах, и правда, были — только, увы, горели немногие. Тот, что должен был освещать вход, погас. Дальше горело всего два, пятная тусклыми желтыми пятнами ровный пол... А еще дальше, примерно через полсотни ярдов, где галерея начинала круто забирать вверх, царила плотная, похожая на печную копоть темнота. Похоже, кто-то не успел сегодня сменить масло в светильниках...

Застеленная протертой медвежьей шкурой каменная ниша, в которой коротал время привратник, разумеется, пуста. И галерея пуста. Но, если судить по кровавым, ведущим в темную часть галереи потекам, монах пришел именно оттуда, хотя слева в стене, в сорока ярдах от входа, виднеется широкая арка, но потеки идут дальше... Впрочем, все это не важно. Мы вошли. Теперь — рывок до самого Зала Оракула. Интересно, куда выводит галерея — на первый или второй этаж Зала...

— Темновато, — родил Олник — видный эксперт по подземельям.

Принц быстро двинулся вперед, словно подгоняя нас. Я об руку с Виджи — за ним; оружие приготовлено к бою. Позади сопел Олник. Я только раз оглянулся — Самантий маячил замыкающим. Я не слышал иных звуков, кроме нашего дыхания и шарканья подметок (набойки Крессинды глухо позвякивали). Бой в глубине храма кипел, я чувствовал это сердцем, но сюда его звуки не проникали.

Мы уже приблизились к арке, когда в спины ударил звучный, раскатистый, басовый голос:

— Фатик Мегарон Джарси! Остановись! Время пришло! Говорил Альбо.

56

Он был уже на ногах. Спрыгнул с плаща, отшвырнув Крессинду и Скареди; по полу брызнули звенья цепей — Альбо разорвал кандалы так же просто, как если бы они были сделаны из бумаги. Гномша устояла, а вот паладин откатил-

ся к стене. Самантий застыл позади Альбо, в левой руке покачивается факел.

У бывшего клирика был совершенно трезвый голос:

— Я, Свирондил Альбо, пророк Гритта Миротворца. Внемли! Я обращаюсь к тебе, Фатик Джарси, сын Трампа Грейхоуна, отдай то, что скрыто в твоём поясе! Мой господин предпочел, чтобы ты доставил его к месту под охраной, и мне пришлось терпеть измывательства над собою, глупые и пустые, ибо алкоголь я в любой миг могу разложить в своей крови на простейшие элементы... Но время пришло. Отдай мне душу Пожирательницы — и уходи.

Я крутанулся на каблуках, скрестив мечи у колен. Плечом заслонил Виджи.

— Прекрасно знаешь, что ни хрена я тебе не отдам.

Он кивнул, возвышаясь в полумраке, точно валун. Мирская потрепанная одежда облегала его тучное тело; выпуклые глаза отражали свет факелов, как две мертвые стекляшки.

— Что ж, Фатик, я знал это. Позволь, я попытаюсь воздействовать на тебя убеждением. Гритт не смог возродить до конца мои воспоминания, но он наделил меня высшим знанием. Ты убедишься сейчас, что я говорю правду, а убедившись — добровольно расстанешься с сосудом, в коем заключена частица души Пожирательницы.

— Как же я смогу убедиться, Альбо?

— Правоту моих слов подтвердит твоя женщина.

Яханный фонарь!

У меня зазвенело в ушах. Силуэт Виджи покачнулся.

— Продолжай.

— Боги не абсолютны, Фатик, и уж тем более — не всеведущи. И тут Талаши сказала тебе правду. А про эльфов она солгала. Творец совершил ошибку, сделав существ из плоти и крови — бессмертными... Но эльфы дома Витриума — смертны. В каждом из них — часть человеческой души. Так Творец обезопасил себя от нового... восстания и отблагодарил дом Витриума за то, что он не принимал участия в том, первом восстании... Он дал эльфам смертие, избавив их от страшного проклятия вечной жизни — и от безумия, кое постигло дом Агмарта. Знаешь, почему дом Агмарта восстал против Творца? Кредитор обещал сделать их смертны-

ми, а Творец — отказывался, слишком любил своих детей, не замечая, как чудовищный груз воспоминаний, которые наслаиваются тысячи лет, сводит их с ума¹... Не понимал... на свою беду. Теперь-то ты разумеешь, почему дом Агмарта так ненавидит Витриум? И почему стремится уничтожить его — подняв на это Вортигена, ибо сам заперт в резервации Агона, откуда нет и не может быть выхода. Все ли мои слова были правдивы, женщина с эльфийской кровью?

— Да... — выдохнула Виджи. Тихо-тихо, но Альбо услышал. Что-то негромко скулил Тулвар.

— Срок их жизни отмерен в полтора человеческих... Великая тайна Витриума, которая оберегается от иных рас...

— Мне это известно.

— О да... Тут Талаши сказала правду. Эльфы живут обособленно и скрытно. Те из них, кто ощущает слишком сильное давление... части человеческой души, отправляются в странствия... Их гонит вперед тоска, которой нет определения и названия, которую можно лишь заглушить постоянным движением вперед... Вы называете их кочевыми эльфами... А часть эльфов рождается вырожденками, эгоистичными психопатами, *словно люди*. Это те, в которых человеческая часть... значительно перевешивает. В Хараште их называют — «чащобники». Их держат в Витриуме в особой резервации, в своего рода сумасшедшем доме, но как-то части удалось сбежать... По дороге через Огровы Пустоши они наткнулись на какого-то безумца из людей, который практиковал религиозный исихазм и почти сошел с ума. Он стал их учителем и увел в горы... Эти эльфы обосновались в горах Галидора, рядом с Долиной Харашты. Все ли мои слова правдивы, женщина?

— Да...

— Видишь, Фатик Джарси? Я — говорю правду.

Я ощутил, как кулаки, охватившие рукояти мечей, начали дрожать. Рана саднила в такт частым ударам сердца.

— Скажи еще что-нибудь, чтобы меня убедить!

Мне показалось, что по полным губам Альбо скользнула усмешка.

— Скажу. Еще есть немного... времени. Творец оставил эльфам Витриума... несколько *первичных* способностей.

Первая не слишком значительна по сравнению со второй... Они могут залечивать не смертельные раны друг друга...

— Гритт! Я это знаю, я видел, как они...

Он взмахнул руками, словно готовился сотворить злое чудо, стальные браслеты на толстых запястьях блеснули и погасли.

— Есть главный дар, который свойствен всем эльфам, включая и безумцев Агмарта. Эльфы способны выкупить у смерти любое существо, имеющее бессмертную душу.

— Я знаю это, пророк Гритта! Талаши рассказала мне то же! Принц выкупил Виджи на самоходе карликов в Хараште, а Виджи... моя Виджи, выкупила меня! Наши раны были смертельны, но теперь мы живы, и будем жить еще долго!

Его слова прозвучали, как голос набата:

— О нет, она солгала. Напомни, что она сказала? Что эльф может выкупить жизнь другого разумного или такого же эльфа, ценой урезания собственной жизни до сроков выкупленного существа? Или, в случае, если эльф спасает эльфа, ценой урезания собственной жизни вдвое?

Скверное предчувствие сжало мое сердце.

— Да...

Виджи? Ее силуэт покачивался, расплывался в моих глазах. Она незаметно отодвинулась, отошла к стене, оперлась на нее. Принц был у другой стены. Вжался в нее, распластался... Бледный, напряженный, раскрывший глаза как безумец.

За плечом Альбо маячило лицо Самантия — словно взошла полная, изжелта-бледная (и крайне изумленная) луна.

— Правда состоит в том, Фатик Джарси, что эльфы могут спасти другого только ценой собственной жизни.

Мне показалось, что твердь на мгновение разверзлась под моими ногами. Я покачнулся, стер пот с лица рукавом, еще и еще, я тер лицо, убирая дурацкую боевую раскраску, тер, словно хотел проснуться, но кошмар не отпускал.

— Смерть не прощает выкупа, Фатик. Все должно быть равновесно. Спустя полтора-два месяца или, самое большее, три, выкупивший чужую жизнь эльф умрет. Несчастный случай или убийство... обычно это несчастный случай или

убийство. Я зрю: вот этому эльфу, коего вы зовете принцем, сегодня настала пора умереть.

Тишина...

Я резко выдохнул сквозь сжатые зубы. Правда. Он сказал правду. Мне не нужны подтверждения эльфийки. Вот почему так бесился принц в пещере, вот почему не хотел оставлять меня в живых. Размен — жизнь какого-то варвара на жизнь его дочери. Но Виджи захотела *аллин тир ам-мен*, высшую справедливость... как метафору ее чувств... ко мне. И брак. Вот потому и солгала богиня — я бы не смог спокойно добраться до Оракула, если бы знал...

— Истина ли то, что я сейчас сказал, женщина с эльфийской кровью?

— Да...

Холод сжал в кулаке мое сердце.

— Месяц жизни, Фатик, вот и все, что ей остается... Верно ли я говорю, женщина?

— Да...

Я прикусил губу, чтобы не заорать. Амок колыхнулся и пропал жарким облаком. Сегодня моему «я» нужна светлая голова.

— Но хватит разговоров, — сказал Альбо. — Ты убедился, что Талаши лжет, а я — говорю правду. Отдай мне душу Пожирательницы и уходи. Уходите все. Я пройду в Зал Оракула. И я могу обещать тебе следующее, Фатик. Как пророк Гритта, я сделаю так, что твоя женщина останется жить. После того, как мой господин справится с Талаши...

— Нет, — я произнес это спокойно и жестко. — Я... во всем разберусь сам. У Источника.

— Тогда, боюсь, я буду вынужден прибегнуть к скорому насилию. У меня больше нет времени на уговоры. Сюда спешает один из смертоносцев Вортигена. Отдай душу, Фатик, отдай сам, либо я отберу ее силой и позабочусь, чтобы *твоя душа* низринулась в Бездны Поглощенных Миров!

— Попробуй отбери.

Он двинулся вперед, легким взмахом рук повергнув на камни Крессинду, Монго и Скареди, отпихнул Имоен небрежным тычком (лесная нимфа отлетела к стене, звучно

стукнулась). Я сознавал — если захочет, он может их всех... разорвать. Но он не хотел. Ему нужен был я.

— Увы, Фатик, я отберу и, возможно, убью тебя. Ибо на тебе пересеклось слишком много серьезных линий... Битва за Первичный мир сейчас завершится победой Гритта и *его повелителя*, а ты будешь вечно страдать в Бездне, куда я тебя отправлю... Колоть меня мечами и иным оружием бесполезно. Разве что оглушить ненадолго... Я — почти неубиваем, и прямо сейчас мой господин наполняет меня новыми силами, чтобы я достойно выполнил свое предназначение... С каждым мгновением моя мощь растет... Ах да, чтобы ты прочувствовал ужас момента, я скажу тебе кое-что еще. О наследнике Гордфаэлей. Тебя обманывали всю дорогу. Ты — сын...

Бамс!

Сковородка Самантия приложилась к плешивой голове клирика.

Бамс!

Бамс!

Бамс!

Звонящие звуки ударов раскатывались по галерее. Мне показалось, что с каждым соприкосновением сковороды голова Альбо плющится. Он замер с раскинутыми руками и повалился вниз лицом. На восьмом примерно ударе.

— Фатик! — вскричал Самантий. — Ты мне когда-нибудь все объяснишь!

Если только раньше не сойду с ума...

Наверху галереи раздался странный дребезжащий шум. Гродар?

— Следи за ним, Самантий!

Надтреснутый шум с того конца галереи приближался, стремительно нарастал, превращался в громкий и страшный звон.

— Олник, сюда!

— Эркеши...

Кто-то мчится сюда, звякая доспехами...

Подскакивая, мне под ноги вылетела большая медная кастрюля. Я остановил ее, наступив ботинком. Ох... тут и так не знаешь, кричать или плакать, а еще...

Из темноты арки неслышно выдвинулась громадная фигура. Отсвет факела, который держал принц, заиграл на

равнодушной серебряной личине и тяжелых доспехах, словно облитых маслом. Тень выдвинулась на свет, и я понял — это не масло. Доспехи Гродара из Внутреннего Круга Адвариса забрызганы кровью. Чужой кровью. В руках два клинка — тяжелых и коротких, с хищно загнутыми остриями, тоже... блестящих.

Гродар обратил на меня свою личину с прорезями для глаз, носа и узкой и ровной — чуть заметной — щелью там, где полагалось быть его полудемонскому рту. Нас разделяло меньше четырех ярдов. Могучая белая шевелюра походила на гриву льва-альбиноса. Льва, который только что пожрал примерно десяток антилоп.

— Вот ты где... — сказал Гродар простым и смертельно усталым голосом. — Долго... искали. Здравствуй, наследник Гордфаэлей.

Я бросил ему под ноги левый клинок Гхашш. А правый сунул за спину, в держатель на перевязи. Жалко, что ближайший тлеющий светильник — за спиной Гродара. Я бы снова рискнул провернуть тот фокус, что позволил мне одолеть Фрея в доходном доме Элидора.

— Ну, в общем, ты ошибаешься. Наследник не я... Но я сдаюсь тебе на милость.

Вся его фигура вдруг выразила удивление. Он думал, я буду трепыхаться.

Он возвышался надо мной, как живая гора. Огромная мощная тварь, налитая неземной, заемной силой. Если сейчас пожелает еще и Борк — мне конец.

— Ты — Фатик Мегарон Джарси, найденыш и воспитанник Трампа Грейхоуна, последний, в ком течет кровь Гордфаэлей.

Оп-па...

— Твои сведения не верны. Наследник со мной, и зовут его Монго Крейвен, и я готов отдать его тебе...

Серебряный лик с прорезями качнулся, мечи с хищно загнутыми кончиками дрогнули. Это чудовище могло уничтожить меня с пары ударов просто весом, мощью напора, силой десяти взрослых мужчин.

— Ты — наследник. Ты — Фатик Мегарон Джарси. Ты можешь умереть или выпить транкас. Выбирай. Фляга у меня на боку.

Транкас. Душеловка. Эльфийская погибель. Алхимическое варево Вортигена, которое стирает личность (а кое-кто утверждает, что и душу) и превращает разумное существо — в зомби.

Приглушенно заскулил Тулвар. Крессинда выбранилась.

— Станешь куклой. Будешь повиноваться. Мой повелитель провезет тебя по городам Фаленора... Альянс падет.

— Хочу... — прошептал я... — Куклой... Только не убивай... Нет... Выпью... молю... Готов... Вот мои безоружные руки...

Я шагнул вперед, под самые клинки. Шагнул — и без дальнейших рассусоливаний бросил в его бесстрастный лик ужасное оружие Самантия — мешочки, набитые «огненной смесью» гномов. *Раз, два, три!*

Они раскрылись в полете, ибо горловина каждого была едва прихвачена нитью, и окружили голову Гродара мерцающей в свете факелов пылью. Всякий человек — и даже полудемон — от внезапной перемены обстановки делает невольный вдох. Гродар не был исключением. Он вдохнул, втянул смесь перцев и жгучих трав всей грудью... И взвыл. Согнулся. Закашлялся.

Я выхватил клинок Гхашш и обрушил ему на загривок. С воплем. С диким яростным воплем варваров Джарси. Вложил в удар все свои таланты и доблести, так сказать.

Под клинком хрустнуло. Еще удар. Меч Гхашш — загадочное оружие оргов Митризена, глубоко врубился в позвоночник смертоносца. Еще удар! Маска брякнула о камни. Гродар упал на колени. Затем тяжело повалился на бок. Багряный свет факела заиграл на красновато-серой коже лица, а вернее — морды с гротескно вытянутым раздвоенным подбородком, вздутыми скулами и глазами, едва заметными под тяжелыми наплывами бровных дуг. Морда оскалилась в предсмертной гримасе... Безгубый рот растянулся, блеснул частокол зубов... Я отскочил — тварь попыталась достать меня клинками. Гродар захрипел, забулькал, начал подниматься... Голова на частично перерубленной шее странно покачивалась, кровь из раны хлестала, как из бочки с выбитой затычкой, белая львиная грива стала багряной.

Он сделал шаг ко мне, но вдруг, выронив клинки, простер руку вбок, в сторону арки, и щелкнул пальцами.

И упал — привалился к стене и медленно сполз на пол. Его начало корчить, выгибать в чудовищных судорогах. Голова мотылялась на могучих плечах, как былинка. Он пытался выть — но рот к тому времени наполнился кровью, и получалось лишь чудовищное бульканье — аккомпанемент предсмертного танца, агонии его демонской сущности, которая покидала тело.

Смертоносцы умирают страшно...

И вдруг он застыл. Голова упала на плечо. Глаза с красными белками подернулись пленкой. Взгляд был направлен на меня.

Ну вот, никаких долгих разговоров и еще более длительных схваток с беготней друг за другом. Пришел — обманул — убил. И правильно сделал. Мы, варвары, жестокие ребята.

И тут я заметил, что из проема арки выбивается розоватое сияние. Чуть заметное гало, охватившее проем, означало, что где-то в глубине арки...

Вартекс!

Гродар держал на спуске заклятие призыва и спустил его перед смертью!

— Фатик, он вот-вот очнется!

Кричал Самантий.

Гритт, Фатик, ты попал! Что сделать с Альбо? Он малоуязвим для нашего оружия и силен, как бес, и его мощь увеличивается с каждой секундой. Скоро сковородка Самантия не сможет его оглушить. Связывать — бесполезно. Пропасть, куда бы мы могли его столкнуть, аки шаграутта, здесь нет. Я мог бы сбросить его в провал Оракула, но туда еще надо добраться, а впереди — неизвестное существо, призванное Гродаром. Пока мы будем разбираться с чудовищем, Альбо нападет со спины, отберет мой пояс, а мне открутит голову, как цыпленку... Можно ли сравить его с тем, что сейчас явится по наши души из вартекса? А кто сказал, что Альбо вступит с ним в схватку? Он может отойти и предоставить чудовищу нас уничтожить — всех, кроме, скажем, меня. Или меня — тоже. Главное — чтобы пояс с Богом-в-Себе уцелел.

Как уничтожить неуничтожимого?

Из арки донеслось странное бормотание, глухое, старческое. Пока далекое.

Квинтариминиэль вскинул к потолку факел:

— Чорон!

Чорон, вот как? Не шаграутт, не чирвалы? Великая Торба! Я поймал взглядом Виджи. Она смотрела на меня взглядом маленькой девочки.

Месяц жизни...

Бормотание надвинулось и сменилось хныканьем. Я затравленно озирался. Увидел Гродара. На его боку покоилась облитая кровью фляжка... Транкас, уничтожающий разум. Душеловка. Эльфийская погибель. Алхимическое варево, раз и навсегда стирающее личность.

Вот оно!

— Назад, Виджи, принц, отступаем наружу!

Я сорвал флягу с пояса Гродара и огромными прыжками помчался к Альбо. Пророк Гритта ворочался, намеревался встать. Я схватил его за ворот и перевернул на спину, подставил под толстую шею колено. Вытащил пробку и влил в глотку бывшего клирика содержимое фляги. Вот так. В этот раз Гритт не восстановит его разум. Там попросту нечего будет восстанавливать.

Виджи...

Хныканье сменилось детским плачем. По галерее разнеслись слова принца. Он что-то выпалил на эльфийском.

...ну почему ты не сказала...

Альбо захрипел, распахнул выпуклые глаза. Пальцы пророка сомкнулись вокруг моего запястья и сжали его. Я охнул и выпустил фляжку... Боги, сколько мощи было в его руке!

...что я и есть наследник Гордфаэелей...

— Фа-а-а-а-а... — захрипел он мое имя. А затем — будто нетопырь провел крылом по его лицу. Я не знаю, как вернее описать происшедшую метаморфозу. Лицо побледнело и вытянулось. Застыло. Пальцы разжались, тело обмякло. Передо мной лежала пустая *человеческая* кукла.

...с самого начала?

Страшно закричала Виджи.

Пока я возился с Альбо, чорон успел выбраться из арки. В полумраке я видел, что его туловище опирается на несколько тонких паучьих лап. Голова на узких оплывших плечах напоминала вытянутую кверху каплю. Верхние конечнос-

ти походили на лапы богомола. На одной из них, трехсуставчатой, кончавшейся острым хитиновым клинком, корчился принц.

Я не знаю, почему он промедлил и не ударился в бегство. Возможно, решил встретить свой рок. Возможно — просто замешкался.

Эльф с непроизносимым именем сучил ногами в воздухе. Чорон приподнял его, приблизил к голове, издавая громкое старческое бормотание... затем стряхнул на камни. Виджи снова закричала. Она была футах в десяти от чудовища.

— Назад, Виджи, назад!

Но она не слышала. Она выкинула вперед руку с воплем, от которого по моим жилам потек огонь.

Она не бросит отца, умрет рядом с ним. А мне... пожалуй, придется сделать то же. Или — я успею схватить ее и вынести наружу?

Чорон покачнулся и издал обиженное хныканье. Кажется, Виджи ударила его заклятием воздушного кулака.

Я бросился к Виджи, отпихнув визжащего Тулвара, перепрыгнул Имоен, которая пыталась встать. Где-то сбоку мелькнула Крессинда. Скареди, Монго все еще не могли подняться, оглушенные ударами Альбо. Праведники мои праведники, зачем вам понадобилась дурацкая клятва, почему бы вам было не сказать мне правду с самого начала?

Чорон покачивал головой, приходя в себя. Вдруг руки-мечи распрямились с сухими щелчками. Хитиновые клинки пронзили воздух в дюйме от головы Виджи. Моя эльфийка успела присесть, затем — совсем не героически, упала на собственный зад и выпустила меч. Но я уже был рядом. Клинок Гхашш отвел удар хитинового пробойника. Мгновением позже в грудь чорона с шумом ударил молот Крессинды. Тварь отшатнулась и плаксиво захныкала.

О боги! Кажется, маги Агмарта перестарались... Женский торс, усеянный странными каплевидными наростами, переходил в загнутое сегментированное паучье тулово. А голова... Да, скорее всего, это когда-то был человек, не эльф — уши круглые, плотно сросшиеся с плотью... Рот — впалый, морщинистый, вот откуда несется стариковское бормотание и хныканье. Лысый, покрытый вздутыми венами череп.

А вместо глаз — два пульсирующих наплыва серой плоти... слепые, но в то же время — способные видеть. *По-своему* видеть.

Женщина... Великая Торба, я не могу...

Крессинда выбранилась и подскочила к Виджи, помогала встать. Пальцы *моей* эльфийки быстро вязали заклятие.

Чорон встряхнулся, лапы с вкрадчивым шелестом передвинули вислое тулово. Перешагнули принца. Тот был еще жив, слабо шевелился на полу. Факел, что он выпустил, горел у стены.

Виджи не уйдет, не бросит отца. Значит, нам всем — конец.

Хитиновый меч выстрелил в моем направлении. Я попытался отвести удар — и отвел, вот только клинок Гхашш выскользнул из пальцев. Мощь чорона была впечатляющей — я будто подставил тростинку под удар падающего дерева.

По галерее сверху вдруг разнеслось дробное «бум-бум-бум!». Кто-то мчался к месту схватки, кто-то, огромный как тролль. Охотник Борк?

Олник с криком метнул в морду чорона свою колотушку. Тварь замешкалась. Тут вступила Виджи — новый воздушный кулак ударил между восковых грудей чорона, и по мерзкой плоти во все стороны от места удара прокатилась заметная глазу рябь. Виджи осела на камни. Два заклятия... она потеряла сознание. Недолго думая, я обхватил эльфийку поперек туловища (месяц жизни? Ну нет, я тебя выгашу, выцарапаю, и ты проживешь со мной рядом до самой мать ее старости!), с намерением бежать, драпать, утекать. Тварь шарахнулась вбок, сбила с ног Крессинду, придавила лапой Олника и заслонила нам путь. Хитиновый меч ударил в стену рядом с моим плечом. Другая рука нацелилась на мое горло...

Бум-бум-бум!

Из полумрака выметнулась человеческая фигура.

— Н-на!

Удар топора-лабриса в прыжке — страшная вещь, уж поверьте. Лезвие развалило башку чорона пополам. Тварь рухнула бесформенной грудой, придавив Олника и Крессинду. Рухнула — и открыла моему взгляду сводного брата, Шатци Мегарона Джарси. Он высвободил из тела чорона

пропитый мною топор — а это был он, я бы узнал его из тысяч — и сказал:

— Фатик, Великая Торба! Долго же я тебя ждал!

1. Использована идея, высказанная Артуром Кларком (прим. автора, не Фатика).

Эпилог (который станет прологом)

Мой сводный брат начал с того, что сграбастал меня в объятия и сжал до хруста. Потом отстранил,дохнул в лицо парами чеснока, пнул останки чорона и прогремел:

— Фатик, болван эдакий, ты все-таки явился! Я знал, что так будет! Хе-хе-хе, хе, хо!

— Шатци?

— Ну, братец, и разворошил ты улей! Ты себе представить не можешь, что тут творится! Хы-хы, хе, го! Тут, в горе, всякой дряни набилось плотненько, аж дышать тяжело. И все хотят тебя! Эх, Фатик, я бы уже *давно сбежал*, если б не ты! Сейчас я тебе все коротенько поясню...

— Погоди, Шатци.

Я уложил Виджи на камни. Помог выбраться Олнику и Крессинде. К счастью, падение туши чорона не причинило им вреда (к сожалению — и памяти Олнику не вернуло). Затем осмотрел принца. В его груди зияла окровавленная дыра, и как он до сих пор не испустил дух — я не знаю. В любом случае ему оставалось немного. Я напихал тряпок в рану, и это все, что я мог пока сделать. Пока? Нет. Это все, что я мог сделать *вообще*. Альбо не солгал насчет проклятия.

— Так вот, Фатик. Хе-хе...

Я присел рядом с Виджи, отбросил прядь волос с ее лица. Она спала. Я коснулся ее щеки... провел пальцами вниз, к подбородку. У тебя самый милый и красивый нос на свете... и чудесные мягкие губы...

— Не надо пояснять. Я все знаю. Я — наследник, будущий Император... Меня обманывали всю дорогу — вот только не пойму я, с какой целью. Сказали бы сразу — я бы пошел...

Шатци гыгыкнул.

— Да черта с два, Фатик. Слушай. Пока еще есть время объяснять... Нас обоих тягали как слепых котят. Короче, так. Меня завели в зал, один из эльфов сиганул в провал. И явилось из провала облако — синюшное, как морда одного моего знакомого пропойцы. И задали они ему вопрос: «Да или нет». И знаешь, какой был ответ?

— Гритт его маму... Какой?

— Ответ был «да».

Я вздрогнул.

— Ага, Фатик. А вот потом я взял остальных из отряда в оборот, и они рассказали мне правду. Никакой ты не наследник. Взаправдашний наследник — это я! Прямой его величества Травельяна Гордфаэля наследничек. Он сделал меня одной дворянке — между делом, ну а потом был переворот и все прочее, меня разыскали на развалинах... Дедушка воспитал... А ты...

Мои губы едва шевелились:

— А я...

Шатци прислушался к чему-то, кивнул.

— Альянс, когда проведал, что Вортигену все известно про наследника, обставил дело так, что в путь отправились два отряда. Один со мной — а другой с тобой. Ты — и они — вот эти все... — Он повел рукой, указывая на моих праведников, которые стояли и слушали наш разговор. — Они все — расходные пешки с тобой во главе. Они отвлекали внимание смертоносцев на себя и не надеялись на благополучный исход, они... как это... *патриоты*! А мой отряд тихонько топал себе к Оракулу, пока смертоносцы за тобой гонялись. Но я же знал, что ты — справишься. Ты не мог не справиться, Фатик! Ты без мыла в задницу к дракону влезешь, если надо будет, и через глотку выберешься. И когда я вытряс из них правду — просто стал дожидаться тебя здесь!

Пешка... Перед моими глазами поплыли цветные круги.

— И знаешь, что я тебе еще скажу, Фатик? Ты — настоящий сын Трампа Грейхоуна.

— Де... дедушки? Женоненавистника?

— Да не был он дедушкой, когда тебя зачал. И любил он кого надо... Хе-хе, хе, го! Я все узнал от Талиэля... У эльфов

с дедушкой Трампом налажены плотные связи... Эта женщина, твоя истинная мать, она из тех, кто жил под горами... Дедуля никому не рассказывал о своей связи — глава клановых старейшин как-никак, гы-гы, *стыдно*. После, как его любовь прикончили люди Вортигена, он так зачерствел... Значитца, вот так, Фатик. Я — наследник правящего дома Гордфаэлей, и мне предстоит возглавить Альянс. И знаешь, что я тебе скажу, дорогой мой братец? Мне этого совершенно не хочется. Я скажу тебе больше — сидит их тухлый Альянс у меня в печенках! Но слушай дальше. Тут, в горе, змеиный клубок, и мы в самой его середине! Тут схлестнулись смертоносцы, маги Талестры со своими кверлингами и монахи. Ну и мы... сбоку припека. Магам от тебя нужна некая *штука*, их предводитель, Кварус Фальтедро, ждет тебя с распростертыми... Смертоносцы уверены, что ты наследник. А еще тут бродит эта гнусь, Митризен со своими органами — эльфы зовут его Зодчим, что Сеет Пагубу... Ай, долго объяснять! И у тебя в отряде — магов шпион! А сейчас скажу тебе главное, слушай...

Настоящий эпилог

Я стою перед дверью в зал Оракула. Моей женщине осталось жить месяц. Моему миру — меньше года. А все еще пешка в чужой игре. Был пешкой, и ею остался. Но, Гритт подери, я приложу все усилия, чтобы стать ферзем!

Дверь. Оракул. Час истины. Моя судьба.

Сейчас я открою дверь и войду.

Конец второй книги

Литературно-художественное издание

16+

Евгений
ШЕПЕЛЬСКИЙ

Эльфы, топор и всё остальное

Ответственный редактор *А. Сидорович*

Корректор *О. Смушко*

Верстка *В. Смолянинова*

Подписано в печать 11.11.2013 г.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура Петербургская.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 18,9

Тираж 4040 экз. Заказ № 4386165.

E-mail: fankon@yandex.ru

www.lenizdat.org

Издательский дом «Ленинград»

191025, Санкт-Петербург, ул. Колокольная,

д. 8 лит. А, пом. 8-Н

Тел.: (812) 714-47-36, факс: (812) 571-26-25

Отпечатано с готовых файлов заказчика в филиале
«Нижполиграф», ОАО «Первая Образцовая типография»
603950, г. Нижний Новгород, ГСП-123, ул. Варварская, д. 32

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Я шагнул вперед, распустив губы в плаксивой гримасе:

— Помилуйте нас, умоляю!

Они купились и молча перешли в атаку, как видно, надеясь разделиться с нами в мгновение ока (большого, слоновьего).

Мимо меня просвистел каменный снаряд. Он с хрустом угодила в лоб кверлингу справа и опрокинул его на спину. Миг замешательства позволил мне прыгнуть вперед и достать одного из братьев в плечо. Вторым ударом я намеревался развалить ему череп, но кверлинг успел откатнуться, и лезвие меча Гхашш пропахало борозды поперек его татуированной рожи. Затем мне стало не до ухарства: на меня и Олника напали трое, а четвертый — по стеночке — начал подбираться к моей супруге. Убить безоружного для них — такая же доблесть, как и победить врага.

— Эркешш махандарр!

— Великая... х-х-ха!

Бам! Звяк! Тресь!

Ленинград
издательский дом

ISBN 978-5-516-00180-2

9 785516 001802